

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Преп. Иустин (Попович)

Догматика православной Церкви Экклесиология

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

A-3
И-94

ПРЕПОДОБНЫЙ
ИУСТИН (ПОПОВИЧ)

ДОГМАТИКА
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ
ЭККЛЕСИОЛОГИЯ

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
2005

УДК 260.1
ББК 86–372
И 94

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Перевод с сербского *М.Н. Яценко*
под редакцией канд. филол. наук *Е.И. Якушкиной*

Общая научная редакция канд. ист. наук *А.Г. Дунаева*

И 94 **Преподобный Иустин (Попович).** Догматика Православной Церкви: Экклесиология. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. — 288 с.
ISBN 5–94625–125–2

Впервые издается на русском языке работа архим. Иустина (Поповича), входящая в третий том «Догматики Православной Церкви» и излагающая православное учение о Церкви, ее природе и свойствах, о жизни и спасении в ней. По сравнению с «классическими» православными догматическими курсами автор не столько перечисляет догматы, сколько являет их непосредственную и руководящую роль в жизни христианина. Книга, ориентированная на современного читателя, принесет несомненную духовную пользу людям, ищущим твердой опоры в быстро меняющемся мире.

При подготовке издания цитаты сверены (по переводам или подлинникам) с первоисточниками, проведена необходимая редакторская и унификационная работа.

© Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. Все права защищены. Любая перепечатка и тиражирование, включая электронные носители информации, без письменного разрешения владельца авторских прав будет преследоваться по закону.

ISBN 5–94625–125–2

ОТ РЕДАКЦИИ

Раздел о Церкви («Экклесиология: учение о Церкви») входит в третий том «Догматики Православной Церкви (Православной философии истины)» прп. Иустина (Поповича) прежде всего как самостоятельная часть («Церковь — всетайна Христова»), но одновременно (судя по шмуцтитулу оригинального издания) это название является как бы и общим подзаголовком для всего третьего тома. В самом деле, тема Церкви, созидаемой между двумя пришествиями Господа и затем переходящей в вечность, является ключевой для последнего тома «Догматики», изданного прп. Иустином спустя более пятидесяти лет после выхода первых двух книг. Пожалуй, именно третий том наиболее оригинален по сравнению с первыми двумя книгами «Догматики». Это произведение зрелого автора, накопившего большой духовный и жизненный опыт, много лет читавшего в подлинниках и переведившего на сербский язык святоотеческие творения и жития святых; автора, для которого догматика была не отвлеченным сводом истин, но руководством к жизни и житию; автора, который, живя по святоотеческим заповедям и всецело проникнувшись сочинениями отцов и учителей Церкви, и сам стал святым, и читателей призывает к святости, стать подлинными членами Церкви — Тела Христова.

Издаваемый впервые русский перевод выполнен по изданию: Догматика Православне Цркве. (Православна философија истине.) Књига трећа / од Архимандрита Др. Јустина Поповића, професора Универзитета. Београд: Издање Манастира Св. Ђелије код Ваљева, 1978. (С благословом Н.П. Епископа Шабачковаљевског г. Јована.) С. 7–268. Принципы подготовки текста изложены в редакционной предисловии к разделу об эсхатологии из того же третьего тома «Догматики», выпускаемому в свет отдельной книгой параллельно с настоящим изданием. Публикация на русском языке третьего тома «Догматики» завершится в скором времени изданием раздела о пневматологии (действии Святого Духа в Церкви).

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

ЦЕРКОВЬ — ВСЕТАЙНА ХРИСТОВА

БЛАГОВЕСТИЕ О ЦЕРКВИ И ЖИЗНИ В НЕЙ

Величайшее, что Бог мог дать человеку, Он дал, став человеком и навеки оставшись Богочеловеком во всех мирах, видимых и невидимых. Крошечное человеческое существо вместило всецелого Бога, невместимого и повсюду безграничного. Поэтому Богочеловек Христос — самое загадочное существо во всех человеческих мирах. Святой [Иоанн] Дамаскин прав и на земле, и на небе, и во времени, и в вечности, когда утверждает, что Богочеловек Христос — «Единственно *новое под солнцем*» (Еккл. 1, 10)¹. Я бы добавил: всегда новое, не стареющее ни во времени, ни в вечности. Но в Богочеловеке и с Богочеловеком и сам человек стал существом новым под солнцем, существом Божественно важным, Божественно драгоценным, Божественно вечным, Божественно сложным. Тайна Бога нераздельно соединилась с тайной человека и стала двуединой тайной, всетайной всех миров. И так появилась Церковь: Богочеловек — это Церковь. Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, Ипостась Бога Слова, став человеком и тем самым — Богочеловеком, осталась в нашем земном мире и во всех мирах как Богочеловек, или Церковь. Вочеловечением Бога Слова человек как особое боголикое существо возвеличен Божественным величием, ибо Вторая Ипостась Пресвятой Троицы стала его главою, вечной главою Богочеловеческого тела Церкви. Бог Отец Духом Святым *даде* Господа Христа — Богочеловека — *главу выше всех Церкви, яже есть Тело Его, исполнение Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 22–23).

*едино ново
под солнцем*

Богочеловек —
Церковь

С Богочеловеком Господом Христом как со своею главою Церковь стала самым совершенным, самым дорогим и самым важным существом во всех мирах. Все Богочеловеческое стало ее [собственностью],

Глава Церкви

¹[Ио. Дамаск.] De Fide III, 1 [Точное изложение III, 1; с. 235] // PG 94, 984.

все Божественные силы Его стали ее силами, и все воскрешающие, и все преображающие, и все обоживающие, и все обогочеловечивающие, и все охристовляющие, и все отроичивающие, и все охристолитивающие силы Его навеки стали ее силами. Важнее же важнейшего, чудеснее чудеснейшего и поразительнее поразительнейшего то, что и сама Ипостась Бога Слова по Своему неизмеримому человеколюбию стала Вечною Ипостасью Церкви. Нет богатства Божиего, нет славы Божией, нет добра Божиего, которое бы не стало, благодаря чудесному Богочеловеку, навеки нашим, навеки человеческим.

вечная ипостась
Церкви

неизмеримому человеколюбию стала Вечною Ипостасью Церкви. Нет богатства Божиего, нет славы Божией, нет добра Божиего, кото-

Все неизмеримое величие могущества Своего, богатство человеколюбия Своего и всеисилие мощи Своей Бог в особенности показал воскресением Христа из мертвых, вознесением Его на небо превыше херувим и серафим и всех небесных сил бесплотных, основанием Церкви как тела Его, тела, которому Он, Воскресший, Вознесенный и Вечноживой Богочеловек, — глава. Это безграничное чудо, это воистину Божественнейшее всечудо Бог *соделя о Христе, воскресив Его от мертвых и посадив одесную Себе на небесных, превыше всякаго Началства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякаго имене, именуемаго не точию в веще сем, но и во грядущем, и вся покори под нозы Его, и того даде главу выше всех* (ὕψερ πάντα) Церкви, *яже есть Тело Его, исполнение Исполняющаго всяческая во всех* (τὸ πλήρωμα τοῦ τὰ πάντα ἐν πᾶσιν πληρουμένου) (Еф. 1, 20–23).

Так в воскресшем и вознесенном Богочеловеке осуществлен предвечный план Трисвятого Божества: *возглавити всяческая о Христе* (ἀνακεφαλαιώσασθαι τὰ πάντα ἐν τῷ Χριστῷ), *яже на небесех и яже на земли* (Еф. 1, 10); осуществлен в Богочеловеческом теле — Церкви. Церковью, Богочеловеческим телом Своим,

Церковь — Богочеловеческое тело

Господь соединил в единый вечноживой организм все ангельские существа, людей и всю богозданную тварь. Таким образом,

Церковь — *исполнение Исполняющаго всяческая во всех* (Еф. 1, 23), то есть [исполнение] Христа Богочеловека, Который как Бог исполняет *всяческая во всех*, а как человек и Вечный Архиерей дает возможность нам, людям, жить этой полнотою в Церкви с помощью

святых таинств и святых добродетелей. Это воистину полнота всего Божественного, всего вечного, всего боголикого, всего богозданного. Ведь Церковь — это полнота Божественной Истины, Божественной Правды, Божественной Любви, Божественной Жизни, Божественной Вечности, полнота всех Божественных совершенств и в то же время полнота всех человеческих совершенств, ибо Господь Христос — Богочеловек, двуединая полнота Божиего и человеческого. Это полное Богочеловеческое всеединство обессмерчено и увековечено

Церковь — полнота всего Божественного и всего человеческого

тем, что глава ему — Сам Вечный Богочеловек, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы. Полнота Богочеловеческого тела Церкви живет бессмертными и животворными логосными силами воплощенного Бога Слова. Это ощущают все истинные члены Церкви, а более всех — святые и ангелы. Эта полнота Богочеловеческих совершенств Христовых и есть *достояние святых и упование* нашего христианского звания (Еф. 1, 18). Церковь — это не только цель и смысл всех существ и вещей (от ангелов до атомов), но и их единственная всецель и единственный всемысл. В ней Бог нас действительно *благословил всяцем благословением духовным* (Еф. 1, 3); в ней дал нам все средства жить свято и непорочно пред

Церковь — всецель и всемысл

Богом (ср. Еф. 1, 4); в ней Он нас усыновляет через Сына Своего Единородного (ср. Еф. 1, 5–8); в ней Он нам открыл вечную тайну воли Своей (ср. Еф. 1, 9); в ней соединил время с вечностью (ср. Еф. 1, 10); в ней сделал возможным вохристовление и охристовление всех существ и тварей, их водуховление и одуховление, их вотроичение и отроичение (ср. Еф. 1, 13–18). Благодаря этому Церковь представляет собою величайшую и священнейшую тайну Божию во всех мирах. В сравнении с остальными тайнами Божиими она является Всетайной. В ней каждая Божия тайна — благовестие и блаженство, в ней всякая из них — рай. Ибо каждая из них преисполнена Сладчайшего. А Сладчайший? Им рай есть рай, и блаженство — блаженство; Им Бог — Бог, и человек — человек;

Церковь — всетайна Божия

Им Истина — Истина, и Правда — Правда; Им Любовь — Любовь, и Доброта — Доброта; Им Жизнь — Жизнь, и Вечность — Вечность.

Став человеком и основав Церковь на Себе, Собою и в Себе, Господь Христос как Богочеловек неизмеримо возвеличил человека. Он Своими Богочеловеческими подвигами не только спас человека от греха, смерти и диавола, но и вознес его превыше всех существ и тварей. Бог Слово стал не Богоангелом, не Богахерувимом, не Богосерафимом, а Богочеловеком. И этим вознес человека превыше всех ангелов и архангелов, превыше всех сверх-

человеческих существ. При этом Господь всетайна человека Церковью все и вся покори под нозе Его (λάντα ὑπέταξεν ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτοῦ) (Еф. 1, 22). Церковью и в Церкви как в Богочеловеческом теле человек возрастает в надангельские, в надхерувимские высоты. Так, путь его восхождения, его усовершенствования длиннее ангельского, херувимского, серафимского. Именно в этом — тайна тайн. Пусть умолкнет всякий язык: это говорит несказанная и неизмеримая любовь Божия, несказанное и неизмеримое человеколюбие воистину Единого Человеколюбца — Господа Иисуса. Здесь начинаются видения и откровения Господня (2 Кор. 12, 1), которые не могут быть выражены никаким языком, не только человеческим, но и ангельским. Здесь все превыше ума, превыше слова, превыше природы, превыше всего тварного. Что же до тайны, то тут — все тайна, все тайна человека во все тайне Богочеловека, Который есть Церковь и при этом тело Церкви и глава Церкви. И во всем этом и через все это — человек, воцерковленный и оцерковленный; человек, вохристовленный и охристовленный; человек, вобогочеловеченный и обогочеловеченный; человек, втроиченный и отроиченный; человек — сотелесник Богочеловеческого тела Христова (Церкви), священнейшей и дражайшей тайны Божией, тайны над тайнами, всесвятой всетайны. Церковь — это Богочеловек, продолженный

Церковь — Богочеловек, продолженный во все века

во все века и во всю вечность. Но ведь с человеком и за человеком и вся богозданная тварь — все, что на небе и на земле было создано Богом Словом, все это входит в

Церковь как тело ее, которому глава Господь Христос. Но глава — глава телу, и тело — тело главе: они неотделимы друг от друга, они составляют взаимную полноту, полноту *Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23). Становясь, благодаря святому Крещению,

членом Церкви, всякий христианин становится составной, органической частью полноты *Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23) и сам исполняется этою полнотою Божиею (ср. Еф. 3, 19) и таким образом достигает всесовершенной полноты своего человеческого существа, своей человеческой личности. По мере своей веры и своей благодатной жизни в Церкви всякий христианин достигает этой полноты через святые таинства и святые добродетели. Это относится ко всем христианам всех времен. Все исполнены полнотою *Исполняющего всяческая во всех*: всё и всяческая в нас, людях, всё в ангелах, всё в звездах, всё в птицах, всё в растениях, всё в минералах, всё во всей богозданной твари. Таким образом, мы, люди, и породнились, Божественно породнились со всеми богозданными существами и тварями. Ибо там, где Его Божество, там и Его человечество, там все верные всех времен и всякого бытия: и ангелы, и люди. Так мы, люди, и исполняем *всяким исполнением Божества* (Кол. 2, 9). Богочеловеческая полнота — это Церковь: Богочеловек — ее глава, она же — Его тело, а мы всегда во всем своем бытии находимся в полной зависимости от Него, как тело от главы. Из Него, из бессмертного главы Церкви, по всему ее телу струятся животворные благодатные силы, оживляющие нас бессмертием и вечностью. Все Богочеловеческие чувства Церкви суть от Него, и в Нем, и Им. В Церкви все святые таинства и святые добродетели, которыми мы очищаемся, перерождаемся, преображаемся, освящаемся, охристовляемся, обогочеловечиваемся, обоживаемся, отроичиваемся, спасаемся, бывают от Отца через Сына в Духе Святом, благодаря Ипостасному единству Бога Слова с нашей человеческой природой в чудесной Личности Богочеловека Господа Иисуса.

Богочеловеческая полнота — Церковь

«Видишь ли, — спрашивает святой Златоуст, — что Он совершил? Воскресил Христа; и это уже немаловажное дело, но смотри, что и еще (Он сделал): посадил Его одесную Себя. Какое слово может изобразить это? Сущего от земли, того, кто был безгласнее рыб, кто был игрушкой (подвергался искушениям) демонов, — вдруг возвел на высоту. Поистине преизобильно величие силы Его!

св. Златоуст:
человек выше
Горних Сил

И смотри, куда Он возвел Его. Посадил Его *на небесных* преемстве всякого начальства и власти. *Превыше*, говорит, *всякаго Началства*. Потому, поистине, нужен Дух (благодати), нужен ум просвещенный, чтобы познать Его, — словом, для этого нужно откровение. Представь, как велико расстояние между человеческой и Божественной природой; между тем Он от этого (человеческого) ничтожества возвел Его в ту (Божественную) честь. Не одну, не две, не три степени нужно прейти для этого. Потому-то и (апостол) не просто сказал: выше (ἄνω), но — превыше (ὑπεράνω). Превыше Вышних Сил — один Бог. И туда-то Он возвел сущего от нас, — от крайнего уничтожения Он возвел на крайнюю степень власти, за которою уже нет другого (высшего) достоинства. *Всякаго Началства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякаго имене именуемаго*; что бы ни было на небе, Он сделался превыше всего. Все это (говорит апостол) о Воскресшем из мертвых, и все это достойно удивления, а никак не о Боге Слове. Ведь, что комары в сравнении с человеком, то вся тварь в сравнении с Богом. И что я говорю: комары? Если все люди пред Богом не более, как капля и как пылинка на весовой чашке (Ис. 40, 15), то с комарами (в этом случае) можешь сравнивать невидимые силы. Итак, не о Боге Слове говорил так (апостол), а о Том, Кто от нас (περὶ τοῦ ἐξ ἡμῶν). Это подлинно велико и чудно, что Он из преисподних земли возвел Его. Если все народы пред Богом, как капля, то один человек — лишь малейшая частичка капли. И между тем Бог соделал Его выше всех *не точно в вещи сем, но и в грядущем... и вся покори под нозе Его...* О, подлинно дивные дела! Чрез то, что Бог Слово вселился (в наше естество), человеку вся сотворенная сила сделалась рабынею. Но, может быть, есть кто-нибудь выше (Его), у кого хотя нет подчиненных, но кто обладает бóльшим достоинством? Здесь и это неприложимо: *вся покори под нозе Его*, не просто покори, но покори до совершенного подчинения, так что большего подчинения быть не может. Потому-то (апостол) и сказал: *под нозе Его. И Того даде главу выше всех Церкви*. О, и Церковь куда Он возвел! Как бы некоторою машиною поднявши ее, Он возвел ее на высоту великую и посадил ее на том же престоле, потому что где глава, там и тело, нет никакого перерыва между главой и телом,

и если бы (связь между ними) прерывалась, то не было бы ни тела, ни главы. *Выше всех* (ὑπὲρ πάντων), говорит. Что значит — *выше всех*. Или — что Христос выше всего видимого и созерцаемого умом, или — что высшее из всех благодеяний, оказанных Им, то, что Сына Своего соделал главою, не оставив при этом никого выше — ни ангела, ни архангела, ни другого кого-нибудь. Не одним только тем (преимуществом Бог) почтил нас, что сущего от нас возвел горé, но еще и тем, что предуготовал то, чтобы весь вообще человеческий род последовал за Ним, имел то же, что Он, и наследовал Его (славу). *Яже есть тело Его*. Чтобы ты, услышав слово „главу“, не принял его в значении только власти, но в смысле собственном, не счел Его только начальником, но видел в Нем как бы телесную (действительную) главу, (апостол) прибавляет: *исполнение Исполняющего всяческая во всех...* И что говорить? Церковь есть исполнение Христа, точно так же, как голову дополняет тело и тело дополняется головою. Видишь, каким оружием пользуется апостол, как он не оставивается ни пред каким оборотом речи, чтобы представить Божию славу. *Исполнение*, говорит, то есть, как глава пополняется телом, потому что тело составляется из всех (своих) членов, и каждый член необходим для другого. Видишь, как (апостол) представляет, что (для Христа, как главы) нужны все вообще члены, потому что если бы многие из нас не были — один рукой, другой ногой, третий иным каким-либо членом, то тело Его было бы не полно. Итак, тело Его составляется из всех (членов). И значит: тогда только исполнится глава, тогда устроится совершенное тело, когда мы все вместе будем соединены и скреплены самым прочным образом»¹.

Церковь — полнота
Христа

«Видишь ли *богастство славы достояния?* — благовествует далее Златоустый благовестник. — Видишь ли *преспяющее величество силы верующих?* Видишь ли *упование званья?* Почтим же нашу главу; подумаем о том, какой главы мы тело, — которой все покороено. Сообразно с этим образцом мы должны быть лучше самих ангелов и выше архангелов, как удостоенные большей чести, нежели все они. *Ни от ангел* Бог принял естество, как

¹[Ио. Злат.] In Ephes. Homil. III, 2 [Бес. III, 2 на Еф.; с. 25–27]// PG 62, 25–26.

говорит (апостол) в Послании к Евреям, но *от семени Авраамова* (Евр. 2, 16). Не власти, ни начала, ни господства, ни другой какой силы, а наше принял Он естество и посадил горé. Что я говорю: посадил? Соделал Своею одеждою, и не это только. Но и все покорил под ноги Его... Почтим же близость родства; убоимся, чтобы не отсекся кто от этого тела, чтобы не ниспал кто и не явился недостойным. Если бы кто-нибудь на нашу голову надел диадему, золотой венец, — скажите, чего бы мы не сделали, чтобы показать себя достойными этих бездушных камней? Здесь же не диадема покрывает нашу голову, а сам Христос сделался нашею главою, что гораздо выше, — а между тем мы не придаем этому никакой цены. Ангелы, Архангелы и все (Небесные) Силы благоговеют пред нашею главою, а мы — тело Ее — уже ли не почтим Ее ни за Ее уничижение, ни за наше возвышение? Какая же после этого останется у нас надежда на спасение?

Напечатлей в уме своем этот царский трон, помни всегда избыточество чести. Это, можно сказать, больше геенны должно устрашать нас. Если бы не было геенны, то для нас, — удостоенных столь великой чести и потом оказавшихся недостойными ее и злыми, — (лишение этой чести) какое было бы наказание, какое мучение? Представь, близ кого восседит твоя глава... одесную кого она находится? Она восседит превыше всякого начальства, и власти, и силы: а тело Ее и бесы попирают? Но да не будет! Если бы было так, то не было бы уже и тела... Но так как у нас зашла речь о теле Господнем, то вот вспомним и то тело, которое было распято, пригвождено, и приносится в жертву. Если ты — тело Христово, то носи крест, потому что Он нес; перенеси оплевания, заушения, прободение гвоздями; таково было Его тело, хотя оно было безгрешно... И так как мы говорим о теле Его, то приобщающиеся тела и пьющие кровь Его — помните, что мы приобщаемся тела нисколько (μηδέν) не различного от того тела, которое восседит горé, которому поклоняются ангелы, которое находится близ нетленной Силы, — это именно (тело) мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он соделал нас Своим телом, дал нам Свое тело, — и все это не отвлекает нас от зла. О, омрачение! О, великое унижение! О, бесстыдство! *Горняя*, сказано, *мудрствуйте, идеже есть Христос, одесную Бога*

седя (Кол. 3, 2); а между тем, одни заботятся о богатстве, другие пленяются страстями»¹.

Ради чего Богочеловек Господь Христос, Второе Лицо Святой Троицы, — все и вся в Церкви: и глава телу Церкви, и Церковь — тело Его? Ради того, чтобы все члены Церкви возрастали *в Него всяческая, Иже есть глава Христос, дондеже достигнем вси в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (εις μέτρον ἡλικίας τοῦ πληρώματος τοῦ Χριστοῦ) (Еф. 4, 15.13). Это значит, что Церковь — Богочеловеческая мастерская, в которой все люди с помощью святых таинств и святых добродетелей обогочеловечиваются, охристовляются, обоживаются, преобразуются в боголюдей по благодати, в богов по благодати. Здесь все бывает Богочеловеком, в Богочеловеке, по Богочеловеку, все — в категории Богочеловеческого и Боговечного. Своей Богочеловеческой Личностью Он охватывает, пронизывает, объемлет все миры, в которых движутся и живут человеческие существа, сходит в самые глубокие места земли, в сам ад, в царство смерти, восходит превыше всех небес, дабы Собою исполнить все (ἵνα πληρώσῃ τὰ πάντα) (Еф. 4, 10).

В Церкви все происходит под предводительством и руководством главы Церкви — Господа Христа. И так растет Богочеловеческое тело, Богочеловек растет! И это чудо непрерывно совершается ради нас, людей, и ради нашего спасения и охристовления. Растет тело Христово — Церковь. Растет со всяким человеком, который становится членом Церкви, составной частью Богочеловеческого тела Христова. Это возрастание всякой человеческой личности в Церкви бывает от главы Церкви — Господа Христа. От Него, через Его святых, христоносных соратников. Всечеловеколюбивый Господь *дал есть овы убо Апостолы, овы же пророки, овы же Благовестники, овы же пастыри и учителя к совершению святых... в созидание Тела Христова* (Еф. 4, 11–12). И из Господа Христа как из главы Церкви все тело Церкви растет гармонично

Церковь —
Богочеловеческая
мастерская

Богочеловек растет

¹[Ио. Злат. Бес. III, 3 на Еф.; с. 27–28] // PG 62, 27.

ЦЕРКОВЬ – ВСЕТАЙНА ХРИСТОВА

составляемо и счиниваемо прилично всяцем осязанием подаяния, по действию в мере единыя коеяждо части (Еф. 4, 16).

В чем же упование нашего христианского звания? — В соединении нашем с Господом Христом, а через Него с тем, что в Нем, в Его Богочеловеческом теле, Церкви. А тело Его — *едино тело* (Еф. 4, 4), тело воплощенного Бога Слова, и дух в этом теле — *един дух* (Еф. 4, 4), Дух Святой. Это Богочеловеческое единство, более совершенное и полное, чем какое бы то ни было иное единство. В земном мире не существует более действительного, более всеохватного и более бессмертного единства, единства человека с Богом, и людьми, и со всеми тварями. Средства же войти в это единство доступны всем и всякому, это святые таинства и святые добродетели. Первое святое таинство — святое Крещение,

а первая святая добродетель — вера. *Единая вера* и нет другой, кроме нее, и *един Господь*, и нет другого, кроме Него, и *едино крещение*

(Еф. 4, 5), и нет другого, кроме него. Только в органическом единстве с Богочеловеческим телом Церкви, только как *стелесник* этого чудесного организма человек доходит до полного ощущения,

сознания и убеждения, что, действительно, *един Господь* — Пресвятая Троица, *единая вера* — вера в Пресвятую Троицу (ср. Еф. 3, 6;

4, 5.13; Иуд. 1, 3), *едино крещение* — крещение во имя Пресвятой Троицы (ср. Мф. 28, 19), и *един Бог и Отец всех, Иже над всеми и чрез всех, и во всех нас* (Еф. 4, 6; ср. Рим. 11, 36; 1 Кор. 8, 6; 12, 6). «*Един над всеми Отец, Который через всех* Словом, Которое из Него, и *во всех* Духом Святым»¹. Ощущать это и жить этим — значит *ходить достойно христианского звания* (Еф. 4, 1; ср. Рим. 12, 2; Кол. 3, 8–17; 1 Сол. 2, 7). Словом, это значит быть христианином.

Только в Богочеловеке Христе человек — *едино тело* и *един дух*. Только в Нем человек осознал себя как *едино тело*, ибо оно не разрушено грехом, и как *един дух*, ибо он не разрушен злом. Отчего это? Оттого, что тело Богочеловека Христа — первое безгрешное человеческое тело, а потому единое и бессмертное. В своей таинственной богочеловечности оно и стало единым

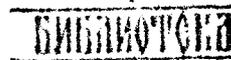
¹Ио. Дамаск. In Ephes. 4, 5–6 [Ephes.] // PG 95, 840 D.

БЛАГОВЕСТИЕ О ЦЕРКВИ И ЖИЗНИ В НЕЙ

телом Церкви. И мы только как члены Церкви Христовой благодатью Духа Святого воспринимаем это единство тела безгрешного, Богочеловеческого, как свое единство, вследствие любви Спасителя к нам и веры нашей в Него.

Только в Господе Христе Богочеловеке человек впервые ощутил себя полностью единым по существу, триединым. И в этом боголиком триединстве обрел и единство своего существа, и бессмертность боголикую, и вечную жизнь, поэтому вечная жизнь — в познании триединого Бога (ср. Ин. 17, 3). Уподобиться Триединому Господу, исполниться *всяким исполнением Божества* (Кол. 2, 9–10; ср. Еф. 3, 19), стать совершенным, как Бог (ср. Мф. 5, 48), — это наше назначение, в этом все упование нашего звания — *звания святого* (2 Тим. 1, 9), *звания небесного* (Евр. 3, 1), *звания Божия* (Флп. 3, 14; ср. Рим. 11, 29; Еф. 1, 18). Только в Церкви Христовой мы живо и бессмертно ощущаем, что мы *и званы* были *во едином уповании звания* своего (Еф. 4, 4). Единое звание для всех людей и единое упование для всех людей. Это звание живет, переживается Церковью и в Церкви, *со всеми святыми* (Еф. 3, 18) через святые таинства и святые добродетели. И тогда мы ощущаем себя как *едино тело* и *един дух* [Еф. 4, 4] *со всеми святыми* [Еф. 3, 18]: *также мнози едино тело есмы о Христе* (Рим. 12, 5), *ибо едином Духом мы вси во едино тело крестихомся... и вси едином Духом напоихомся. Ибо тело несть един уд но мнози... мнози убо удове, едино же тело... Вы же есте тело Христово и уди от части* (1 Кор. 12, 13–14.20.27). Упование, ведóмое верою и любовью евангельскою, несет нас к осуществлению и достижению нашего звания, нашей цели, нашего назначения — богосовершенства. И это осуществляется только в границах Богочеловеческого тела Христова с помощью Его Богочеловеческих сил, которыми и живут все сотелесники этого святого и единого тела, в котором *един дух* — Дух Святой как объединитель всех душ всех христиан в единую душу — соборную душу — и всех сердец в одно сердце — соборное сердце — и всякого духа в *един дух* — соборный дух Церкви. Это, по сути, объединение: и единство тела, и единство духа, происходящее через благодатное вотроичение и отроичение, в котором все бывает от Отца через Сына в Духе

боголикое триединство человека

Святом. Ибо *тойжде есть Бог, действуя вся во всех* (1 Кор. 12, 6; ср. Рим. 11, 36).

Такожде мнози тело едино есмь о Христе, и только о Христе (Рим. 12, 5). Через святые таинства и святую жизнь в святых добродетелях мы становимся членами единого тела во Христе, и между нами нет разобщенности, расстояний, мы все сжились друг с другом и связаны меж собою. До тех пор пока твоя мысль — *о Христе*, она составляет *едино тело* с мыслями всех святых членов Церкви и ты в самом деле мыслишь *со всеми святыми*, твоя мысль благодатно, органически соединена с их мыслями. Так же и твое ощущение, пока оно *о Христе*; так же и твоя воля, пока она *о Христе*; так же и твоя жизнь, пока она *о Христе*. *Вси же уди единого тела мнози суще, едино суть тело, тако и Христос* (1 Кор. 12, 12). *Ибо единым Духом мы вси во едино тело крестихомся* (1 Кор. 12, 13). В Своем Богочеловеческом теле, от которого и в котором Церковь, Господь Христос крестом соединил всех людей (ср. Еф. 2, 16). В роскоши вечного и всебожественного, в этом Богочеловеческом теле *разделения дарований суть, а тойжде Дух* (1 Кор. 12, 4) — Дух, действующий через все святые дарования и обитающий во всех членах Церкви, соединяя их во един дух и едино тело. *Ибо едином Духом мы вси во едино тело крестихомся* (1 Кор. 12, 13).

«Что такое *едино тело*? — вопрошает Златоустый богомудрец и отвечает. — Верные всех мест вселенной, живущие, жившие и имеющие жить. Угодившие (Богу) до пришествия Христова тоже составляют одно тело.

Почему? Потому, что и они познали Христа. Откуда это видно? *Авраам отец ваш, сказано, рад бы был, дабы видел день Мой, и виде и возрадовася* (Ин. 8, 56); еще: *аще бо бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне, о Мне бо той писа и пророки* (Ин. 5, 46). Действительно, не стали бы писать о том, о ком не знали, что сказать. Если же знали, то, без сомнения, и почитали. Потому-то и они составляют одно тело. Тело не отделяется от духа, иначе оно не было бы телом, — потому что у нас о предметах, соединяемых между собою и имеющих большую связь, обыкновенно говорится: одно тело. Так точно и сами мы в соединении составляем одно тело, при одной главе. При единстве же того и другого, тело

хотя состоит и из разных членов, важных и неважных, однако ни лучший из них не вооружается против члена ничтожного, ни первый не подвергается зависти со стороны последнего. И хотя не все (члены) имеют одинаковое отправление, а каждый подчиняется определенному требованию необходимости, однако, по этому самому, — что все совершается ими по необходимости или по требованию различных нужд, — все они равно достойны уважения (*ἴσῆτα δρότιτα*). Впрочем, есть между ними одни высшие, а другие низшие, как например, голова господствует над всем телом, в ней заключаются все чувства и самое господство души, — вследствие чего без ^{глава — главнейшее в теле Церкви} головы никому нельзя жить, тогда как по отсечении ног многие надолго еще остаются в живых. Таким образом, голова лучше прочих (членов) не только по своему положению, но по своей деятельности и значению. Но для чего я говорю об этом? И в Церкви много есть таких, которые достигли такой же высоты, как и голова, созерцают небесное, как глаза в голове, весьма удалены от земли и не имеют ничего общего с ней. Иные же занимают место ног, попирая землю, — ног, впрочем, здоровых. Ведь ногам вменяется в преступление не то, что они попирают землю, а то, что они уклоняются на путь нечестия, что *нозе*, — как сказано, — *на зло текут* (Ис. 59, 7). Итак, ни глаза не должны презирать ног, ни ноги завидовать глазам. В противном случае каждый член теряет собственное достоинство и надлежащее употребление его бывает затруднительно. И справедливо: злоумышляющий на ближнего своего тем самым прежде всего злоумышляет на себя самого. Так, если ноги не захотят носить головы, когда нужно бывает передвижение с одного места на другое, то своею недейтельностью и неподвижностью они вредят и себе самим. Равным образом, если бы и голова не захотела иметь никакого попечения о ногах, то этим она прежде всего повредила бы себе самой. Но они (то есть голова и ноги), как и следует, не враждебны друг другу, потому что так устроены природой»¹. «Словами *едино тело* он (святой апостол. — *И. П.*) требует, чтобы мы сострадали друг другу, не желали благ ближнего своего и участвовали в радостях

¹[*Ио. Злат.*] Там же. Homil. X [Бес. X, 1 на Еф.; с. 90–91] // [PG 62], 75, 76.

один другого; все это он выразил вместе. Потом весьма кстати прибавил: *и един дух*, научая, чтобы при одном теле был у нас один дух, так как может быть одно тело, но не один дух, — когда, например, кто-нибудь будет другом еретиков. Или этими словами (*един дух*) он хотел побудить к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили одного Духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть раздоров. Или, может быть, под словом — дух — он разумеет здесь расположение (*προθυμία*). Далее говорит (апостол): *якоже звани бысте во едином уповании звания вашего*. То есть: Бог призвал всех нас к одному и тому же; никому ничего не предоставил больше против другого; всем даровал бессмертие, всем жизнь вечную, всем неувыдаемую славу, всем братство, всем наследие, для всех соделался общею главою (*κοινή κεφαλή*), всех совоскресил и спосадил (одесную Бога Отца. — *И. П.*)»¹.

Апостол учит нас, — говорит блаженный Августин, — что существует *едино тело*. Но это тело живет, разве не так? Да, живет. Чем? Единым Духом². Что есть наша душа для наших тел, то и Дух — членам Христовым — телу Христову — Церкви³.

С появлением Господа Христа в нашем земном мире и через Его Богочеловеческое домостроительство спасения все Божественное стало человеческим, земным, нашим, нашим «телом», нашей самой непосредственной действительностью. *Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14), то есть стало человеком и тем самым нам, людям, даровало величайший и драгоценнейший дар, который может даровать только Бог любви. Что такое *даяние* Христово (Еф. 4, 8)? Все, что Господь Христос как Богочеловек принес миру и сделал для мира. А принес Он *исполнение Божества*, дабы люди, как в Его даянии, участвовали в нем, жили им, исполняли себя *всяким исполнением Божиим* (Еф. 3, 19; ср. Еф. 1, 23; 4, 8–10; Кол. 2, 10). И еще принес в дар людям Духа Святого, дабы с помощью Его благодатных сил они вселили в себя полноту Божества. Все это составляет главный дар Богочеловека Христа миру, даяние, вседар — Церковь. В ней — все дары Троичного Божества.

¹[*Ио. Злат.*] Там же. Homil. XI, 1 [Бес. XI, 1 на Еф.; с. 96] // [PG 62], 79, 80.

²[*Авг.*] Sermon. 268 // PL 38, 1232].

³*Авг.* Sermon. 267 // PL 38, 1231. — *Ред.*

Вся та благодать, что дается *по мере дарования Христова* (Еф. 4, 7). Но от нас зависит: от нашей веры, любви, смиренномудрия и других евангельских подвигов, насколько мы сможем воспользоваться этим даром, насколько принять его и насколько жить им. По безмерному Своему человеколюбию Господь Христос всем и каждому предоставил всего Себя, все Свои дары, все Свои святости, всю Свою Церковь. Насколько человек воцерковится и оцерковится, вохристовится и охристовится, настолько он причащается Его дару. Главный же дар, даваемый Им, есть жизнь вечная. Апостол благовествует: *дарование же Божие — живот вечный о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 23).

Христов вседар
миру — Церковь

В Богочеловеческом теле Церкви дана вся благодать Троичного Божества, благодать, которая спасает от греха, смерти и диавола, возрождая нас, преображая нас, освящая нас, обоживая нас, охристовляя нас, отроичежая нас. Но всякому из нас эта благодать дается *по мере дарования Христова* (Еф. 4, 7). А Господь Христос отмеряет благодать всякому по труду его (ср. 1 Кор. 3, 8); по труду в вере, в любви, в милосердии, в молитве, в посте, в бдении, в кротости, в покаянии, в смирении, в терпении и в остальных святых добродетелях и святых евангельских таинствах. Предвидя Своим Божественным всезнанием, как каждый из нас воспользуется Его благодатью, Его дарами, Господь Христос в соответствии с этим и распределяет Свои дары, всякому по его силе. Одному дает пять талантов, другому два, третьему один (ср. Мф. 25, 15). Однако от нашего личного труда и преумножения Божественных даров Христовых зависит наше место в животворном Богочеловеческом теле Христовом — Церкви, протянувшейся от земли до горнего мира, превыше всех небес над небесами. И чем более человек живет полнотою Христовой благодати, тем больше в нем даров Христовых и тем больше в нем как сотелеснике Христовом разливаются Богочеловеческие силы Церкви Христовой, тела Христова, силы, которые нас очищают от всякого греха, освящают, обоживают, обогочеловечивают. При этом всякий из нас живет во всех и ради всех, потому и радуется дарованиям своих братьев, особенно если они превосходят его собственные. *Дарование Христово* людям — Церковь, жизнь вечная — это дело всего Богочеловеческого

Христова подвига на земле, от Рождества до Вознесения. Вознесясь с плотию на небо, человеколюбивый Господь завершил спасение людей от греха, смерти и диавола, *пленил плен*, то есть пленил Себе, жизни вечной людей, которые через грех и смерть были беспомощной добычей диавола, были в рабстве у диавола. И так *даде даяние человеком* (Еф. 4, 8).

Кого же пленил Господь Христос? — вопрошает святоотеческая мысль. Очевидно нас, дивную и полезную добычу. Ибо, одолев в духовной борьбе диавола, Господь взял нас, пленных, не для того, чтобы поработить, но чтобы освободить от горькой диавольской тирании. *И даде даяние*, ибо принявшие веру возрастают благодатью¹.

Разумеется, это мог совершить только Богочеловек, а не человек, каков бы он ни был, хотя бы он был самым лучшим и самым святым. Ибо Богочеловек как Бог явился всюду, где пребывали человеческие существа, человеческие души, дабы избавить их от греха и от рабства диаволу. В этом никто не мог Ему воспрепятствовать. Так, хотя телом мертвый — на кресте и в гробу, Он как Бог Своею человеческою душою *сниде прежде в долнейшия страны земли* (Еф. 4, 9), то есть в царство смерти, чтобы из этого рабства освободить души человеческие, этих печальных боголиких рабынь диавола. Икумений говорит: *долнейшия страны земли* — царство смерти и ада. «Господь Христос, воплощаясь, сходит как Бог, (возносясь. — *И. П.*), восходит как человек. Во ад сходит как человек, а воскресает как Бог»².

Точно так же, как Бог, Он, воскресив тело Свое из мертвых, имел и любовь, и силу вознести тело человеческое *превыше всех небес* (Еф. 4, 10), превыше всех ангел и архангел и так возвысить и прославить человека, как ни одно существо во всех мирах. Он, один и тот же Богочеловек, ради людей сходит в бездну и восходит *превыше всех небес* с одной всеспасительной целью — *исполнить всяческая* Собою (*ἵνα πληρώσῃ τὰ πάντα*), дабы все соединить в Себе: все, что на небе, и все, что на земле (ср. Еф. 1, 10). Так был осуществлен замысел Трисолнечного Господа о роде человеческом.

¹[Икум.] Comment. in Ephes. ad loc. [Ephes., cap. VI] // PG 118, 1217 AB.

²[Икум.] Там же // [PG 118], 1217 D.

Блаженный Иероним благовествует: «Ведь мы не можем знать, каким образом кровь Христова была полезна и ангелам, и тем, которые были во аде, и однако не можем не знать, что она принесла пользу. Сходил же Он в ад и восшел на небеса, чтобы исполнить тех, которые были в тех областях, насколько они могли это воспринять. Из этого нужно знать, что прежде, чем Христос сходил и восходил, все было пусто и нуждалось в полноте Его»¹.

Ради осуществления Церковью вечного замысла Троичного Божества о роде человеческом Господь Христос дал Церкви и апостолов, и пророков, и евангелистов, и пастырей, и учителей (ср. Еф. 4, 11). Он их *даде* Церкви и дал им необходимые Божественные силы, с помощью которых они являются тем, что они есть. Эти дары различны, но один Господь, Который подает их. Апостол — тем и апостол, что живет, мыслит и действует благодатью апостольства, полученной им от Господа Христа; пророк — тем и пророк, что живет, мыслит и действует благодатью, полученной им от Господа Христа; так же и евангелист, и пастырь, и учитель являются тем, что они есть, ибо первый живет, мыслит и делает благодатью евангелиста, второй — благодатью пастырства, а третий — благодатью учительства, которую обрели от Господа Христа (ср. 1 Кор. 12, 4–11.28; Еф. 2, 20).

Зачем Господь дал их [апостолов, пророков, евангелистов] людям? *В дело служения, в созидание тела Христова* (*εἰς οἰκοδομὴν τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ*) (Еф. 4, 12). В чем же состоит это дело служения? В созидании тела Христова — Церкви. В этом святом деле Господь для руководства и предводительства поставил людей исключительной святости. А христиане? Все христиане призваны освятить себя с помощью святых благодатных сил, которые им подаются через святые таинства и святые добродетели. Совершенствование христианина состоит в освящении себя; полное же совершенство состоит в полном освящении себя, в совершенной святости. Все христиане святые по призванию и по залогоу Духа Святого, Которого они в самом начале обретают через святое таинство Миропомазания, составляющее часть первого святого таинства — Крещения.

¹Иерон. Стрид. Толк. на Еф. 4, 10; с. 304 // PL 26, 499 C. — *Ред.*

Как совершается *созидание тела Христова*? Увеличением числа членов Церкви: всякий христианин с Крещением встраивается в тело Христово — Церковь, становится ее сотелесником, и так тело Церкви увеличивается, растет. Боговдохновенный апостол говорит, что христиане — это *камень живо*, из которого создается духовный дом — Церковь (1 Пет. 2, 5). Существует еще и другой способ созидания тела Христова: он состоит в духовном возрастании, совершенствовании членов Церкви — сотелесников в теле Церкви. Над созиданием тела Церкви трудится всякий член Церкви, подвизаясь хоть каким-нибудь евангельским подвигом. Ибо всякий подвиг встраивается в Церковь, и так тело ее растет. Растет нашей молитвой, нашей верой, нашей любовью, нашим смирением, нашей кротостью, нашим милосердием, растет всем тем, что есть в нас евангельского, христустремленного, христоловливового. Мы духовно растем Церковью, а этим и она сама растет. Поэтому *вся же к созиданию да бывают (πάντα πρὸς οἰκοδομίην γίνεσθε)* (1 Кор. 14, 26), к созиданию Церкви Христовой, ибо мы все званы, дабы созидать жилище Божие Духом (Еф. 2, 22). Что есть христиане? *Божие здание (οἰκοδομή)* (1 Кор. 3, 9). Каждым своим благодатным даром, каждой своей добродетелью, каждым своим подвигом, каждым своим покаянным подвигом христианин *Церковь зиждет (οἰκοδομεῖ)* (1 Кор. 14, 4.5.12.26). Все мы Церковью возрастаем к небу, и каждый из нас прорастает через всех, и все через каждого. Потому всем и каждому из нас адресовано это благовестие и заповедь: *возращение тела творит в создание самага себе любовью* (Еф. 4, 16). А созидательная, зиждительная сила — святые таинства и святые добродетели и прежде всего любовь: *любь οἰκοδομεῖ — созидает*, зиждет, строит (1 Кор. 8, 1).

Какова цель созидания тела Христова и нашего духовного возрастания в нем? Да *все достигнем*: первое — *в соединение веры и познания Сына Божия*, второе — *в мужа совершенна* и третье — *в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

1. К единству веры и познания Христа можно прийти только в сообществе *со всеми святыми* (Еф. 3, 17–19), только соборной жизнью *со всеми святыми*, под верховным руководством святых

апостолов, пророков, евангелистов, пастырей и учителей. А ведет их, святейших, и руководит ими Дух Святой с Пятидесятницы и далее через все века до Страшного Суда. Дух же Святой и есть тот *един Дух* в теле Церкви (ср. Еф. 4, 4). В Нем и от Него *соединение веры и познания Сына Божиего* — Господа нашего Иисуса Христа. Вся истина веры во Христа и знания о Христе содержится в Духе Истины, Который нас и вводит во всю эту Истину, единую и единственную (ср. Ин. 14, 26; 15, 26; 16, 13). Он соединяет наше ощущение Христа с соборным сердцем Церкви и наше осознание Христа с соборным сознанием Церкви. Тело Церкви едино и имеет *едино сердце* и *едину душу* (Деян. 4, 32). Мы вступаем в это единое сердце — соборное сердце Церкви и в эту единую душу — соборную душу Церкви и соединяемся с ними благодатным действием Духа Святого, смиряя ум свой перед святым соборным умом Церкви, дух свой перед Святым Духом Церкви. И так мы приобретаем непреходящее ощущение и сознание, что мы одной и той же веры в Господа Христа со всеми святыми апостолами, пророками и праведниками. Той же веры во Христа и того же познания Господа.

Вера в Господа Христа и знание о Господе Христе представляют собою сущностное, неуничтожимое единство. В Церкви они едины. И единое целое, они подаются Духом Святым за подвиги смирения и прежде всего за смиренномудрие. «Единство в вере — это неразличность во взглядах на догматы. Точно так же и единство познания Сына Божиего значит неразличность в понимании Его»¹. «В соединении, говорит, веры, то есть пока окажемся все имеющими одну веру. Единение веры то и означает, когда мы все будем одно, когда все одинаково будем понимать этот союз. До тех пор должно трудиться, если ты получил дар назидать (οἰκοδομῆς) других»². Единство веры значит, что все мы являемся «имеющими одну веру, не отличаясь по догматам и не имея между собой разногласия... Ибо тогда будет истинное единство веры, и тогда познаем Сына Божия, когда будем иметь правое мнение в деле учения (ἐν τοῖς δόγμασι ὀρθοδοξοῦμεν — когда

¹[Икум.] Там же, ad loc. [Ephes., cap. VI] // [PG 118], 1220 С.

²[Ио.] Злат. Там же. Homil. XI, 3 [Бес. XI, 3 на Еф.; с. 99] // [PG 62], 83.

будем православны. — И. П.) и будем сохранять союз любви. Ибо Христос есть любовь»¹.

2. Достичь *в мужа совершенна*. Но что такое совершенный человек и кто — совершенный человек? Пока Богочеловек Христос не появился на земле, люди не знали, ни что такое совершенный человек, ни кто — совершенный человек. Дух человеческий не был в состоянии сконструировать облик совершенного человека ни как представление, ни как идеал, а тем более как действительность. Отсюда столько блужданий в поисках идеального человека среди самых выдающихся мыслителей рода человеческого, таких, как Платон, Сократ, Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Шекспир и другие, дохристианские, внехристианские и нехристианские искатели идеального, совершенного человека. Только с появлением Богочеловека среди людей люди осознали, что такое совершенный человек и кто — совершенный человек, ибо увидели его в действительности, в своей среде. И более нет сомнений для человеческого сознания: Иисус Христос — совершенный человек. Что же касается истины, то она вся в Нем, настолько вся в Нем, что вне Него нет истины, ибо Он сам — Истина; что касается правды, она также вся в Нем, настолько вся в Нем, что вне Него и нет правды, ибо Он Сам — Правда. И все лучшее, самое возвышенное, самое Божественное, самое совершенное — все это осуществлено в Нем. Нет настоящего добра, которого бы пожелал человек и которого бы не нашел в Нем. Точно так же нет греха, который бы мог явиться в мыслях христороба и обрестись в Нем. Он весь без греха, весь полон всех совершенств. Во всем — совершенный человек, идеальный человек.

Вопрос в том, как достигнуть *в мужа совершенна*? Но единственность Единственного как раз в том и состоит, что Он всем дал возможность единственным образом не только соприкоснуться с *мужем совершенным*, но и стать Его сотелесниками, участниками тела Его *от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30). Как? Только вместе *со всеми святыми* [Еф. 3, 18], через святые евангельские подвиги, через соборную и святую жизнь Церкви.

¹Феофил. [Болг.] Expos. in Ephes., ad loc. [Толк. на Еф. 4, 13; с. 463–464] // PG 124, 1088 A.

Ибо Церковь — не что иное, как *муж совершенный* на своем пути сквозь все века к конечному осуществлению Божиего замысла о мире. Так и меньшему из нас, самому презренному и самому убогому дана возможность вместе со всеми с помощью евангельских добродетелей достигнуть *в мужа совершенна*. Сказано: *дондеже достигнем вси... в мужа совершенна* [Еф. 4, 13]. Значит, это дается не гордому одиночке, а смиренному соборнику, дается ради общения *со всеми святыми*. Живя *со всеми святыми* в Богочеловеческом теле *мужа совершенна* — Христа, всякий христианин по мере своих добродетельных подвигов и сам достигает этого совершенства, и сам становится совершенным человеком. Так, в Церкви для всякого существует доступная и осуществимая цель, идеал: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный* (то есть Бог) *совершен есть* (Мф. 5, 48). Святой апостол особенно подчеркивает, что цель Церкви — представить *всякаго человека совершенна о Христе Иисусе* (Кол. 1, 28). Богочеловек Себя, *мужа совершенна*, по безграничному и неизмеримому Своему человеколюбию преобразил в Церковь, дабы всех, кто станет ее членом, преобразить в совершенных людей. Единственная цель всецелого Богочеловеческого домостроительства спасения — *да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован* (2 Тим. 3, 17).

3. Достичь *в меру возраста исполнения Христова* (εἰς μέτρον ἡλικίας τοῦ πληρώματος τοῦ Χριστοῦ). Что это значит? Что составляет высоту Христову, полноту Христову? Чем Он исполнен? Божественными совершенствами. Ибо в Нем *живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2, 9), живет в границах тела человеческого. Этим Спаситель и показывает, что тело человеческое способно вместить в себя полноту Божества и что это и есть действительная цель человеческого бытия. Поэтому достигнуть *в меру возраста исполнения Христова* — значит возрасти и врати во все Его Божественные совершенства, духовно соединиться с ними благодатью, разлиться в них, жить в них. Или же Христа, заключенную в Нем полноту Божества, воспринимать как свою жизнь, как свою душу, как свою всецелность, как свою вечность, как свою всецель, как свой всемысл. Воспринимать Его как единственного истинного Бога и как совершенного человека, в котором все человеческое доведено до вершины своего человеческого

совершенства. Воспринимать Его как совершенную Божественную Истину, как совершенную Божественную Правду, как совершенную Божественную Любовь, как совершенную Божественную Мудрость, как совершенную Божественную Жизнь, Вечную Жизнь. Словом, воспринимать Его как Богочеловека, как всемысл всех богозданных миров.

Все же это возможно лишь в общении *со всеми святыми*. Ибо сказано: *дондеже достигнем вси... в меру возраста исполнения Христова* — не только я, не только ты, не только мы, но все — только водимые и предводимые святыми апостолами, пророками, евангелистами, пастырями и учителями. Лишь святым известен этот путь, известны [необходимые] святые средства, и они открывают их боголюбцам, чтобы те росли *в меру возраста исполнения Христова*. А высота Христова, а полнота Христова — не что иное, как Его святое Богочеловеческое тело, Церковь. Следовательно, достичь *в меру возраста исполнения Христова* может только истинный член Церкви. Ибо Церковь и есть *исполнение Христова* — *исполнение Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23). Быть членом Церкви — значит постоянно пребывать *со всеми святыми*, а через них — с чудесным и чудотворным Господом Христом. С Ним же человек весь бесконечен, весь свят, весь вечен, весь — любовь, весь — истина, весь — правда, весь — молитва. Все, что ему принадлежит, единым сердцем, единой душой *со всеми святыми*: соборен его ум, соборна душа, соборно сердце, соборна истина, соборна жизнь. Так, Церковью и только в Церкви люди постигают свою цель и всецель, смысл и всемысл человеческого бытия во всех веках.

Если бы Истина была чем угодно, но не Богочеловеком Христом, она была бы малой, недостаточной, преходящей, смертной. Таковой бы она была, если бы была или понятием, или идеей, или теорией, или схемой, или разумом, или наукой, или философией, или культурой, или человеком, или человечеством, или миром, или мирами, или еще чем-нибудь, или всем этим вместе взятым. Но Истина — это Личность, причем Личность Богочеловека Христа, потому она и совершенна, непреходяща, вечна. Ибо в Господе Иисусе Христе Истина и Жизнь — единосущны: Вечная Истина и Вечная Жизнь (ср. Ин. 14, 6; 4, 14). Тот, кто верует в Господа Христа, постоянно растет Его Истиной в ее Божественные бескрайности, растет

всем своим существом, всем умом, всем сердцем, всею душою. При этом он непрерывно живет Истиной Христовой, потому что именно она составляет жизнь во Христе. Во Христе живут *истинствующие* (ἀληθεύοντες) (Еф. 4, 15), ибо жизнь во Христе — истинствование, постоянное пребывание всем существом в Истине Христовой, в Истине Вечной. Это истинствование христианина рождается из его любви ко Господу Христу, в ней он растет и непрерывно развивается, вечно продолжается и никогда не перестает, ибо *любви николиже отпадает* (1 Кор. 13, 8). Любовь ко Господу Иисусу побуждает человека к жизни в Его Истине и постоянно удерживает его в ней. Любовь и совершает то, что христианин постоянно растет во Христе, растет во всю Его высь, ширь и глубину (ср. Еф. 3, 18). Но никогда один, а всегда *со всеми святыми*, всегда в Церкви и с Церковью, ибо нельзя расти иначе в Том, Кто есть глава Церкви — Христос. Когда же мы истинствуем, мы истинствуем всегда сообщая *со всеми святыми*, равно и когда любим, любим *со всеми святыми*, ибо в Церкви все соборно, все бывает *со всеми святыми*, потому что все составляют единое духовное тело, в котором все соборно живет одной жизнью, одним духом, одною истиною. Только *истинствующие в любви* [Еф. 4, 15] *со всеми святыми*, мы можем возрастать *в Него всяческая, Иже есть глава* — Христос (Еф. 4, 15). Бесконечные силы, которые необходимы для такового возрастания всех христиан в Богочеловеческом теле Церкви, Церковь получает непосредственно от своей главы — Господа Христа. Ибо только Он, Бог и Господь, имеет эти бесчисленные бесконечные силы и всеумудро распоряжается ими.

Наше христианское назначение, наше христианское звание — *да возрастим в Него всяческая, Иже есть глава Христос*, ибо человеческое существо только таким образом правильно развивается и следует путем своего Божественного предназначения, определенного ему Троичным Божеством в предвечном совете прежде создания мира (ср. Еф. 1, 4–13). Лишь во *всяческом* возрастая во Христа, мы это *всяческое* через Богочеловечность ведем в Его чудесную вечность. Что такое наше *всяческое*? Это наше всецелое существо: и душа, и ум, и совесть, и воля, и тело, и все, что их составляет со всеми их таинствами и таинственностью. Моя душа, твоя душа, лишь возрастая во Христе через святые

таинства и святые добродетели, оказываются на пути своего богоподобного совершенствования и достигают безграничного Божественного совершенства. Воспринимая Божественную Истину Христову как жизнь своей жизни и как сущность своего существа, душа растет Христом во все Его Богочеловеческие реалии и совершенства. Если твоя совесть не возрастает вся во Христе, то она быстро засыхает и увядает. А если она будет возрастать в Нем через святые евангельские подвиги, то она вся разрастется в Богочеловеческие совершенства и все Христово навеки станет ее. А моя и твоя воля, мой и твой ум? Вне Христа, без Христа они умирают бесчисленными смертями во всех возможных слабостях и заблуждениях, в демонизмах и сатанизмах. Но если ты желаешь исполнить их Божественной силой и совершенством, бессмертием и вечностью, тогда всем своим умом расти во Христе, живя Его Божественной Истиной, всею своею волею расти во Христе, совершая Его Божественные заповеди. И чем более ты будешь расти во Христе своею душою, умом своим, волею своею, своею совестью, тем более ты будешь алкать и жаждать больших и величайших совершенств Богочеловеческих и радостно будешь забывать *задняя*, то, чего ты добился, и спешить к *переднему*, и устремляться к *почести вышнего звания о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14), дабы достигнуть *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). А мера эта — Богочеловеческая безмерность. Главное, чтобы ничто твое не осталось вне Христа. Если же останется, знай: оно осталось в смерти, в бесчисленных смертях, осталось в царстве сатанизма, в царстве заблуждений, неправд и зол, а это — не что иное, как царство бесконечных мук, самоистязаний, отчаяния, безумия, безысходных трудностей, ядовитого одиночества, самоубийственных ужасов. Нет сомнений, на всех путях вне Христа человек безостановочно дегенерирует через грехи, страсти, заблуждения, неправды, самообманы, дегенерирует в недочеловека, в полчеловека, в нечеловека. Вне Богочеловека человек постепенно мельчает, осыпается, пока не превратится в лилипута, в карлика, которым силы зла играют, как беспомощной игрушкой. Очевидна истина: вне Богочеловека человек страшно обесчеловечивается, чтобы закончить в конце

Человек — благодатный богочеловек

Богочеловека человек постепенно мельчает, осыпается, пока не превратится в лилипута, в карлика, которым силы зла играют, как

концов рас-человеком. Да, в Богочеловеке, в Церкви Его человек возрастает в благодатного богочеловека благодаря жизни *со всеми святыми*, а вне Богочеловека он неминуемо дегенерирует в добровольного или невольного диаволочеловека. Ибо ввысь человек может расти и развиваться до Бога, а пасть и падать вниз — до диавола. Ради этого Богочеловек и явился среди нас — людей, чтобы нам в Себе показать совершенного человека и в то же время дать нам все святые средства и все Божественные силы, с помощью которых всякий из нас может выстроить себя в человека совершенна. А все это дано в Церкви — Богочеловеческом теле, всегда живом и животворном, которому глава — Сам Богочеловек Господь Христос, Который Своими Богочеловеческими силами оживляет всех членов Церкви с помощью святых таинств и святых добродетелей Духа Святого.

Организм Церкви во всем есть сложнейший организм, который только известен человеческому духу. Почему? Потому что это единственный Богочеловеческий организм, в котором Божественные и человеческие силы составляют единое всегармоничное тело. Только всемудрый и всеильный Богочеловек, Господь Христос мог все это составить и сложить в единое тело, Свое тело, которому Он — глава, вечная глава. Всей жизнью в этом чудесном и чудотворном теле управляет и руководит Он, чудесный и чудотворный Бог и человек. Всякая частица этого тела живет всем телом, но и все тело живет во всякой своей частичке. Все живут через каждого и в каждом, но и каждый живет через всех и во всех. Каждая частица растет общим ростом тела, но и все тело растет ростом каждой своей частицы. Все эти многочисленные части тела, все эти органы, все эти уды, все эти органы чувств, все эти клеточки соединяет во единое вечноживое Богочеловеческое тело Сам Господь Христос, согласуя деятельность всякой части со всецелой соборной жизнью тела. А каждая частица действует *в меру* своих сил. Силу же всякого члена Церкви составляют евангельские добродетели. Евангельская деятельность каждого члена Церкви, хотя совершенно особая и личная, всегда всесторонне соборна, совместна, обща. Ибо она утопает во всеобщей деятельности всего тела. И пока своей евангельской

Богочеловеческий организм

деятельностью человек преображает себя, возрастая во Христа, Господь Христос эту деятельность претворяет в общую, соборную энергию и так *возражение тела творит в создание самаго себе любовию* (Еф. 4, 16). По сути, деятельность всякого члена Церкви всегда лично-соборна, лично-коллективна. И если видимо он работает лишь для себя (например, пустынники, подвижающиеся в уединении), тем не менее он всегда работает для целого. Таково устройство Богочеловеческого организма Церкви, которую всегда ведет и руководит кторороу Сам Господь Христос.

Живя в Церкви как ее живая частица, христианин действительно живет главою Церкви Самим Господом Христом: *из неяже все тело, составы и соузы подаемо и снемлемо, растит возражение Божие* (αὕξει τὴν αὕξησιν τοῦ θεοῦ) (Кол. 2, 19). Да, да, да — вот благовестие из благовестий для человеческого существа:

человек в Церкви
 растет ростом
 Божиим

человек в Церкви, Христом и во Христе возрастает ростом Божиим (ср. Еф. 4, 15), растет в совершенного Бога, до тех пор пока весь не исполнится всяческой полнотою Божию.

Этому возрастанию нет меры, нет предела; если же и есть предел, тогда этот предел — в бесчисленных Божественных бескрайностях. Ты — член Церкви? Это значит, что душа твоя возрастает ростом Божиим, твоя совесть возрастает ростом Божиим, твой ум возрастает ростом Божиим, твоя воля возрастает ростом Божиим — все твое существо возрастает ростом Божиим. Возьмем пример святых ангелов: Пресвятая Богоматерь возросла выше их, переросла их Богом и Господом Христом; и человек в вознесенном Богочеловеке перерос все ангельские миры.

Вот тайна над тайнами, святая тайна над всеми святыми тайнами: человек в Богочеловеке достиг Божественной надхерувимской высоты и совершенства, блаженства и вечности! А все это бывает Церковью и в Церкви, в этом чудеснейшем и чудотворнейшем существе во всех Божиих мирах. В ней вся жизнь — вечная Жизнь: человек создан, чтобы возрастать в ней ростом Божиим. В ней вся истина — вечная Истина: человек создан, чтобы возрастать в ней ростом Божиим. В ней вся правда — вечная Правда, в ней вся любовь — вечная Любовь: человек создан, чтобы возрастать в них ростом Божиим. В ней весь Бог — вечный Бог: человек создан,

чтобы возрастать в Нем ростом Божиим. Для этого возрастания Церковь подает человеку все средства, все силы, и человек может все во Христе Иисусе [ср. Флп. 4, 13], Который ему дает мощь. Он может [все] своей всеусердной и безграничной верою, ибо *вся возможна верующему* (Мк. 9, 23; ср. Мф. 21, 21–22). Доказательства? Бесчисленные святые, которые прошли весь путь этого Богочеловеческого возрастания *в мужа совершенна*, бесчисленные истинные христиане всех времен: каждый из них — пример, и образец, и поощрение, и радость. Но в живом теле Церкви достижение святости, самоосвящение, самоохристовление, самообогочеловечение чрезвычайно постепенны. Каждый из нас постепенно охристовляется в Церкви, которая вся в Господе Христе и вся от Него. Он есть Тот, Кто ее непрестанно созидает и взращивает, каждого из нас встраивая в живое тело Церкви, по мере нашей веры и любви, нашей ревности ко святой жизни по Евангелию. Ни один подвиг, твой или мой, не пропадает в Церкви, даже самый малый, все это Сам Господь Христос встраивает и сопрягает в живом теле Церкви, ибо всей жизнью Церкви в целом и жизнью всякого члена Церкви в отдельности руководит и управляет Сам Господь, так что ничего не бывает без Него, но в то же время и без нашего труда, личного подвига и старания. В соборной жизни Церкви смешаны жизни ангелов и людей, жизни кающихся и грешников, праведников и неправедных, преставившихся и живущих на земле, причем более праведные и святые помогают менее праведным и менее святым возрастать ростом Божиим во все бóльшую праведность и святость. Через всех членов [Церкви] струятся Христовы Богочеловеческие святые силы, даже через самых малых и незначительных, по мере их благодатного вживания в организм Церкви с помощью подвига веры, любви, молитвы, поста и остальных добродетелей. Так все вместе мы возражаем *в Церковь святую о Господе* (Еф. 2, 21), благодатно-органически связанные между собою единой верою, едиными святыми таинствами и святыми добродетелями, единым Господом, единой Истиной, единым Евангелием. И мы все участвуем в единой Богочеловеческой жизни Церкви, каждый в соответствии со своим местом в этом теле, местом, назначенном ему Господом — главою Церкви, ибо

охристовление
 человека

тело Церкви растет из Него и Им *составляемо и счиниваемо прилично* [Еф. 4, 16]. При этом Господь всякому определяет место личность и общество по его духовным особенностям и христианским свойствам — прежде всего по его святой евангельской любви, которую всякий добровольно взращивает в себе и действует ею. В этой соборной жизни Церкви каждый созидает себя с помощью всех, причем в любви, а все — с помощью каждого, из-за чего даже апостолу необходимы молитвы незначительных членов Церкви.

Каждый новый член Церкви означает прирост в теле Церкви и рост тела Церкви. Ибо каждый в меру своего служения становится сотелесником в теле Церкви. А Сам Господь отводит ему надлежащее место в теле Церкви, делая его ее составной частью. В самом деле, только в Богочеловеческом организме Церкви все работают для каждого и каждый работает для всех, все живут для каждого и каждый живет для всех. В самом деле, только в Церкви совершенным образом решена и проблема личности, и проблема общества; и только в Церкви реализована и совершенная личность, и совершенное общество. По сути, вне Церкви нет ни настоящей личности, ни настоящего общества.

Над этой святой тайной роскошно рассыпал небесный жемчуг своей Божественной мудрости и красноречия святой Златоуст. Он приводит 15-й и 16-й стихи 4-й главы Послания к Ефессянам и говорит: «Вот что означают слова его: как дух, выходя из головного мозга, не просто сообщает посредством нервов чувствительность (τὸ αἰσθητικόν) всем членам, но — сообразно с каждым из них — тому, который способен принять больше, и сообщает больше, а который меньше, тому меньше (потому что дух есть корень жизни), так и Христос. Так как наши души так же зависимы от Него, как члены (от духа), то Его промышление и раздавание даров, сообразно с мерою того или другого члена, производят возвращение каждого. Но что такое — *осязанием подаяния*? То есть посредством ощущения (αἰσθησεως). Этот дух, распределяющийся по членам от головы, прикасаясь к каждому из них, таким образом производит на них свое действие. Можно и так сказать: тело, воспринимая это воздействие (духа) соразмерно своим членам, возрастает таким образом. Или иначе: члены, получая

соразмерное себе воздействие (духа), так возрастают. Или еще: дух, изливаясь обильно сверху, прикасаясь ко всем членам и распределяясь по ним, сколько каждый из них может принять в себя, так возвращает. Но почему он прибавил слово *в любви*? Потому, что этот дух иначе не может сообщиться. В самом деле, если бы случилось руке отделиться от тела, дух (истекающий) из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собою любовью... Любовь воссозидает, соединяет, сближает и спрягает нас между собою. Итак, если хотим получить Духа от главы, будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охлаждаем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершить что-нибудь недостойное по отношению к этому телу (Церкви). В том и в другом случае мы отделяемся от целого (τοῦ πληρώματος)... Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали тело Его, если будем расторгать целостность Церкви (τὸ πλήρωμα τὸ ἐκκλησιαστικόν)»¹.

Блаженный Феофилакт пишет, что святой апостол сказал о теле Церкви: *составляемо и счиниваемо прилично* [Еф. 4, 16], «чтобы показать, что члены не просто положены один подле другого, но соединены между собой и каждый занимает свое место... Итак, наше дело самих себя скреплять и соединять посредством любви, а дело Христа — главы нашей — ниспосылать Духа... Слова же: *посредством всяких взаимно скрепляющих связей* показывают, что Дух, разливаемый и подаваемый главой, осязательно касается всех. Итак, тело растет и создается через то, что подаяние Духа касается членов и что Он действует в них... или что им доставляет силу действовать»².

Святой апостол благовествует истину: *уди есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30). Поэтому и жизнь в нас и между нами должна быть, как в теле Его: она должна двигаться,

¹[Ио. Злат.] Там же. Homil. XI, 3,4 [Бес. XI, 3,4 на Еф.; с. 100–102] // [PG 62], 84, 85.

²[Феофил. Болг.] Там же, ad loc. [Толк. на Еф. 4, 16; с. 465–466] // PG 124, 1089 C.

сотелесники
Христовы

совершаться и пребывать в Божественной Истине, Правде, Любви, Доброте и во всем Богочеловеческом, евангельском. Каждый отдельно и все вместе, мы всегда — уды тела Его. А значит, Истины Его, жизни Его, вечности Его, Богочеловечности Его. То, что мы христиане, мы можем показать и доказать лишь одним образом: своим благодатно-духовным органическим единством с Господом Христом. Благодаря святым церковным таинствам мы действительно становимся удами *тела Его, от плоти Его и от костей Его*,

нет христианства
вне Церкви

утверждаем же мы в этом святыми добродетелями и благодатными подвигами. Что такое христиане? Сотелесники Христовы

(ср. Еф. 3, 6), составляющие чудесный Богочеловеческий организм Его, которым, в котором и ради которого живет Он — предвечный Бог Слово. Глаз, ухо, рука, нога, палец — всякий член тела, всякая клеточка тела живут и нормально функционируют, только пока они всем своим существом связаны с телом, со всем организмом, со всеми животворными силами этого организма. Так и всякому христианину для его христианской жизни необходима вся Церковь, весь Господь Христос в ней, все святые ее, все святые силы ее, все святые ее средства. Поэтому нет христианства вне Церкви, вне Богочеловеческого тела Христова. По этой причине Господь Христос и объявляет, что Он — во всяком христианине: кто их принимает — Его принимает, кто их гонит — Его гонит, кто их покоит, одевает и посещает — Его покоит, Его одевает, Его посещает (ср. Мф. 10, 40; 25, 35–40; Лк. 10, 16; 1 Кор. 8, 12).

Ссылаясь на апостольские слова *заче уды есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30), святой Златоуст благовествует: «Каким образом? Он произошел от нашего естества (ἀπὸ τῆς ἡμετέρας γέγονεν ὕλης), как и Ева есть плоть от плоти Адама. Он кстати упомянул о костях и о плоти, потому что это в нас главнейшее — плоть и кости. Одно — как бы основание, а другое — как бы здание. То, впрочем, очевидно; а это каким образом? Как там существует великая близость, так, говорит, и здесь. Что значит: *от плоти Его*? Значит — истинно от Него. Но как чрез это мы бываем членами Христовыми? Так, что мы родились подобно Ему (κατ' αὐτόν). Каким образом от плоти? Это знаете

вы, которые приобщаетесь тайнам: ведь чрез это мы тотчас преобразуемся (ἀναπλαττόμεθα)... Как Он... родился от Святого Духа, так и мы рождаемся в купели... Но если мы не делаемся им (Его телом. — *И. П.*), то как согласить с этим слова: *от плоти Его и от костей Его*? И заметь: Адам создан, Христос родился; из ребра Адамова произошло тление, из ребра Христова проистекла жизнь; в раю прозябла смерть, на кресте она уничтожена.

Итак, подобно тому, как Сын Божий — нашего естества (τῆς ἡμετέρας φύσεως), так и мы — Его сущности (οὕτως ἡμεῖς τῆς οὐσίας αὐτοῦ); и как Он имеет нас в Себе, так и мы имеем Его в себе»¹.

Слова святого апостола *заче уды есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его* блаженный Феодорит объясняет так: «Ибо как Ева создана из Адама, так мы из Владыки Христа (ἐκ τοῦ Θεολότου Χριστοῦ). С Ним погребаемся и восстаем в Крещении, ядим тело Его и пием кровь Его»². Святой Иоанн Дамаскин благовествует: мы становимся «удами» Христовыми «жизнью в Духе Святом (διὰ τῆς Πνεύματι ξωῆς)»³.

Церковь и Христос? Это *великая тайна* (ср. Еф. 5, 32), величайшая во всех наших мирах. Роду человеческому неостанет ни ума, ни слов, чтобы хоть приблизительно выразить эту пресвятую и превеликую тайну. Христос — одновременно Бог Слово и человек, Бог Слово и Церковь, Бог Слово, пребывающий во плоти на небе и в теле Своем, Церкви, — на земле. Разве это не *великая тайна*? Члены Церкви составляют единый организм, единое тело, но все же всякий остается совершенно особенной личностью со своими богамикими и Богочеловеческими бесконечностями. Разве это не *великая тайна*? В Церкви все соборно, но и все — лично; каждый живет во всех, и все в каждом, но все же жизнь каждого — его собственная жизнь, и личность каждого — его собственная личность. Разве это не *великая тайна*? В Церкви живут и великие грешники, но она все же свята и непорочна, без какой-либо скверны или порока (ср. Еф. 5, 27). Разве это не *великая тайна*? И так далее, от наименьшего до наивысшего,

¹[Ио. Злат.] In Ephes. cap. 5, vers. 30 [Бес. XX, 3–4 на Еф.; с. 170–171] // PG 62, 139.

²[Феод. Кир.] Inter. in Ephes. cap. 5, vers. 30 [Толк. на Еф. 5, 30; с. 420] // PG 82, 548 С.

³[Ио. Дамаск.] In Ephes. 5, 30 [Ephes.] // PG 95, 852 А.

в Церкви все — *великая тайна*, ибо во всем присутствует весь чудесный Господь Христос со всеми Своими бесчисленными Богочеловеческими таинствами. Поэтому Церковь представляет собою величайшее чудо среди всех сотворенных миров, чудо, которым восхищаются на небе ангелы. В ее неповторимое благовестие *желают (и) Ангелы приникнути* (1 Пет. 1, 12), ибо и им открывается *Церковью многообразная премудрость Божия* (Еф. 3, 10).

Богочеловек Христос в Церкви Своей соединил *всяческая... яже на небесех и яже на земли* (Еф. 1, 10). Все тайны неба и земли слились во единую тайну, и так появилась *великая тайна*, все-тайна — Церковь. Эта *великая тайна* Богочеловеческой благодатью пронизывает всех членов Церкви, всю их жизнь, все их отношения. Поэтому в Церкви все — чудо, все — тайна, *паче смысла и разума*. Здесь нет ничего простого, ничего упрощенного, ничего второстепенного, ничего малозначащего, ибо все — богочеловечно, все — небоземно, все — благодатно, все органически связано в единый Богочеловеческий организм, в единую, всеохватную Богочеловеческую *великую тайну*, все-тайну — Православную Церковь.

Церковь и все ее Богочеловеческое домостроение спасения (обожения) имеет одну цель — все ологосить, все освятить, все учленив в Богочеловеческое тело Церкви и таким образом возвратит к логосному всеединству к логосной целесообразности. Другими словами — все воцерковить и оцерковить, вохристовить и охристовить, вобогочеловечить и обогочеловечить. Чтобы люди могли успешнее достичь этого, Спаситель даровал все необходимые для этого Божественные силы, которыми Он располагает как воплощенный Бог Слово, ибо в Нем *живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2, 9). Поэтому главное и основополагающее благовестие, заповедь — жить в Церкви *достойне Богу* (Кол. 1, 10) — воплощенному Богу — и возрастать *возвращением Божиим* (Кол. 2, 19) в человека *совершенна о Христе Иисусе* (Кол. 1, 28). Ибо цель нашей общей, соборной жизни в Церкви — *да представим всякаго человека совершенна о Христе Иисусе* (Кол. 1, 28).

Совершенный человек! Возможно ли это? Да, но только в совершенном Богочеловеке и от совершенного Богочеловека, только в Нем и Им человек преображается в совершенного человека. Вне Него и без Него человек всегда навеки остается недовершенным и несовершенным, остается несчастным полусуществом или уродливым псевдосуществом. Только с Ним и в Нем человек причащается Все-сущности и восходит в царство Его Вечной Божественной Истины, Вечной Божественной Любви, Вечной Божественной Радости, где нет ни тоски, ни смерти, ни вздыхания [ср. Ис. 35, 10]. Человеческое существо только Христом переходит из смерти в жизнь, из времени в вечность, возносясь с земли на небо, *ища идеже есть Христос одесную Бога сидя* (Кол. 3, 1). Живя Господом Христом, человек становится небоземным существом и учится жить *достойне Богу* (ἀξίως τοῦ Θεοῦ) — Богу и Господу Иисусу Христу. Ибо Он ради того и стал человеком, воплотился. Жить такую же жизнь, какую и Он, будучи человеком, жил в теле, — это и значит жить *достойне Богу*. При такой жизни люди делают только одно: непрестанно творят волю Божию. Потому они плодоносят *во всяцем деле блазе* и *возрастают в разуме Божиим* (Кол. 1, 10). Знание о Боге обретается жизнью в Боге. Познание — из благочестия. Какое благочестие — такое и богопознание. В этом вся евангельская гносеология. Только жизнь, *достойная Бога*, дает и достойное знание о Боге. Только люди, розгою существа своего привитые к Богочеловеческой лозе Христовой, приносят *мног плод* (Ин. 15, 5), *плодоносяще во всяцем деле блазе* и *возрастая в разуме Божиим* (Кол. 1, 10). Жизнь вне Христа недостойна человека. Ибо Богочеловек — единственный истинный человек. Вне Него — все смерть и работает на смерть. Как же это может быть достойным человека, созданного для бессмертия и жизни вечной в Трисиятельном Боге и Господе? Человеческого боголикого существа достойно только то, что Божественно, бессмертно, вечно. Поэтому только христолика, только боголика жизнь достойна Бога.

Для такой христоликой жизни Сам Господь Христос дает человеку Божественные силы. И подает их всякому, кто вошел, вкропился в Его вечное Богочеловеческое тело. Если ты стал его членом,

логосная
целесообразность
творения

и таким образом возвратит к логосному всеединству к логосной целесообразности.

евангельская
гносеология

совершенный
человек

тогда через тебя начинают струиться все Его Божественные силы и ты начинаешь жить новою жизнью, жизнью, достойной Бога. Христиане, ставшие членами Богочеловеческого тела Христова, живут, *всякою силою возмогающе по державе славы Его* (Кол. 1, 11). Они Им растут из силы в силу, из мощи в мощь. Потому не может быть отговорок, никто не имеет права сказать: я не могу жить достойно Бога. Ибо все, что необходимо для таковой жизни, Бог изобильно подают всякому, кто убегает от *яже в мире похотныя тли* (2 Пет. 1, 4) и ревнует евангельским добродетелям. На самом деле, Господь Христос живет в христианах, обновляет в них Свою жизнь, проживает ее во всяком из них настолько, насколько каждый из них того желает и хочет. В большей или меньшей степени к каждому христианину относится апостольское святое слово: *живу же не тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Истинное, непреходящее, бессмертное достоинство человека состоит в христоликой жизни, в жизни, достойной Бога. В этом и его всеценность, и его Божественное величие. Человек живет *достойне Богу* и действительно представляет Божественное величие на земле, если его мысли достойны Бога, если его ощущения достойны Бога, если его дела достойны Бога. Но к этому славному, непрерывному евангельскому подвигу человек со своей стороны должен непрестанно прилагать *всякое терпение и долготерпение с радостью* (Кол. 1, 11). *Терпение с радостью?* Да, ибо радостное терпение есть чудеснейший ангел-хранитель на евангельской стезе спасения. Человеколюбивый Спаситель всем христианам дает заповедь: *в терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21, 19). А за такое терпение Он им и подает [свои блага], и они укрепляются *всякою силою* Божественною и таким образом обнаруживают силу Его Божественной славы.

На всем евангельском пути спасения христиане живо ощущают, что без непрестанной помощи Божией они не могут ничего совершить к своему спасению. Многозаботливый и человеколюбивый Отец наш Небесный — Тот, Кто нас призвал *в причастие наследия святых во свете* (Кол. 1, 12). Вообще святые силы для святой жизни даются Троичным Божеством: от Отца через Сына в Духе Святом. Для соборной жизни *со всеми святыми* дается *причастие*

наследия святых во свете. Бог, Который есть свет (1 Ин. 1, 5), почи- вает во святых благодаря их святости. Наследие святых нетленно (1 Пет. 1, 4), ибо со всех сторон ограждено неприступным светом [ср. 1 Тим. 6, 16] Божественным, к которому ничто смертное и тленное приступить не может.

Грех погасил весь свет в нашем мире, и тьма покрыла наши очи и овладела нашим миром. Упорным грехолюбием человеческим власть тьмы стала верховною властью в человеческом мире и через грех и смерть всеильно правила родом человеческим. Бессильные и отчаявшиеся, люди сидели *в сени смертной* (Мф. 4, 16; ср. 1 Ин. 2, 8.9.11) совершенно беспомощными. Только с приходом Бога Слова среди нас, в нашей тьме греха и смерти воссиял истинный свет. Истинный свет, который никакая тьма объять не может (Ин. 1, 5). Он есть *свет миру*, Он — *свет животный* [Ин. 8, 12], Он царствует во свете и правит и миром, и жизнью. Где Он — там и свет, и власть света. Послав Его в мир, Бог Отец *избави нас от власти темных и престави в Царство Сына любви Своея* (Кол. 1, 13), в царство света. Только следуя за Господом Христом, люди не ходят во тьме, но имеют *свет животный* (Ин. 8, 12). Переход из власти тьмы в царство света совершается верою во Христа (ср. Деян. 26, 18; 1 Пет. 2, 9). *Аз свет в мир приидох, да всяк веруяй в Мя во тьме не пребудет* (Ин. 12, 46). В Господе Христе люди становятся *чадами света* и самим светом и живут как *чада света* (Еф. 5, 8; ср. Мф. 5, 14; 1 Сол. 5, 5).

«Властию темною апостол назвал владычество диавола»¹. «От власти темных», говорит, то есть от заблуждения и от власти диавола. Не сказал (апостол. — *И. П.*) просто: от тьмы, но от власти, так как (диавол) над нами имеет великую силу и господствует. Тяжко быть и просто под диаволом, а (под диаволом) с властью — и того тяжелее... Итак, (Господь) явил Свое человеколюбие не в освобождении только нас от тьмы. Великое, конечно, дело и освободиться от тьмы; но быть введенными в царство — еще больше. Смотри же, как многосложен дар: Он освободил нас, лежащих на дне, и не только освободил, но и перевел в царство. *В Царство Сына любви Своея* (Кол. 1, 13)... Не просто

¹ Феод. [Кип.] Ad loc. [Толк. на Кол. 1, 13; с. 451–452 // PG 82, 597 А.]

сказал: в Царство Небесное, но сообщил слову бóльшую важность, назвав (Царство Небесное) Царством Сына, потому что нет похвалы больше этой, как и в другом месте он говорит: *еще терпим, с Ним и воцаримся* (2 Тим. 2, 12). Того же удостоил нас, говорит, чего и Сына, и к этому еще прибавил — возлюбленного. Омраченных врагов вдруг переставил туда, где Сын, облек одинаковою с Ним честью»¹.

Спаситель избавил людей *от власти темныя* и поместил их в царство света таким образом, что Своим Богочеловеческим подвигом спас нас от греха и смерти. Грехом мы продали себя в рабство смерти. Своею безгрешною смертью Он нас выкупил из этого рабства. Ибо Он не мог ни стать, ни остаться рабом смерти, так как был безгрешен. Безгрешный, Он не должен был умереть, но из безграничного человеколюбия добровольно принял на Себя смерть и сошел в царство смерти, где души человеческие из-за своего греха рабствуют смерти. Так смерть (и все души человеческие в ее царстве) впервые увидела безгрешного человека — драгоценность, которой никогда не имела. Но она была не в состоянии Его удержать в своем царстве, ибо в Нем не было греха, за который она могла бы схватиться и забрать Его в рабство, как остальных людей. Напротив, Своим присутствием в царстве смерти Он разрушил царство смерти и греха Своею безгрешною и потому всесильною человеческою природою. И сделал это ради людей и вместо людей. Ибо как новый Адам, как новый родоначальник рода человеческого, как новый обладатель всеобщей природы человеческой, Он всепобедную силу Свою перенес на людей и избавил их *от власти темныя*, от власти греха, от власти смерти, от рабства смерти. Искупление совершено тем, что Он Себя, Свою безгрешную Богочеловеческую всеценность отдал смерти и таким образом избавил род человеческий от ее рабства. Смерть было польстилась на такое драгоценное существо, но это ее уничтожило и царство ее разорило. После такого беспримерного искупления смерть не могла и не имела права удерживать долее в своей власти человеческую природу. Человеческая природа

¹[Ио.] Злат. Там же. Номил. II, 3 [Бес. II, 3 на Кол.; с. 369–370] // [PG 62], 312–313.

была искуплена очевиднейшим и убедительнейшим образом, ибо кто когда-либо отдавал столько за выкуп какого-нибудь раба? А человеколюбивый Господь отдал Себя, безгрешного Богочеловека, пролил Свою драгоценную кровь, капля которой более ценна, чем все миры, вместе взятые. Поэтому только в Нем *имамы... оставление грехов* (Кол. 1, 14), ибо только Он имеет власть *отпущати грехи* (Мф. 9, 6; ср. Ин. 20, 23).

Господь Христос *есть образ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15). Вот почему кровь Его так драгоценна и всеценна, ибо это кровь Самого Бога. Бога, Который стал человеком и дал человеку все Свое Божество, все Свои Божественные ценности и силы, соединив их нераздельно и навеки с человеческою природою. В Нем мы видим *образ Бога невидимаго* — лик Самого Бога, насколько зрение человеческое может видеть Бога. А увидеть Его как Бога и безгрешного человека в своем царстве — это и для самой смерти была смерть. Отсюда ее бессилие в том, чтобы удержать в своем царстве тьмы Бога и души человеческие, ради которых Он и сошел туда. Когда же Он сошел в ее царство и она увидела в Нем Бога и безгрешного человека, тогда она вся ужаснулась, умерла от силы Его и потому не могла удержать в своем царстве ни Его, ни души человеческие, ради которых Он [туда] сошел (ср. Деян. 2, 24).

В Церкви человек впервые в истории своего существования соединяется с Вечным, с Богом Словом, а через человека соединяется и вся тварь. Так, время соединяется с Вечностью, временное с Вечным, тварь с Творцом. Становится ясным всеистинное благовестие: Творец — Бог Слово — *перворожден всяя твари* (Кол. 1, 15). Всякая тварь имеет свое начало во времени и со временем, а Господь Христос не имеет временного начала. Он рожден от Бога прежде всех времен: безначально рожден в вечности, Он и Сам вечен, как и Бог Отец, Который родил Его. Отец — вечный Отец, ибо Сын — вечный Сын. В вечности не было мгновения, когда бы Отец был без Сына. Если бы было такое мгновение и если бы Сын был позже по Божеству, чем Отец, тогда не было бы Святой Троицы: Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого. Это значит, не было бы истинного Бога и Господа. Сказано: *перворожден всяя твари*,

дабы Господа Христа, всесильного Творца, не путали с сотворенными. Всесильный Творец? Да, *яко Тем создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы, аще господствия, аще начала, аще власти: всяческая Тем и о Нем создашася* (Кол. 1, 16). Кто, кроме Бога, может иметь такое творческое всесилие? Мы, люди, еще и поверхностно не успели познать все то, что создано на самой земле, а тем более во всей вселенной или же в невидимом мире! Какие творения, какая сила, какая слава! *Всяческая, яже на небеси*, из всего этого святой апостол упоминает лишь кое-что: ангельские престолы, господства, начала и власти. А об остальном с удивлением и благочестием умалчивает. Человеческий ум не в состоянии вообразить, а тем более понять Божие творение от начала до конца. В этом апостольском благовестии для нас самым главным является то, что ничто не осуществилось без мудрости и воли Божией, без Его совершенной премудрости и всесильной воли.

все сотворенное
логосно

По своему происхождению все — от Бога Слова, по своей сути все — логосно. А по цели? И по цели все логосно, ибо все не только через Него, но и *о Нем создашася*. Такова наша стезя: начавшись от Безначального, мы завершаем Бескрайним. И наше начало, и наш конец — в Боге Слове. Не только наш, но и всего творения. Было бы нелогичным и неестественным, если бы у логосного творения была иная цель, а не Бог Слово. Божественные логосные силы на самом деле суть единственно действенные силы в мире. Это рождение потомков от предков, плодов из семени, это неустойчивое проживание жизни в бесчисленных тварях, это чудесное развитие всего существующего в бесчисленных формах — все это бывает по таинственной деятельности логосных творческих сил, заложенных во всю тварь при их создании.

Логосная целесообразность мира и жизни нарушена грехом. Откуда же грех в мире, созданном безгрешным Богом Словом? — От злоупотреблений творческими логосными силами. Логосная сила, которой по свободной воле злоупотребляют, чтобы она не шла к своей цели — Богу Слову, работала не на Него, а против Него, — это и есть грех. Также грех — это та сила, которая своей

логосная целесооб-
разность мира и грех

целью провозгласила или себя, или какую-то иную тварь. В этом весь диавол, в этом и человек, если он следует грехом за диаволом. Моя цель не Бог Слово, а я сам, весь в себе и весь для себя. Такова логика всякого греха, и самого большого, и самого малого. Следовательно, грех — это единственная алогичность, единственная алогичность в мире. Бог Слово для того и стал человеком, для того и основал на Себе Церковь, чтобы освободить человека от этой убийственной алогичности, спасая его от греха, смерти и диавола. Таким образом Он восстановил логосную целесообразность в нашем человеческом мире. Логосная единосущность связывает мельчайшую букашку с величайшим солнцем вселенной, человека — с ангелом и атомом. Единство цели, единство происхождения, единство становления. Ибо мы все от Него — Бога Слова, все и вся, кроме греха и зла. Зла же и не бывает вне греха. Свободная воля, созданная боголикой, боголюбивой, отвернулась от Бога, двинулась в обратную от Него сторону и действует против Него. В этом и заключается сущность всякого зла: и диавольского, и человеческого. В этом и заключается смерть, ибо прервана связь с Богом Словом, от Которого и жизнь, и бытие (ср. Ин. 1, 3–4).

Но Богочеловек Господь Христос, хотя и пребывающий целиком в человеке и в Церкви, все же весь окружен и весь исполнен Своими бесчисленными Божественными логосными бесконечностями. Отсюда и благовестие: *и Той есть прежде всех, и всяческая в Нем состоится* (Кол. 1, 17) Также Он есть *Начаток* (Ин. 8, 25). Или лучше сказать: Он есть *Начаток* всякому началу, а сам — Безначальный *Начаток*.

логосное
всеединство

Поэтому Он и есть прежде всего созданного. Ничего более начального, чем Он, нельзя и помыслить. Начало и праначало всякой вещи в Нем и от Него. И все в Нем: все, что живет, живет Его животворными силами; все, что существует, существует Его бытотворящими силами. Все окружено Им. Но и все — через Него. Вне Него — только небытие. Это логосное всеединство всего существующего трудно ощутить человеку, так как его душа разбита грехом. Бог Слово становится человеком, дабы освободить человека от греха и дать ему возможность ощутить и пережить это всеединство. Ради этого Он и основывает

Церковь в Своем Богочеловеческом теле. И люди, ставшие членами Его Богочеловеческого тела, ощущают и переживают логосное всеединство твари по мере своей святости, своей охристовленности, своей обогочеловеченности. Святейшие из них ощущают это наиболее сильно и переживают это наиболее сознательно.

Только в воплощении Бога Слова и образовании Церкви как тела Его нам открыта тайна всех вещей, всех существ, всех миров, тайна и цель, даже тайна Самого Троиединого Божества. Это — Церковь. И в ней логосное всеединство и всецелесообразность. Прежде всего всеединство Бога и человека, а потом и всех вещей, всего, что существует на небе и на земле. И Он, Богочеловек, Второе Лицо Пресвятой Троицы есть

логосная всецелесообразность

глава телу Церкви (Кол. 1, 18), и как глава

Он держит тело Церкви в органическом всеединстве. Все животворные и творческие силы исходят из Него и разливаются по всему Богочеловеческому организму Церкви. Как глава телу Церкви Он в нем всем управляет, всем руководит. И, таким образом, все, что в Церкви, переживает свою логосную Божественную тайну и свою логосную Божественную цель, ибо *всяческая в Нем состоится* [Кол. 1, 17]. Без Него как главы всего творения этот мир и все миры, эта вселенная и все вселенные — не что иное, как безглавые алогосные чудовища. Поэтому

грех — противологосная сила

все, что не входит и не хочет войти в Его Богочеловеческое тело, неминуемо пропадает и гибнет во грехе и небытии. И там

сходит с ума в бессмысленности и беспечности всего. Ибо как алогосная и противологосная сила грех вытесняет логосность из человека и из всего, что его окружает. Таким образом, грех обесмысливает и человека, и мир вокруг него. И грехолюбивый человек непременно воспринимает себя и мир около себя как неоправданную бессмыслицу и беспечную комедию или как безумную трагедию и навязанную тиранию.

Спасение от этого — в ологосении человека, а это возможно только в Церкви, под Христом как главою. Став членом Богочеловеческого организма Церкви, человек постепенно ологосуетя, живя в этом организме

его логосными силами. Это ологосение развивает в нем ощущение

и сознание всеединства миров, существ, вещей и их всецелесообразности, всецелесообразности, вселогичности. Этому человеческому логосному ощущению всеединства всегда сопresentствует ощущение его собственного, равно как и всеобщего бессмертия. Поэтому в Церкви ощущение единства с усопшими у людей живо в той же степени, как с действительно живыми и бессмертными существами. А среди них, прежде всех них и через

всех них — Он, *перворожден из мертвых* ^{перворожденный из мертвых} (Кол. 1, 18). Да, перворожденный, ибо Он на

земном шаре — первое человеческое существо, которое воскресло, чтобы более никогда не умирать, но жить вечно. «И прежде были воскресающие, но опять умирали. Он же воскрес и не умирает (воскрес совершенным воскресением — *И П.*)»¹. *Перворожденный и Начаток* истинного бессмертия, за которыми следуют все истинные земные бессмертные — христиане. В Нем, Едином Бессмертном и Всеживом, все усопшие живы и бессмертны. Мертвых нет — это живейшее ощущение и острейшее сознание членов Церкви. Все между собою связаны логосным бессмертием, все суть *воскресения сынове* (Лк. 20, 36). Поэтому *да будет во всех Той первенствуя* (Кол. 1, 18), Он — воплощенный Бог Слово, Господь наш Иисус Христос, совершенный человек, совершенный Богочеловек. *Во всех первенствуя*: в мире, в жизни, в душе, в сердце, в сознании, в мыслях, в намерениях — везде, во всем и всех первый. *Ибо всяческая Тем и о Нем создашася*. Если Ему не принадлежит первое место в нашей душе, то она разрушается; если Ему не принадлежит первое место в нашей совести, то наша совесть разрушается; если Ему не принадлежит первое место в нашем мире, то наш мир разрушается и погружается в хаос, в страдания, в смерть. Все трагедии всех миров происходят от того, что некоторые существа: бесы и люди — не хотят, чтобы Он был *во всех первенствуя*, но отталкивают Его и на Его место ставят себя, или какую-нибудь вещь, или какое-то собственное измышление. Поэтому наши миры и погрузились в хаос, поэтому в них все рушится, ломается, распадается и пропадает. Нигде нет порядка, цели, ибо нет Того, в Котором только и может быть познана суть

¹ *Феофил.* [Болг.] Ad loc. [Толк. на Кол. 1, 18; с. 549–550 // PG 124, 1224 С.]

каждого существа и твари, в Котором каждый может найти свое истинное место в мире и делать свое дело.

По сути, все создано как Церковь: вся вселенная, все миры и все существа в этих мирах. Вся тварь есть не что иное, как овеществленные мысли и силы Бога Слова. Поэтому Он — Творец всего и цель всего. Воплотившись, Он довершил, dokonчил творение, поэтому Церковь — Его тело, а Он — вечная глава этого вечного тела. Все в Церкви Им стоит, Им существует. Церковь — это Его полнота; Он — полнота Церкви. Отсюда и многозначительное благовестие святого апостола: *яко в Нем благоизволи (Отец) всему исполнению вселитися* (Кол. 1, 19). *Все исполнение: Жизни, Истины, Любви, Правды, Мудрости, Вечности и всего Божественного, что возможно помыслить, — и все исполнение* всего сотворенного, ибо все, что сотворено, — все

в Нем (ср. Кол. 1, 17). Богочеловек — всеполнота. И эта всеполнота постоянно пребывает в Его Богочеловеческом теле, Церкви, ибо

Он весь в ней, и она — вся в Нем. Эту всеполноту всякий член Церкви ощущает как нечто свое, и ничего иного ему не требуется, ибо, имея Господа Христа, он имеет все и вся, что ему необходимо для жизни вечной во всех мирах. Эта Богочеловеческая всеполнота не имеет ничего общего с некоторыми философскими теориями о всеполноте, ибо все они суть абстракции и мертвые схемы. Богочеловеческая же всеполнота — живая, опытная, воспринимаемая небоземная реальность. Ее может пережить всякий, становясь живой клеточкой Богочеловеческого организма Церкви. Но чудесный Богочеловек Господь Иисус Христос больше и самой этой всеполноты, ибо сказано: в Нем обитает вся полнота (ср. Кол. 1, 19), а Он возле нее, больший и более бескрайний, чем она... Без него вселенная претворяется в огромный, пустой и опорожненный труп, а люди в ней — всего лишь трупы, пустые изнутри и пустые снаружи, трупы на огромном трупе.

Церковь — это воплощенный Бог Слово. Почему? Потому, что собою она восстановила первобытную логосность мира. В этом участвует Бог Отец Своим благоволением, Бог Дух Святой Своим

содействием, а воплощенный Бог Слово, Спаситель, всецелым Своим существом и всей Своей Богочеловеческою деятельностью. Все — с одной целью: спасти род человеческий, а через него и всю тварь от греха, смерти и дьявола. В Своем бесконечном человеколюбии Бог Отец принимает добровольный Богочеловеческий подвиг самопожертвования возлюбленного Сына Своего, дабы *Тем примирити всяческая к Себе, умиротворив Кровию креста Его, чрез Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол. 1, 20).

Уничтожить грех, этот единственный источник беспокойства в мире и вражды к Богу, и кровью креста Своего установить мир между Богом и всем, что на небе и на земле, — вот ради чего Бог Слово стал человеком. А чтобы не навязывать людям Себя, Спасителя, силой и чтобы человеколюбием Своим расположить их ко спасению от греха, Он Своей добровольной крестной жертвой уничтожил величайшего врага рода человеческого — смерть. Своею добровольной смертью Он уничтожает нашу смерть. В этом и состоит Его человеколюбивая жертва за нас. Как всемогущий Бог, Он мог спасти людей от греха и другим каким-нибудь способом, но всякий иной способ был бы более выражением Его Божественного всемогущества, чем Божественного человеколюбия. Главное же для него, чтобы люди из любви сделали свободный выбор — спастись от греха. Он добровольно берет на Себя самое страшное и убийственное для людей на земле — смерть и все муки, с ней связанные. К тому же позорнейшую смерть — смерть на кресте. Через Свою смерть Он сходит в царство смерти тем же путем, как

и все люди. Сходит, чтобы и там явить спасение от смерти, ибо в царстве смерти неизмеримо больше человеческих существ, чем на земле. Он вошел в царство смерти, как и всякий человек, но так как Его Божество было нераздельно соединено с Его человеческою природою, в данном случае с душою (хотя Он не отделялся от Своего тела), то Он появился там и как Бог, и как человек, как Богочеловек. Это то, что разрушило смерть, уничтожило ее изнутри. *Смертию смерть поправ*, Богочеловек воскрес из мертвых и освободил от смерти род человеческий. Через Свое воскресение

Церковь —
 воплощенный
 Бог Слово

Богочеловек в царстве смерти

Он как Богочеловек связал людей с бессмертной жизнью, дал им новую жизнь и новое, Богочеловеческое ощущение вечной жизни, всежизни в Нем. А также ощущение всеединства в Нем: и неба и земли, и Бога и человека, и этой и иной жизни, и живых и умерших. Поэтому крестная смерть Спасителя столь важна и столь необходима в домостроительстве спасения мира. Ибо без Его смерти не было бы и Его воскресения, а значит, не было бы ни спасения от смерти, ни победы над смертью. Кроме того, не было бы вознесения тела на небо — этой заключительной всеславной цели Богочеловеческого подвига спасения. А это означает, что человек остался бы рабом смерти; бессмертие, а с ним логосное всеединство твари не было бы восстановлено; грех бы и далее оставался сильнее людей, а с его помощью и смерть, и диавол. Мукам человеческим не было бы конца ни в одном из миров.

Приводя апостольское благовестие: *Тем примирит всяческая к Себе, умиroitворив Кровию креста Его, чрез Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол. 1, 20), святой Златоуст благовествует: «Великое дело — примирение, еще более — (примирение) чрез Него, а еще более — (примирение) кровию Его, и не просто кровию, но, что еще больше, крестом, так что здесь пять вещей, достойных удивления: Он примирил (нас) с Богом, Сам Собою, смертию, крестом. О, как Он (с другой стороны) соединил все это! Чтобы ты не подумал, будто все это одно и то же и крест сам по себе не значит ничего, он говорит: *чрез Него*¹. На каком основании он считает это важным? На том, что (Сын Божий) совершил все это не так, что только сказал несколько слов, а так, что предал Самого Себя для примирения. Но что значит: *небесная*? Что касается земного, то это понятно, потому что здесь все было наполнено враждою и разделилось на множество (частей); каждый из нас был в несогласии сам с собою и со многими другими. Но как Он умиroitворил *небесная*? Уже ли и там был раздор и несогласие? Как же мы говорим в молитве: *да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли* (Мф. 6, 10)? Что на это сказать? Земля была отделена от неба,

¹ Ср.: блаженный Феодилакт говорит: святой апостол, «сказав: *Кровию креста*, не остановился, но прибавил: *Его*, чтобы ты не подумал, что крест имеет силу сам по себе. Ибо не просто крест спас, но именно Его крест» ([Феофил. Болг.] Там же, сар. 1, vers. 20 [Толк. на Кол. 1, 20; с. 550] // [PG 124], 1225 В).

ангелы враждовали против людей, видя оскорбляемым своего Владыку. *Возгавити*, говорит, *всяческая во Христе, небесная и земная* (Еф. 1, 10). Как? Небесное вот так: Он переселил туда человека, возвел туда того, кто был врагом, кого там не любили. Он не только водворил мир на земле, но возвел его (человека) к ним (ангелам) — человека, который был неприятелем и врагом. Это — глубокий мир. Ангелы опять являются на земле, потому что человек явился на небе... (Господь) сначала их низвел к нам, а потом человека возвел к ним; земля стала небом, потому что небо имело принять к себе земных (обитателей)... Теперь небо уже не заграждено от нас непроходимую преградю. Прежде ангелы были распределены по числу народов, а теперь уже не по числу народов, а по числу верных. Откуда это видно? Выслушай слова Христовы: *блюдите, да не презрите единого от малых сих... Яко Ангели их выну видят лице Отца Моего Небеснаго* (Мф. 18, 10). Каждый верующий имеет ангела¹.

В теле Бога Слова, Церкви, все человеческое исцеляется от всего греховного, смертного и дьявольского. Исцеляется ум, разум, совесть, сердце, воля — словом, исцеляется всецелое человеческое существо. Искупительная, воскрешающая, преображающая и возносящая жертва Спасителя охватывает всецелого человека и все человеческие существа. Богочеловеческий подвиг примирения людей с Богом, благодаря Церкви, распространился и на язычников, некогда отчужденных от истинного Бога, Его врагов. Отчужденных чем? Грехами, жизнью *в делех лукавых* (Кол. 1, 21). Зло по своей природе чуждо Богу и потому — отчуждает от Бога. И грехолюбивые люди претворяются во врагов Божиих. Ибо грех тем и грех, а зло тем и зло, что они враги Богу и всему Божиему. Но самое страшное, когда люди становятся врагами Божиими «разумом», то есть когда сознательно живут во зле, работают на зло, оправдывают зло. Их зло разумно, «рационально», основано на доводах разума, логики. Да, оно логично. Так случается с человеческим разумом, когда грех через грехолюбие пронизывает все существо человека: и душу,

¹ [Ио.] Злат. Там же. Homil. III, 3.4 [Бес. III, 3–4 на Кол.; с. 382–383] // [PG 62], 321, 322.

и сердце, и разум, и волю — и настолько соединяется с ними, что участвует во всей их деятельности как их внутренняя, прирожденная действительная сила. Тогда грешные мысли, грешные желания, грешные ощущения становятся «естественными», логически оправданными, разумно оправданными. «Грех — это какая-то умная и мысленная сила сатаны»¹, по необычайно глубокой и многозначительной мысли святого Макария Великого. Если грех приживется в человеке, он постепенно сольется с его разумом, с его логикой, и тогда всякое зло станет для человека и логичным, и естественным, и необходимым. А Бог и Божественное добро станут нелогичными, неестественными и ненужными. Более того, огреховленная логика, огреховленный разум утверждают: *несть Бог* [Пс. 13, 1] и приводят в пользу этого «логические доказательства», «доказательства разума».

«Отчужденные разумом» от Бога и всего Божиего, люди становятся врагами Богу по логичным причинам, «разумом», и свое безбожие оправдывают «логичным» и «рациональным» доводами. А это безбожие неминуемо выражается в *делех лукавых*. Ибо безбожие и злодеяние всегда следуют вместе. Живя логикой греха, люди смотрят на злые дела как на что-то логичное, необходимое и естественное в нашем человеческом мире. Зло настолько срослось с разумом, что стало его *modus vivendi*, а тем самым и *modus cognoscendi*². Для людей, которые *помышленьми в делех лукавых* (Кол. 1, 21), и *отчуждени от жизни Божия* (Еф. 4, 18), зло является некой рациональной необходимостью жизни и мышления. В этом сущность язычества и безбожия. В этом их апология зла, в этом их оправдание зла («какодицея»).

От такого всеубийственного зла [нас] освобождает чудесный Господь Христос Своей человеколюбивой смертью и воскресением. И тем самым Он Божественно осмысливает и существо человеческое, и жизнь человеческую; показывает, что Божественный разум, Божественная логосность, Божественная логика в действительности — единственная логика, единственный смысл и человеческого существа, и человеческой жизни, и всего, что существует.

¹[Макар. *Егунет.*] Homil. XXIV, 3 [Беседа XXIV, 3; с. 377] // PG 34, 664 D.

²Образ жизни, образ сознания (лат.). — *Ред.*

Поэтому святой апостол и благовествует членам Церкви: *ныне же примири в теле Плоти Его смертию Его* (Кол. 1, 22), то есть примирил вас с Богом, с Божественным добром, с Божественным разумом, дабы вы перестали быть приверженцами зла и врагами Богу. Ныне и себя, и мир вы видите в логосном свете и всецелесообразности. Ныне вы ощущаете и понимаете, что воплощенный Бог Слово действительно — единственный Разум, единственный Логос, единственная Логика жизни и мира. В Нем — истинная логичность и разумность человеческого разума; в Нем — истинная логосность и логичность человеческой логики. Только в Нем и Им человеческий разум приходит в себя, приходит к своей истинной сущности, своему истинному смыслу, своей истинной жизни — святой жизни. Дать возможность людям вести святой образ жизни, дать им силы осуществить его — вот цель Спасителя, Его Богочеловеческого подвига спасения мира. Человеколюбивый Господь добровольно принял на Себя смерть крестную, дабы *представити вас святых, и непорочных, и неповинных пред Собою* (Кол. 1, 22). А все силы для этого суть в Его Богочеловеческом теле — Церкви. Если вы встроитесь в это святое тело, у вас постепенно будут освящаться и совесть, и разум, и душа. А из этих освященных источников естественно потекут святые мысли, святые ощущения, святые желания, претворяясь в святые дела. Так в святой и соборной жизни Церкви ваше святое жителство непрестанно развивается и растет из силы в силу. И все это совершает человеколюбивый Господь, дабы *представити вас святых, и непорочных, и неповинных пред Собою* (Кол. 1, 22).

Господь, — благовествует святой Златоуст, — «не только освободил нас от грехов, но и поставил в числе прославленных. Он претерпел столько не для освобождения только от зла, но и для того, чтобы возвести нас к первоначальному состоянию, подобно тому, как если бы кто, освободив осужденного от наказания, возвел его еще в почетное состояние. И Он поставил нас в числе не согрешивших ни в чем, или лучше, в числе не только не согрешивших, а и совершивших величайшие подвиги, и что еще больше, даровал святость пред Собою. Слово же: *неповинных* выражает более, чем непорочность, так как название: неповинный прилагается

к нам тогда, когда мы своими делами не доводим себя даже до осуждения или упрека»¹.

Все это возможно, как благовествует святой апостол, только при одном условии: *еще убо пребываете в вере основани, и тверди, и неподжимими от упования благовествования, еже слышасте проповеданное всей твари поднебесней* (Кол. 1, 23). Другими словами, если вы всею душою, всем сердцем, всею жизнью, всем существом — в Евангелии. Что есть основание вашего существа? Если Евангелие, тогда вы дом души своей построили на нерушимом основании, тогда вы *тверды* и никакая злая сила не может вас ни одолеть, ни погубить. Тогда сквозь все бури, и искушения, и ураганы зла вас ведет неустрашимый путеводитель — евангельское упование. Главное, будьте *неподжимими от упования благовествования*, тогда ничто вас не разлучит от него.

Сказано: *еще убо пребываете*. Значит, от вас зависит все: и основание в вере, и твердость, и упование благовествования. Что такое основание в вере? Основание в вере вашего ума, вашего сердца, вашей совести, вашей воли, всего вашего существа. И еще основание в вере значит утверждение всего на вере: всей своей жизни, всех своих отношений к людям и ангелам, к травам и животным, к небу и земле, к миру и мирам, к истине и правде, к смерти и жизни, к добру и злу, к бессмертию и вечности, к Богу и диаволу, — одним словом, ко всему и всяческому. Ибо *всяко же, еже не от веры, грех есть* (Рим. 14, 23). *Еще убо пребываете... неподжимими от упования благовествования* [Кол. 1, 23] во всех бедах и страданиях, ранах и темницах, принятых за Христа, всегда *взирающе на Начальника веры и Совершителя Иисуса* (Евр. 12, 2), всегда стремясь к цели, *к почести высшаго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 14). *Еще убо пребываете в вере основани и тверди*, во всех ее истинах и святыхнях, святых таинствах и святых добродетелях, во всех святых силах, они освятят вас и выведут вас, *святых, и непорочных, и неповинных*, пред Христа, да еще в такое благовестие и радость, какого око людское никогда не видело и сердце какого не чувствовало (ср. 1 Кор. 2, 9).

¹[Ио. Злат.] Там же. Homil. IV, 1 [Бес. IV, 1 на Кол.; с. 387–388] // [PG 62], 325–326.

Всеохватным Богочеловеческим благовестием Церкви Евангелие *проповедано всей твари* (Кол. 1, 23). Да, проповедано камням, и они вскричали от боли, когда увидели своего чудесного Благовестника, в муках испускающего дух на кресте (Мф. 27, 50–51); проповедано морю, и оно познало Бога Евангелия, и смирилось пред Ним, и возбужденно, как на крыльях, носило Его на волнах; проповедано зверям, и звери укрощались пред Господом Евангелия, вместе с Ним жили в пустыни и кротко Ему служили, о каковом благовестии и сказано в Божественном Евангелии: *и бе со зверьми* (Мк. 1, 13); проповедано всякой твари, которая благого и всемилостивого Господа Иисуса видела, слышала и чувствовала. А видели Его, слышали Его, чувствовали Его и птицы, и бабочки, и букашки, и цветы, и ветры, и дожди, и трава, и животные, и воздух, и свет, и облака, и солнце, и звезды — все на земле видело Его, все ощутило, все Ему открылось, все к Нему потянулось, все Ему соболезновало, все и вся к Нему устремилось, ибо из Него лилась непрестанно сила благовестия и она нежно разливалась по всей твари. Так [было] непрестанно до тех пор, пока Он на земле пребывал в Своем святом теле, а когда Он уходил с нее, Он эту благую силу, воплощенную в Богочеловеческом теле Церкви, продолжающуюся Церковью сквозь все века, передал Своим святым Ученикам и послал их проповедовать Евангелие всей твари: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари (πάση τῇ κτίσει)* (Мк. 16, 15).

Всеблаговестие Церкви Христовой охватывает и христоликие страдания членов Церкви как *стелесников* (Еф. 3, 6) Богочеловеческого тела Христова. Ибо они в этом пресвятом теле переживают страдания Спаса как составную часть своего подвига спасения. Причем необходимую составную часть. Доказательство? Сам Господь и Бог придал столь великое значение Своей крестной смерти и кресту в Богочеловеческом домостроительстве спасения мира. Страдание за Христа, сострадание христианина Христу — вот спасение. Всякий спасаемый должен пережить страдание Христово как свое, сораспяться Христу, соединиться с Ним в страдании и смерти, чтобы таким образом соединиться с Ним и в воскресении (ср. Рим. 6, 5; Флп. 3, 10–11). Чем ревностнее

Евангелие —
всякой твари

христоликие
страдания членов
Церкви

христианин, тем глубже и всестороннее переживает он спасительное страдание как свое. Ему всегда мало страданий за Христа. *Христови срасняхся* (Гал. 2, 19), — утверждает святой апостол. А к Колоссянам пишет: *Ныне радуюся во страданиях моих о вас* (Кол. 1, 24). Спасительное страдание должно быть выстрадано. Хотя и много пострадавший за Господа Христа, христоролюбивый апостол восполняет *лишение скорбей Христовых по плоти* своей (Кол. 1, 24). Каким образом? Страдая за Колоссян, которые суть *тело Его* (Кол. 1, 24), то есть тело Христово, Церковь. А в Церкви непрестанно переживается вся жизнь Спасителя, от начала и до конца. Всякий спасаемый обязательно переживает Его, ибо в том и состоит спасение. Высшая точка подвига восприятия Христа — в переживании Его спасительных страданий. Ревностный христианин *исполняет* их постоянно в своем теле, их спасительная сила непрерывно требуется всякому христианину на всем пути спасения. Поэтому христоносный Павел всегда алкал новых страданий за Христа. Подражая Спасителю, он радостно страдает и за других, и вместо других, дабы своими страданиями как можно больше приблизить их к спасению, то есть к их жизни в Спасителе. Ибо спасение есть не что иное, как непрерывная жизнь в Спасителе, за Спасителя и ради Спасителя. Подобно святому апостолу, по самой природе подвига спасения все святители Божии алчут страданий за Христа. В какой-то степени они постоянно ощущают, как мало они еще пострадали за Христа, и непрестанно стараются восполнить *лишение скорбей Христовых по плоти* своей (Кол. 1, 24). Поступая так, они всегда поступают как члены Церкви, поэтому страдания их всегда бывают *за Тело Его, Еже есть Церковь* [Кол. 1, 24]. И они радуются всякому евангельскому страданию, как исключительной милости Божией и благовестию Божию. Воистину, *радость спасения* имеет своей высшей точкой радость воскресения, но проходит сквозь радость страдания (Пс. 50, 14).

Ссылаясь на слова святого апостола: *исполняю лишение скорбей Христовых по плоти моей* (Кол. 1, 24), святой Златоуст боговдохновенно благовествует: «Мне кажется, страдания за тело Церкви он сказал великое; но это не по дерзости, — нет! — а по сильной любви ко Христу. Он хочет, чтобы эти скорби присвоились не ему, а Христу; и сказал

таким образом потому, что желал привлечь их (слушателей) ко Христу. *И яже аз стражду*, говорит, *Его ради стражду*. Поэтому не мне воздавайте благодарность, а Ему: Он терпит это. Так он не стыдится и эти страдания приписывать Ему, потому что (Христос) и теперь собственным Своим телом подвергает Себя опасности ради Церкви. К этому направлена его речь, то есть, что вы не сами бываете приводимы, а Им, хотя делаем это мы, — мы приняли на себя не свое дело, а Его... А что (апостол) действительно за Него (Христа) это делал, об этом послушай, как он сам говорит: *за Тело Его*, желая этим сказать, что я не вам угождаю, а Христу, потому что терплю за Него то, что должно было терпеть Ему. Посмотри, как много он высказывает, обнаруживая сильную любовь. Как во втором Послании к Коринфянам он писал: *в нас положи служение примирения* (2 Кор. 5, 18), и еще: *во Христе посольствуем, яко Богу молящу нами* (2 Кор. 5, 20) — так и здесь, чтобы более привлечь их, говорит то же: *Его ради стражду*, то есть, хотя Тот, Кто должен вам, и удалился, но я отдаю Его долг. Вот и о *лишении* он говорит с целью показать, что, по его мнению, Христос еще не все претерпел. За вас, говорит, Он и по смерти страдает, если требует нужда. То же он представляет иначе и в Послании к Римлянам, говоря: *Иже и молится за ны* (Рим. 8, 32), показывая, что Он не удовольствовался только смертью, а и после того делает за нас бесконечно многое. Таким образом, он говорит это не для собственного превозношения, но желая показать, что Христос и доселе заботится об них, а для удостоверения своих слов прибавляет: *за тело Его*¹. То есть, что это действительно так и что здесь нет ничего невероятного, видно из того, что все это бывает ради тела Его — Церкви.

Вне Церкви нет апостольской богомудрости. Что такое апостол? Слуга Церкви. А апостольство? Служение Церкви. *По смотрению Божию* (κατὰ τὴν οἰκονομίαν τοῦ θεοῦ) (Кол. 1, 25). Таково Богочеловеческое домостроение спасения мира (οἰκονομία). Ибо спасение есть служение Церкви. А служение состоит в послушании Церкви. Ибо в ней все святые силы спасения, неиссякаемый Божественный источник которых — Сам Господь спасения, Богочеловек Иисус Христос. Поэтому Церковь — исключительное,

¹[Ио. Злат.] Там же. Homil. IV, 2 [Бес. IV, 2 на Кол.; с. 389–390] // [PG 62], 326, 327.

Церковь — все-
тайна, всесвятыня,
всеблаговестие

самое исключительное существо во всех мирах. Она Божественно чудесным и таинственным образом есть Богочеловек Христос в своей полноте всех Богочеловеческих свойств и совершенств. Поэтому она есть тайна из тайн, святыня из святынь, благовестие из благовестий — всетайна, всесвятыня, всеблаговестие. Она составляет *тайну, сокровенную от век и от родов, ныне же явися святым Его* (Кол. 1, 26). Сокровенную Богом из-за тьмы грехов и нашей смерти, а ныне? Она явлена Господом Христом *святым Его*. Она, эта всесвятая тайна явлена *святым. Святая — святым*. И так всегда. Перед свиньями бисер не мечут. Свиньи — это страсти, которые не различают святыни от помоев. Влюбленные в грехи и в смертоносные сласти, люди, все люди всех поколений и всех времен, тьмою зла скрывали от себя единственную спасительную святыню, благовестие, тайну — Бога Слова. И сама эта пресвятая тайна скрывалась от несвятых существ. *Ныне же явися* — воплощением Бога Слова, Его жизнью, страданием, смертью, воскресением, схождением Святого Духа — явилась как Церковь и осталась в мире как Церковь. А Церковь — Божественная цель и смысл всех миров, всех существ, а прежде всего людей; Божественное святилище, Божественная *Святая святых*, которая освящает, спасает от всего несвятого: от греха, зла и дьявола; Божественный храм Пресвятой Троицы, в которой живут от Отца через Сына в Духе Святом, живут, и крещаются, и преображаются, и освящаются, и спасаются, и воскресают, и возносятся, и охристовляются, и обоживаются, и обогочеловечиваются, и отроичиваются. Действительно, это пресвятая тайна, всетайна, действительно, пресвятое благовестие, всеблаговестие.

Таково богатство этой святейшей всетайны Божией — Церкви. Нет ничего богаче, ничего прославленнее ее ни на небе, ни на земле. Это ощущают те, в ком развито чувство святого, Божественного, вечного, Богочеловеческого. Прежде всего и более всего это — святые. И все христиане, каждый по мере своей святости. Ибо все христиане святые по призванию и по назначению. Святым душам Господь являет Свою святую тайну. Поэтому они — столь неустрашимые проповедники и исповедники этой святой тайны. Церковь — единственное *богатство славы* [Кол. 1, 27] в этом мире

срама и смрада греховного, смертного, дьявольского. В этом *богатстве славы* — единственная, настоящая и бессмертная слава человеческого существа, ибо оно спасает человека от того, что позорит и убивает его: от греха, смерти и дьявола. Поэтому для людей, для всех людей Церковь есть *упование славы* [Кол. 1, 27], единственное истинное упование единственной истинной славы. Это *богатство славы* человек ощущает, когда он верой становится членом Богочеловеческого тела Церкви и Христос вселяется в него через святые таинства и святые добродетели; ввиду чего святой апостол и говорит: *богатство славы тайны сея... иже есть Христос в вас* [Кол. 1, 27]. Со Христом в себе люди обогащаются неиздеваемым богатством: Богом и Божественными совершенствами (ср. Лк. 12, 21; Рим. 10, 12; 11, 33; 1 Кор. 1, 5; 2 Кор. 6, 10; 8, 9). Это богатство неоскудевающее, его не может ни моль съесть, ни ржа источить, ни воры не могут украсть (ср. Мф. 6, 19–20; Лк. 12, 33). Оно хранится в душе с помощью евангельских добродетелей и жизни в них, жизни, которую можно вести только в Церкви с помощью ее благодатных сил. А они обильно и непрерывно изливаются даже через мельчайшие клеточки ее Богочеловеческого организма. Слава, слава человеку — быть в ней хотя бы крошечной клеточкой.

Толкуя боговдохновенные апостольские слова: *кое богатство славы тайны сея во языцех* (Кол. 1, 27), херувимский земной благовестник, святой Златоуст говорит: «Людей более бесчувственных, чем камни, вдруг возвести к достоинству ангелов, единственно посредством безыскусственных слов и одной веры, без всякого труда, — это действительно слава и богатство тайны, подобно тому, как если бы кто-нибудь пса, издыхающего от голода и паршей, гнусного и отвратительного, уже не могущего двигаться и заброшенного, вдруг сделал человеком и показал на царском престоле. Смотри: они поклонялись камням и земле... были пленниками и узниками дьявола, и вдруг наступили на главу его, и стали повелевать им и бичевать его. Слуги и рабы демонов сделались телом Владыки ангелов и архангелов. Не знавшие даже, что есть Бог, вдруг стали сопрестольниками Бога. Хочешь видеть бесчисленные ступени, которые они перешагнули? Нужно было им, во-первых, узнать, что камни не боги; во-вторых, что...

не только камни, но ни земля, ни животные, ни растения, ни человек, ни небо, ни то, что выше неба (не есть Бог); опять, — что ни камням, ни животным, ни растениям, ни стихиям, ни горнему (οὐ τὰ ἄνω), ни дольнему (οὐ τὰ κάτω), ни человеку, ни демонам, ни ангелам, ни архангелам, ни другой какой-либо из тех высших сил не должна поклоняться человеческая природа. Как бы черпая из некоей глубины, им надлежало познать, что Владыка всего — Он есть Бог, что Ему одному должно служить, что дивное устройство жизни есть благо, что настоящая смерть не есть смерть, а настоящая жизнь — не жизнь, что тело восстает, делается нетленным, восходит на небеса, сподобляется бессмертия, водворяется с ангелами, преселяется. Человека, стоявшего так низко, после того, как он перешагнул все эти (ступени, Христос) посадил на небесах, на троне; того, который был ниже камней, поставил выше ангелов, архангелов, престолов, господств. Действительно, хорошо сказал: *кое богатство славы тайны сея!*¹.

Поскольку Господь Христос представляет для людей такое богатство, святые апостолы неустанно проповедают Его всем, *наказуяще всякаго человека и учаще всяцей премудрости*. С какой целью? *Да представим всякаго человека совершенна о Христе Иисусе* (Кол. 1, 28). Ибо только во Христе Богочеловеке человеческое существо может прийти к своему полному совершенству,

ибо в нашем земном мире только Он имеет и раздает людям все необходимые для этого Божественные силы. Исключений нет: всякий человек может стать совершенным во Христе Иисусе, если только захочет. Ибо вера дана всем, Церковь всегда открыта для всех. Всем доступны святые таинства и святые добродетели, а в них святые Божественные силы, с помощью которых человек рождается в человека совершенного. Образец совершенного человека — Сам Богочеловек Господь Христос. Кто становится членом Его Богочеловеческого тела, тот оказывается в Божественной мастерской, в которой постепенно перерабатывается, постепенно вырастает ростом Божиим (Кол. 2, 19), *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Всякий человек создан

¹[Ио. Злат.] Там же. Homil. V, 1 [Бес. V, 1 на Кол.; с. 396–397] // [PG 62], 331–332.

и послан в этот мир как существо, которому предназначен и открыт путь Божественного совершенствования, чтобы он развивал себя в человека совершенного. В этом ему мешает всякий грех, всякое зло, а помогает всякая добродетель, всякое евангельское добро. Поэтому ему на данном пути требуется премудрость, которая бы мудро руководила им и прозорливо вела к Божественному совершенству. Это очень сложный процесс и подвиг, в нем участвует весь человек и все евангельские добродетели. Стать совершенным человеком нельзя в одно мгновение, без труда. Совершенство достигается постепенным совершенствованием. Это не механическая работа и не навязанный дар. Равно это и не дар, который дается готовым. Нет, здесь даются благодатные силы для совершенствования по мере ревности; человек совершенствуется, соединяя дарованные силы со своими природными силами: душою, сердцем, разумом, совестью, волей. Совместное действие благодати Божией и свободной воли человека постепенно осуществляет это совершенствование, до тех пор пока человек не достигнет *в мужа совершенна*.

Имея все это в виду, святой апостол говорит: *в Нем же и труждаюся и подвизаюся по действию Его, действуемому во мне силою* (Кол. 1, 29). «Не просто стараюсь, не как случилось; но *труждаюся и подвизаюся* с великим тщанием, то есть с великим бодрствованием»¹, употребляя всевозможные подвиги², борясь с врагами, видимыми и невидимыми³. «Всякий же труд, вспомоществуемый благодатью Божиею, приемлю на себя охотно, чтобы учением проповеди всех людей соделать совершенными»⁴.

Таков Богочеловеческий закон Богочеловеческого сотрудничества в Богочеловеческом теле Церкви. Святой апостол подвизается всем своим существом, и мощь Христова в нем действует во всю силу. Так и только так осуществляется подвиг евангельского, Богочеловеческого совершенствования человека. Человеку

совместное действие благодати и свободной воли

¹[Ио.] Злат. Там же. Homil. V, 2 [Бес. V, 2 на Кол.; с. 398] // [PG 62], 333.

²Феофил. [Болг.] Там же, сар. 1, vers. 29 [Толк. на Кол. 1, 29; с. 556] // [PG 124], 1233.

³[Икум.] Там же, сар. 1, vers. 29 [Col., сар. VI] // PG 119, 28 С. [В греческом: *νοητῶν καὶ αἰσθητῶν*, «сопротивниками мысленными и чувственными».]

⁴Бл. Феодорит. Там же, сар. 1, vers. 29 [Толк. на Кол. 1, 29; с. 457] // [PG 82], 605 А.

надлежит трудиться, а Христу — давать силы. Это всегда происходит в должной соразмерности. Чтобы ни человек не стал автоматом, ни Бог — ненужным. Человек стал бы автоматом, если бы благодатные силы Христовы без участия его воли и труда осуществляли совершенствование человека, его спасение, его охристовление, его обогочеловечение. А Бог бы стал не нужен, если бы человек хотел только своими силами, без участия благодатных сил Христовых достигнуть совершенства, достигнуть спасения. Но поскольку совершенствование, спасение — это Богочеловеческий подвиг, то требуется и первое, и второе: требуется Богочеловеческое равновесие в Богочеловеческом соработничестве. Этот Богочеловеческий подвиг самосовершенствования есть непрерывная борьба, борьба с грехами, со страстями, с нечистыми духами. В этой борьбе христианин всегда одерживает победу, если борется с помощью благодатных сил, которые дает ему Господь Христос. Борется же он сам, вкладывая всю душу и всю волю. Он дает борца — себя, а оружие получает от Господа Христа. В этой борьбе трудится и мучается его душа, его совесть, его тело, его воля, и по труду он получает силу от Господа, мощно действующую в человеке.

Нет борьбы важнее и страшнее, чем борьба за спасение души. Борьба эта непрерывна и сильна. Борьба с кем? Со всеми страшнейшими врагами человека: с соблазнами, грехами, страстями, смертями, бесами. Все они без передышки алчно восстают на христиан и препятствуют их спасению. Поэтому христиане постоянно при оружии и на поле боя, они борются без остановок и перемирий. Здесь раны и вопли. Здесь оступаются, падают и даже гибнут. Главное же — не сдаваться, против всего вооружаться терпением, и победа обеспечена. Особенно, если наши христианские сердца соединены любовью, *снемлись в любви* (Кол. 2, 2). Тогда мы, христиане, составляем всепобеждающее христианское войско во всех битвах с грехом. Тогда каждый борется за всех и все за каждого, всякий сообщая *со всеми святыми* (Еф. 3, 18). Поэтому от них бежит безоглядно всякий грех, всякая смерть, всякий диавол. Или на виду у всех издыхает в смертных муках побежденная смерть, побежденный грех, побежденный диавол.

Только *сердца снемшихся в любви* приходят во всячем богатстве *извещения разума в познание тайны Бога и Отца и Христа* (Кол. 2, 2), в познание Церкви. Но сердце, любовью соединенное *со всеми святыми*, с сердцем всех их, с соборным и святым сердцем Церкви, приобретает полную уверенность во всеистинности и всеценности Христа и Его всетайны — Церкви. Это и составляет верховное совершенство человеческого разума в этом мире, его всезнание. Ибо, охристовленный и оцерковленный, он знает непосредственно и опытно все, что ему нужно знать для его вечной жизни и в этом, и в ином мире. Какое знание неохристовленного, неосвященного разума человеческого может сравниться с этим? Не есть ли всякое подобное знание на самом деле замаскированное незнание или знание, которое неминуемо дегенерирует, обращается в незнание? Очевиден факт человеческой жизни: до тех пор пока человек «разумом» — неприятель Христу Богу, он живет *в делех лукавых* (Кол. 1, 21), и распадается, и тлеет в червивых мыслях и пресмыкающихся идеях. Такой разум богомудрый апостол справедливо назвал *растленным умом* (1 Тим. 6, 5). Только совоплотившись Богочеловеческому разуму Церкви, человеческий разум настолько очищается, преобразуется, освящается, совершенствуется, что достигает высшего совершенства. Тогда, только тогда он понимает и себя, и мир вокруг себя, и Бога, и Его творение, и Богочеловека, и Его пресвятую тайну — Церковь — и переживает логосное всеединство твари [вещей], логосное единство цели, логосную целесообразность. Тогда разум приходит в полную уверенность, что в Церкви *суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3). В Церкви, которая здесь, в нашем человеческом мире и с помощью которой наш мир органически соединен с миром небесным. Ибо своим Богочеловеческим организмом она охватывает все миры. Вне нее нет вечной мудрости и бессмертного знания. Только все это *сокровенно* от огреховленного, неосвященного, неохристовленного разума человеческого, а открыто разуму освященному, охристовленному разуму, учлененному в святой соборный разум Церкви.

познание тайны
Божией

Богочеловеческий
разум Церкви

в Церкви *суть* вся сокровища премудрости и разума

В Церкви *суть* вся сокровища премудрости и разума о Боге, о мире, о жизни, о вечности, о всех Божиих мирах. Ибо все Божие благодаря Церкви становится человеческим.

Только опосредованное Богочеловеком, все Божественное становится человеческим. В Его Богочеловеческом теле — Церкви. *Вся сокровища*: а кто знает, сколько их! Наверняка, именно столько, чтобы всю вечность питать мудростью и знанием все христолюбивые и святые души.

Только Церковь содержит в себе и являет главную тайну и главную истину всех миров. Все, что вне нее, как бы привлекательно и приятно оно ни выглядело, — обман. Если мудрость, то она вся в Церкви, если знание, — также. Сколь бы ни были привлекательны слова мудрости человеческой или знания человеческого, если они не имеют на себе печати Богочеловеческой, они — не Истина и не свидетельствуют об Истине. *Аще кто приходит к вам и сего (Богочеловеческого) учения не приносит, не приемлите его* (2 Ин. 1, 10). «В Котором [в Христе. — И. П.] сокрыты сокровища... Ибо Бог есть самопремудрость и самоведение (αὐτοσοφία ἡ αὐτογνωσις)... в Христе все всеведение... Что до того, если кто вкрадчиво говорит? Наперед знайте, что если такой человек говорит не о Христе, то он говорит одни паралогизмы и софизмы»¹.

Любовь соборности Богочеловечески соединяет между собою в Церкви ее членов. И они все, и каждый из них живут соборною жизнью Церкви. А эта святая любовь соборности зависит от их веры во Христа и жизни во Христе. Если вера их тверда и жизнь их обустроена и упорядочена Христом, тогда они жизнью своею во Христе обеспечивают себе, будучи на земле, жизнь вечную на небе. И испытывают истинность этой истины, только когда люди живут во Христе и ради Христа, их жизнь на земле обретает свой непреходящий Божественный смысл и свою непреходящую Божественную ценность. Поэтому богомудрый апостол и благовествует христианам: *якоже убо приясте Христа Иисуса Господа,*

¹ *Феофил. [Болг.] Там же, сар. 2, vers. 3–4 [Толк. на Кол. 2, 2–3.4; с. 558] // [PG 124], 1236.*

также в Нем ходите (Кол. 2, 6) — не пытайтесь ничего в Господе Христе прибавлять к Нему чего-либо: так есть, Он и Божественно, и чело такого Господа Христа Богочеловека вы Его такого и приняли. *Так* в I веке, — не в себе, человеке, и ином. Все, что от вашей души не в Нем, Богочеловеке, то, зная, что оно во зле, в аду. А жизнь в Нем — вся в Нем, в бессмертной Божественной Истине, в бессмертной Любви, в бессмертной Божественной Правде, в бессмертных Божественных свойствах и совершенствах. И Бог Христос стал человеком, Богочеловеком, дабы мы, люди, жили в Нем, как в земном Богочеловеке, а не только лишь издали на Него смотрели, удивлялись Ему и философствовали о Нем.

Ходите в Нем — это заповедь из заповедей. При этом живите, приспособивая не Его к себе, но себя — к Нему, не переименовывая Его согласно себе, но себя — согласно Ему, не пересоздавая Его по образу своему, но себя — по образу Его. Только заносчивые еретики и неразумные душегубители переделывают, переименовывают, изменяют Богочеловека Христа согласно своим желаниям и понятиям. Отсюда в мире столько лжехристов [ср. Мф. 24, 24] и столько лжехристиан. А истинный Господь Христос во всей полноте Своей евангельской Богочеловеческой реальности — весь в Своем Богочеловеческом теле, Церкви, как во времена святых апостолов, так и сегодня, так и во веки веков. Его Богочеловеческая жизнь продолжается в Богочеловеческом теле Церкви через все века и через всю вечность. Живя в Церкви, мы живем в Нем, как это и предписывает христоносный апостол. В наиболее полной мере это воплощают в жизнь святые. Отсюда происходит их чудотворная святость: живя всем существом в Господе Христе, они Им освящаются, охристовляются, обогочеловечиваются, оживаются, овсесиливаются, как некогда, в давние апостольские и послеапостольские времена, так и позже: и вчера, и сегодня, и всегда, до окончания века. Они — Богочеловеческий лик Христов хранят в Его всеживотворности, всеистинности и всечудотворности.

ЦЕРКОВЬ — это реальность — возданы к Богу вели к Богу как к Богу Боже ства

Как люди могут жить в чудесном Богочеловеке Господе Иисусе? В том случае, если они *укоренены и назданы в Нем* (Кол. 2, 7). Они укоренены в Нем, если корнями своего существа они полностью проросли в Него, если они утверждены в Его Богочеловеческом существе и все жизненные силы, необходимые для жизни, черпают из Него. Проросшие в Него, Всесвятого, корни нашего существа освящаются, становятся святыми. Тогда и вся жизнь наша освящается, становится святою. Святая душа рождает святые мысли, святые ощущения, святые настроения и творит святые

дела. По слову святого апостола, *аще корень свят, то и ветви* (Рим. 11, 16). В Господе Христе мы укореняемся святыми таинствами

и святыми добродетелями и прежде всего святою верою, как основной добродетелью, вседобротелью (ср. Кол. 2, 7). Если весь корень нашего существа во Христе, то и вся жизнь наша от Христа.

Назданы в Нем: Он — тело Церкви, в которое мы встраиваемся и включаемся подвигами святых таинств и святых добродетелей, встраиваемся как живые члены, живые клеточки, живые органы. Он — основание нашего существа, а следовательно — основание нашего спасения, на котором мы с помощью добродетелей утверждаемся и так достигаем спасения через обогочеловечение, через охристовление (ср. 1 Кор. 3, 10–11). Он также — здание спасения, *храм духовный*, а мы — *камень живое*, которое создается и утверждается на Нем (1 Пет. 2, 5–6). Так созидаюсь в Нем и утверждаясь на Нем, мы живем Им и в Нем и благодаря Ему.

Извествованы верою. Верою в...? В Богочеловека Христа (Кол. 2, 7). Мы достигаем этого, когда свое сердце, свой ум, свою совесть, свое существо преисполняем духом веры, так что все,

возникающее из них, вырастает из веры и растет верою. Вера знакомит нас со всеми святыми таинствами и евангельскими свя-

тыми добродетелями и приводит к ним; а те, в свою очередь, если мы живем в них, утверждают нас в вере. Всякое святое таинство — таинство веры и всякая святая добродетель — добродетель веры. Вера — душа любой добродетели, а они — ее тело, ее осуществление. Без них вера была бы мертва — без веры не было бы их.

Сказано: *вера любовью поспешествуема* (Гал. 5, 6). Но она так же действует и через молитву, и через пост, и через остальные евангельские добродетели. Как душа действует через все органы чувств и через все части тела, так и вера действует через все святые добродетели и святые таинства, словно через свое тело, в котором вера работает, как душа.

Вера Церкви Христовой имеет свою особую философию, Богочеловеческую философию. Поэтому святой апостол предупреждает христиан, произнося следующее благовестие и заповедь: *блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философию и тщетною лестию по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христу* (Кол. 2, 8). В нашем человеческом мире существуют, по сути, только две философии: философия по человеку и философия по Богочеловеку. Это два миропонимания, два мировоззрения. По одному — все и вся есть человек, по другому — Богочеловек.

Философия по Богочеловеку есть не что иное, как Евангелие Богочеловека. А что составляет Его Евангелие? Он Сам и все Его: Его Жизнь, Его Учение, Его Смерть, Его Воскресение, Его Вознесение, Его Церковь. Все исходит из Него и все сводится к Нему. Он Евангелие делает Евангелием. Ибо оно — Его живое олицетворение и совершенная реальность. Все, что составляет благовестие для человеческого существа, в Нем полностью воплощено и человечески осуществлено. Мучительнейшие вопросы человеческого духа Он разрешил по-божественному совершенно и по-человечески реально, претворив всякую нашу муку в благовестие. Смерть, величайшую муку рода человеческого, Он воскресением Своим претворил в благовестие, открыв всем нам путь к бессмертию и жизни вечной и решив мучительнейшую проблему человеческого существа — проблему жизни и смерти. Мучительную проблему добра и зла Он решил Своей Богочеловеческой жизнью: все, сделанное Им, — это единственное истинное, бессмертное и вечное добро в человеческом мире, а зло — все, что не от Него и против Него. Неразрешимый вопрос человеческого сознания — *что есть истина* [Ин. 18, 38] — Он решил конкретно и реально, показав и доказав, что в Нем воплощена и олицетворена

философия
по Богочеловеку

вся Божественная Истина. Потому Он и стал непогрешимым мерилем истины. Только через Него и Им мы, люди, ясно знаем, что есть истина, а что ложь в нашем человеческом мире. А проблема Бога и человека? Только Он разрешил ее полностью и окончательно: в Себе, Богочеловеке, он показал единственного истинного Бога и единственного истинного человека, так что мы знаем, что есть истинный Бог и истинный человек. И так подряд все вопросы находят свое логосное и благовестное решение в воплощенном Боге Слове. Потому

Богочеловек —
мерило всего

основной принцип философии «по Христу» в том, что Богочеловек — мерило всех существ и вещей. Богочеловек всегда жив, всегда присутствует в человеческом мире и всем доступен. Ибо не только Свою Богочеловеческую философию, но и Себя Самого Он оставил в нашем земном мире в виде Богочеловеческого тела, Богочеловеческой жизни — Церкви, в которой Он, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, — глава. Опытом доказана истина, что Богочеловеческая философия — вся в Богочеловеческой жизни. Кто живет этой жизнью, тот и имеет эту философию.

категорический
императив бого-
человеческой
гносеологии

Категорический императив Богочеловеческой гносеологии — переживи, чтобы познать. Поэтому каждый христианин по самому своему призванию — философ. Ибо, живя в Богочеловеческом теле Церкви, каждый по мере своей веры и ревности в добродетелях воспринимает и жизнь и смерть, и добро и истину, и любовь и правду, и Бога и человека таким же образом, каким их воспринимал воплощенный Бог и Господь. Поскольку святые переживают это в наибольшей степени, то они и есть истинные и настоящие философы. Они знают тайну Бога и человека, истины и добра, жизни и смерти. По учению Церкви, они суть «философы Духа Святого»¹, «святые философы», ибо святою жизнью стяжали философию «по Христу» и стали философами Духа Святого.

Ибо, живя в Богочеловеческом теле Церкви, каждый по мере своей веры и ревности в добродетелях воспринимает и жизнь и смерть, и добро и истину, и любовь и правду, и Бога и человека таким же образом, каким их воспринимал воплощенный Бог и Господь. Поскольку святые переживают это в наибольшей степени, то они и есть истинные и настоящие философы. Они знают тайну Бога и человека, истины и добра, жизни и смерти. По учению Церкви, они суть «философы Духа Святого»¹, «святые философы», ибо святою жизнью стяжали философию «по Христу» и стали философами Духа Святого.

¹ По мнению св. Макария Великого, воистину философа Духа Святого. [В «Макариевском корпусе» такое выражение не встречается; у других отцов также не установлено.]

Богочеловеческой философии «по Христу» противостоит человеческая философия «по человеку». Она включает в себя все философии, в которых мерило истины — человек. Все проблемы жизни и сознания они решают человеком и по человеку. Потому все они называются «гуманистическими» или, лучше сказать, «гоминистическими»¹. Их основной принцип: человек — мера всех существ и вещей (*μέτρον πάντων ἄνθρωπος*)². Причем человек в своей психофизической данности: со всеми недостатками, пороками, грехами, страстями, злобою. Очевидно, что в человеке действенными силами являются грех и зло, участвующие во всецелой его жизни. Они участвуют и в его мыслях, и в его ощущениях, и в его рассуждениях. Поэтому принцип «человек есть мера всего» должен значить, что грех есть мера всего, зло есть мера всего. А опосредовано это означает, что диавол есть мера всего. Ибо для святых, прозорливых людей очевидна истина, что человек есть *делателище диавола*³, потому как он является делателем греха и зла. А грех и зло всегда являются делом диавола, дьявольской работой. Во всяком грехе и во всяком зле всегда есть немного дьявольской логики, дьявольского духа. Поэтому вся философия «по человеку», в конечном счете, — *тщетная лесть, предание человеческое* (Кол. 2, 8). В самом деле, решила ли какая-нибудь философия «по человеку» проблему человеческой жизни? Нет, так как не решила проблему смерти. А проблему смерти удовлетворительно можно решить лишь воскресением. Какая гоминистическая философия решила проблему истины? Никакая, так как проблему истины можно решить, только если истина явит себя живой и бессмертной реальностью в нашем человеческом мире. Какая гуманистическая философия решила проблему Бога и человека? Никакая, ибо она не могла показать нам ни истинного Бога, ни истинного человека.

философия
«по человеку»

Некоторые гоминистические философии решают проблемы *по стихиям мира* [Кол. 2, 8]. То есть провозглашают какую-либо стихию сущностью мира, или первичной творческой силой, или

¹ От лат. *homo* — человек. — *Ред.*

² Известное высказывание Протагора. — *Ред.*

³ Последование ко св. Причащению, молитва четвертая [Симеона Метафраста, иная].

прапричиной. Например, ветер, воду, воздух, эфир, материю, атом, электрон, фотон. Но все это не только не решает поставленную проблему, но еще более усложняет ее, оставляя нас в безысходной темнице человеческого сознания и в душном клеточном яйце человеческого греха, зла и смерти. И человек, если он искренне и мученически углубляется в главные проблемы жизни и сознания, должен будет согласиться с величайшим Богочеловеческим философом Святого Духа, святым апостолом Павлом, и сказать, что все философии «по человеку» — *предание человеческое*, сказки человеческие, сновидения человеческие, мудрования; в них жужжит и шумит *тщетная лесть*. Если они пленят человека, то человек становится с ними действительно очень несчастен.

Не человек, а Богочеловек есть решение всех человеческих проблем и воплощение всякого человеческого благовестия. Благовестия, которое начинается в этом мире, чтобы полностью расцвести и вечно жить в мире том. Бог Слово, став человеком, все человеческое претворил в вечное благовестие. Сколь несказанно благовестие — быть человеком, с тех пор как Бог Слово стал человеком! Какое благовестие — иметь душу человеческую, с тех пор как душа человеческая стала душой Богочеловека Христа! Сколь чудесно благовестие — жить жизнью человеческой, с тех пор как воплощенный Бог Слово жил этой жизнью! Все человеческое в Нем Бог действительно *благословил всяцем благословением* (Еф. 1, 3), и все это расцвело Божественным бессмертием. Ибо в Нем *живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2, 9), вся полнота Божественной Истины, вся полнота Божественной Правды, вся полнота Божественной Жизни, вся полнота Божественной Вечности, всех Божественных совершенств — одним словом, вся полнота Второй Ипостаси Пресвятой Троицы. Причем живет *телесне* (σωματικῶς), в пределах человеческого тела, действительно, видимо, ощутимо: *еже слышахом, еже видехом очима нашими, еже узрехом и руки наша осязаша* (1 Ин. 1, 1). Да, Безграничный в ограниченном, Вечный во временном, Бог в человеке. «Ибо Бог Слово и воплотился весь, Он и со Отцом весь; телом — ограничен, Божеством — безграничен»¹. Что есть Божественного,

¹[Икум.] Там же, cap. 2, vers. 9 [Col., cap. VI] // [PG 119], 32 D.

что люди могли бы пожелать, но чего не было им дано в Господе Христе? Причем дано *телесне*, осязаемо, воспринимаемо. Что есть Вечного, что люди желали бы видеть, а чего в Господе Христе не увидели в воплощенном, в реальном, в телесном образе (σωματικῶς)? С Ним и в Нем мы действительно имеем и видим Божественное, Безграничное и Вечное во всех его совершенствах. И знаем осязаемо, на основании личного опыта. Ибо в Богочеловеке Христе нет ничего абстрактного: весь Бог в Нем телесно присутствует в нашем мире, телесно дан и познан. Поэтому только Богочеловеческая философия, философия «по Христу», по сути, — единственная реалистичная, эмпиричная, экспериментальная, прагматичная и воспринимаемая. Христом все Божественное и Вечное стало человечески действительно, эмпирично, опытно, доступно, испытано. Вся эта полнота Божества живет *телесне* в теле Христовом — Церкви. И христиане, живя в Церкви, живут в полноте Божественной жизни, и все, что Христово, переживают как свое. Его Богочеловеческой полнотой исполняют себя (ср. Ин. 1, 16; 2 Пет. 1, 3–9). Поэтому святой апостол и говорит христианам: *да будете в Нем исполнены* (Кол. 2, 10). «Вот как сказал! Вы нисколько не ниже Его, так как и вы исполнены Божественности... Ибо когда природа наша соединилась с Богом, то и мы в Нем приобщились Божественной природы (θείας ἐκοινωνήσαμεν φύσεως)»¹. Господь Христос — *всяко исполнение Божества*, а вы, христиане, вы — Его, поэтому вы и полны этим *исполнением*. Человек более не труп, пустой изнутри, пребывающий в пустом мире. Он весь полон Богом. Его боголикая душа со своими бесконечностями может быть исполнена только Богом и полнотой Божества. В нее могут вместиться все видимые миры и не наполнить ее. Столь Божественно огромны и ее глубь, и ее высь, и ее ширь. Поэтому душа человеческая действительно только в Господе Христе находит свой истинный покой, Божественное спокойствие, и покой, и радость. Ибо в Нем находит Божественную полноту своего боголикого существа и в ней свое бессмертие,

христиане исполнены Божеством Христовым

¹Феофил. [Болз.] Там же, cap. 2, vers. 9 [Толк. на Кол. 2, 10; с. 560] // [PG 124], 1240 D.

свою вечность, свое Божественное совершенство, свое полное осуществление.

Как человек исполняется *исполнением Божества* — Господом Христом? Только живя Им и в Нем. А где Он? В Своем Богочеловеческом теле — Церкви. Только будучи членами Церкви, люди постепенно исполняются Господом Христом, пока не станут исполнены в Нем, ибо Церковь, как *Тело Его* [Еф. 1, 23], является и *исполнением* Его, Того, Кто есть *исполнение Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23). Так, только в Церкви люди переживают всеполноту Божества как что-то человеческое, наше, причем неотъемлемо наше, и становятся благодатными боголюдьми. Они исполняют евангельскую заповедь святого апостола: *да исполнитесь во всяко исполнение Божие* (Еф. 3, 19).

благодатные
боголюди

На самом деле, между Христом и Церковью нет различия; Он — все и вся в ней: она — тело Его, Он — ее глава. И по бесконечному Своему человеколюбию став человеком, Он устроил так, что все это принадлежит нам, людям. Несомненно, принадлежит, раз мы евангельскими подвигами встраиваем себя в Его святое тело и начинаем жить в Нем с помощью святых Богочеловеческих таинств и сил. Тогда мы переживаем полноту Божества самым реальным образом, телесно, как что-то свое (ср. Флп. 3, 8–14). И всем существом мы ощущаем и осознаем, что Господь Христос для нас, людей, поистине, все и вся во всех мирах. А остальное, все остальное — *тикетная лесть*. И тогда все желания наши сходятся в единое всеохватное желание апостола Павла: о, только бы приобрести Христа, и найти себя в Нем, и вечно в Нем пребывать¹.

Только в Церкви человек — полноценный человек, имеющий все, что ему необходимо для вечной жизни во всех мирах. Он весь охристовляется, весь обогочеловечивается, весь облагодатствуется, весь обессмерчивается. Вне Церкви человек — это только схема

¹Объясняя апостольские слова *да будете в Нем исполнены* (Кол. 2, 10), святой Иоанн Дамаскин говорит: «Ибо вы стали Его плотью и удами и Его имеете себе главою, поэтому вы исполнены и Духом Святым». ([Ио. Дамаск.] Там же, сар. 2, vers. 10 [Col.] // PG 95, 893 B). А святой Златоуст благовествует: «Вы имеете столько же, сколько и Он; как (Божество. — И. П.) жило в Нем, так и в вас живет» ([Ио. Злат.] Там же. Nomil. VI, 2 [Бес. VI, 2 на Кол.; с. 405] // [PG 62], 339).

человека, только тень человека, привидение, сновидение, робот. Он ощущает себя пустым, опустошенным. И действительно, в сердце его нет сердца, ибо в нем нет Бога; в душе его нет души, ибо в ней нет Бога; в совести его нет совести, ибо в ней нет Бога. Совесть! Сколь ужасная это бездна, до тех пор пока она не исполнится Богом! Душа! Какая бескрайняя пустыня, до тех пор пока она не исполнится Богом! Человек просто труп, до тех пор пока не исполнится Богом и Спасителем нашим Господом Иисусом.

Христиане бессмертны в этом мире, поэтому и их мысли, и их заботы должны быть о бессмертном, Божественном и непреходящем. И все в мире они должны измерять этою мерою Божественного и бессмертного. Только таким образом можно найти истинную ценность и настоящий смысл всего земного, временного и преходящего. И научиться различать и отделять тени от реальности, временное от вечного, преходящее от непреходящего. И держаться непреходящей действительности и ценностей, созидая себя и свою жизнь на них. Так надо смотреть и на Ветхий Завет, отделяя в нем тени от действительности. По сути, весь Ветхий Завет был как бы тенью Бога Слова. Весь мир предшествовал Ему, словно некая огромная тень, опережающая тело. Вся ветхозаветная религия есть религия тени, за которой следует ее тело — воплощенный Бог Слово, Его Богочеловеческое тело — Церковь. И действительно, весь видимый мир — не что иное, как тень, которая показывает и объявляет о том, что за нею следует, — о воплощении Бога Слова. Только Его воплощением и Церковью, являющейся Его телом, открывается истинная реальность сотворенных миров: их содержание, их смысл, их цель. В Богочеловеческом теле Церкви не только видимые, но и невидимые миры обретают свое «тело», свою самую прочную и самую осмысленную реальность. Все, что в старом, дохристианском мире было самое возвышенное: вера богоизбранного народа, вершины праведности и святости, пророки и патриархи — все это было тенью той единственной реальности, которая только должна была явиться и явилась с воплощением Бога Слова, Его телом, Церковью. Весь Декалог¹, все законы, все предписания, все богослужения вели к этой единственной

¹Десятословие, десять заповедей. — Ред.

реальности — Церкви, были *παρθαγωγὸς εἰς Χριστόν* (Гал. 3, 24), вожжами ко Христу, воспитателями, путеводителями, которые вели к Богочеловеку Христу как к Всесуществу, к Всесмыслу, как к Всецели всех миров (ср. Кол. 16–17).

Богочеловек Христос — в мире. Это значит, что вся Истина Божественная — в мире, весь Бог — в мире, все *исполнение Божества* как тело — в мире. Более нет сомнений, колебаний, недоумений: мы имеем и знаем истинного Бога и Господа в нашем человеческом мире, а с Ним имеем и знаем все, что нам необходимо во всех наших жизнях во всех мирах. Если люди изберут себе в божества кого-нибудь другого или что-либо другое, то впадут в идолопоклонство, убивающее всякую душу и погружа-

ющее всякое сознание во мрак, вершина и дно которого — ад. Обожение ангелов — это идолопоклонство, ибо, хотя они и самые святые после Бога, тем не менее они ни в коем случае не могут заменить истинного Бога и Господа Иисуса Христа. И всякий труд, и подвиг, всякое унижение и искупительные жертвы, которые служители ложных богов принимают на себя, есть не что иное, как средства, которыми они сознательно или неосознанно обманывают себя и своих приверженцев. В идолопоклонство впадают обычно

чувственный разум все те люди, которые живут согласно своему чувственному разуму, уму тела. Это естественно, ибо чувственный разум все и вся меряет своим коротким аршином. А разве можно таким разумом измерить Неизмеримого? А Он — здесь, в теле Своем Богочеловеческом, Церкви. Рабы же чувственного разума гибнут и убивают себя своими собственными выдумками, *без ума дмяся от ума плоти своей* (Кол. 2, 18). Однако всякий человек может познать истину и разрастись во все ее бесконечности, если всем существом встроится в Богочеловеческое тело Церкви и всегда будет держаться главы ее — Богочеловека Христа. Ибо держась *главы, из неяже все тело, составы и соузы подаемо и снемлемо, растит возвращение Божие* (Кол. 2, 19), растут этим ростом все те, кто составляет это тело. Охваченные этим ростом, все члены Церкви, всякий по мере своей ревности, возрастает *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Через это таинственное и святое развитие всех членов Церкви ведет

Сам глава ее — Господь Христос. Главное — держаться главы. Ибо без Нее нет жизни ни телу в целом, ни составным частям тела. При этом возрастании все, что в человеке, *растит возвращение Божие*, а прежде всего — его ум, который постепенно, благодатью соединяется с умом Христовым, так что истинные христиане имеют *ум Христов* (1 Кор. 2, 16). Только так ум человеческий приходит ко Всеистине, воспринимая ее как ядро своего существа и постигая свое Божественное и вечное назначение.

Как же возможно держаться главы — Христа? Живя Его святыми мыслями, святыми ощущениями, святыми силами, святыми благовестиями, исполняя Его святую волю, выраженную во святом Евангелии, руководствуясь Им во всей своей жизни. Другими словами, мы держимся главы, когда всем существом пребываем в теле Его и живем полностью Его жизнью. Так и только так каждый из нас всем умом своим — во Христе, в Истине, и никакая философия по преданию человеческого, по стихиям мира (Кол. 2, 8)

не может его пленить, ибо сразу же обнаружится, что каждая из них есть не что иное, как *тщетная лесть* истина — человек (Кол. 2, 8). А в Церкви, во Христе, Богочеловеке, вся Истина воплотилась, вочеловечилась, стала человеком. Истина — человек. Вот кто такой Христос и что такое Христос. А если вся Истина могла воплотиться и воплотилась в человеке, значит, человек создан быть телом Истины, воплощением Истины. Вот главное благовестие Богочеловека: быть человеком есть не что иное, как быть воплощением Истины, воплощением Бога. Для того Бог и стал человеком и навеки остался Богочеловеком.

«Христос как Творец и Устроитель — глава и ангелов, и людей. От Христа — все тело Церкви. Сказав „тело“, святой апостол упоминает и свойственное телу. Все тело Церкви, — говорит он, — через сочленения и связи питаемое от Христа всякою благодатью... растет возрастом Божиим. А каково это возрастание Божие? Возрастание не телом, но жизнью по Богу (*κατὰ Θεόν... τῆ πολιτεία*)»¹. «Ибо Он (Господь Христос. — И. П.) есть... глава всей Церкви (а Церковь есть Его тело. — И. П.)... Из Него, таким образом, все тело Церкви имеет и просто бытие (*τὸ εἶναι*), и благобытие (*τὸ εὖ εἶναι*).

¹ [Икум.] Там же, сар. 2, vers. 10 [Col., сар. VIII] // [PG 119], 40 АВ.

Кто отпадает от Него, тот погиб. Как из головного мозга чувствительный дух посредством нервов передается во все тело, — и от головы всякое чувство и всякое движение: так и все тело Церкви снабжается (Христом. — И. П.), то есть получает, чем жить и расти духовно. Когда же оно имеет это? Когда состоит в сочетании (когда хорошо сложено) с Ним и само в себе. Ибо в таком случае Дух Святой снабжает тело чем расти: так что если тело не имеет общения с главой и само с собой, то не бывает ни снабжения Духом, ни возвращения Божия, то есть наилучшей жизни по Богу»¹.

Жизнь во Христе — это жизнь в Церкви, жизнь во всецелой Истине. Тогда все живет не миром и не ради мира, не служит миру и стихиям мира. Человек весь во Христе, и потому он весь умер *стихиам мира* [ср. Кол. 2, 21], он не видит в них ни источника жизни, ни источника истины, ни источника сознания. Всякой твари он знает цену и место и никогда ни одну не боготворит, хотя относится ко всем ним как к творениям логосным. Человек живет в мире для того, чтобы владеть миром, стихиями мира через Бога Слово. Он имеет такую возможность, если исполнен животворными и Божественными силами Бога Слова. А исполняется ими, если живет в святом теле Бога Слова, в Церкви. Вне Церкви люди рабски служат стихиям мира, а не владеют ими. В некоторых стихиях они видят свою судьбу или вершителей своей судьбы, приписывают им творческие, действенные и промыслительные силы; почитают тварь — не почитают Творца, служат творению — отвергают Создателя (ср. Рим. 1, 21–25). *Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи!* (Кол. 2, 21). Эти постановления, через которые люди служат стихиям мира как чему-то более сильному, более умному, более Божественному, чем люди. На самом деле, все это на погибель тому, кто так делает, так как он являет себя вещепоклонником, идолопоклонником, который служит твари, а не Творцу. Когда в нашем мире воплотился Бог Слово, тогда тут оказалась и вся мудрость Божественная, и вся сила, и вся мощь. Сколько же еще быть человеку слепым, глухим, безумным, мертвым и продолжать

¹ *Феофил. [Болг.] Там же, cap. 2, vers. 19 [Толк. на Кол. 2, 19; с. 566] // [PG 124], 1249 AB.*

жить *по заповедям и учениям человеческим* [Кол. 2, 22]? И что в них? Разве только то, что *вся суть во истление употреблением* (Кол. 2, 22).

Идолослужение есть служение стихиям мира или *заповедям и учениям человеческим* как высшим Божественным ценностям, которые люди ставят на место единого истинного Бога и Господа Иисуса Христа. Провозглашать божеством то, что никаким образом им не является, — это большое самолюбие и грехолюбивое самоволие. Так, люди выдумали и создали много ложных богов, всех по образу и подобию своему. И на этом основали свои ложные веры и самовольное благочестие. А когда во имя этого самовольного благочестия они ударяются в мнимо богоугодные подвиги, изнурения, постничества, тогда *вся суть во истление употреблением* (Кол. 2, 22). Действительно все *заповеди и учения человеческие* — только по виду премудрость, а изнутри — пустота и смерть. Ибо они не имеют ни Божественной Истины, ни Божественной силы, чтобы спасти нас от зла, от греха, от смерти. А какая нам от них тогда польза, если они нас не спасают от всего того, что составляет величайшую муку, величайший ужас и даже сам ад для человеческого существа? Все это в конечном итоге и есть идолопоклонство, но отнюдь не богопоклонение: обожение твари вместо Творца, служение твари, а не Творцу. Нет сомнений, в этом и состоит главное безумие чувственного разума человеческого.

Что хочет Бог от мира? Какую цель Бог преследует в нем? Что Бог хочет от человеческого рода? От человека? Почему Бог создал такой мир и такого человека в нем? Этого не знает и не может знать никакая человеческая мудрость, никакой человеческий разум. Это может знать и действительно знает только мудрость, облагодатствованная Христовою благодатью, и Христовою благодатью облагодатствованный разум. *Богатство благодати* (Еф. 1, 7) Своей Трисолнечный Господь излил на нас, *сказав нам тайну воли Своея* (Еф. 1, 9) в личности Господа Христа и Его Богочеловеческом подвиге спасения: тайну воли Своей о нашем земном мире и о всех мирах, о человеке и о всех человеческих существах. Нет сомнений, тайна всех миров — в тайне Божией воли. Если бы она нам не была открыта, мы, люди, никогда бы

Что хочет Бог от мира? От человека?

не осознали и не открыли этой тайны, а тем самым и тайны нашей человеческой воли: ради чего она нам дана, чему должна служить и как ею управлять. По предвечному Своему благоволению Бог, имея в Себе эту тайну о мире и мирах и о человеке в них, открыл нам ее. И это благоволение всей своей сутью исходит из безграничной любви Божией, которой Бог и определяет от вечности Свое отношение к роду человеческому.

До пришествия Господа Христа в наш земной мир род человеческий был полным бедняком, ибо не ведал тайну воли Божией, не знал, что Бог готовит нам — людям, ангелам, звездам, животным, травам, вселенным. Все это он узнал с появлением на земле Богочеловека Христа. Так в чем же тайна воли Божией? В том, чтобы *возглавити всяческая о Христе, яже на небесех и яже на земли в Нем* (Еф. 1, 10). А Христос — глава чего? Церкви. Зна-

чит, Он как глава Церкви соединяет в теле Церкви все и вся. Христос — всеединство. Христос — всеединитель. В Нем, в Бого-

человеке, или Церкви, соединяется Бог и человек, небо и земля, ангелы и люди, существа и вещи, атомы и вселенная, все, что на небе, и все, что на земле, все, кроме греха, смерти и дьявола. Богочеловек все это соединил, основав и в Себе, и на Себе Церковь, которая есть тело Его, а Он ее глава. Таким образом, она — полнота Его, Богочеловека, Который исполняет все во всем (ср. Еф. 1, 23).

Свое первобытное единство с Богом Словом, Творцом своим, род человеческий разрушил грехом: грехом человек отделился от Бога, отбросил себя от Него и двинулся внебожними, внелогосными и внелогичными путями, которые через бесчисленные смерти вводят его в царство смерти, в царство чистого демонизма, дьяволизма, сатанизма. Ибо всякий грех своим главным жизненным нервом невидимо связан с сердцем, с всезлым сердцем сатаны. Приняв в себя грех, эту разорительную, уводящую от Бога силу, человек бежал от Бога, отделил себя от Бога и с собою увлек в смерть и в бездны сатанизма и всю тварь, которая по слову Божию была подвластна ему. Этим он всю тварь вовлек в рабство смертности, в тяжкие страдания и муки, из-за чего *вся тварь с нами въздыхает и соболезнует*, соболезнует нам, людям, покрытым наростами греха и смерти (Рим. 8, 20.22). Освободить

род человеческий, а через него и всю тварь от рабства греху и смерти не мог никто из людей, никто из сотворенных существ и вещей, но только Бог Слово, Творец как Единый Безгрешный и Единый Бессмертный. И тем самым логосное всеединство восстановить единство твари с Творцом, единство рода человеческого с Богом Словом, Богом Логиком и вернуть человеческому существу Божественный смысл и Божественную ценность существования и жизни. Чудесный Господь Христос устроил это Своим воплощением и всецелым Своим Богочеловеческим домостроительством спасения, особенно Своею вседрагоценнейшею кровью. Он уничтожил грех и смерть и таким образом Собою соединил все, что было на земле и на небе, и все возвратил к дивному логосному всеединству. Ибо Он — конечный и всеохватный смысл всех существ и вещей, всего сотворенного: *яко Тем создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы, аще господствия, аще начала, аще власти: всяческая Тем и о Нем создашася. И Той есть прежде всех, и всяческая в Нем состоятся. И Той есть глава телу Церкви, Иже есть начаток, перворожден из мертвых, яко да будет во всех Той первенствующая. Яко в Нем благоизволи всему исполнению вселитися и Тем примирити всяческая к Себе, умиroitворив Кровию креста Его, чрез Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол. 1, 16–20).

В Церкви, в Богочеловеческом Своем теле Господь Христос совершает соединение всех существ и вещей, всего того логосного, что в них есть, вытесняя грех и смерть из всех существ и тварей, воссоздавая единство между всякой тварью и Творцом, а через это и единство всякой твари между собой. Так, Церковь осуществлено единство ангелов и людей: все они — члены Его Богочеловеческого тела, которому Он — глава, то есть все мы, и ангелы, и люди, — под одной и той же Божественной главой — Господом Христом. Это вдохновенно выражено в каноне Бесплотным Силам: *Тя, неизреченно соединившаго небесным, Христе, земная и едину Церковь совершивша ангелов и человеков, непрестанно величаем*¹. Едина Церковь и в ней один и тот же Господь и для

Церковь состоит из ангелов и людей

¹Служба [архистратигу Михаилу] 8 ноября. [Канон], песнь 9.

ангелов, и для людей, одна и та же Божественная Истина, одна и та же Божественная Правда, одна и та же Божественная Любовь, одна и та же Божественная Жизнь, одна и та же Божественная Вечность, одно и то же Божественное Царство. Поэтому святые ангелы — наши небесные, святые и безгрешные братья, которые в радостном человеколюбии стали добровольными служителями нашему спасению (ср. Евр. 1, 14).

В Церкви осуществляется единство между людьми и остальными тварями, ибо люди, через освящение и обогочеловечение становящиеся сыновьями Божиими, постепенно освобождают от рабства греху и смерти и тварь вокруг себя и приводят ее, безгрешную, к Единому Безгрешному (ср. Рим. 8, 19–21). Совершеннейшие члены Церкви — святые — ощущают это всеединство твари во Христе наиболее сильно. Земные ангелы, они живут ангельскою жизнью, в единении со святыми ангелами истиной, правдой, Евангелием, молитвой, любовью; в единении с остальным творением — печалью, воздыханием несказанным, вместе с творением посредством Духа Святого ощущая, как вся тварь исцеляется Церковью от греха, становится безгрешной, милой и благовестной. Все составляет единый Богочеловеческий организм, а они — его органы чувств и все ощущают как часть самих себя.

До воплощения Бога Слова, — говорит святой Златоуст, — «небесное и земное были отторгнуты одно от другого и не имели одной главы... В Христе по плоти Бог положил одну главу для всех, для ангелов и человеков, то есть одно дал (верховное) начало и ангелам, и человекам, одним — (Христа) по плоти, другим — Бога Слова. Как если бы кто сказал о доме, что одно в нем гнило, другое крепко, и возобновил бы дом, то есть сделал бы крепче, подложив более крепкое основание, так и здесь всех привел под одну главу. Тогда только и возможно единение, тогда только и будет этот совершенный союз, когда все, имея некоторую необходимую связь *горé*, будет приведено под одну главу»¹.

Тайну воли Своя, чтобы возглавити всяческая о Христе, яже на небесах и яже на земли в Нем (Еф. 1, 9.10), Трисиятельный

¹[Ио. Злат.] In Ephes. Homil. I, 4 [Бес. I, 4 на Еф.; с. 13, 14] // PG 62, 16.

Господь явил и осуществил воплощением Господа Христа и основанием Церкви в Нем и на Нем, и это совершилось тогда, когда по промыслу Божию исполнилось *исполнение времен* (Еф. 1, 10). Исполнение времени наступило тогда, когда грех в роде человеческом достиг апогея Логос времени своего разорительного и смертоносного действия и грозил уже полностью одиаволить и осатанить род человеческий, стирая в человеке все Божественное и богоустремленное (ср. Гал. 4, 4–5; Рим. 3, 9–19). Тайна времени — в тайне воли Божией. Время должно было освятиться воплощением Бога Слова и Его Богочеловеческим домостроительством спасения, ибо и время создано через Бога Слова и ради Бога Слова (ср. Кол. 1, 16; Ин. 1, 3). Только в Боге Слово — логос, смысл, логика и ценность времени и все его смотрение. Бог Слово ведет смотрение времени, и все, что предшествует воплощению Бога Слова, Его схождению в наш земной век, устремлено *в смотрение исполнения времен* (Еф. 1, 10). На самом деле, верховную власть над временем и временами, над сроком и сроками имеет Господь Вседержитель, Господь Всеосмыслитель. Он ведет и время и века, и срок и сроки путями Своего Божественного промысла, а людям из этой величайшей тайны доступно знать лишь то и столько, сколько им необходимо ради их спасения (ср. Еф. 1, 10; Гал. 4, 4).

Живя полнотою Своего Божества в теле Своем, Церкви, Господь Христос непрестанно оживляет людей, умерщвленных грехами, Церковь — лекарство от всякого греха воздвигает их из могил греховности, воскрешает из мертвых, возводит на небеса. Это непрерывный Богочеловеческий подвиг Единого Человеколюбца, Господа Христа, которым Он спасает всех верных, давая им в Церкви лекарство от всякого греха. Ибо грех есть богопротивная сила, умерщвляющая человека для всего Божиего. Она умерщвляет его для жизни в Боге: умерщвляет его ум, чтобы он не познавал Бога, но забыл Его; умерщвляет его сердце, чтобы оно не чувствовало Бога; умерщвляет его совесть, чтобы человек не исправлялся перед Богом; умерщвляет его волю, чтобы она не желала Бога. Своими преступлениями и грехами люди насылают на себя столько смертей, что, действительно, становятся духовными мертвецами и через грехи сами себя

непрестанно хоронят в бесчисленных могилах, утопая в бесчисленных смертях. Ибо грех потому и грех, что отделяет человека от Бога — источника жизни — и наполняет человека тем, что смертно. Когда грех созреет в человеке и человек его совершит, это значит, в нем родилась смерть. Из одного греха — одна смерть, а из многих — многие. Неопровержима истина вечного Евангелия Божиего: *грех же содеян рождает смерть* (Иак. 1, 15). Как бы ни хотел человек [обратного], но плата за грех всегда смерть, и только смерть (ср. Рим. 6, 23). Пребывая во грехах и не раскаиваясь в них, человек добровольно пребывает во многих смертях, и они в нем упорно и немилосердно умерщвляют и душу, и сердце, и ум, и совесть, и волю ко всему Божиюму: к Истине Божией и Правде, к Любви и Жизни. По сути, грехи только это и делают: обезбоживают человека, осмерчивают его и умерщвляют. Кого из людей грехи не утащили в бесчисленные духовные смерти? Кто из людей не умирал много раз во грехах? Нет исключений, все люди под грехами, под их страшными ударами. На самом деле, грех несказанно страшнее самой смерти, потому что он единственный и производит смерть, рождает смерть. Желание всех людей — уничтожить смерть. А это значит, что прежде необходимо уничтожить грех. Но никакая человеческая сила этого сделать не может — лишь Божественная, и не просто одна Божественная сила, а весь Бог, потому что всякий грех — диавольская сила, и более того — весь диавол. Взгляни на грех с какой угодно стороны и со всех сторон, и ты не найдешь в нем ничего, кроме диавола: диавол, диавол и ничего другого. Поскольку грех так силен, силен диаволом, в наш мир и сошел весь Бог, все *исполнение Божества* (Кол. 2, 9), чтобы нас освободить от греха, и через грех — от смерти, а через грех и смерть — от диавола. Да, для этого и только для этого Господь Христос сошел к нам и как Церковь остался среди нас, дабы нас, мертвых прегрешениями, оживить и воскресить из всех наших смертей. И Он сделал это и непрерывно из века в век продолжает делать со всеми, кто верою к Нему приступает, ибо Он весь в Церкви Своей, теле Своем, Он — глава его, Он — *исполнение Исполняющего всяческую во всех* (Еф. 1, 23), всяческая — во всех верных: всяческая в их душах, в их сердцах, в их жизнях (ср. Еф. 2, 1.5–6).

А если Он — весь Бог — в них, как тогда могут остаться в них грехи и через них весь диавол?

Грехи имеют своего бога, это диавол. Он — главный их творец, а люди, совершающие грех, — соработники диавола, его слуги и рабы. Грехи имеют свое царство, свой мир — ад. А наш земной мир — также их, посредством нашего добровольного жительства во грехах; настолько их, насколько мы, люди, добровольно подчиняемся грехам. Диавол грехом вошел в наш земной мир через человека [ср. Рим. 5, 12], начал завоевывать этот мир грехами и полностью покорил его посредством грехов человеческих, овладел людьми с помощью грехов и начал господствовать над ними смертью, сделал людей своими беспомощными рабами и стал *богом века сего* (2 Кор. 4, 4). По этой причине и Сам Господь Иисус называет диавола князем, владыкой мира сего (Ин. 12, 31; 14, 30). Потому сей мир *во зле лежит* (1 Ин. 5, 19) и век сей называется *лукавым* (Гал. 1, 4). Так продолжалось до прихода в наш мир Господа Христа, до Его воплощения и чудесного Богочеловеческого домостроительства спасения. А спасение это состоит в победе Спасителя над диаволом и над его всеилием — над смертью. До Господа Христа, без Него и вне Него, люди жили во грехах и смерти, брели сквозь грехи и смерти, словно сквозь дни и ночи или, лучше сказать, словно сквозь бесчисленные ночи в царстве этого мира. А у этого мира, в котором диавол властвует посредством грехов, свой образ жизни, свое течение, свой путь, свой ход. Греху удалось стать образом жизни, *modus vivendi* этого мира: настолько он прижился в этом мире, стал настолько естественным, настолько сроднился с ним, так глубоко пропитал природу этого мира, так в нее вжился и сжился с нею — причем с давних пор, испокон веков, — что он уже не представляет собою нечто временное или краткосрочное, но нечто длящееся, долговечное, целый αἰών¹, целую вечность этого мира. По сути, он таковым и является, так как этот мир в грехе видит свою жизнь, свое бессмертие, свою вечность. Отсюда богомудрое благовестие святого апостола: *ходить по веку мира сего* (Еф. 2, 2) — значит жить привычным

бог века сего —
 диавол

¹ Век, вечность (греч.). — Ред.

и устоявшимся грехолюбием, смотреть на грех как на что-то естественное, что-то логичное, что-то необходимое в этом мире и даже со-вечное ему. На самом деле, живя грехом, человек убивает себя для всего возвышенного, святого, Божественного, бессмертного, вечного и, наконец, становится духовным мертвецом.

Но ходить *по веку мира сего* значит еще и нечто более определенное: ходить *по князю власти воздушных* (Еф. 2, 2), по диаволу. Грех человеческий не сам возникает в человеческом мире, он всем своим существом исходит от диавола и всегда связан с ним, зависит от него. Грех — это чистое изобретение диавола. Люди позднее присоединились к диаволу, начали использовать его изобретение, стали добровольными его соработниками. И всяким своим грехом люди действительно соработают диаволу, ведают они это или нет. Исходя от существа, которое несравненно мощнее и сильнее человека, грех представляет собою силу, гораздо более мощную и сильную, чем человек. Вот причина, почему люди никоим образом не в состоянии собственными силами освободиться, спасти себя от греха и зла. Ибо диавол — владыка в воздушном поднебесном пространстве (ср. Еф. 6, 12; Откр. 12, 9), его царство — гораздо больше и пространнее земли, земля — это только остров в его огромном царстве. Как диавол властвует в своем царстве? Грехом. А в воздухе? Также грехом, только грехом, олицетворенным в падших ангелах — бесах. Ибо бесы есть не что иное, как бывшие ангелы, всем существом живущие во грехе и ради греха. «Диавол владеет не воздухом... но воздушными лукавыми духами»¹.

Откуда мы, люди, на земле знаем об этом? По своему собственному опыту во грехе. Что в сущности такое наш грех? То же, что и грех диавола, — противление Богу. Поэтому святой апостол и говорит: *по князю... иже ныне действует в сынех противления* (Еф. 2, 2). Князь воздушных пространств — диавол, дух — и в нашем человеческом мире делает свое дело: настраивает людей против Бога, подстрекает их на богоборчество. Он устраивает это посредством разных грехов, а всякий грех, по сути, — противление Богу, борьба с Богом, богопротивление, богоборчество. И диавол

¹[Икум.] Comment. in Ephes., cap. 2, vers. 2 [Ephes., cap. III] // PG 118, 1188 D.

с помощью грехолюбия настолько овладел людьми, что просто усыновил их, и те стали *сынами противления*. *Сынове противления* — это родные дети своего отца, диавола — первого и главного противника Божиего (ср. Ин. 8, 44). Его постоянное делание — противиться Богу, Его заповедям, Его Истине, Его Правде, Его Евангелию, Его власти, Его существованию; бороться против Бога и всего Божиего; не хотеть Бога никакой ценой. Грех всегда и везде есть одно и то же — богоборчество, богопротивление. *Ныне действует*: да, диавол *и ныне действует*, прикровенно, тайно, через сынов противления; он, дух, невидимо действует в душах, в совести, в сердцах, в волях, в мыслях, в телах сынов противления. Ибо он не желает выступить открыто и показать свое отвратительное и гадкое лицо. Чрезвычайно лукавый, он искусно скрывает себя, маскируясь так, что даже некоторые из его *сынов противления* утверждают, что он не существует, что диавола вообще нет. А диавол именно этого и хочет, чтобы люди считали, что его не существует, так как тогда нечего и защищаться от того, кого нет, нечего бороться с тем, кого нет. Дьявольски гениальная тактика и стратегия, разве нет?

Церковь же Спасова вопреки всему этому производит *сынов воскресения* (Лк. 20, 36), непобедимых Богочеловеческих победителей греха, смерти и диавола, победителей всех грехов, всех смертей, всех бесов. С Церковью Христовою в этом мире все меняется: *сынове противления* по неизмеримому человеколюбию Спасителя становятся *сынами воскресения*. А через это обретают бессмертие и Жизнь Вечную, Правду Вечную и Любовь Вечную и все Богочеловеческие богатства всемилошного Спаса.

Опыт, всеобщий опыт рода человеческого свидетельствует, что все люди — *сынове противления*, ибо все живут в грехах и преступлениях. Трисолнечный апостол в их число включает и себя, заявляя: в преступлениях *и мы вси жихом иногда в похотех плоти нашея, творяще волю плоти и помышлений, и бехом естеством чада гнева, якоже и прочии* (Еф. 2, 3). Мы, люди, живем в грехах и преступлениях, когда живем *в похотех плоти нашея*. А что такое похоть плоти? Наслаждения греховные. Хотя плоть и создана

грех — богопротивление, богоборчество

греховные наслаждения

Богом безгрешной и святой, она своим упорным и греховным сластолюбием греховные наслаждения претворила во что-то свое: в свою волю, в свое хотение, в свою жизнь, в свою логику, в свой разум, в свою радость, в свою цель, в свой смысл. Греховные наслаждения, а через них грехи, стали в нас нашей волей: волей плоти нашей, волей разума нашего, что и утверждает христоносный апостол, говоря, что мы живем во грехах и преступлениях, *творяще волю плоти и помышлений* (τὰ θελήματα τῆς σαρκὸς καὶ τῶν διανοιῶν). «Как если бы он (апостол. — И. П.) сказал: и телесно, и душевно (ψυχικῶς) грешаще»¹. Как некая живая сила, грех разливается по всему существу человеческому: по душе, по разуму, по сердцу, по воле, по телу — и участвует во всем, что человек думает, ощущает, хочет, желает, делает. Хочет того грехолюбивый человек или нет, когда он думает — чаще всего думает грехом, когда ощущает — чаще всего грехом ощущает, когда желает — чаще всего желает грехом, когда работает — чаще всего грехом работает (ср. Рим. 7, 14–20). Грех настолько сроднился с человеческой природой, настолько стал естественным для нее (хотя он и не составляет ее сущности), что все люди — *естеством чада гнева* (Еф. 2, 3). *Чада гнева* постоянно гnevаются на все, что не есть грех или греховное наслаждение, постоянно гnevаются на все Божие. Это, по сути, родные братья *сыновьям противления*: все они гnevаются на Бога и на все Божие, противятся Богу и всему Божиему. Чада греха суть *чада гнева*. Ибо единственное, за что Бог гневается на людей, — это грех (ср. Рим. 1, 18). А гнев Божий на грех переносится на людей, когда они упорно отождествляют себя с грехом и добровольно остаются чадами греха — *чадами гнева, сыновьями противления* (ср. Еф. 5, 6). Живя во грехах, мы на самом деле мертвеем вдаль от Бога, в своем малом земном аду, имеющем все характерные признаки вечного ада, в котором через все наши наслаждения и страсти правит верховный, хотя и невидимый, хозяин и господин — диавол и его черные ангелы.

Бог же богат сый в милости, за премногую любовь свою, еюже возлюби нас и сущих нас мертвых прегрешенными сооживи Христом, благодатию есте спасени, и с Ним воскреси, и спосади на небесных

¹[Икум.] Там же, ad loc. [Там же] // [PG 118], 1189 В.

во Христе Иисусе (Еф. 2, 4–6). Только величайшая любовь Божия к нам, осуществленная и олицетворенная в Богочеловеческом теле Христовом, Церкви, — источник нашего оживления из мертвых Христом, источник нашего вознесения на небо Христом, источник нашей жизни во Христе превыше всех херувимов и серафимов. Здесь нет никаких наших заслуг, здесь мы погружены в бескрайний океан всемилости Божией. Действительно, мы спасены благодатью, которая и дышит, и живет, и существует всемилостью Всемилоствого. Мертвые во грехах, мы никогда бы не смогли сами себя ни оживить, ни воскресить, ни вознести на небо, ни жить вечно в сверххерувимской Божественной славе. Все это дело безграничной любви Божией к нам во Христе Иисусе, дело безграничного человеколюбия Божиего. Богоносный апостол показывает, что наше спасение состоит в нашем вохристовлении и охристовлении, то есть в нашем воскресении из смерти греховной воскресшим Христом, в постоянной жизни нашей с вознесенным Христом и в вознесенном Христе. Спасение — это не что иное, как жизнь в Спасителе и жизнь Спасителем. Это подвиг, в котором человек всю жизнь Спасителя переживает в Духе Святом как свою, через святые таинства и святые добродетели, от своего духовного рождения вплоть до вознесения. Человек здесь постоянно живет в воскресшем и вознесенном Спасителе, ибо хотя мы и обитаем на земле, *наше... житие на небесех есть* (Флп. 3, 20); хотя мы и живем среди людей, жизнь наша *сокровенна есть со Христом в Бозе* (Кол. 3, 3), и мы мыслим о том, что *горняя, а не земная* (Кол. 3, 2). Мы — христиане, потому что мы Христовы, потому что мы равны Христу одной смертью, одним воскресением, одной жизнью (ср. Рим. 6, 4–14). Так, всякий христианин переживает в малом эту полноту Богочеловеческую и это всеединство Богочеловеческое, которое Господь Христос осуществил в теле Своем — Церкви. И христианин становится церковью в малом. Ибо спасение есть не что иное, как воцерковление и оцерковление, то есть непрерывная жизнь в Богочеловеческом теле Церкви через все святые таинства и святые добродетели.

спасение —
 ухристовление
 и охристовление

спасение — жизнь
 во Христе

спасение — жизнь
 в теле Церкви

«Видишь ли, — благовествует Златоустый благовестник Спасов, — преизбыточествуящее *величие силы Его в нас верующих*? Он оживил тех, которые были мертвы, которые были чадами гнева. Видишь ли *упование звания*? *С Ним воскреси и спосади нас* (Еф. 2, 6). Видишь ли славу достояния Его? Да, скажешь ты; что Он со воскресил нас, это ясно; а чем доказывает (апостол) то, что Он спосади нас *на небесных во Христе Иисусе* (Еф. 2, 6)? Тем же, чем (доказывает то, что Он) со воскресил. Никто бы и никогда бы не восстал, если бы не воскресла глава; а когда глава наша воскресла, воскрешены и мы... Точно таким же образом Он нас и спосади. Когда глава сидит, сидит вместе и тело. Потому-то (апостол) и прибавил: *во Христе Иисусе*. Или, — если посмотреть на это с другой стороны, — Он воскресил нас чрез купель Крещения; как же после этого Он спосади? *Аще терпим*, говорит (апостол), *с Ним и воцаримся* (2 Тим. 2, 12). Если вместе умерли, вместе и оживем»¹.

Все это Бог устроил по Своему безграничному человеколюбию через Господа Христа, *да явит в вещех грядущих презельное богатство благодати Своя благодатьню на нас о Христе Иисусе* (Еф. 2, 7). Доброту Свою к людям Бог являет бесконечным образом: через всю вселенную, от атома до солнца и от пчел до ангелов. Но в наибольшей степени через Господа Иисуса Христа. В Нем она обрела свою трогательную и потрясающую Богочеловеческую всеполноту. В Нем вся Божественная доброта явилась как безграничная вседоброта — Церковь, и со всеми Своими Богочеловеческими совершенствами Он весь остался в ней и на небе, и на земле. Это ощущается во всем, что Его: из всего излучается, ласкает и греет эта милая, эта нежная, эта трогательная, эта всемилостивая Вседоброта. Она излучается из Его чудесного Рождества, из Его Отрочества, из Его Крещения, из Его Преображения, из Его Страдания, из Его Воскресения, из Его Вознесения, из Его Пятидесятницы; она излучается из всякого Его чуда, дела, слова, из всецелого Его Евангелия. Поэтому уместен и вопрос, что в Нем есть не вседоброто? Он, только Он даровал нам все Божественные

Вседоброта —
Церковь

Но в наибольшей степени через Господа Иисуса Христа. В Нем она обрела свою трогательную и потрясающую Богочеловеческую

¹[Ио.] *Злат.* In Ephes. Homil. IV, 2 [Бес. IV, 2 на Еф.; с. 35] // [PG 62], 32–33.

блага: Божественную Истину, Божественную Любовь, Божественную Правду, Божественную Милость, Божественную Мудрость, Божественную Благодать, Божественную Святость, Божественное Бессмертие, Божественную Жизнь вечную. И сверх всего этого даровал нам Себя, Бога, в Богочеловеческом теле Своем — Церкви. Это ли не Вседоброта? Кто из людей или из ангелов мог нас одарить этим? Действительно, *никтоже благ, токмо един Бог* (Лк. 18, 19) — Иисус Христос, единый истинный Бог во всех веках. Ибо никто, кроме Христа Бога, не может дать человеку это истинное, это настоящее, это непреходящее, это единственное благо — жизнь вечную. И то, что вечная жизнь несет с собою и за собою: все Божественные совершенства и все Божественные блаженства. Поэтому Христова благодать совершенно и во всем — безграничная Божественная Всеблагодать. После появления Богочеловека в нашем земном мире, невозможно ни по какой уважительной причине укорять Бога в том, что Он не явил достаточно Своей благодати роду человеческому. Если Он не явил достаточно Своей благодати, сотворив такое небо, или такое солнце, или такую землю, или такого человека, или такую вселенную, то Он, несомненно, явил всю Божественную Всеблагодать во Христе. В том, что это действительно так, может убедиться всякий, если искренно встретится с Господом Иисусом. Он и только Он представляет Собою оправдание Бога, единственную теодицею. Он и только Он — единственное оправдание человека, единственная антроподицея. Он и только Он — единственное оправдание мира, единственная космодицея.

Только безграничная Божественная Всеблагодать Христова имела столько любви и благодать и вера сил, чтобы спасти мир, чтобы оживить духовных мертвецов, воскресить и вознести их в вечную Божественную жизнь превыше всех святых Небесных Сил. От начала до конца спасение — это дар Всеблагодати Божией и ни в коем случае не результат человеческих заслуг, сил или дел. Все Богочеловеческое домостроительство спасения, все Божественные, Богочеловеческие силы, которые Господь внес в это домостроительство, и все дары и блага, которые Он нам даровал через него, составляют благодать спасения. Поэтому Евангелие Спасителя и называется *Евангелие благодати*

Божия (Деян. 20, 24). И в эту чудесную благодать мы имеем *приведение верою* (Рим. 5, 2), ничем иным: не знанием, не имением, не наукой, не богатством, не чином, ничем еще. Веру же может иметь всякий человек, только если захочет этого, это зависит от его доброй воли (ср. 1 Тим. 1, 16). Поскольку мы *под благодатию Христа* (Рим. 6, 14), сам подвиг нашей свободной веры озарен этой благодатью. Поэтому святой апостол и благовествует: *благодатию бо есте спасени чрез веру, и сие не от вас, Божий дар; не от дел, да никто же похвалится* (Еф. 2, 8–9). Нет такого человеческого дела, которое могло бы спасти род человеческий от смерти и диавола. Все дела человеческие, даже если бы имели такую цель и слились в одно единое дело, все равно ничего не могли бы сделать. Спасение от греха, смерти и диавола неизмеримо превосходит все человеческие силы и дела; оно всецело и совершенно является делом всеблагости, вселюбви и всеильности Христовой. А раз так, люди не имеют права хвалиться никаким своим делом: ни индивидуальным, ни коллективным, ибо здесь ничего не значат ни культура, ни цивилизация, ни наука, ни техника, ни философия, ни искусство. Да, ничего не значат, ибо они по-комариному немощны и ужасно беспомощны перед устрашающей реальностью смерти. Единственное человеческое дело, которое могло бы в данном случае иметь значение, — вера в Богочеловека, вера в дело спасения, которое Он совершил и непрестанно совершает в Церкви. Это весь наш вклад в спасение наше от греха, смерти и диавола. Но и для этого нашего дела нам необходимо много благодати Божией, чтобы оно могло совершиться. Христов Богочеловеческий подвиг спасения столь безгранично огромен, что наша вера всегда мала, всегда слишком мала, чтобы объять и понять этот подвиг, поэтому мы весьма часто и молимся с апостолами: *Господи, приложи нам веру* (Лк. 17, 5), а иногда отчаянно вопием: *Верую, Господи, помози моему неверию* (Мк. 9, 24). На всех ступенях наша вера всегда *по действию державы крепости Его* (Еф. 1, 19), которая неустанно творит в Богочеловеческом теле Церкви со времени воплощения Бога Слова в нашем земном мире.

«Чтобы величие благоденствий, — благовествует святой Златоуст, — не надмилло тебя, смотри, как он тебя смиряет, говоря: *благодатию бо есте спасени*. Но чтобы не уничтожить и твоего

участия, он прибавляет и то, что требуется от нас (*чрез веру*). Потом снова как бы уничтожает это наше свободное участие, когда говорит: *и сие не от вас*. И вера, говорит он, не от нас; если бы (Христос) не пришел, если бы Он не призвал нас, как бы могли уверовать? *Как уверуют*, — сказано, — *аще не услышат* (Рим. 10, 14)? Таким образом и вера — не наше достояние: *дар*, говорит, *Божий*. Вера, говорит (апостол), недостаточна для спасения; но чтобы не спасать нас без всякого нашего участия, Бог требует ее от нас. Сказал, что вера спасает, но (не сама собою, а) чрез Бога; Бог хочет, и вера спасает. Скажи мне: как спасает тебя вера без дел? Она сама — дар Божий, *да никто же похвалится* (Еф. 2, 9), а всякий, напротив, соделается благодарным к благодати. Итак, спросишь ты, (апостол) сам запретил снискивать оправдание делами? Совсе нет! Он говорит только, что дела никого не оправдают, и говорит это для того, чтобы показать благодать и человеколюбие Божие. Имеющих за собою дела (Бог) не отвергает от Себя, но тех, которые погибли бы и с делами, Он спасает благодатию, так что после этого решительно никто не имеет права хвалиться»¹.

«*Благодатью бо есте спасени*, благодатью, которая осуществляется чрез веру. *И сие не от вас...* От нас — вера, но ее источник — Бог. Ибо, если бы Он не воплотился, как бы мы могли уверовать? Сказано: *как же уверуют, Его же не услышаша?* Поэтому святой апостол и называет веру делом Божиим. И вера еще потому дар Божий, что она сама по себе (*καθ' ἑαυτήν*) не может спасти, если бы Бог не желал спасать через веру. Следовательно, наша вера есть дар Божий и спасение верою также есть дар Божий. *Не от дел, да никто же похвалится* (Еф. 2, 9). Это значит не то, что Бог не желает спасения делами, но что никто не может спастись делами, кроме как через веру. Поэтому, раз никто не может спастись делами, то *да никтоже похвалится*»².

Дар Божий — это не только наше спасение, но и сама наша жизнь, и сама наша душа, и само наше тело, и наше существование —

¹[Ио. Злат.] Там же [Бес. IV, 2 на Еф.; с. 36–37] // [PG 62], 33–34.

²[Икум.] Там же, ad loc. [Ephes., cap. III] // [PG 118], 1192 BC.

люди — творение
Божие

все это дар Божий. Поэтому боговдохновенный апостол благовествует: *Того бо есмь творение (ποίημα), создани во Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим* (Еф. 2, 10). Мы, люди, действительно — *творение Божие*, дело Божие, до тех пор пока диавол не вмешался в нашу жизнь грехом. С этого момента мы стали и его делом. Ибо всякий наш грех показывает, что мы погибаем в нем, что он делает в нас свое дело, что он через грех живет в нас как действенная и живая сила (ср. Рим. 7, 17–20). В этом грехолюбии некоторые люди забывают о своем Божественном происхождении и настолько срастаются с диаволом, что становятся его чадами (1 Ин. 3, 10), ибо *творяй грех от диавола есть* (1 Ин. 3, 8). Но Своим Евангелием воплощенный Бог Слово, весь пребывая и действуя в Богочеловеческом теле Церкви Своей, возвращает нас к Богу, возвращает нас к осознанию того, что мы — *творение Божие*, дело Божие, создания Божии. Еще при творении мы были созданы Богом Отцом через Сына в Духе Святом. И дана нам была боголика, троичеликая душа, то есть отцеликая, христолика и духолика. Своим же приходом в наш земной мир, Своим вочеловечением, Своим Богочеловеческим домостроительством спасения Бог Слово как глава Церкви нас пересоздает, заново создает в Богочеловеческом теле Церкви. Для чего? *На дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим* [Еф. 2, 10], ибо Бог сотворил нас для бессмертия и для жизни вечной (ср. 1 Кор. 5, 4–5). Господь Христос и пришел в наш земной мир, дабы нам для осуществления этой Божественной цели дать все необходимые Божественные средства и Божественные силы: святые таинства и святые добродетели. Они — в Церкви, доступные всем. Сомнений нет: от Господа Христа мы ясно знаем и настоящее происхождение людей, и настоящую цель их существования: происхождение их от Бога, они суть *творение Божие*, а цель их — жизнь во Христе, дела благие во Христе, ибо *создани во Христе Иисусе на дела благая*, ибо для них и жизнь — со Христом в Боге (ср. Кол. 3, 4).

Тем же, аще кто во Христе, нова тварь, древняя мимоидоша, се быша вся нова (2 Кор. 5, 17). Если человек пребывает во Христе через святые таинства и святые добродетели, в нем неминуемо

совершается обновление всецелого существа его, все старое в нем уходит и перестает быть, а все новое возникает и появляется. Исчезает старая совесть, а возникает новая, исчезает старая воля, а возникает новая, исчезает ветхий человек, а возникает новый. А чем нов новый человек? Новыми ощущениями — Божественными ощущениями, новыми мыслями — Божественными мыслями, новыми желаниями — Божественными желаниями, новыми делами — Божественными делами, новой жизнью — Божественною жизнью.

Все это стало возможным для каждого из нас, благодаря пришествию Бога Слова в наш мир, благодаря Его вочеловечению. Своим вочеловечением Он сделал для нас возможным обожение: от Него вочеловечение — от нас обожение. Он вочеловечился, дабы человек обожился. И это дело Его благодати спасения, Его Богочеловеческого домостроительства спасения. Обоженный, обогочеловеченный человек, человек, который в Богочеловеческом теле Церкви, через святые таинства и святые добродетели исполнился *исполнением Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23), — это и есть христианин. Да, христианин — это охристовленный, обоженный, обогочеловеченный человек. И не менее этого. Крещением становясь членом Церкви Христовой, этого вечно живого Богочеловеческого тела Христова, христианин начинает обоживаться, обогочеловечиваться, исполняться святыми Божественными, Богочеловеческими силами, и так — непрестанно и в течение всей жизни и всей своей вечности. В нем непрерывно созидается все новое и новое, все Христово и Христово. То, что Христово, всегда ново, ибо бессмертно и вечно. Бессмертное и вечное бессмертно и вечно тем, что оно всегда ново и ново, все новее и новее. Ибо чудесный Господь Христос — не только Спаситель, Вседержитель и Промыслитель, но и вечный Творец, а следовательно, и вечный Чудотворец. Поэтому Он и возглашает: *се, нова вся творю* (Откр. 21, 5).

Кто во Христе, тот — христианин, и, будучи во Христе, он — *нова тварь*. Если человек живет во Христе с помощью святых таинств и святых добродетелей, он уже вечен, уже богочеловечен и тем самым — весь нов и всегда нов, и никакая смерть не может

его ни состарить, ни захватить, и он неминуемо рождает *плод мног* — святые и бессмертные мысли, святые и бессмертные чувства, святые и бессмертные дела. Живя в христианине благодатью Своих святых таинств и святых добродетелей, Господь Христос делает его природу плодородной, и она творит дела Христовы — *дела благи*, рождает *плод мног*, ибо *всяко древо доброе плоды добры творит* (Мф. 7, 17; Ин. 15, 5). Тогда все это совершенно естествен-

сверхъестественное в природе

но, ибо благодатью все сверхъестественное становится естественным, все Божественное становится человеческим, все Христово

становится достоянием христианина, все Богочеловеческое становится достоянием человека. На самом деле, для боголикой природы человека Божественное не сверхъестественно, потому что оно ей изначально присуще, изначально имманентно, изначально свойственно. Природа нашей боголикой души создана в сущности из Божественного, из боголикого, из сверхъестественного. Боголикой своей сущностью она вся из иного мира и вся в ином мире. Поэтому всеистинные уста Всеистинного и изрекли об истинных людях следующее: *от мира несте* (Ин. 15, 19; ср. Ин. 17, 14). Наше естество — естественно сверхъестественным, Божественным, боголиким. На самом деле вся природа человеческого существа сверхъестественна: и природа тела, и природа души, — ибо и то, и другое создано Богом и на самом деле не наше, а Божие (ср. 1 Кор. 6, 20). Корни всецелого человеческого естества — в мире ином. Потому человека и влечет внутренняя сила его существа к небу, к миру иному, к Богу и ко всему Божественному. Поэтому и естественно, что Господь Христос принял на себя человеческую природу, вознес ее превыше всех небес и посадил одесную Бога, превыше херувимов и серафимов. Нет сомнений, человек призван верою и добрыми делами во Христе стать богом по благодати, богочеловеком по благодати, и он становится таковым по дару вселюбви Христовой в Церкви Христовой, которая протянулась от земли до небес и превыше всех небес. А через нее и ею и мы, Христовы верные, Христовы *стелесници* (Еф. 3, 6) живем и существуем одновременно в обоих мирах, ибо жизнь наша *сокровенна есть со Христом в Бозе* (Кол. 3, 3), ибо жителство наше на небесах (Флп. 3, 20), даже пока телом своим мы

ходим по земле. Мы, христиане, *люди избранны, ревнители добрым делом* (Тит. 2, 14). Ибо Господь всечеловеколюбивый *избрал нас в Нем прежде сложения мира быти нам святым и непорочным пред Ним в любви* (Еф. 1, 4). А быть таковыми только Им, Который есть правда и освящение наше (ср. 1 Кор. 1, 30).

«Чтобы, — говорит святой Златоуст, — услышав, что *не от дел*, но верою совершается (наше спасение), ты не остался беспечен, посмотри, что далее говорит (апостол): *Того бо есмы творение, создани во Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим* (Еф. 2, 10). Заметь, что сам он проповедует: он намекает здесь на воссоздание (τὴν ἀναγέννησιν). Действительно, (наше спасение есть) второе творение (κτίσις ἑτέρα): (через искупление) мы точно из небытия приведены к бытию. В том состоянии, в котором мы были прежде, то есть в состоянии ветхого человека, мы были мертвы; теперь же сделались тем, чем прежде не были. Значит, это дело есть действительно творение, и притом творение, гораздо превосходнейшее первого. Тем творением мы призваны к жизни, этим же соделаны способными к жизни доброй. *На дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим* — то есть от нас требуется добродетель постоянная, продолжающаяся до последнего часа жизни. Если бы мы, предприняв путешествие в царскую столицу и совершив большую его часть, вдруг потом разленились и остановились, не окончив пути, то такое путешествие не принесло бы нам никакой пользы. Точно так же и *упование звания* не может доставить нам, участвующим в этом уповании, какой-либо пользы, если мы не станем ходить достойно Призвавшего. Мы, призванные на дела благая, должны и пребывать в них, доколе не совершим всех их. Не для того, без сомнения, мы призваны, чтобы совершить одно какое-либо доброе дело, но чтобы (совершить) все. Подобно тому как у нас есть пять чувств и всеми ими мы должны пользоваться надлежащим образом, так точно должны совершать и все добродетели. Если кто целомудрен, но не милостив, или милостив, но лихоимец, или хоть и не берет чужого, но не раздает и своего — для такого все напрасно. Одна какая-нибудь добродетель не даст нам права с дерзновением предстать престолу Христову; для этого нужны многие, разнообразные и разнородные добродетели

или, вернее, все добродетели. Послушай, что Христос сказал Своим ученикам: *шедше научите вся языки, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19)... Следовательно, нам нужно соблюдать все (заповеди)»¹.

Кто не признаёт Господа Христа, тот не истинный Бог и истинный человек знает ни истинного источника, ни истинной цели человеческого существа. Такой человек — в полном смысле язычник, ибо не знает ни того, что есть Бог, ни того, что есть человек, не знает ни того, кто — истинный Бог, ни того, кто — истинный человек. Такой человек — воистину *ἄθεος*: без Бога, безбожный, но в то же время и без человека, бесчеловечный. Он может признавать богами бесчисленных идолов, но все это ложные боги, среди которых нет истинного Бога, точно так же он может всех тварей, всех животных считать предками человека, а самого человека — самым совершенным животным, но все это не являет, не дает истинного человека. Только когда человек признаёт истинным Богом Господа Христа, он с Его помощью познаёт и истинного человека. Только в христопознании — истинное человекопознание. Равно как только в христопознании — истинное богопознание. И это так, поскольку Господь Христос — Богочеловек: настоящий Бог и настоящий человек, истинный Бог и истинный человек, совершенный Бог и совершенный человек. Этот мир без Христа — не что иное, как темница отчаяния, чудовищальнолюдоеды, в которых нет для людей надежды, ибо они их мучают, истребляют и уничтожают (ср. Еф. 2, 11–12).

С Господом Христом все меняется: и Бог, и человек, и мир. Христиане знают, что есть настоящий Бог, что — настоящий человек, что — настоящий мир. И все это дано им как очевиднейшая реальность в чудесной личности Богочеловека, в Его святом Евангелии, в Его Богочеловеческом теле — Церкви. Кто пребывает в Церкви, тот знает это и все это ощущает. А членом Церкви может стать всякий. Безгранично человеколюбивый Господь Христос основал Церковь для всех людей: и обрезанных, и необрезанных, для евреев и для язычников. Так в Церкви уравниены все люди, устранено

¹[Ио. Злат.] Там же [Бес. IV, 3 на Еф.; с. 37] // [PG 62], 34.

деление на избранных и неизбранных, ибо Богочеловек Собою наполнил нового человека, в котором это деление исчезает и все новое возникает. Ефесянам — бывшим язычникам, которые были далеки от познания истинного Бога и *отчуждени от жития Израилева* (Еф. 2, 12), — святой апостол пишет: *ныне же о Христе Иисусе вы, бывшии иногда далеке, близ бысте Кровию Христовою. Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино и средостение ограды разоривый, вражду Плотию Своею, закон заповедий ученьми упразднив, да оба созиждет Собою во единого новаго человека, творя мир, и примирит обоих во едином теле Божови крестом, убив вражду на нем, и, пришед, благовести мир вам, дальним и ближним, зане Тем имамы приведение обои во едином Дусе ко Отцу* (Еф. 2, 13–18).

Кровь Богочеловека Христа — это новая творческая и всесоединяющая сила. Она ^{кровь Богочеловека Христа} совершенно, прежде всего в личности Богочеловека, примирила Божественную и человеческую природу, Бога и человека, так что человек, который из-за греха был далек от Бога, приблизился к Нему, стал с Ним одно целое. Из неизмеримой любви проливая Свою Божественную кровь за род человеческий, Господь Христос Своей Божественной Силой уничтожил грех, смерть и дьявола, эту триединую стену, отделившую людей от Бога, так что все люди стали близки Богу и друг другу, и дал роду человеческому бессмертие и жизнь вечную, основав Собою и в Себе Церковь, так что мы, христиане, *уди есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30). В теле Своем — Церкви, Он органически, Духом Своим, через святые таинства и святые добродетели соединяет все члены в теснейшее единство с Собою и друг с другом. Род человеческий не знает никакого более истинного, более бессмертного, более вечного единства с Богом, человека с людьми и людей с другими людьми, чем это единство. Что может быть ближе кровного родства? А через Богочеловека Господа Христа мы вступаем в кровное родство с Богом. Кровь Его — источник нашей вечной жизни, нашего бессмертия, ибо теснейшим образом соединяет нас с Ним — истинным Богом, в Котором и заключена жизнь истинная (ср. 1 Ин. 5, 20). Божественная кровь Господа Христа — это сила, которая освящает, которая очищает, которая преображает, которая охристовляет, которая обогочеловечивает,

которая обоживает, которая отроичивает, которая спасает. Поэтому Новый Завет — Завет в крови Богочеловека Христа, не в слове, не в науке, не в законе, не в заповеди, не в чем другом, как в крови Божественной, Богочеловеческой, которая и есть источник всех животворных и чудотворных сил, совершающих Богочеловеческое домостроительство спасения. Соединяя человека с Богочеловеком, эта Пресвятая кровь через Него соединяет нас и со всеми людьми. Так, настоящее, истинное, бессмертное единство человека с людьми бывает через Богочеловека, поскольку Бог ближе всякому человеку, чем человек — себе, ближе и всем людям, чем они — себе, поэтому нет человеку согласия с самим с собою и с людьми около него без Бога, без Богочеловека, без вступления с Ним в кровное родство. А это вступление человека в кровное родство с Богом и это Богочеловеческое вступление человека в кровное родство с людьми происходит в Богочеловеческом теле Христовом — Церкви. Через нее, из Его Божественного сердца струится Божественная кровь Христова по всему организму, во всех членах Церкви и совершает все чудеса спасения от всякого греха, от всякой смерти, от всякого диавола, исполняя всякого сотелесника своего Божественными, животворными и боготворящими силами.

Кровь Богочеловека полностью обновляет человека, ибо в ней Божественная сила вечной жизни: она соединяет человека с Богочеловеком как на голгофском кресте, так и в Богочеловеческом теле Церкви — через животворную и боготворящую кровь святого таинства Причащения. Раз это кровь Богочеловека Христа, а Церковь — тело Его, то кровь Его и есть та соединяющая сила, которая всех членов Церкви связывает в единую жизнь, в единую душу, в единое сердце. Так устраняется прежняя разделенность между людьми и разрушается стена, их разделявшая. Единый Человеколюбец упраздняет вражду между людьми телом Своим Божественным, которое принес в жертву и которым основал Церковь (ср. Еф. 2, 14). «Ибо, если бы Он не умер за нас, то не уничтожил бы грех, который отделял нас от Бога»¹. Наукой Своею, учением Своим, Евангелием Своим Господь отменил закон ветхозаветных

¹Св. Фотий у Икумения. Там же, ad loc. [Ephes., cap. III] // [PG 118], 11[9]7 A. [Толкование Икумения, слова Фотия следуют далее.]

заповедей, ибо в Евангелии они получили свою Божественную законченность и свою христоликий человек Божественную замену. Всем этим Богочеловек создал в Себе нового человека. До Него ветхий человек, раб греха и смерти, тлел в немощи и отчаянии. Человеческая природа стареет только грехом и только грехом умрет. Грехи высасывают из нее жизненные силы, и она постепенно ветшает, постепенно отмирает, пока, наконец, состарившаяся и изнемогшая, не умрет. Ибо *грех... рождает смерть* (Иак. 1, 15). Новый человек — настоящему только Богочеловек и все те, кто — Его духа, кто суть составные части Его вечно живого тела, Церкви. Этот новый, этот христоносный и христоликий человек — единственный бессмертный человек, вечный человек в роде человеческом, и он не стареет, ибо вечность, богочеловечность не стареют (ср. Еф. 2, 15). Да, только христоликий человек — новый человек, ибо верую в Богочеловека он перешел *от смерти в живот* (Ин. 5, 24).

Богочеловек Христос — *мир наш* (Еф. 2, 14), мир наш прежде всего с Богом, а также и с людьми. Он примирил нас с Богом, устранив грехи наши, которые непрестанно ратуют против Бога. Примирил нас с людьми, ибо показал нам, что грехи — возбудители и реализаторы вражды между людьми. Он открыл нам новый образ общения с людьми — любовь — и дал нам силу Божественной, миротворной любви. Своей бесконечно человеколюбивой крестной жертвой Господь Христос уничтожил грех, убил силу греха и этим убил нашу вражду к Богу и к людям. Так Он примирил нас с Богом и друг с другом и показал, что человек может жить, не прибегая в отношениях к Богу и к людям к посредничеству греха. Все это Господь совершил в теле Своем, распятом, воскресшем и вознесенном. Все это Он и далее совершает в теле Своем — Церкви, Своею благодатью преображая в ней людей из ветхих в новых и давая им Божественные силы для новой жизни. Бог Слово стал плотью и все домостроительство спасения мира совершил плотью и во плоти. Так, телом Его стала Церковь, в которой непрерывно продолжается все домостроительство спасения мира от греха, смерти и диавола. Поэтому христомудрый апостол непрестанно подчеркивает, что Спаситель все это сделал *Плотью Своею*. В этом все новозаветное благовестие, в этом и мир, который

оно благовествует всем, *дальним и ближним* (Еф. 2, 17), то есть и язычникам, которые своим язычеством далеко отстояли от Мессии, Спасителя, и Его Евангелия спасения, и евреям, которые через святых пророков приведены к Мессии – Спасителю и Его Евангелию спасения. Это всегда реальное и всеживое благовестие как для очевидцев, созерцавших Господа Христа две тысячи лет назад, так и сегодня, так и во веки, для всех людей всех времен и всех народов, ибо через Христа Господа все люди: и евреи, и язычники — имеют доступ ко Отцу во едином Духе, поскольку к Отцу

верховный закон
Церкви

приходят только через Христа (ср. Еф. 2, 18; Ин. 14, 6). Своим домостроительством спасения Богочеловек всем нам открыл путь

и *приведение* к Троичному Божеству (ср. 1 Пет. 3, 18; Рим. 5, 1–2; Еф. 3, 12). В Богочеловеческом домостроительстве спасения все совершается [бывает, случается] от Отца через Сына в Духе Святом. Это верховный закон в Богочеловеческом теле Церкви, верховный закон в жизни всякого члена Церкви. Что такое спасение? Жизнь в Церкви. А что такое жизнь в Церкви? Жизнь в Богочеловеке. А что такое жизнь в Богочеловеке? Жизнь во Святой Троице, ибо Богочеловек — Второе Лицо Пресвятой Троицы — всегда единосущен и единоктителен со безначальным Отцом и животворящим Духом (ср. Ин. 14, 6–9; 15, 24–26; 16, 7.13–15; 17, 10–26). Итак, спасение, по сути, есть житительство во Святой Троице. Спасение — это благодатный подвиг воцерковления и оцерковления, вобогочеловечения и обогочеловечения, втроичения и отроичения. Все, что есть в Церкви, богочеловечно и троично и через Богочеловека всегда приводит к Троичному Божеству (ср. Еф. 1, 17–23).

Учлененные через Богочеловека в святое тело Церкви, бывшие язычники живут вместе со святыми, сожителствуют святым:

Церковь — небо-
земное существо

живут той же жизнью, теми же Божественными силами, теми же святыми таинствами, теми же святыми добродетелями, тем же

Евангелием, той же Любовью, той же Истиной, той же Правдой, тем же Духом. Это приближает их к Богу, роднит с Богом, и они становятся *жилищем* (ср. Еф. 2, 19–22) Божиим, членами святого семейства Божиего; небо для них — дом, как и земля, ибо Церковь — небоземное существо, и в ней их *храмина вечная* (2 Кор. 5, 1).

Для них ничто Божие более не чуждо; все, что Божие, — их, ибо они суть *чада Божии*, сыны Божии; а если сыны Божии, тогда и наследники Божии, сонаследники же Христовы (ср. Гал. 4, 7). Жизнь в Церкви всегда соборна, всегда *со всеми святыми* [Еф. 3, 18], то есть человек жизнь в Церкви
соборна в своих евангельских подвигах имеет поддержку от святых. Если он молится, они соучаствуют в его молитвах; если постится, и они это делают; если страдает за веру, и они ему сострадают. Во всем и по всему он их сожитель, а они — его. Поэтому ему никто и ничто не может навредить: ни гонение, ни голод, ни нагота, ни меч, ни страх, ни смерть, ни жизнь, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни другое что-либо, ибо во всем этом он побеждает *со всеми святыми* с помощью Господа Христа (Рим. 8, 35–39).

Церковь — это здание духовное: краеугольный камень — Господь Христос, фундамент — апостолы и пророки. Она вся растет Христом и на Христе, растет Его творческими Богочеловеческими силами. В ней Господь Христос присутствует всюду. Он — апостольство апостолов, Он — пророчество пророков, Он — святительство святителей, Он — вера верующих, Он — любовь любящих, Он — смирение смиренных, Он — все и вся во всяком, подвизающемся и спасающемся. Христиане суть *камень живое*, встраивающееся в духовный храм Церкви (1 Пет. 2, 5), причем всегда *со всеми святыми*, на основании апостолов и пророков (ср. 1 Кор. 3, 9–17). Ибо никто не может стать Христовым, «своим Богу», если он не живет вместе со всеми святыми и если не верует, не мыслит, не ощущает вместе с апостолами, пророками и другими святыми. Чтобы нам расти во всю высоту Христову, мы должны прежде всего выстроить себя *на основании Апостол и пророк* (Еф. 2, 20), жить их жизнью, их верою веровать, их любовью любить и их молитвой молиться. Ибо мы не познали бы без них Христа. Если бы не было их, не было бы и Церкви, ибо Церковь стала Церковью через них, и Дух Святой через них стал душою Церкви и был навеки дан Церкви, и Господь Христос через них явил миру Себя и Свое Евангелие. На этом основании растет Церковь Христом, Его Божественной силою, растет как нерушимый святой храм в Господе. Каждый, кто апостольскою верою

ЦЕРКОВЬ – ВСЕТАЙНА ХРИСТОВА

встраивает себя в этот святой храм, становится и сам жилищем *Божиим* в Духе (ср. Еф. 2, 22). Да, в Духе Святом, так как только в таком святом жилище обитает Трисвятое Божество. Так, только в Церкви человек постигает свое вечное назначение: он становится храмом Святой Троицы (1 Кор. 3, 16–17). Святой апостол особенно подчеркивает: *О Нем же и вы созидаются в жилище Божие Духом* (Еф. 2, 22). Чем же созидают себя верные? — Святыми евангельскими подвигами веры, молитвы, любви, поста, надежды и святыми тайнами. Но и это созидание себя в жилище *Божие* они совершают не одни, а всегда вместе *со всеми святыми*.

Все, что в Церкви, и все, что ей принадлежит, составляет величайшее Божие Всеблагое и величайшую Божию Всетайну. И это наиболее богомудро нам открыл, показал и засвидетельствовал христоноснейший апостол всех миров — святой Павел.

Особенно в Послании к Ефесянам. Оно — все с неба и принадлежит к тем исключительным *откровениям и видениям Господним* (2 Кор. 12, 1–4), которых святой апостол Павел был обильно удостоен. Благовестие, содержащееся в этом Послании, — не от людей, не от ангелов, да и не может быть от них, но все от Господа Христа, все от Его вечности, Богочеловечности и потому все премудро, все спасительно, все светоносно. Его глубины почивают в *глубинах Божиих* (τὰ βάθη τοῦ θεοῦ) (1 Кор. 2, 10), так же и его высоты, и его широты. А основное, всеохватывающее благовестие этого Послания — предвечное решение Троичного Божества, да все, *яже на небесах и яже на земли, в Нем* сотворится (Еф. 1, 9–11), то есть чтобы все вохристовилось и охристовилось, чтобы все составилось в единое тело, тело Христово, Церковь, и так достигло вечной Божественной цели, ибо Церковь — *Тело Его, исполнение Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23). Это благовестие — всеблагое, эта тайна — всетайна указана пресвятому апостолу откровением. Он утверждает: *яко по откровению сказася мне тайна* (Еф. 3, 3).

Это благовестие, эта всесвятая тайна Трисолнечного Господа раскрывает весь смысл неба и земли, всех существ, обитающих в них и на них, всех вещей, их составляющих. Все и вся на небе

БЛАГОВЕСТИЕ О ЦЕРКВИ И ЖИЗНИ В НЕЙ

и на земле имеет свой Божественный смысл только во Христе Господе; вне Него и без Него все и вся не имеет ни смысла, ни цены. Вне Него и без Него первый Светоносец херувим превратился в сатану, как же тогда человеку не превратиться в диавола, а всякому иному существу — в вопль, в стон, в муку, в страх, в ужас, в безумие, в смерть, в ад? Если человек отходит от Христа, он отходит от единственного разумного смысла своего бытия, своей жизни, своего существования; отходит от единственно разумного смысла своей души, своего ума, своей совести, своей воли, своего тела. Что такое человеческий ум без Христа, если не немой стон, что такое его душа, если не ужасное пугало; что такое его совесть, если не отчаявшийся слепец, что такое его тело, если не отвратительный червь, что такое его воля, если не беспомощный паралитик; что такое вообще человек, если не страшное привидение? Так и всякое другое существо, будь то херувим или комар, утрачивает всякий разумный смысл своего существования, если всем существом своим не держится Господа Христа.

Ради всего этого апостол Павел — радостный *юзник Христов* (Еф. 3, 1), узник ради всех людей. Да, всего этого ради: ради благовестия, ради богатства, которое Господь Христос принес с неба для всего рода человеческого. Ибо, сойдя с неба, Он с Собою принес величайшую и драгоценнейшую тайну вечности и предвечности — Церковь Божию, и в ней и с нею все вечные богатства Божественные, наднебесные, надхерувимские и призвал в нее людей, дабы все это стало и было их вечностью во всех их жизнях, во всех их вечностях. Подумайте только, чего удостоились люди: быть вознесенными Христом через Церковь превыше всех небес, превыше всех херувимов и серафимов, ангелов и архангелов и быть посаженными одесную Бога. И кто? Бывшие язычники. Это величайшее и самое потрясающее чудо всех миров! Это чудо не только для людей, но и для Безгрешных Умов Небесных — святых ангелов: любовь Христова к людям вообще. Нет большего чуда, чем это, а если и есть всечудо, то это оно и есть! Мы, люди, в недавнем прошлом отчужденные от всего Божиего, через Церковь становимся своими Богу, присными Богу, родом Его, вступаем в семью Божию, бессмертную и вечную. Теперь

Церковь — драгоценнейшая тайна вечности

мы бессмертны и вечны, мы совечники Христовы, ибо мы сыны Божии, сонаследники Христовы и все Христово стало нашим! Есть ли для нас, людей, благовестие, большее этого? Нет, конечно же, нет! А претерпеть узы ради этого пресвятого благовестия — это радость из радостей. Узник любви Христовой радуется оковам за Христа; радуется им, как величайшей награде, как величайшей чести. Оковы за Господа Христа — наши драгоценнейшие ожерелья, браслеты, гривны и венцы! С их помощью покупается небо. И больше того, несравненно больше: покупаются небеса над небесами, покупаются все вечные богатства, которые только единый истинный Бог и Господь Иисус Христос может иметь и давать, и Он подает и мне, и вам, и всем, подает через Свою чудесную Церковь.

Савл — пламенный христоронец, Савл — неистовый христубийца, несомненный христубийца, ибо неистово жаждал уничтожить Христа и все Христово в душах всех христиан, Савл — верховный христогонитель, Савл — ожесточенный христоненавистник; как такой Савл стал воодушевленнейшим поклонником и неустрашимейшим исповедником Христа как единого истинного Бога, Господа и Спасителя и Его самым ревностным апостолом? Как он дошел до того, что ради Христа отверг все и что все и вся кроме Христа вменил *тщету быти, уметь быти* (Флп. 3, 7–8). Только чудом вселюбви Божией, которая расцветала в бесчисленных чудесах благодати Божией, ибо за первым чудом, когда ему на пути в Дамаск явился воскресший Господь Иисус в Божественном сиянии и перевернул ему всю душу, все существо, последовало многое множество личных и непосредственных явлений воскресшего Господа, Который ему лично Сам открывал все тайны Своей Богочеловеческой личности, все тайны Своего Евангелия, все тайны спасения, все тайны всех миров и сверх всего все тайны тела Своего — Церкви — и Сам лично доверил ему апостольство среди язычников в одном из тех *видений и откровений*, сказав ему: *иди, яко Аз во языки далече пошлю тя* (Деян. 22, 21). И сразу же после первого Своего явления Савлу воскресший Господь является апостолу Анании, повелевая ему крестить Савла, и говорит ему: *иди, яко сосуд избран Ми есть сей, пронести имя Мое пред языки и царьми и сынами Израилевыми* (Деян. 9, 15).

Все это дело и домостроительство благодати Божией. Святой апостол так и называет свою проповедь Евангелия Христова: *смотрение благодати Божия* (οἰκονομίαν τῆς χάριτος τοῦ θεοῦ) (Еф. 3, 2), так как служит Божию: святым и спасительным тайнам Божиим. В Евангелии все — Божие, все — свято, все — спасительно, все — благодатно; все — от Бога, все — дар Божий, все — благодать Божия. Оно ни в чем от человека, *несть по человеку* (Гал. 1, 11). В нем все от Богочеловека и по Богочеловеку: и святости, и силы. А святой апостол всем своим существом им только служит; это ему дано от Самого Бога. Поэтому свое апостольство он и называет *смотрением благодати, смотрением тайны* (Еф. 3, 2,9): он служит святому Богочеловеческому Откровению, которое все — в Божественных тайнах, дарах и святостях, все — с неба, но все — для людей на земле, поскольку и они по происхождению — с неба. *Смотрение благодати* — это *смотрение тайны*, предвечной тайны Божией, которая воплощением Бога Слова сошла в наш земной мир в виде Церкви, соединяющей в себе небо и землю, ангелов и людей, Бога и человека, а следовательно, все тайны всех миров и существ. Поэтому служение Церкви и есть *смотрение тайны, смотрение благодати*, в Церкви все — тайна и все — благодать. Но и сама жизнь в Церкви всякого ее члена есть *смотрение тайны и смотрение благодати*, ибо каждый из нас — небоземное существо уже самим тем, что Церковью и в Церкви является *стелесником Христовым* (Еф. 3, 6), благодатным Богочеловеческим существом, которое тем и живет, что непрестанно воспринимает себя как Богочеловеческую единицу, полнота бытия которой — в полноте Богочеловеческого тела Христова, Церкви, и полнота жизни также в полноте Церкви, ибо всякий член Церкви живет через всех ее членов, через всех ангелов и людей, а прежде всего — через Самого Богочеловека, Господа Христа, который в Своем безграничном человеколюбии ради нас стал Церковью и ею дал нам всё, всё, всё: Божественные и Богочеловеческие дарования и силы. И христиане, живя в Церкви и Церковью, живут *яко добрии строители различныя благодати Божия* (1 Пет. 4, 10).

Как ни взгляни на Богочеловека Иисуса Христа, для человеческого сознания Он представляет Собою величайшую тайну,

тайна Богочеловека
и человека

большую, чем какая-либо иная личность в истории земли. Ввиду этой исключительности и единственности святой апостол называет ее *тайной Христовой* (Еф. 3, 4). Среди иных тайн, которыми полон наш мир, *тайна Христова* столь велика, что представляет собою всетайну. Это действительно всетайна, потому что Христос — Богочеловек, и в Нем конкретно дана и открыта вся тайна Бога и вся тайна человека. В Богочеловеке воплощены все Божественные совершенства: в Нем *живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2, 9), живет в человеческом существе, в границах человеческого тела, живет как человеческая, земная, очевидная реальность. Из-за этого тайна человека в Богочеловеке разрослась в тайну Бога: маленькое, крошечное человеческое тело, а в нем — вся тайна Божия — *всяко исполнение Божества*. Так и получилась *Христова тайна*, Христова всетайна. Как таковая, она не может быть понята никакими усилиями человеческого духа, человеческого ума, человеческого разума. Здесь необходима помощь Божия, чтобы Он благодатью Своею *отверз ум* (Лк. 24, 45) человеческий, дабы подготовить его к принятию этой пресвятой тайны, дабы Он открыл ему ее глубины и показал ее высоты, разлил по нему святые логосные силы. Да, только откровением Божиим указывается человеку Христова тайна. Ведь ее не мог понять даже человек такого сильного ума, как святой апостол Павел. Он возглашает: *по откровению сказася мне тайна* (Еф. 3, 3).

А что случилось с умом Павла, с разумом Павла? Он весь утонул в бескрайности этой святой тайны, слился с нею в восхищении и радости и стал ее одареннейшим вестником и благовестником. Все это видно из его Евангелия, из его Посланий. Потому он и наставляет ефесских христиан, чтобы читали его Евангелие, ибо *можете, чтуще, разумети разум мой в тайне Христове* (Еф. 3, 4). А душа этой тайны — Евангелие Христово о Церкви как предвечной и пресвятой тайне Божией, к которой превеликий апостол пришел через обильные, исключительные *видения и откровения Господня* (2 Кор. 12, 1–4). Ради чего? Дабы *просветить всех, что есть смотрение тайны, сокровенныя от веков в Бозе* (Еф. 3, 9), дабы показать, *кое богатство славы тайны сея* (Кол. 1, 27), дабы проповедать *тайну Христову* (Кол. 4, 3).

Тайна Христова открывается духу человеческому только Духом Святым. Это неизменное евангельское правило христопознания (ср. 1 Кор. 2, 10–12). Оно относится и ко всем апостолам, и ко всем пророкам, и ко всем людям всех времен. Поскольку тайна Христова прежде всего *открыся святым Его Апостолом и пророком Духом Святым* (Еф. 3, 5), то она Духом Святым через них и открывается остальным людям. Ради чего? Дабы *быти языком наследником и стелесником (σώσομαι) и спричастником (συμμέτοχα) обетования Его о Христе Иисусе* (Еф. 3, 6). Живя Евангелием Христовым, люди становятся сынами Божиими, а тем самым и наследниками всех Божественных богатств Христовых (ср. Гал. 4, 7; Рим. 8, 17). Живя Евангелием Христовым, люди становятся сотелесниками Христовыми: совоплощаясь телу Христову, Церкви, становятся живыми членами, частями, клеточками, органами ее Богочеловеческого организма, живя в нем соборно, вместе *со всеми святыми* (Еф. 3, 18; ср. Еф. 2, 19). Одно тело — бесчисленные сотелесники; одна Церковь — бесчисленные верные. Поэтому Церковь — это не обычное человеческое общество, в котором члены связаны определенным образом, а Богочеловеческий организм, живое тело, в котором члены являются друг другу сотелесниками, связанными всецело жизнью, всеми жизненными силами и трудами. У них одно тело, одна душа, одно сердце, одно сознание, одна истина, одна правда, одна любовь, одна жизнь, один рай, одна вечность. Живя в Церкви Евангелием Христовым, люди становятся сообщниками в обетованиях Божиих, осуществленных во Христе: *елика бо обетования Божия, в том ей и в том аминь* (2 Кор. 1, 20). Поэтому, по слову святого Афанасия Великого, «мы уже спасаемся... как стелесники Слова»¹.

Такого Божественного Евангелия апостол Павел и стал слугою *по дару благодати Божия* (Еф. 3, 7), а не своими человеческими заслугами. Для такой Божественной службы человеку нужны Божественные силы, которые ему по мере труда непрестанно подает и прибавляет Сам Господь Евангелия. Слуга Евангелия Божиего может успешно совершать свое *смотрение*

Церковь —
Богочеловеческий
организм

¹[Афан. Вел.] Contra arianos II, 61 [Ариан. II; с. 342] // PG 26, [277 B].

благодати Божия (Еф. 3, 2) только при непрерывной помощи и содействии благодати Божией. Величайший труженик и ревнитель Евангелия Христова все свое служение Евангелию приписывает благодати Божией и утверждает, что она ему дана *по действию силы Божией* (Еф. 3, 7). И этот равноангельный слуга Божий смиренно говорит: *Благодатию же Божиею есмь, еже есмь, и благодать Его, яже во Мне, не тща бысть, но паче всех их потрудихся; не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15, 10).

Святой апостол считает себя наименьшим среди христиан. Недооценивает ли он себя этим? Нет. Ибо человек никогда не может себя достаточно недооценить, когда сравнивает себя с Христом. Но разве нужно для этого сравнивать себя со всечистым и все-святым Господом? Достаточно просто посмотреть на себя в свете Христовом. Если человек освятит себя Христом, взглянет на себя Им, оценит себя Им, ему сразу станет ясно, почему превеликий апостол столь умаляет себя. И не только он, точно так же поступают и все святые без исключения, от первого до последнего. Разумеется, Богочеловек Господь Христос — норма, образец и идеал, осуществленный идеал совершенного человека — человека, каким должен быть каждый человек вообще, все люди вообще (ср. Кол. 1, 28; Еф. 4, 13). Потому и самый чистый человек чувствует себя перед Ним бесконечно нечистым, и самый святейший — бесконечно грешным, и лучший — бесконечно плохим, и самый совершенный — бесконечно несовершенным, и величайший — бесконечно малым. Поэтому среди святых нет ни одного

гордого; ни в одном святом нет ни капельки гордости; бескрайнее смирение — душа всякого святого. Богатство Христово столь несказанно и *неисследованно* (*ἀνεξίτηλον*)

Церковь — *неисследованное богатство Христово*

[Еф. 3, 8], что всякий человек в сравнении с Ним — действительно подлинно нищ. Но наша радость в том, что чудесный Господь Свое несказанное богатство принес в наш земной мир, дабы мы, люди, обогатились им. Этому нас учат и этому служат Его святые апостолы, а прежде всех и более всех — святой апостол Павел.

Что же составляет это *неисследованное богатство Христово* (Еф. 3, 8)? *Тайна Христова*. А что составляет ее? Богочеловек. А что составляет Его? Церковь. Богочеловек приносит с Собою

всцелого Бога, со всеми Его бесчисленными и бесконечными совершенствами, с Царством Небесным, с небом, с раем, с над-небесьем. И все это, воплощенное в Его Богочеловеческом теле — Церкви, оставляет навеки в нашем земном мире: Церковью чудесный Господь сочетал в Себе все, *яже на небесех и яже на земли* (Еф. 1, 10), и так осуществил вечный Божественный замысел о всецелом творении. Поэтому Церковь — *неисследованное богатство Христово*, неисследованное, ибо несказанное. В ней вся тайна Божия о всех существах и вещах во всех мирах. До появления Богочеловека на земле она была *сокровенна в Боже* (Еф. 3, 9). С момента Его появления и основания Церкви Он являет ее человеческому роду через Церковь и показывает, что Церковь — не что иное, как служение этой тайне. А в Церкви этой тайне служат прежде всех и более всех святые апостолы. Им и дается великая благодать являть эту тайну, дабы открыть всем, *что есть смотрение тайны, сокровенная от веков в Боже* (Еф. 3, 9).

Но именно здесь мы приходим к тому, почему сами святые небесные ангелы дивились Церкви на земле. Что же это? А вот что: только Церковью для них открывается и проясняется сокровенная от века, вечная тайна Божия, *многообразная премудрость Божия* (Еф. 3, 10). Церковь на земле своим несказанным богатством обогатила и святых ангелов на небе: она обогатила их жизнь, обогатила их ведение о Боге, о мире и о Божием замысле о мире. Да, и ангелы Божии на небе живут Богочеловеческим телом Христовым, пребывающим на земле, — Церковью. Ибо и они члены Церкви Христовой. Они стали ими, когда Богочеловек Своим земным подвигом основал Церковь и в ней соединил *всяческая... яже на небесех и яже на земли* (Еф. 1, 10). Значит, и ангелов. Да, и их. И все они с бескрайним смирением и пламенной ревностью служат пресвятой тайне Церкви. Поэтому все они суть *служебнии души* (Евр. 1, 14) и служат тем, кто спасается в Церкви. Истина неба и земли в том, что в Церкви ангелы живут вместе с людьми: у них одно и то же Евангелие, та же Жизнь, та же Истина, та же Правда, та же Любовь, Тот же Бог и Господь Иисус Христос и с Ним Безначальный Отец и Животворящий Дух — Троица Пресвятая, Единосущная и Нераздельная. Церковь — это школа, в которой ангелы учатся многим истинам Божиим (ср. 1 Пет. 1, 12).

Все это так, потому что составляет «предвечное определение» Божие, которое Бог Слово осуществил Своим воплощением и Богочеловеческим домостроительством спасения (Еф. 3, 11). Все в этом определении с начала до конца вечно и логосно, полно многообразной премудрости Божией. С тех пор как Бог Слово стал человеком, жил и действовал как Богочеловек, в этом определении все богочеловечно. Но и доступно для людей. Став человеком, Бог Слово сделал возможным для нас, человеческих существ, доступ к Себе (ср. Еф. 3, 12). Ранее далекий людям из-за их грехов, вочеловечившись, Он стал им близок, доступен, стал для них своим, сочеловеком и собратом, спасши нас от греха, смерти и дьявола. С тех пор мы имеем свободный доступ к Нему *верою Его* (Еф. 3, 12). Почему *Его*? Потому что под верою подразумевается все Богочеловеческое домостроительство спасения мира, которое от начала до конца совершил лично Он как Богочеловек — *начальник веры и совершитель* (Евр. 12, 2). Свободу доступа к Нему дает нам Его безграничное человеколюбие, ибо Он бесконечно милостив, особенно к грешникам: чем человек более грешен, тем больше Его милосердие, бесконечнее, Божественнее, а сострадание трогательнее, нежнее, благоднее.

Поэтому вера в такого Бога и Господа, действительно, — самый радостный подвиг для человеческого существа в этом мире. В этом подвиге главное — стяжать Господа Христа, вместить Его в себе и жить Им. Ибо Он все и вся и для всех земных существ, и для всех существ небесных: *всяко отечество на небесех* — ангелы — и *всяко отечество... на земли* — люди — суть Его чада; Он глава этой огромной семьи. Ибо с тех пор как существует Церковь, тело Его, и с тех пор, как Он является главой телу Церкви, ангелы и люди составляют единую семью, Его семью. Есть ли большая часть, большая радость, большее благовестие, чем это (ср. Еф. 3, 14–15)?

В Церкви все богочеловечно: Бог — всегда на первом месте, а человек — всегда во втором. Без Божественной силы христиане не могут жить Божественной, евангельской жизнью и совершенствоваться в ней. Для всего Богочеловеческого человеку требуется помощь Божия. Если человек желает осуществить что-либо богочеловечное, он может это сделать только в общении с Богом,

в Церкви все
Богочеловечно

только с помощью Божиею. Только облеченные *силою свыше* (Лк. 24, 49; ср. Деян. 1, 8), в Божественную силу Духа Святого, люди могут жить на земле по-евангельски. Поэтому Спаситель и объявил на Тайной Вечери великую Божественную истину о Духе Святом как об осуществителе и совершителе спасения людей с помощью Евангелия (ср. Ин. 14, 16–17.26; 15, 26; 16, 7–13). Дух Святой в Богочеловеческом теле Церкви дает людям благодатные силы, чтобы они могли твердо жить во Христе Его Евангелием и укрепляться внутренним человеком, христоликим и вечным. Внутренний, христоликий человек рождается в людях от их благодатного соединения с Господом Христом: дух их соединяется благодатью с Духом Его, Духом Святым; мыслит Им, живет Им, совершает Им все свои дела (ср. Еф. 3, 16). И так *растит возвращение Божие* (Кол. 2, 19), утверждаясь всякой силой Божией во внутреннем человеке (Еф. 3, 16; ср. Кол. 1, 11).

Без Духа Святого дух человеческий распадается и рассыпается посредством греха на бесчисленные смерти, на бесчисленные небытия и псевдобытия. И этого случая касается всеистинное слово Спасово: *иже не собирает со Мною, расточает* (Лк. 11, 23): расточает душу, расточает совесть, расточает волю, расточает все свое существо. Наш внутренний человек, созданный богами, слабеет, сохнет, вянет, умирает от всего греховного, смертного, демонического, а укрепляется и становится бессмертным, когда евангельскою верою движется ко Господу Духом Святым. Тогда он весь собирается, исцеляется и постепенно, благодатью святых таинств и святых добродетелей утверждается Христом Богом: крепнет его душа, крепнет ум, крепнет совесть, крепнет воля до всепобеждающей Божественной крепости, осуществляя евангельское благовестие и заповедь: *возможайте во Господе и в державе крепости Его* (Еф. 6, 10), ибо в этом мире, где присутствует дьявол, вы должны быть крепки Христом Богом, если хотите его победить. А укрепляясь евангельскою жизнью в Господе и в силе крепости Его, укрепляясь *всякою силою, возможюще по державе славы Его* (Кол. 1, 11), вы становитесь сильнее всякой смерти и всего смертного, крепче всякого греха и всего греховного, крепче всякого дьявола и всего дьявольского. Тогда ничто греховное и бесовское не может вами овладеть и столкнуть в смерть, из которой

нет воскресения. Ибо *прилепляйся же Господеву, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17). И тогда что нам порывы, бури и ураганы всех смертей? Не что иное, как легкий ветерок, от которого душа наша не съезживается в страхе, в тоске, в муке, а тем паче в смерти, отчаянии и аде.

Единственная радость рода человеческого в том, что в Церкви мы, люди, чудесным Христом Богом растем к небу и даже выше и дальше: превыше неба и небес над небесами! И более того: превыше херувимов и серафимов — к Трисолнечному Богу и Господу и Пресвятой Богоматери. Время, века, вечности! Все наши времена, все наши века, все наши вечности — рабы всечеловеколюбивого Господа Иисуса, светлые и радостные рабы. Из них исходит молитвенный свет единого непрерывного всежелания: все обожить, охристовить, обогочеловечить, отроичить, оцерковить и так достичь Божественной всецели человеческой жизни и существования, а тем самым Божественного Вседобра, Божественной Всеистины, Вселюбви, Всеправды, Всевечности, Всебогочеловечности, а в них — Вечной Божественной радости бытия — Всерадости, во Всерадосте же — Вечного Всеблагвестия Троичного Бога и Господа.

Дух Святой через Христа и Христом сошел в мир и стал душою в теле Церкви; и Он подается людям только Христом и через Христа. Это значит, что Дух Святой только через Христа и Христом живет в людях. Где нет Христа Богочеловека, там нет и Духа Святого, там нет Бога, ибо нет Троичного Божества. Как же стяжать Господа Христа? Верую, только верую. Почему не знанием? Потому что Он в Личности Своей принес людям такие Божественные совершенства, которые во всем бесконечно превосходят все способности человеческого сознания и понимания. В этом причина того, что с Ним на всех ступенях евангельской жизни, от начала и до конца, всегда надо иметь общение верую. А когда мы знаем о Господе Христе все, что нам в форме знания может дать о Нем самая совершенная вера в Него, то и тогда, и вовеки Он остается предметом нашей веры из-за Своих безграничных Божественных совершенств, в которые до конца не могут проникнуть даже святые умы святителей

ввиду их человеческой ограниченности. Апостол Павел, с одной стороны, благовествует о христианах: *мы же ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16), а с другой — *вселитися Христу верою в сердца ваша, в любви вкоренени и основани* (Еф. 3, 17). Вера для людей — как бы некий Божественный воздух, в котором только и может жить Господь Христос.

Когда Господь Христос верою вселяется в сердца наши, тогда с Ним и наш внутренний человек утверждается в Вечной Божией Истине и Правде, Любви и Жизни. И Он Своими Богочеловеческими силами питает в нас нашего внутреннего человека, питает его Собою, Своим существом, Своим бессмертием, Истиною Своею, вечностью Своею. И таким образом делает его Божественно сильным победителем смерти во всех мирах, более сильным, чем всякая смерть, зло и диавол. А до этого и без этого человеческое существо слабо, некрепко, немощно, его словно качает и носит всякий ветер науки *по преданию человеческому* (Кол. 2, 8) и одолевает всякое поветрие смерти. Но с Церковью и в ней с чудесным Господом, всякому человеку предоставляется удобный случай возрасть до неба, превыше всех небес, возрасть во всепобеждающего великана, стирающего все смерти в небытие, в ад, в смерть. И в этом спасительном подвиге всею душою воскликнуть: *Верую, Господи, помози моему неверию* (Мк. 9, 24). Так стенать и рыдать на всех ступенях веры, ибо вера наша всегда мала: предмет ее — всечудесный Господь Христос — весь истинный Бог и Господь, весь безграничный во всех свойствах Своих, во всех совершенствах Своих, во всех Своих проявлениях. Человеческая вера всегда мала, чтобы охватить всего Его во всех Его бесконечностях, и чем более она Его охватывает, тем более она Его жаждет, ибо все сильнее ощущает, сознает и видит Его Божественные бесконечности. Боголика же душа человеческая — вся бездонна своей боголикостью и богоустремленностью: хотя она и полна веры, именно из-за этой полноты и именно этой полнотой она всегда неутолимо жаждет Бога и Господа: *Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди, и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души*

вера — всепобеждающий подвиг

наша¹. Снова и снова: *Скорое и известное даждь утешение рабом Твоим, Иисусе, вегда унывати духом нашим, не разлучайся от душ наших в скорбех, не удаляйся от мыслей наших во обстояних, но присно нас предвари, приближися нам, приближися везде Сый, якоже со апостолы Твоими всегда еси, сице и Тебе желающим соедини Себе, Щедре, да совокуплени Тебе поем и славословим Всесвятаго Духа Твоего*².

соборность
каждой добродетели
в Церкви

С верою во Христа всегда сопряжена и любовь ко Христу. Если растет вера наша в Господа Христа, одновременно растет и любовь наша к Нему, так как вера непрестанно открывает во Христе все новые и новые совершенства, богатства и красоты, ради которых мы все более и более Его любим. И как нет границ вере нашей во Христа, так нет и границ любви нашей к Нему. Только люди великой веры *в любви вкорени и основани* (Еф. 3, 17). А кто укоренен и укреплен в любви Христовой, тот верою растет во все Божественные бесконечности, по истине, *растит возвращение Божие* (Кол. 2, 19) *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13) и становится живым храмом Пресвятой Троицы (ср. Ин. 14, 23), ибо «Христос обитает в сердцах... верующих, которые утверждены и не колеблются в любви к Нему»³.

В подвиге веры и любви человек никогда не бывает один, но всегда в сообществе *со всеми святыми* (Еф. 3, 18). Ибо и вера, и любовь приводят ко Господу Христу и пребывающим в Нем — святым подвижникам веры и любви — и соединяют с Господом Христом и *со всеми святыми*, которые — в Нем. Другими словами, вера и любовь объединяют человека со всеми существами, которые находятся в Богочеловеческом теле Христовом, Церкви. Становясь верою и любовью сотелесником тела Христова, человек и живет *со всеми святыми*, и мыслит *со всеми святыми*, и верует *со всеми святыми*, и любит *со всеми святыми*, и молится *со всеми святыми*. Одним словом, живет соборной жизнью Церкви.

¹ Молитва перед началом святой Литургии [, а также других церковных служб и домашних молитв].

² Час третий, тропарь на «Слава» [, если пост или нет кондака] // Часослов.

³ [Ио.] Злат. In Ephes. Nomil. VII [Бес. VII на Еф.; с. 60] // [PG 62], 51.

От такового благодатно-добродетельного жительства *со всеми святыми* духовный облик человека очищается и крепнет, и он все яснее распознает и видит несказанные богатства Господа Христа и Его Богочеловеческих совершенств, собранных в Богочеловеческом домостроительстве спасения и воплощенных в Богочеловеческом теле Церкви. Здесь и Божественная глубина, и высота, и ширина, и долготы [ср. Еф. 3, 18]. И первая, и вторая, и третья, и четвертая — бесконечны.

в Церкви —
соборная жизнь
и сознание

Как можно познать Господа Христа, Богочеловека, Его несказанное домостроительство спасения мира? Только *со всеми святыми*. В этом домостроительстве спасения Божественно бесконечны и безграничны и ширь, и даль, и глубь, и высь. *Сшедый Той есть и восшедый превьше всех небес, да исполнит всяческая* (Еф. 4, 10). А таков только Господь Христос Богочеловек; воплощением Он нисшел *в дольнейшия страны* [Еф. 4, 9] природы человеческой; погребением — *в дольнейшия страны ада*; воскресением и вознесением — взошел с человеческой природой превьше всех небес, и вознес с Собою все миры, всех верных Своих последователей, и возносит их Церковью через святую жизнь во святых таинствах и святых добродетелях. *Глубины Божия* (1 Кор. 2, 10) присутствуют в Богочеловеческом домостроительстве спасения Господа Христа: и в его шири, и в его дали, и в его глубине, и в его выси. А в эти *глубины Божии* нас вводят и по ним ведут только святые духоносцы (ср. 1 Кор. 2, 10–16), дух которых весь исполнен Духом Святым и ведом и руководим Им. И мы только в благодатно-добродетельном единении *со всеми святыми* можем это понять, причем постепенно, понемногу, по мере нашей веры и наших евангельских подвигов. А где же эти святые духоносцы? В Богочеловеческом теле Христовом — Церкви, в ее бескрайних глубинах, просторах, высотах и далях. Полностью соединенные с Богочеловеком благодатно-добродетельным соединением, они живут тем, что принадлежит Ему, и имеют то, что принадлежит Ему, и знают Его знанием, ибо они мыслят соборным разумом Церкви, и соборным сердцем Церкви чувствуют, и соборною волею Церкви желают, и соборною жизнью Церкви живут. Все,

православная гно-
сеология: любовь —
орган познания

что их, на самом деле, сначала — Его и веки Его, а они всегда являются самими собою только через Него и Им. А эта бездонная Божественная глубина, эта бескрайняя Божественная высота, эта безграничная Божественная широта, эта бесконечная Божественная долгота домостроительства спасения и Богочеловеческой сущности Церкви может вместить все человеческие и ангельские существа во всех мирах только при условии веры в Господа Христа и любви ко Господу Христу как Спасителю, и Творцу, и Судии.

Богочеловеческая
любовь Христова

От этого в душе подвижника веры растекается чудесное умиление, и он всем существом своим радостно ощущает это Богочеловеческое благовестие и истину: любовь Христова предпочтительнее всякого знания, ибо дает душе такие блага, такие радости, такие блаженства, о которых никакое знание не может даже предполагать, тем более обрести их, содержать их в себе и подать человеческому существу. Это ощущение и соединенное с ним сознание всеценности любви Христовой — дар Божий, откровение Божие для соборной жизни в Церкви *со всеми святыми*. Ибо благодатно-добродетельная жизнь в Церкви *со всеми святыми* вводит нас в сверхмыслимое, сверхчеловеческое, сверхъестественное познание. Познание чего? Божественной любви Христовой, выраженной Его Богочеловеческим домостроительством спасения, Его Церковью, что то же самое. Действительно, чей человеческий ум, какой разум людской и знание человеческое может познать, осознать и проникнуть в тайну Церкви Спасовой, которая есть не что иное, как весь Богочеловек Христос во всех Своих Божественных и человеческих совершенствах и реальностях. Ум человеческий, в какой бы то ни было своей человеческой данности и действительности; разум человеческий, в какой бы то ни было своей человеческой данности и действительности, не может многого вместить, тем более охватить безграничные реальности Богочеловеческого домостроительства спасения, которое все — в таинственном Богочеловеческом теле Церкви Христовой. Здесь все — сплошные тайны, и всякая из них неизмеримо и необозримо превосходит любой ум и разум человеческий. А эти святыя и Божественные тайны Богочеловеческого домостроительства спасения и Его Богочеловеческого тела Церкви все сотканы из Божественной

любви Христовой, бескрайней и безграничной во всякой точке своего бытия. Эта Божественная, эта Богочеловеческая любовь — всегда и во всем превыше ума, непознаваема и необозрима. От нее все существо человеческое тает в бесконечности умиления и расточается в бесчисленные *Осанны*. Эта любовь — в то же время источник истинно Божественного, Богочеловеческого сознания и знания. Отсюда происходит исключительно новозаветный гносеологический принцип: *всяк, любяй (Бога)... знает Бога* (1 Ин. 4, 7), знает Его превышающим ум, превышающим разум знанием, в котором участвует весь наш внутренний, боголикий и боголюбивый человек. А эту любовь человек обретает и развивает в себе до неслыханных размеров, только живя в Церкви *со всеми святыми*, через святыя таинства и святыя добродетели. Ибо таковой благодатно-богочеловеческой жизнью он исцеляет от грехолюбия и страстей и душу, и ум, и сердце, оздоравливает их Божественным здоровьем, так что они, оздоровленные Христом, становятся способными к истинному богопознанию и к истинному знанию сверхъестественного и превышающего ум.

новозаветный
гносеологический
принцип

Вместе *со всеми святыми*, исполненный этой Божественной любовью, человек, по сути, исполнен *во всяко исполнение Божие* (Еф. 3, 19). То, что Христово, становится его. Христос — Богочеловек, и в Нем *живет всяко исполнение Божества* (Кол. 2, 9); как таковой Он есть Церковь, так что всякий член Церкви становится причастником Божественного естества (2 Пет. 1, 4), обоживается, обогочеловечивается. В нем как бы воплощается весь чудесный Богочеловек. На самом деле, всечеловеколюбивый Господь воплощается во всяком члене Церкви через святое Причастие. Он — Тот, Кто весь в Богочеловеческом теле Церкви. И человек любви Христовой воспринимает полноту Церкви как что-то свое, ибо *со всеми святыми* он стал ее составной частью, ее сотелесником. А в теле всякий член ощущает себя как целое тело. Так и подвижник любви: все тело Церкви — его, и он — весь ее; вся ее полнота принадлежит ему, и он весь принадлежит ей. Таким образом, он лично и действительно переживает *со всеми святыми* осуществление вечного плана и замысла Божиего о мире: Господа

охристовление —
обогочеловечение

Христа как Церкви, которая есть тело Его, *исполнение Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23).

А это и есть цель, определенная Богом всем людям, во главе с христианами: *да исполнитесь во всяко исполнение Божие* (Еф. 3, 19; ср. Кол. 2, 10). Живя в Богочеловеческом теле Церкви, мы, христиане, воспринимаем от этой полноты Божества и исполняемся ею (ср. Ин. 1, 16). Ибо, воплотившись, Господь Христос совершенно исполнил человеческую природу, которую взял на Себя, всякою полнотою Божества, и в таком качестве основал Церковь, и в таком качестве пребывает в Церкви как в Богочеловеческом Своем теле, которому Он — вечная глава, Он — Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, вечно Единосущной, Животворящей и Нераздельной.

спасение — непрерывное переживание Спасителя

Дабы каждый из нас исполнился этою полнотою Божества, необходимо жить Господом Христом: веровать Им, любить Им, молиться Им, мыслить Им, ощущать Им, желать Им,

существовать Им, быть человеком через Него, быть бессмертным Им, быть вечным Им. И так спасти себя от греха, смерти и диавола. Ибо спасение — это и есть непрерывное переживание Спасителя, Который нас таким образом спасает от всякого греха, от всякой смерти, от всякого диавола. Поэтому наше спасение есть не что иное, как наше охристовление Христом Спасителем, наше обогочеловечение Им, наше обоживание Им, наше освящение Им, наше просвещение Им, наше преображение Им, наше воскресение Им, наше отроичевание Им; словом, наше оцерковление Им, или наше исполнение Им, Его Божественной полнотою и всеми Его животворными силами.

Спасение — это двусоставный подвиг и процесс: освобождение себя от греха, смерти и диавола и исполнение себя Христом Богом, Спасителем. В то же время это и двусоставное событие: входя в нашу душу и исполняя ее Собою через святые таинства и святые добродетели, Спаситель освобождает нас от греха, смерти и диавола и уничтожает их силой Своего Божества. Следовательно, спасение — не только отпущение грехов, но и обожение, или исполнение нашего существа Христом Богом, Спасителем. Спасенный спасен тем, что живет Спасителем Богом, Который единственный имеет силы уничтожить всякий грех, всякую

смерть, всякого диавола и уничтожает их в нас. И эта спасенность, эта спасительность проявляется всегда как святая жизнь, жизнь во Христе Боге, жизнь в Духе Святом. Исполненный благодатными Божественными силами через святые таинства и святые добродетели, человек-христианин совершенно естественно живет святою жизнью, всегда подражая Богу во плоти (ср. Еф. 5, 1; Кол. 1, 10), Господу Христу, Который весь и всегда в Церкви и через Церковь во всяком члене Церкви, всегда один и тот же, и *вчера, и днесь тойже, и во веки* (Евр. 13, 8). Так сладостно и легко со Христом Спасителем быть человеком.

А до Христа Спасителя и без Христа Спасителя? Мы занимаемся одним: исполняем себя грехами и страстями, а тем самым невидимо исполняем себя диаволом, его «полнотою». Ибо через грехи и страсти он невидимо и тайно живет в нас, невидимо и тайно участвует в наших мыслях, в наших чувствах, в наших желаниях, в наших настроениях, в наших поступках, в наших делах, в особенности, в наших грехах и падениях. Невидимо и тайно он творит неправду через наши неправды, горит страстями через наши страсти, лжет через нашу ложь, похотствует через наши похоти, пакостит через наши пакости, ненавидит через нашу ненависть, злодействует через наши злодеяния, грешит через наши грехи. Таким образом, мы, люди, стали духовными *чадами диавола* (1 Ин. 3, 10), а он стал нашим духовным отцом и воцарился на всех престолах человеческого существа: и на престоле ума, и на престоле сердца, и на престоле совести, и на престоле воли. Через грех и страсти он весь духовно воплотился в человеческом существе. Но поскольку весь диавол был в нашем земном, в нашем человеческом существе, Господь Христос и пришел, воплотившись, в наш мир и стал человеком. Никто, кроме Бога, единого истинного Бога, не мог и не может победить и обезоружить диавола и его главные силы: грех и смерть. Это мог сделать только Он — Господь и Бог Иисус Христос. А Он совершил это, дав человеческому существу всю полноту Божества Своего и давая ее всегда в Церкви Своей через святые таинства и святые добродетели.

человеческая жизнь: или подвиг подражания диаволу, или подвиг подражания Богу

Наша человеческая жизнь — или подвиг подражания диаволу, равнения на диавола, или подвиг боговоплощения: я, ты, мы все подражаем диаволу с помощью грехов и страстей, с помощью нашего сластолюбия и грехолюбия или воплощаем в себе Бога и Господа Иисуса Христа с помощью святых таинств и святых добродетелей. Бог стал человеком, дабы изгнать диавола из человека и Самому вселиться в нем (ср. Ин. 14, 23; 2 Кор. 6, 16–17; Евр. 2, 14–18; 3, 1–16). Потому евангельская заповедь столь ясна, естественна и необходима: *да исполнитесь во всяко исполнение Божие* (Еф. 3, 19; ср. Кол. 2, 10) — во всякое, всякое, всякое. Потому денно-нощная обязанность христианина — подвиг непрестанного очищения души и тела Божественными силами святых таинств и святых добродетелей и прежде всего — молитвою и постом, ибо с их помощью изгоняется всякая диавольская нечисть, любой бес и все бесы (ср. Мф. 17, 21; Мк. 9, 25; 2 Кор. 7, 1). Что это? Не что иное, как непрерывный подвиг обожения себя, обогочеловечения себя, восприятия в себя Божественных сил и жительство в них и с их помощью, а через них — жительство в Самом Боге, ибо мы чудесным Господом и Спасителем на то и призваны, чтобы стать *Божественного причастницы естества* (θείας κοινωνοὶ φύσεως) (2 Пет. 1, 4) А когда мы становимся *Божественного причастницы естества*? Когда живем Истиной Христовою, ибо Он — истинный Бог и Господь — весь в ней; когда живем Правдою Христовою, ибо Он — истинный Бог и Господь — весь в ней; когда живем Любовью Христовою, ибо Он — истинный Бог и Господь — весь в ней. Через них и живет в нас, христианах, вся полнота Христова, которая нам даруется ради святых добродетелей в святых таинствах Церкви. Да, Церкви, только Церкви. И особенно в святом таинстве Евхаристии.

Это невозможно, — может на все это ответить всякий, кто не ощущал ни Христа, ни силы Его. А для людей, которые ощущали Господа Христа и испытали силу Его веры, это не только возможно, но и более того — совершенно естественно и логично. Если оказалось возможным величайшее чудо, когда Бог стал человеком, то совершенно естественно и логично, чтобы все, что Его, стало нашим — человеческим, осуществимым в условиях нашей земной жизни и бытия. Понятен протест: неужели мы,

люди, мы, ничтожные черви, мы, грешники, мы, смертные, исполнимся всякою полнотою Божества? Да, именно так. Ибо величие Христова человеколюбия в том и состоит, что Он нам, грехолюбивым пиявкам, дал силы и мощь исполниться всякою полнотою Божества. Доказательство? Все святые и всякий, кто живет и верует во Христа *со всеми святыми*. Ибо благодать Божия помогает такому человеку во всем. Она и невозможное делает возможным. Это ощущает всякий, кто живет в Церкви, ибо в ней все благодатно и потому все чудесно и чудотворно: чем больше труда прилагает христианин, тем больше ощущает, что это благодать трудится в нем, непосредственная вечная Божественная сила Христова, которая непрерывно животворит всецелое тело Церкви и чудотворит непрестанно в нем и во всяком, кто в нем пребывает всем своим существом.

Невыразимы, необозримы и неисчислимы блага, дарованные нам Господом Христом в Его Богочеловеческом домостроительстве спасения; они столь огромны, настолько превышают всякое понимание и столь сверхчеловечны, что неизмеримо превосходят даже и саму нашу мысль о них. И даже не только мысль, но и наши молитвы о них, ибо никакою своею молитвою, сколь бы совершенна и всеохватна она ни была, мы не в состоянии охватить неизреченные Божественные блага, которые Господь Иисус нам дарует через Церковь Свою. И сквозь бесчисленные невидимые капилляры в Богочеловеческом теле Церкви они все притекают к нам, и мы живем надмыслимой и надмолитвенной милостью всемилостивого и всежалостливого Господа, Который благодатными Божественными Своими силами таинственно трудится в нас, созидает наше спасение, наше обожение, наше преобразование, наше обогочеловечение, наше оцерковление, наше освящение, наше отрочение. Человеческая мысль никогда не может до конца осмыслить святую тайну Церкви Христовой и в ней — чудесную мастерскую спасения, обожения, преобразования, воскресения, обогочеловечения, ибо неосмысленного останется всегда несравненно больше, чем того, что может войти в нашу мысль. По этой причине вера — поистине наш единственный вождь, вера — это сверхмыслимое зрение нашего воцерковленного и оцерковленного существа. И через эту веру трудится в нас сверхмыслимая

благодать всечеловеколюбивого Господа Христа, эта неутомимая боготворческая сила, сила освящающая, сила охристовляющая, сила обоживающая, сила отроичивающая, которая своею сущью происходит из Христа и всех нас ведет ко Христу, несет ко Христу через бесчисленные таинства Духа Святого в святой Церкви Христовой, ведет не только нас, но и все поколения и в них всех, кто хочет верить в Него ради спасения и жизни вечной (ср. 1 Тим. 1, 15). Ибо Христос Духом Святым в Церкви; и Церковь Духом Святым — во Христе. Христос — глава Церкви; Дух Святой — сердце Церкви.

Имея все это в виду, святой апостол благовествует: *могущему же паче вся творити по преизбыточеству, ихже просим или разумеем, по силе действуемей в нас, Тому слава в Церкви о Христе Иисусе во вся роды века веков. Аминь* (Еф. 3, 20–21).

призвание христианина — исполниться Господом Христом

Каково призвание христианина? Исполниться *во всяко исполнение Божие* (Еф. 3, 19), облечься во Христа (Рим. 13, 14; Гал. 3, 27). Совершенный пример этому — святой апостол

Павел. Он действительно весь исполнился *во всяко исполнение Божие*, весь облекся во Христа, он весь — в Нем, всем сердцем, всею душою, всем существом. Ничто, принадлежащее ему, не лежит вне Христа, он весь живет во Христе, и весь Христос — в нем. Потому он с правом заявляет: *живу же не тому аз, но живу во мне Христос* (Гал. 2, 20). На примере апостола Павла лучше всего видно, что значит жить и держаться *достойно* (христианского) *звания* (Еф. 4, 1). Ведь христиане призваны жить *достойно благовествованию Христову* (Флп. 1, 27), *достойно Богу, призвавшему вы во Свое Царство и славу* (1 Сол. 2, 12). Другими словами, христиане призваны жить в воплощенном Боге и воплощенным Богом, Господом нашим Иисусом Христом, жить в Церкви и Церковь, ибо она — *Тело Его* и *исполнение Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23). Призвание христианина — осуществить в себе вечный замысел Божий о человеке (ср. Еф. 1, 1–5.10). И они осуществляют его, живя Христом и во Христе, Церковью и в Церкви.

Церковь — полнота Богочеловека Господа Христа. Как жить в ней христианину? Христианин потому и христианин, что святым

Крещением стал живой, органической частью Богочеловеческого тела Церкви, сотелесником ее, окруженным Богом со всех сторон, и извне, и изнутри, совоплощенным Ему, Его Божественной полноте. И он живет Им, как око телом, как око главою, и питается кровью этого тела и сердцем его: сердцем Бога, живого и истинного, и душою Бога живого, и волею, и духом, и всем тем, что Его. Все свое совоплощая всему, что Его: сердце свое — сердцу Его, душу свою — душе Его, волю — воле, жизнь — жизни, дабы благодатно соединиться с Ним и так стать единым духом с Господом. Ибо *прилепляйся же Господеви един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17), едино сердце, едина душа, едина воля, едино тело под единою главою. А все это и есть Церковь, Церковь, Церковь.

Устройство человеческого тела если в чем-то и имеет Божественное происхождение, то в таинственности своей и совершенстве своем.

таинственность человеческого тела

Ибо при всем разнообразии и многочисленности элементов, составляющих тело, оно все же представляет собою одну-единственную, гармоничную и органичную целостность (ср. 1 Кор. 12, 12–30). Органичную — потому что все члены держатся один другого, срастаются, притираются, перетекают друг в друга. Воздух, которым дышит тело, претворяется в нем в мясо и кости; пища, которую тело принимает, — в духовные силы души и ума. Организм тела человеческого — это чудеснейшая и чудотворнейшая мастерская, в которой мертвое становится живым: мертвый хлеб, соль и вода оживают. В теле человеческом совершается таинственный переход мертвого в живое и происходит воскресение из мертвых. Все в теле связано в единый чудесный и чудотворный организм: око с сердцем, сердце с мозгом, мозг с нервами, нервы с костями; всякий член — во всем теле, и все тело — в каждом члене. Одно неделимое самоощущение пронизывает все тело от первой клеточки до последней. Из таинственного организма человеческого тела Бог Слово воплощением Своим создал Свой храм, Свое тело. И тело человеческое стало Божиим телом. Это и неудивительно. Ибо некогда тело человеческое было создано Богом Словом из праха и Божественного дуновения. Поэтому в устройстве тела все логосно и Божественно логично, все Божественно совершенно и целесообразно. Эта Божественная и святая таинственность тела

достигла своего совершенства в теле Богочеловека Христа и навеки осталась святой и непреходящей в Богочеловеческом теле Церкви Христовой. Господь Христос как Церковь¹ и есть Богочеловеческое тело, в котором в органическое единство соединены прежде всего Бог и человек, а затем и все люди, верующие во Христа. Став членами Богочеловеческого тела Церкви, они органично стали связаны с Богом и друг с другом. Это отнюдь не необычно и не неестественно, ибо то же явление, только в меньших размерах, мы обнаруживаем и в теле человеческого: уды наши существуют сами по себе, представляя собой отдельные целостности, но все же они органически, жизненно связаны между собою в единое целое. При этом органическом соединении они тем не менее сохраняют свою самость, продолжают быть отдельной цельностью: око остается оком, однако его жизнь и деятельность зависят от всего тела, так же и ухо, так же и рука, и нога, и любая часть тела. Точно так же и во Христе Богочеловеке: все мы соединяемся в единое тело Церкви, но при этом каждый из нас остается отдельной и целостной личностью (ср. 1 Кор. 12, 12).

Так бывает и происходит Духом Святым: *ибо едином Духом мы вси во едино тело крестихомся, аще Иудее, аще Еллини, или раби, или свободни, и вси едином Духом напоихомся* (1 Кор. 12, 13). Своею Божественною силою Дух Святой соединяет всех верных во единое тело — Церковь. Он строитель и созидатель Церкви. По боговдохновенному слову святого Василия Великого, «Дух Святой архитектонствует в Церкви Божией (ἁρχιτεκτονεῖ τῆς Ἐκκλησίας τοῦ Θεοῦ)»².

Духом Святым мы созидаемся, встраиваемся, включаемся в тело Церкви, Им крещаемся в единое тело, становимся *стелесниками* Христовыми (Еф. 3, 6). По сути, Духом Святым человек становится

Дух Святой
созидает Церковь

Духом Святым мы созидаемся, встраиваемся, включаемся в тело Церкви, Им крещаемся в единое тело, становимся *стелесниками*

¹Святой Иоанн Дамаскин, следуя святому Иоанну Златоусту, богомудро объясняет соборную святоотеческую мысль о том, что Богочеловек Христос — Церковь. Приводя апостольские слова *тако и Христос* (1 Кор. 12, 12), святой Дамаскин говорит, что надо сказать: *тако и Церковь*. По сути, апостол говорит, что *тако* и тело Христово, которое есть Церковь. Ибо как тело и глава суть один человек, так Церковь и Христос — одно (существо) (ἐν εἰναι) ([Ио. Дамаск.] In Epist. 1 ad Corinth., cap. 12, vers. 12 [1 Cor.] // PG 95, 668 D). Ср.: *Ио. Злат.* In I Cor., Nomil. XXX, 1, 2 [Бес. XXX, 1–2 на 1 Кор.; с. 297–298] // PG 61, 250, 251.

²[*Вас. Вел.*] In Isai., cap. III [Толк. на Ис. III, 107; с. 114] // PG 30, 289 D.

Христовым, становится христианином, членом Церкви. Дух Святой вохристовляет и охристовляет, Он воцерковляет и оцерковляет. Он сглаживает все различия между евреями как избранным народом и остальными народами, язычниками, соединяя их в единое тело, в единый организм. Духом Святым осуществилось и непрерывно создается святое, Богочеловеческое, соборное тело Церкви, всегда единое и неделимое. В этом соборноедином теле всякий человек, еврей или грек, раб или свободный, богатый или убогий, ученый или неграмотный, становится новым человеком: Христовым человеком, для которого Христос — все и вся во всех мирах. Все, что в человеческом существе алчет Божественного и вечного, питается в теле Церкви Духом Святым, причем так, что больше не испытывает ни голода, ни жажды. Одно несомненно: только Духом Святым человек становится Христовым. Ибо где Дух Святой — там и Христос; и где Христос, тут и Дух Святой. Одним словом, тут вся Святая Троица. А из Нее всё и в Ней — всё. Доказательство? Святое таинство Крещения: им человек вотроичивается, чтобы в течение жизни полностью отроицетвориться евангельскими подвигами, то есть жить от Отца через Сына в Духе Святом. Принимая святое таинство Крещения, человек облекается в Господа Христа, а через Него и во Святую Троицу. Его жизнь после Крещения — не что иное, как непрерывное восприятие Христа и всего Христова, восприятие Святой Троицы и всего Троичного, и не должна быть ничем иным. Жизнь в Церкви — это благодатно-добродетельное отроицетворение, начинающееся с вотроичения при святом Крещении. Тертуллиан возгласил главное христианское благовестие, когда говорил: «Где пребывают Три, то есть Отец и Сын и Святой Дух, — там и Церковь, которая есть тело Трех (corpus Trium)»¹. В этом святом теле наша исконная троичная боголикость обретает все Божественные благодатные средства, с помощью которых развивается и совершенствуется до своих крайних возможностей. Так человек осуществляет свое Божественное назначение: переживает свою Божественную полноту, свою Божественную вечность, свое Божественное совершенство

Церковь — тело
Святой Троицы

¹[*Терм.*] De baptismo, cap. VI [Крещ. VI; с. 97] // [1206 С].

и блаженство. А Божественное назначение всякого человека в этом мире — исполниться всею полнотою Божества, которая во Христе Иисусе *живет... телесне* (Кол. 2, 9).

Как в теле одна душа, держащая в единстве тело, составленное из самых разнообразных элементов, так и в Богочеловеческом теле Церкви Дух Святой, словно единая душа, благодатью Своею держит в единении всех верных, составляющих тело Церкви. В теле Церкви благодатью Духа Святого все крещеные души соединяются в единую душу, но все-таки каждая из них остается при своей особенной и самостоятельной индивидуальности и личности. Поэтому в Церкви с помощью Духа Святого всякая крещеная душа ощущает себя единой *со всеми святыми* (Еф. 3, 16–19) и ощущает единое тело. Духом Святым все мы составляем одно тело, тело Христово. В Церкви общение и единство всякого члена Церкви со всеми остальными членами опосредовано Духом Святым, Который всегда един, всегда свят, всегда Божествен. *Вси едином Духом напоихомся* (1 Кор. 12, 13) и им единым возникли, поэтому мы одной души — соборной души, одного сердца — соборного сердца, одной жизни — соборной жизни, одного бессмертия — соборного бессмертия, одной вечности — соборной вечности, одного блаженства — соборного блаженства. Одна у нас и в то же время соборна: и вера, и любовь, и надежда, и истина, и правда, и доброта, и всякая добродетель. И всему этому каждый из нас содействует по мере своей евангельской ревности. Всегда в разнообразии — единство, в единстве — разнообразие.

Тело? *Тело едино есть и уды имать многи* (1 Кор. 12, 12). Всякий орган существует в теле и телом. Но и тело существует как тело, благодаря единству многих органов. Все органы подчиняются этому единству. В единстве их жизнь, и бытие, и смысл; вне него — смерть, разрушение, распад. Всякий орган смиряется перед целым телом как перед животворным источником. И каждый орган смиряется перед остальными удами и все перед каждым, ибо каждый жизнь свою зависит от всех них, от единства с ними, от взаимодействия всего, что ему требуется для существования. Каждый орган необходим всем, и все — каждому. Если какая-то часть отпадет от тела, то отпадет от жизни и умрет. Если око отпадет от тела, то умирает. Так же и нога, и рука, и всякий орган, и всякий

член. Что принципиально для тела человеческого, принципиально и для Церкви как Богочеловеческого тела Христова. В ней все члены благодатно-органически связаны и зависят друг от друга. Никто не может сказать, что иные ему не нужны. Если он отделится от них, то впадет в духовную смерть. Каждый член имеет свое место в теле Церкви и потому зависит от всего тела: ему необходимо всецелое тело, и он необходим телу. Каждый исполняет в Церкви свой Богом данный долг и так дополняет полноту Церкви. То, что святой апостол говорит о теле и удах, он говорит и о теле человеческого, и о теле Христовом, Церкви. Органическая связь и зависимость наблюдается и в том, и в другом.

Аще речет нога, яко несмь рука, несмь от тела, еда сего ради несть от тела (1 Кор. 12, 15)? Хотя нога и совершает иную работу, чем рука, она не менее зависит от тела, чем рука. И так всякий орган в отношении к другим органам и всякое чувство в отношении других чувств. *И аще речет ухо, яко несмь око, несмь от тела, еда сего ради несть от тела? Аще все тело око, где слух? Аще же все слух, где ухание?* (1 Кор. 12, 16–17).

В устройстве тела человеческого наблюдается не меньшая мудрость Божия и сила, чем в устройстве вселенной. Более того, тело человеческое гораздо загадочнее, чем сама вселенная, так как в нем больше таинственного, чем во всем видимом мире. В нем присутствуют силы более Божественные, чем в материальном универсуме. Элементы, рассеянные по материальной вселенной, в теле превратились в жизнь, растущую в бессмертие и в жизнь вечную. Да, в теле смертное становится бессмертным, переходит из смерти в бессмертие. Доказательство? Тело Богочеловека Христа. Оно всецело перешло из смерти в бессмертие и жизнь вечную. В Нем тело человеческое обрело свое полное совершенство, свое бессмертие, свою вечность, свое евангелие, свое блаженство. Оно прошло весь путь тела человеческого, Богом определенный: от небытия до Всебытия. Во всем оно — истинное тело человеческое, только освященное, обоженное, безгрешное, без примеси какой-либо греховности. В нем сохранились все разнообразные элементы, свойственные телу человеческому, только все они — в бесконечной Богочеловеческой гармонии. Ибо в теле

Церковь — тело
 Богочеловека
 Христа

Христовом осуществлена совершенная гармония тела человеческого с Бесконечным, с Бессмертным, с Божиим, с Вечным. Став телом, Бог Слово не изменил физического устройства тела, но принял его таким, каково оно есть в своей природной действительности, только без греха. Это служит доказательством тому, что устройство тела человеческого Божественно совершенно и целесообразно. Это Божественное совершенство и целесообразность ощутит всякий, если поставит перед собою задачу придумать такой или подобный таковому организм. Сколько разнообразных элементов и таинственных сил входит в состав тела человеческого! И все это надо соединить, согласовать, оживить и из разнообразного устроить такое чудесное единство, при котором разнообразное осталось бы разнообразным, но органически соединенным в единое животворное целое. Потому святой апостол благовествует: *Ныне же положи Бог уды, единого коегождо их в телеси, якоже изволи. Аще ли быша вси един уд, где тело? Ныне же мнози убо удове, едино же тело. Не может же око рещи руже: не тебе ми еси; или паки глава ногама: не тебе ми есте. Но много паче, мящися уди тела немощнейши быти, нужнейши суть; и ихже мним бесчестнейших быти тела, сим честь множайшую прилагаем; и неблагообразнии наши благообразие множайше имут, а благообразнии наши не тебе имут. Но Бог раствори тело, худейшему болшу дав честь, да не будет распри в телеси, но да тожде в себе пекутся уди (1 Кор. 12, 18–25).*

Бог так мудро и целесообразно сложил тело, так что и главнейшие органы смиренно заботятся о малейших, а самый малый радостно служит бóльшим. Око заботится о всем теле, ведя его через этот мир и эту жизнь. Но и об очах заботятся все остальные части тела: и самые малые, и самые незначительные. Что бы осталось от очей, если бы их не защищали волосы ресниц и волосы бровей? Как должно быть благодарно око, этот Божественный чудотворец, крошечным волосикам, что его покрывают и защищают! Что было бы с оком, если бы руки не трудились для него и ноги не ходили для него? Так, все органы тела одинаково заботятся друг о друге. Нет более разнообразных органов, нет большей гармонии! И все благодаря премудрому Божию устройству тела. Все уды Господь связал чувством органического единства

и жизненной общности. Что случается с одним, то благодаря чувству всеединства сообщается всем другим и всему телу. Потому богомудрый апостол благовествует: *И аще страждет един уд, с ним страждут вси уди, аще ли же славится един уд, с ним радуются вси уди (1 Кор. 12, 26).*

В теле — одна общая чувствительность: одно самоощущение и самосознание. Единство самоощущения тела ничем не может быть разбито. В этом — бытие тела, сущность тела. И радость, и боль всегда принадлежат всему телу и всей душе. Укол иглою в мизинец все тело ощущает как свою боль. Так же и радость, так же и всякое переживание вся душа чувствует как что-то свое. Все, что происходит в одной части тела или в одной части души, единством самоощущения и самосознания переносится на все тело и на всю душу. Тело едино единством самоощущения и самосознания. Это то, что делает единым и жизнь тела, и радость, и печаль, и всякое переживание телесное. Все, что святой апостол сказал о теле, он сказал применительно к телу Христову — Церкви. Чтобы ввиду разнообразности, многочисленности членов Церкви и ее даров не сказали бы, что единство тела Церкви неземное, неестественное и невозможное, святой апостол указывает на то, что самым непосредственным образом дано каждому человеку и наиболее очевидно для всякого человека — на тело человеческое. Все дары Церкви, все служения, все служители Церкви: апостолы, пророки, учителя, чудотворцы, управители, епископы, священники, миряне — составляют единое тело — тело Церкви. Все они необходимы каждому, и каждый необходим всем. Всех их связывает в одно соборное Богочеловеческое тело Дух Святой — объединитель и устроитель Церкви. Каждый член спасается только с помощью всего тела Церкви, с помощью всех членов Церкви, как земных, так и небесных. Благодатно-таинственным образом все члены Церкви участвуют в спасении каждого члена Церкви. Кто знает, насколько каждый из нас в своем подвиге спасения обязан небесным и земным членам Церкви, их молитвам, их милостыням, их постам, их слезам, их горестям, их добродетелям?! Ты член Церкви, это значит, что ты органически связан со святыми апостолами, мучениками, исповедниками, чудотворцами и со всеми небесными силами: херувимами и серафимами, архангелами и ангелами.

Если мы (я, ты или любой другой) не чувствуем этого, значит, что-то испортилось в нашем восприятии, в нашем самоощущении и самосознании; значит, мы грехолюбием своим разорвали нервы, связывающие нас со святым и соборным сердцем Церкви и со святыми и соборными очами Церкви, так как не чувствуем того, что она чувствует и не видим того, что она видит. А ведь для чего мы одно тело? Чтобы жить единой, святой и соборной жизнью Церкви, святой и соборной душой Церкви, святой и соборной совестью Церкви, святым и соборным умом Церкви, святой и соборной волею Церкви. Чтобы все у нас было общим: и любовь, и правда, и вера, и молитва, и пост, и истина, и печаль, и радость, и боль, и спасение, и обожение, и обогочеловечение, и бессмертие, и вечность, и блаженство. А через все это ведет и руководит, управляет и объединяет [нас] благодать Святого Духа. Мы не принадлежим себе, но всецело — Церкви и прежде всего душе Церкви — Духу Святому. Это чувство — главное и непрерывное евангельское чувство каждого истинного члена Церкви. Никому в Церкви не принадлежит все, но каждому столько, сколько Дух Святой уделил ему по мере веры и как определил по Своему всеумудрому Божественному промыслению о каждом отдельно и о всех вместе. Святой апостол благовествует христианам: *Вы же есте тело Христово (σῶμα Χριστοῦ) и уди от части (καὶ μέλη ἐκ μέρους). И овых убо положи Бог в Церкви первее Апостолов, второе пророков, третье учителей, потом же силы, также дарования исцелений, заступления, правления, роды языков. Еда вси Апостоли? Еда вси пророцы? Еда вси учителя? Еда вси силы? Еда вси дарования имут исцелений? Еда вси языки глаголют? Еда вси сказуют?* (1 Кор. 12, 27–30).

Духовные дары Дух Святой разделяет властью комуждо якоже хочет (1 Кор. 12, 11). Разделяет всегда сообразно силе и ревности каждого (ср. Мф. 25, 15). Он никому не навязывает дары, не нагружает их на человека, как ношу, но дает их согласно внутренним устремлениям человека. Разумеется, при благоприятных условиях дары духовные умножаются, растут, развиваются, совершенствуются. Дар веры разве не совершенствуется? Дар молитвы, дар милосердия, дар любви — все дары подряд, разве они не совершенствуются трудом, разве не растут? Самый

очевидный пример этому — апостол Павел, который свои обильные дары Духа Святого денно и нощно умножает своим трудом и подвигами (ср. 1 Кор. 9, 26–27; 15, 10; 2 Кор. 6, 1; Флп. 3, 12–16). Всякий духовный дар — словно Божественное небесное семя, посеянное в почву души человеческой. Оно восходит, растет и приносит плод, если только почва чиста от терний греха и сорняка страсти; оно гибнет, если душа срослась с терниями греха и бурьяном страстей и стала путем ко всякому злу и непотребству (ср. Мф. 13, 3–23; Лк. 8, 5–15). За ревность и труд Дух Святой прилагает дарование к дарованию, больший дар к меньшему. Дары суть от Духа Святого, от нас же — старание, труд и добродетели.

В этом мире человек всегда между диаволом и Богом, он дружит или с первым, или с вторым, живет или в первом, или во втором. человек между
диаволом и Богом Человек дружит с диаволом и живет в нем, когда ходит во грехах и страстях, ибо грехи и страсти — душа диавола, сердце диавола. А с Богом дружит и живет в Нем, когда ходит по святым заповедям Господним, став сотелесником Богочеловеческого тела Христова — Церкви, в которой собраны все блага всех вечностей Божиих. Да, в этом мире человек всегда или на трапезе у диавола, или за трапезой Господа Христа, единого истинного Бога [ср. 1 Кор. 10, 21].

Каждодневный опыт рода человеческого в этом мире показывает, что люди гибнут или от незнания, или от непризнания единого истинного Бога и Господа Иисуса Христа. Другими словами, гибнут от язычества, от идолопоклонства. Это незнание или непризнание Господа Христа влечет за собой незнание и непризнание единого истинного блага в этом мире — Евангелия Христова. И такие люди живут в нечистотах, в похотех... в пьянстве, в козлогласованиях, в лихоимании и богомерзких идолослужениях (1 Пет. 4, 3). Да, в богомерзких идолослужениях, ибо идолопоклонство всегда во множественном числе. Человек, не признающий единого истинного Бога, хочет он того или нет, признает бесчисленное множество других малых божеств, ложных богов, идолов. А это суть наслаждения и страсти, которым нет ни числа, ни края. Если человека увлечет одно из этих мелких грязных божеств, то оно вовлечет его и в остальные наслаждения и страсти, и тогда

Если мы (я, ты или любой другой) не чувствуем этого, значит, что-то испортилось в нашем восприятии, в нашем самоощущении и самосознании; значит, мы грехолюбием своим разорвали нервы, связывающие нас со святым и соборным сердцем Церкви и со святыми и соборными очами Церкви, так как не чувствуем того, что она чувствует и не видим того, что она видит. А ведь для чего мы одно тело? Чтобы жить единой, святой и соборной жизнью Церкви, святой и соборной душою Церкви, святой и соборной совестью Церкви, святым и соборным умом Церкви, святой и соборной волею Церкви. Чтобы все у нас было общим: и любовь, и правда, и вера, и молитва, и пост, и истина, и печаль, и радость, и боль, и спасение, и обожение, и обогочеловечение, и бессмертие, и вечность, и блаженство. А через все это ведет и руководит, управляет и объединяет [нас] благодать Святого Духа. Мы не принадлежим себе, но всецело — Церкви и прежде всего душе Церкви — Духу Святому. Это чувство — главное и непрерывное евангельское чувство каждого истинного члена Церкви. Никому в Церкви не принадлежит все, но каждому столько, сколько Дух Святой уделил ему по мере веры и как определил по Своему всеумудрому Божественному промыслению о каждом отдельно и о всех вместе. Святой апостол благовествует христианам: *Вы же есте тело Христово (σῶμα Χριστοῦ) и уди от части (καὶ μέλη ἐκ μέρους). И овых убо положи Бог в Церкви первее Апостолов, второе пророков, третие учителей, потом же силы, также дарования исцелений, заступления, правления, роди языков. Еда вси Апостоли? Еда вси пророцы? Еда вси учителя? Еда вси силы? Еда вси дарования имут исцелений? Еда вси языки глаголют? Еда вси сказуют?* (1 Кор. 12, 27–30).

Духовные дары Дух Святой разделяет *властию комуждо якоже хочет* (1 Кор. 12, 11). Разделяет всегда сообразно силе и ревности каждого (ср. Мф. 25, 15). Он никому не навязывает дары, не нагружает их на человека, как ношу, но дает их согласно внутренним устремлениям человека. Разумеется, при благоприятных условиях дары духовные умножаются, растут, развиваются, совершенствуются. Дар веры разве не совершенствуется? Дар молитвы, дар милосердия, дар любви — все дары подряд, разве они не совершенствуются трудом, разве не растут? Самый

очевидный пример этому — апостол Павел, который свои обильные дары Духа Святого денно и нощно умножает своим трудом и подвигами (ср. 1 Кор. 9, 26–27; 15, 10; 2 Кор. 6, 1; Флп. 3, 12–16). Всякий духовный дар — словно Божественное небесное семя, посеянное в почву души человеческой. Оно восходит, растет и приносит плод, если только почва чиста от терний греха и сорняка страсти; оно гибнет, если душа срослась с терниями греха и бурьяном страстей и стала путем ко всякому злу и непотребству (ср. Мф. 13, 3–23; Лк. 8, 5–15). За ревность и труд Дух Святой прилагает дарование к дарованию, больший дар к меньшему. Дары суть от Духа Святого, от нас же — старание, труд и добродетели.

В этом мире человек всегда между диаволом и Богом, он дружит или с первым, или со вторым, живет или в первом, или во втором. Человек дружит с диаволом и живет в нем, когда ходит во грехах и страстях, ибо грехи и страсти — душа диавола, сердце диавола. А с Богом дружит и живет в Нем, когда ходит по святым заповедям Господним, став сотелесником Богочеловеческого тела Христова — Церкви, в которой собраны все блага всех вечностей Божиих. Да, в этом мире человек всегда или на трапезе у диавола, или за трапезой Господа Христа, единого истинного Бога [ср. 1 Кор. 10, 21].

человек между
 диаволом и Богом

Каждодневный опыт рода человеческого в этом мире показывает, что люди гибнут или от незнания, или от непризнания единого истинного Бога и Господа Иисуса Христа. Другими словами, гибнут от язычества, от идолопоклонства. Это незнание или непризнание Господа Христа влечет за собой незнание и непризнание единого истинного блага в этом мире — Евангелия Христова. И такие люди живут *в нечистотах, в похотех... в пьянстве, в козлоглазованиях, в лихоимании и богомерзких идолослужениях* (1 Пет. 4, 3). Да, *в богомерзких идолослужениях*, ибо идолопоклонство всегда во множественном числе. Человек, не признающий единого истинного Бога, хочет он того или нет, признает бесчисленное множество других малых божеств, ложных богов, идолов. А это суть наслаждения и страсти, которым нет ни числа, ни края. Если человека увлечет одно из этих мелких грязных божеств, то оно вовлечет его и в остальные наслаждения и страсти, и тогда

множество ложных и ненасытных божков начнут раздирать и проглатывать человека. И человек не в состоянии защититься от этого стада диких зол и соблазнительных искушений. Малая страсть ведет к большей и так далее; человек впадает во все бóльшие и бóльшие страсти, чтобы больше из них никогда не выбраться. У каждой страсти бесчисленное количество идолов, у каждого наслаждения — кругом одни идолы, и нет нигде им конца. Идолы, словно живой огонь, в нем у человека сгорают и совесть, и душа, и сердце, и воля. Потому святой апостол любви прямо-таки заклинает христиан: *чадца, храните себе от треб идолских* (1 Ин. 5, 21).

От идолов исходит всякое зло, и великое, и малое. Всякий человек — идолослужитель, если не верует во единого истинного Бога, Господа Христа. Ибо он, наверняка, верит в кого-то или что-то, в каких-то существ или какие-то вещи, в каких-то видимых или невидимых идолов, будь то солнце, луна, звезды, люди, животные, растения, идеи, культура, цивилизация, техника, мода, человечество, раса, класс, страсти, наслаждения и... имя им — легион. Все едино: и первое, и второе, и третье — все подряд — идолопоклонство. И нет сомнений, каждое из них убивает то, что делает человека человеком, то есть убивает все боголюбое, боголюбивое, бессмертное, Божественное, вечное. Потому святой апостол советует и наставляет христиан: *братие моя возлюбленная, бегайте от идолослужения* (1 Кор. 10, 14). Через все разнообразные идолослужения, опосредованно или непосредственно, люди жертвуют себя бесам, приносят себя бесам в жертву. В конце концов, всякое идолопоклонство — это диаволопоклонство, всякое идолослужение — диаволослужение. Разве не поклоняется диаволу, разве не служит диаволу, разве не приносит душу свою в жертву диаволу тот, кто живет в страстях и наслаждениях, кто служит кому-либо иному, а не единому истинному Богу и Господу Иисусу Христу? Это весьма очевидно для каждого здравомыслящего человека. Поэтому богомудрый апостол и говорит бывшим идолопоклонникам коринфянам: *Яко мудрым глаголю, судите вы, еже глаголю: чаша благословения, юже благословляем, не общение ли Крове Христовы есть? Хлеб, егоже ломим, не общение ли Тела Христова есть? Яко един хлеб, едино тело есмы мнози: вси бо от единого хлеба причащаемся. Видите Израиля по плоти, не ядущии*

ли жертвы общницы олтаревы суть? Что юбо глаголю? Яко идол что есть? Или идоложертвенное что есть? Но зане, яже жрут языцы, бесом жрут, а не Богови: не хошу же вас общников быти бесом. Не можете чашу Господню пити и чашу бесовскую: не можете трапезе Господней причащатися и трапезе бесовстей. Или раздражаем Господа? Еда крепчайши Его есмы? (1 Кор. 10, 15–22).

Христиане мудры мудростью всемудрого Господа, разлитой через Его святое Евангелие (ср. 1 Кор. 2, 6.7.10.12). Божественное благовестие Спасово — это мудрость христианина. И эта мудрость знает истинного Бога и Господа, Иисуса Христа. Эта мудрость — вся от богомудрости и сама богомудрость. Потому христиане знают все, что человеческому существу необходимо знать, все, достаточное для него во всех мирах. А главная истина этой богомудрости в том, что Бог стал человеком и живет как человек среди людей; Себя, Богочеловека, Он претворил в Церковь Свою, которою спасает людей от греха, смерти и диавола, делая их сотелесниками Своего Богочеловеческого тела — Церкви (Еф. 3, 6), дабы и они жили Его Богочеловеческою кровью, Его Богочеловеческим телом, Его Богочеловеческою жизнью и так достигли в *мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

Богочеловек —
Церковь

Чашею благословения — святым Причастием мы становимся участниками, общниками Богочеловеческой *Крови Христовой* (1 Кор. 10, 16). А она, Божественная, всесвятая и всеживая, уничтожает в нас все греховное, смертное, диавольское, исполняя нас Божественною жизнью Богочеловека, святыми силами Его. Есть ли что ближе кровного родства? Вот же наше кровное родство с Богом, с Богочеловеком! Вот наша Божественная жизнь, бессмертная, вечная и богочеловечная! Но это только половина нашей славы, нашего блаженства, нашей вечности и богочеловечности. Вот вторая половина: *хлеб, его же ломим, не общение ли Тела Христова есть?* (1 Кор. 10, 16). Бог Слово стал плотью, чтобы мы — люди, мы — телесные существа, стали сотелесниками, общниками этого пресвятого тела, имели общение в этом всеспасоносном теле. Теле Божиим! Теле Богочеловеческом! Есть ли что большее этого для нашего человеческого существа, для нашего несчастного, осмерченного тела? Смотри, из смерти оно переходит в бессмертие!

Из смрада — в Божественное благоухание! Из бренности — в вечность! Из человечности — в богочеловечность! Не кровная ли это общность с единым истинным Богом и Господом? Органическая общность, роднее которой, реальнее, вечнее нельзя и представить. Святое Причастие! Мы и предугадать не можем, а тем более понять и измерить его силу и мощь, ибо нам для этого не хватит ни воображения, ни ума, ни сердца. Благодаря причастию *общение Тела Христова* — наше общение! Если мы этого не знали, а мы наверняка этого не знали, то вот безгрешное тело, вот бессмертное тело, вот тело, каковым должно было быть человеческое тело, если бы оно не впало в грех, а через грех в смерть и через смерть в ад. Но наше общение в теле Христовом спасает нас от всего этого. Хлеб, который мы едим, не претворяется ли в тело наше? Святое тело Христово, которому во святом Причастии мы причащаемся, не вводит ли нас в живое и органичное общение с Его пресвятым и животворящим телом? Не соединяет ли нас чудесно с Ним, единственным Богом и Спасителем? Но и это не все. Вот Божественное, Богочеловеческое дополнение: *Хлеб, егоже ломим, не общение ли тела Христова есть?* (1 Кор. 10, 16). Святое Причастие не только соединяет нас с Ним, Незаменяемым, но и нас соединяет между собою. Вкушая Его святое тело, мы все становимся *мнози едино тело* [Рим. 12, 5]. Соединяясь с Ним, мы святым соединением соединяемся и между собою. Как Богочеловек, Он соединяет человека с Богом и с людьми. Это святое единство людей во Христе, Богочеловеческое единство. Единственное истинное и единственное вечное единство людей. Ибо в Богочеловеке Христе мы не только вечно живы, но и вечно едины, и это единое едино, как тело. Есть ли единство более тесное, чем это? И еще: есть ли более вечное единство, чем единство вечного тела? Так в Богочеловеческом теле Христовом, Церкви, *мнози едино тело есмы* (Рим. 12, 5; ср. 1 Кор. 12, 27). Им, Богочеловеком *мнози едино тело есмы*. Ибо Он прежде воплощением Своим соединил в Себе Бога и человека вечным единством. И это все перенес на нас — людей. Перенес Богочеловеческим образом, основав Церковь на Своем Богочеловеческом теле, на земной действительности Своей Богочеловеческой жизни в нашем мире. Воплотился Всеблагий, чтобы нас Себе совоплотить (ср. Еф. 3, 6)

и тем самым обожить, и обогочеловечить, и даровать нам все Свое. Богомудрое святоотеческое учение гласит: Бог стал человеком, чтобы мы Им стали «богами по благодати». Его очеловечение, и от этого — наше обожение. Бог стал человеком, оставаясь Богом, чтобы человек стал богом, оставаясь человеком.

обогочеловечение
человека

Мнози едино тело есмы (Рим. 12, 5; ср. 1 Кор. 12, 27), ибо никто из нас не составляет целое тело, но каждый — лишь часть тела, чтобы мы всегда чувствовали и знали, насколько мы зависим друг от друга: все от каждого, и каждый от всех; и сколь мы необходимы друг другу: все каждому, и каждый всем, а также каждый каждому. Наша сила, и мощь, и жизнь, и бессмертие, и блаженство только в этом единстве; и они подаются...? Телом Христовым, телом Божиим. Чудесный Господь Христос — наша истинная пища и наше истинное питье (ср. Ин. 6, 48.55–56). Ибо Он — тот самый *единый хлеб*, ибо Им мы имеем *общение Тела*. Он есть и это общение, и сила этого святого общения, святой соборности Церкви. Причащаясь святым хлебом и святою кровью Господа Христа, мы причащаемся Его святым телом, которое всегда едино и везде едино. *Также мнози едино тело есмы о Христе, а по единому друг другу уди* (Рим. 12, 5; ср. 1 Кор. 12, 27). Таким образом, мы Христом и во Христе *едино тело* со всеми святыми апостолами, пророками, мучениками, исповедниками и всеми святыми. Может ли быть большее, более светлое, более вечное, более желанное общение, чем это общение *со всеми святыми* (Еф. 3, 18)? *Со всеми святыми быть единым телом*, причем *телом Христовым* (1 Кор. 12, 27)! В чем особенность этого тела? Оно Божие, и все Божие — его. А это самое возвышенное, самое лучшее, самое бессмертное, самое совершенное, что человеческое существо может себе представить и пожелать.

Блаженный Феофилакт, следуя святому Златоусту, богомудро рассуждает: «Ибо что такое хлеб этот (в Евхаристии. — И. П.)? Тело Христово. Чем становятся причащающиеся оно? Телом Христовым; не многими телами, но одним телом. Ибо как хлеб из многих зерен делается одним, так и мы, несмотря на свою множественность, делаемся одним телом Христа... Бог для того и дает нам Свое тело, чтобы соединить нас и с Самим Собою, и друг с другом.

Поскольку начальная природа плоти повреждена грехом и утратила жизнь, то Он дал нам Свою плоть безгрешную и животворящую, но подобную нашей, дабы мы, причащаясь ее, срастворялись с нею (πρὸς αὐτὴν ἀνακραθόμεν) и жили, по возможности, без греха (ἀναμαρτίως)¹.

Как Церковь, Богочеловек — все и вся во всех мирах для весьма сложного, весьма загадочного, весьма таинственного существа, что зовется человеком. В этом, без сомнения, и вся тайна, вся все-тайна Нового Завета. В этом и вся его абсолютная незаменимость. Но если бы все тайны Нового Завета, Завета Богочеловеческого, можно было бы свести к одной тайне, тогда это была бы святая тайна Причастия, святая тайна Евхаристии. Она нам и показывает, и дарует всецелого Господа Иисуса во всей чудесной роскоши Его Богочеловеческой Личности: все

роdstвенники Богу по крови — святое Причастие
 Его силы и всю любовь Его. Ибо святое Причастие — это само Его Божественное тело и сама Его Божественная кровь, это — весь

Он в несказанной полноте Своего Божества, Своего Богочеловечества. Новый Завет, действительно, единственным и исключительным образом нов: это Завет Божией крови, Завет в Божием теле. Таков Богочеловеческий союз Бога и человека, осуществленный чудесным Богочеловеком: Бог соединяет с Собою людей Своим Богочеловеческим телом и кровью и так их действительнейшим и теснейшим образом роднит с Собою, Богом и Господом. И действительно через святую кровь Божию мы стали родственниками Богу по крови, осуществилось кровное родство Бога с людьми. Поэтому мы — чада Божии, сыновья Божии, а Он — Отец наш Небесный (ср. Ин. 1, 12–13; 1 Ин. 3, 1–2; Рим. 8, 15–16; Гал. 3, 26; 4, 5–7). Святым Своим телом Господь роднит между собою и нас, людей, кровным родством, святым братством, ибо мы мнози едино тело есмь о Христе, а по единому друг другу уди (Рим. 12, 5; ср. 1 Кор. 12, 27). Так, святое Причастие прежде всего нас роднит и соединяет с Богом, а в Боге — и между собою. Святое

¹[Феофил. Болг.] Expos. in Epist. I ad Cor. cap. 10, vers. 17 [Толк. на 1 Кор. 10, 17; с. 217] // PG 124, 685 BC. Ср.: [Ио.] Злат. In Epist. I ad Cor. Homil. XXIV, 2 [Бес. XXIV, 2 на 1 Кор.; с. 237] // PG 61, 200.

Причастие — это всегда тело всеживого Господа Иисуса: *сие есть Тело Мое* [Мф. 26, 26; 1 Кор. 11, 24], и мы им и через него всегда Его, всегда снова Его, а также тех, кто этому святому телу причащается. Так мы все составляем единую Богочеловеческую общность. На самом деле, в святом Причастии — вся Церковь, все ее тайны и все ее святыни. Ибо во святой тайне Причастия — весь Господь Иисус. В ней — весь Новый Завет. Завет во всеживотворящей крови Божией: *Новый Завет есть в Моей Крови* (1 Кор. 11, 25). А кровь — это источник жизни, всежизни. Через святое Причастие мы постоянно обновляем свой завет с Господом Христом; постоянно утверждаемся в нем; и он для нас действительно всегда является новым союзом, Новым Заветом в Богочеловеке Христе. Весь Новый Завет в этом. Никогда не будем этого забывать. Это необходимо всегда помнить, всегда повторять и так себя всегда снова и снова оживлять Богочеловеческой жизнью. Поэтому Спаситель и оставил евангельскую заповедь: *сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 25), так как это *воспоминание* святотайнственно, литургически, евхаристически напоминает о всем Богочеловеческом подвиге спасения мира, совершенном Господом Христом. Напоминает, подавая нам самого Господа Христа во всецелой полноте Его Богочеловечества. Ибо ничто новозаветное не дает нам всего Господа Иисуса, как дает святое Причастие. Воистину, все новозаветное напоминает о Нем, это *воспоминание* о Нем, но святое Причастие дает нам Его всецелого: Вечного, Всеживого и Всеживотворящего, всегда одного и того же, *вчера и днесь тойже, и во веки* (Евр. 13, 8). В этом воспоминании весь Бог со всеми Своими бесконечными и вечными силами и совершенствами, весь Его Богочеловеческий образ и подвиг. Святой Дамаскин боговдохновенно свидетельствует: «Совершение святых таинств (на Литургии) исполняет все духовное и сверхъестественное домостроительство воплощения Бога Слова»¹. Ибо через святое Причастие мы переживаем весь Его Богочеловеческий подвиг спасения как свой. И прежде всего Его всепосильную смерть и воскресение. Ибо они нас полностью вводят

¹[Ио. Дамаск.] О пречистом-теле 2 [De imm. corp.] // PG 95, 408 [D].

в самое сердце и в самую вечность Богочеловеческого подвига спасения. Поэтому святой апостол благовествует: *Елижды бо аще ясте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже придет* (1 Кор. 11, 26). А Он придет, ибо Он из смерти воскрес и с телом вознесся на небо. С новым, чудесным, вечным, всецелнейшим телом. Ибо в этом Богочеловеческом теле все: с него началось спасение, им оно совершилось, им и завершилось. С ним Господь придет второй раз в этот мир, дабы нам окончательно явить всю несказанную силу и славу Богочеловеческого тела Своего. Поэтому на реальности Богочеловеческого тела Спасителя основано все: и Церковь, и Причастие, и спасение, и братство, и бессмертие, и жизнь вечная. От этого пресвятого тела зависит все, все сводится к нему. Поэтому Причастие необходимо дондеже (Он) придет. А потом? И потом святое Причастие будет необходимо человеческому существу в вечном царстве Господа славы. О чем на святой Литургии после святого Причастия мы и молимся умильно и смиренно: *О, Пасха велия и священнейшая, Христе! О мудросте, и Слове Божий, и сило! Подавай нам истее Тебе причащаются в невечернем дни царствия Твоего!*¹.

ради чего создано
тело

Бесконечна таинственность и потенциальна святость тела человеческого, созданного Святой Троицей, ради Святой Троицы.

Поэтому Второе Лицо Пресвятой Троицы, Бог Слово и принял в Свою вечную Ипостась тело человеческое на всю вечность и в нем собирает величайшие и главнейшие Божественные тайны и святости: тайну Церкви, тайну человека, тайну мира. Весь путь тела Христова показывает и доказывает этот благовестный факт: наше человеческое тело создано для того, чтобы идти путем пресвятого, воскресшего и вознесенного тела Христова. Эту небесную Божественную истину объявляет богомудрый апостол, благовествуя о теле человеческом: *Тело... Господеви, и Господь телу. Бог же и Господа воздвиже и нас воздвигнет силою Своею. Не весте ли, яко телеса ваша удове Христовы суть?.. Прилепляйся же Господеви един дух есть с Господем... Или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть, Егоже имате от Бога, и несте*

¹ Пасхальный канон. Икос, песнь 9.

свои? Куплени бо есте ценою. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия (1 Кор. 6, 13–15.17.19–20).

Для чего дано человеку тело? Оно дано ему, чтобы быть святым храмом Божиим, в котором боголика душа денно и ночью служит Богу, живому и истинному. *Тело... Господеви, и Господь телу.* Вот Божественное назначение тела. Хотя оно кажется бранным, потому что грех поразил его смертью и соделал смертным, оно было создано Богом для бессмертия, для вечности, для Божественного благовестия и радости — *Господеви.* О том, что тело человеческое было в самом деле создано *Господеви*, лучшим и убедительнейшим образом говорит то, что Сам Господь принял на Себя тело, стал плотью (ср. Ин. 1, 14), жил в теле, воскрес с телом, вознесся в теле и навеки остался в теле, восседая одесную Бога Отца превыше всех небес. Таким образом, чудесный Господь Иисус, Бог во плоти, провозгласил вечное Евангелие Божие о теле и неопровержимо засвидетельствовал, что тело [принадлежит] *Господеви*, что Божественное назначение его — быть храмом Божиим. И действительно, человек создан в теле, чтобы боголюбивой жизнью постепенно исполнить его Господом, сделать его бессмертным храмом Господним. Здесь, в земном мире, оно находится для того, чтобы всецело исполниться Господом, Его святыми Божественными силами, Его Божеством, так же как и тело Господа Иисуса было исполнено всею полнотою Божества. Поэтому и призвание христианина в том, чтобы осуществить вечное Евангелие Божие о теле, чтобы тело свое исполнить Господом Христом, Его всецелым Божеством, всею полнотою Божества (ср. Еф. 1, 23; Кол. 2, 10; 2 Кор. 6, 16). Христианин должен денно и ночью говорить себе: тело мое — *Господеви* и ни для чего иного. Оно должно быть во всем и по всему достойным Господа, чистым от всякой грязи греха и страсти.

Тело Господеви — это первая половина вечного Евангелия Спасителя о теле, вторая: *Господь телу.* В этом все Богочеловеческое благовестие, вся евангельская антропология. Став телом и навеки оставшись в теле, Господь Христос самым убедительным образом показал, что действительно *и Господь телу.* Господь ни в коем случае не умаляет, не недооценивает, не отвергает тело. Напротив, Он Собою так освящает, обоживает, обессмерчивает

тело, что оно становится и навеки остается составною частью Его Богочеловеческой Личности. Большой чести и власти тело человеческое не получило ни от кого, да и не могло получить. Как *Господь — телу*, так и святое Евангелие — *телу*, так и Его святая Церковь — *телу*. Это причина, Божественная, Богочеловеческая причина того, что и святая Церковь Его — не что иное, как Его Богочеловеческое тело. Нет сомнений, в этом все Евангелие Спасителя: тело ради Господа и Господь ради тела. Так познается вечная тайна человеческого существа: Господь Христос — Спаситель всего человека, не только души его, но и тела. Поэтому тело христианина должно быть святым храмом, в котором живет святая душа в этом мире и в котором она будет вечно жить после всеобщего воскресения мертвых. Тела христиан стали святым Крещением, святым Причастием, своей евангельской жизнью составными частями Богочеловеческого тела Христова. Они не принадлежат больше им, но Ему. Все, что случилось со святым телом Его, случится и с ними.

Поэтому святой апостол благовествует: *Бог же и Господа воздвиже, и нас воздвижет силою Своею. Не весте ли, яко телеса ваша удове Христовы суть?* (1 Кор. 6, 16–17). Всесильною силою Своею Бог воздвигнет из мертвых тела наша ради жизни вечной, как воздвиг тело Господа Христа. Ибо тела наши — *удове Христовы*, уды Богочеловеческого тела Его, живущие Им, от Него и в Нем. И все, что Его, воспринимают, как свое. На самом деле мы не принадлежим себе, но Ему. Свою вечную жизнь мы начинаем Им еще здесь на земле, все Богочеловеческие миры и животодательные силы Его непрестанно струятся через нас как через составные части единого и неделимого Богочеловеческого тела Его. Как *удове Христовы* мы живем Его Божественною Жизнью, Его Божественною Истиною, и Любовью, и Правдою, и Добротою, и всеми остальными Божественными святынями и силами Его. Если наши тела суть *удове Христовы*, то нам должно быть святыми, как Он свят, и чистыми, как Он чист (ср. 1 Пет. 1, 15–16; 1 Ин. 1, 7; 2, 6; 3, 3). Поэтому мы и молимся на святой Литургии святого Василия об оглашенных: *Сотвори их уды честны святыя Твоя Церкви.*

Спасение совершается в непрерывном благодатно-добродетельном восприятии Спасителя. А воспринимаем мы Спасителя

святыми таинствами и святыми добродетелями. Прежде всего святым таинством Крещения. Ему предшествует вера. Вера же — первая боголюбивая сила, которая всего человека влечет к Господу, приводит его к Нему, прилепляет к Нему, отделив его предварительно от всех ложных Богов и обманчивых ценностей этого мира. Верую человек отлепляется от всего преходящего, несвятого, греховного, смертного, дьявольского, а прилепляется ко Господу, всечистому, всесвятому, безгрешному, бессмертному, вечному. И так держится Господа с помощью святых таинств и евангельских подвигов молитвы любви, поста, смирения, кротости, терпения и всего остального. Разве молитва не возносит дух человеческий ко Господу и не присоединяет к Нему? А любовь? Разве с ее помощью христианин не прилепляется ко Господу всем сердцем своим, всею душою своею, всею своею мыслью, всею силою своею? А надеждою разве он не возносится весь к Нему и не остается с Ним? А терпением разве он не настолько прилепляется к Нему, что ощущает себя сораспятым с Ним? А святое Причастие разве не исполняет Господом всего человека, соединив его полностью с Ним, воистину во *един дух с Господем* (1 Кор. 6, 17) и едино тело? Да, все это несомненно приводит ко Господу, совоплощает Господу, соединяет с Господом. Другими словами, все это нас воцерковляет и оцерковляет, делает составными частями Богочеловеческого тела Господнего — Церкви. Мы — *един дух с Господем*, если мы *удове Христовы*, и как таковые мы живем в Богочеловеческом теле Его — Церкви: ее жизнью, ее благодатью, ее Духом, ее душою.

Грех — это единственная сила, которая отделяет от Господа, настолько отделяет, что соединяет человека с дьяволом и превращает человека в его духовное чадо (ср. Ин. 8, 44; 1 Ин. 3, 8–10). Божественное же Евангелие Спасителя — это единственная сила, которая ведет и приводит ко Господу, с Господом соединяет и спаивает. Все евангельское излучает силу, ведущую к своему источнику — ко Господу Иисусу. Поэтому Он и провозгласил бессмертное благовестие: *глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть* (Ин. 6, 63). Исполняя заповеди Господни, человек исполняется Его духом и действительно становится *един дух с Господем*. И так он живет в Господе и Господь — в нем. Бог Слово стал человеком, полностью, неразлучно и вечно соединился

с человеческой природой, чтобы показать нам, что это единственный правый путь, единственная истинная цель, единственный естественно-сверхъестественный образ существования человеческой природы вообще, природы, развившейся во все человеческие существа всех времен. Отделить людей от сатаны, чтобы они отреклись от него и от всех дел его и пошли за Господом Христом и соединились с Ним — вот смысл и цель сошествия Богочеловека в мир и Его всецелого домостроительства спасения — Церкви. Сначала это воспринимается в святом таинстве Крещения, а потом разрастается и осуществляется во всей жизни с помощью других святых таинств и святых евангельских добродетелей. Всякая страсть, всякий грех нарушает это единство с Господом. Если человек предается страстям, он уже отделился от Господа и вернулся к сатане через его дела. А что такое дела сатаны? Грехи, всякий грех — дело сатаны. И у всех них одна и та же цель — отделить человека от Господа и вернуть сатане. И все грехи неустанно трудятся над этим, как самые большие, так и самые малые и все прочие. Грех, отделяющий человека от Господа и бросающий прямо в объятия сатаны, — это блуд. Потому святой апостол и наставляет: *бегайте блудодаяния: всяк бо грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть, а блудяй во свое тело согрешает* (1 Кор. 6, 18). Обычно всякий грех зачинается в душе и, если мы его поддерживаем, развивается в ней таким образом, что или перетекает в тело, или весь остается в душе. Например, гордость, самолюбие, зависть, злопамятство, ненависть могут полностью оставаться в душе и не проявляться посредством тела. Блуд же оскверняет все тело и душу. Особенно тело, так как по преимуществу это грех тела. *Блудник во свое тело согрешает* (1 Кор. 6, 18). Почему? Потому что и тело по своей природе богозданно, свято, оно носитель боголикой души, ее святой храм. *Во свое тело согрешает, ибо тело — Господеви* (1 Кор. 6, 13), а не блуду, не греху, не диаволу. Оно дано человеку, чтобы Господь воплотился в нем, а не для того, чтобы грех лишил его святости, осквернял, осмерчивал и одиаволивал. Внося грех в свое тело, человек грешит против своего тела, так же как и против своей души. Всяким своим грехом он грешит против души, грешит против тела. Вследствие единства своей личности человек всяким своим грехом *во свое тело согрешает*, грешит против

своей души, грешит против своей совести, грешит против своего ума, грешит против всего своего существа, грешит против всей своей природы. Особенно так случается при грехе блуда, так как ничто из того, что в человеке и что составляет человека, не создано для греха, в том числе и тело. Все это создано Богом и дано человеку, чтобы тот хранил его в Божественной святости и чистоте и совершенствовал. Так и тело было создано быть храмом боголикой души, ее верным соратником и бессмертным спутником, дабы и тело, и душа исполнились Богом и жили Им вечно. Нам это являет и Сам Господь Христос, ставший как Бог Слово телом. Разве Его пресвятое тело не есть совершенный храм Божества? И все Его Богочеловеческое домостроительство спасения мира сводится к тому, чтобы весь человек: и его душа, и тело — исполнились Богом, облеклись в Господа Христа, стали храмом Божиим, в котором через святые таинства и святые добродетели живет Троице Единое Божество: Отец, Сын и Святой Дух, Троица Единосущная и Нераздельная. Поэтому святой апостол и благовествует: *Или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть, Егоже имате от Бога, и несте свои* (1 Кор. 6, 19). Отличие христиан от нехристиан в том, что их тела — храм Святого Духа. Дух же Святой соединился с их душами и стал как бы их душою. Итак, вся жизнь христианина — не что иное, как жизнь в Духе Святом и Духом Святым: непрерывное служение, непрерывное богослужение всем сердцем, всей душою, всем умом, всем существом. Дух Святой живет в них таким образом, что участвует во всецелой их жизни: Им они ощущают и себя, и Бога, и мир; Им они мыслят и о Боге, и о мире, и о себе; все, что они делают, делают Им: Им они молятся, Им — любят, Им — веруют, Им — работают, Им — спасаются, Им — освящаются, Им — живут в бессмертии. Сердца их принадлежат им через Него, и жизнь их принадлежит им через Него. Все приходит к ним от Него: и жизнь, и бессмертие, и вечность, и все ценности, и все благовестия, и все радости. Ибо всецелый подвиг спасения совершается Духом Святым. Он есть Тот, Кто во Иисусе открывает нам Господа; Он есть Тот, Кто верою вселяет в наши души Господа Христа; Он есть Тот, Кто с помощью благодатных подвигов соединяет нас с Ним; Он есть Тот, Кто дух наш настолько соединяет с Ним, что мы

становимся *единым духом с Господем*; Он есть Тот, Кто нам по Своему всеумудрому Божественному промыслу разделяет и раздает Божественные дары; Он есть Тот, Кто нас утверждает и совершенствует в этих дарах; Он есть Тот, Кто нас перерождает, обновляет и освящает в святом таинстве Крещения; Он есть Тот, Кто нас вохристовляет и охристовляет посредством святых таинств и святых добродетелей; Он есть Тот, Кто нас очищает, освящает, спасает, оживляет, обессмерчивает и таким образом претворяет нашу душу и тело в храм Божий, в храм Пресвятой Троицы. Он есть Тот, Кем в мире человеческом осуществляется все евангельское, Христово, всецелое Богочеловеческое домостроительство спасения, ибо Он — душа в Богочеловеческом теле Церкви. Потому Господь Христос и объявил, что хула на Святого Духа не простится людям ни в этом, ни в ином мире (ср. Мф. 12, 32; Мк. 3, 29). Потому и жизнь Церкви как Богочеловеческого тела Христова началась со схождения на нее Духа Святого и продолжается из века в век Его пребыванием в ней, ибо Церковь есть Церковь Им. Он вводит во всякую истину спасения; Он учит спасению; Он совершает спасение каждого. Здесь все принадлежит Ему, а через Него Богу Отцу и Богу Сыну. Всем христианин обязан Ему, поэтому святой апостол и говорит им: *несте свои*. Всмотритесь хорошенько в себя: все, что в вас святого, возвышенного, доброго, Божественного, бессмертного, вечного, евангельского — не от Него ли, не от Духа ли Святого? Ваше очищенное и освященное тело не Им ли очищено и освящено, не Им ли претворено в храм Божий? И ваша очищенная и освященная душа, и ваша очищенная и освященная совесть не Им ли очищены и освящены? А ваше очищенное и освященное сердце, ваш очищенный и освященный ум не Им ли очищены и освящены? Все это так, потому как Дух Святой живет в вас (ср. 1 Кор. 6, 19).

Но при всем этом никогда нельзя забывать, что все это мы, христиане, имеем от Духа Святого, в том числе и Самого Духа Святого, благодаря чудесному и всечеловеколюбивому Спасителю нашему, сладчайшему Господу Иисусу. Ибо *Егоже ради и Дух Святой в мир прииде*¹ (ср. Ин. 14, 26; 15, 26; 16, 7.13–17). Его ради

¹ Канон умиленный ко Господу нашему Иисусу Христу. Молитва по каноне.

Он и продолжает в Церкви Его спасительное Богочеловеческое дело. Ибо если бы Господь Христос, воистину *Единый Человеколюбец*, не сошел в наш земной мир и не совершил всечеловеколюбивого подвига спасения мира, то и Дух Святой не сошел бы в наш мир. Сколь бесконечно драгоценно и несказанно человеколюбиво все, что всемилостивый Господь Иисус совершил ради нас, людей, и нашего ради спасения! Вершина же всего — Он принес Себя в жертву ради спасения мира. Себя! А кто Он? Единородный Сын Божий, Сам Бог Слово, который более ценен, чем все видимые и невидимые миры, вместе взятые и умноженные на бесконечнейшее число. И как таковой Он, воистину единственная Всецелость во всех мирах, сошел в наш смердящий мир, стал человеком, жил в нашем злосрадном зверинце, добровольно вынес несказанные муки ради спасения мира и позорнейшую смерть на кресте. Чего ради? Только бы нас, людей, нас, сластолюбивых и грехолюбивых земных клещей, спасти от греха, смерти и дьявола и подарить нам жизнь вечную и вечное блаженство. Возможно ли что-либо более человеколюбивое, драгоценное, достойное? Какой дорогою ценою мы спасены! Мы, люди, мы, бедные грехолюбивые клопы, не располагаем достаточно ни умом, чтобы в нужной мере осмыслить, ни сердцем, чтобы в нужной мере ощутить все бесконечности и ценности несказанного подвига Спасителя. Святой апостол Божественно прав, когда обращает к христианам следующие слова: *несте свои. Куплены бо есте ценою. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия* (1 Кор. 6, 19–20). Действительно, мы искуплены дорогою ценою. Благий Господь Своей Божественной всеспасительной жертвой искупил нас для рая, для вечности, для Божественной жизни, для Божественного блаженства, для Божественных совершенств. Каковыми тогда должны быть наши тела и души? Разве не святыми храмами, в которых непрерывно славится и прославляется чудесный Господь и Спаситель наш Иисус Христос? А как мы можем прославлять Его, всеславного, в телах и душах своих? Только святостью и чистотой. Ибо этим прославляется Всесвятый и Всечистый. И тела наши и души наши да будут святы и чисты, дабы быть достойным храмом Божиим, в котором непрерывно совершается богослужение единому истинному Богу и Господу нашему Иисусу Христу.

Только так исполняют свое назначение и наши души, и наши тела, ибо и то, и другое от Господа и для Господа. Что в нас *Божие*, то должно принадлежать Богу и прославлять Бога. Кто-кто, а Господь Христос, став плотию и приняв в Себя душу человеческую, очевидно показал, что и тело человеческое, и душа человеческая — *Божия*. Поэтому наша первая обязанность дать Богу то, что *Божие*, служить Ему этим, прославлять Его этим. Так, для нас становится ясным благовестие святого апостола: *несте свои*, ибо все, что мы имеем — душа и тело, — не наше, но от Бога, ради Бога, для Бога. Ни в коем случае ни душа наша, ни тело наше не созданы ни для смерти, ни для греха, ни для диавола, ни для ада. Ибо грехом, смертью, диаволом и адом мы позорим не только свои души и тела свои, но и Самого Творца и Спасителя душ наших — Господа Иисуса Христа. А достойно прославляем Его в телах и в душах своих, когда благодатною силою Его и святыми добродетелями своими мы очищаем их от всякого греха, смерти и диавола, исполняя их только тем, что свято, Божественно, бессмертно и вечно. И мы совершим это надежнейшим образом, если последуем богомудрому святоотеческому совету: «Во всем действуя с (Богом. — *И. П.*) Словом, согласно Слову, ради Слова»¹.

Святой Златоуст благовествует: святой апостол «присовокупляет... постоянно напоминая нам, что все у нас Владычне — и тело, и душа, и дух... *Божими* же назвал он их не только потому, что Бог сотворил их, но и потому, что, когда они сделались чуждыми Ему, Он вторично приобрел их ценою крови Сына. Смотри, как он относит все ко Христу, как возводит нас на небо. Вы, говорит, члены Христа, вы — храм Духа; не будьте же членами блудницы; вы бесчестите не свое тело, потому что это тело — не ваше, а Христово. Этими словами показывает человеколюбие (Христа), Который сделал наше тело Своим, и вместе пресекает нашу власть (над ним). Если у вас, говорит, тело не ваше, то вы не имеете права бесчестить тело другого, особенно когда оно принадлежит Владыке, или осквернять храм Духа»².

¹[*Макс. Исн.*] Ambig. Lib. [Ambig.] // PG 91, 1300 С.

²[*Ио. Злат.*] In Epist. I ad Cor. Homil. XVIII, 2 [Бес. XVIII, 2 на 1 Кор.; с. 171–172] // PG 61, 147.

Чем мы — рабы смерти, рабы греха, рабы диавола — можем оправданно хвалиться в этом земном мире, в котором тройной ураган греха, смерти и диавола непрестанно опустошает человеческие миры? Только Богочеловеком Господом Иисусом Христом — единственным под небом Спасителем от этого всеопустошающего урагана (ср. Деян. 4, 11–12). Да, да, да, мы *хвалимся о Христе Иисусе* (Флп. 3, 3; ср. Рим. 8, 32; 1 Кор. 1, 5), о Господе нашем, ибо нам от Него и через Него даровано все: и Дух Святый, и спасение, и воскресение, и обожение, и охристовление, и обогочеловечение, и все бесчисленные дары, которые всебогатый Бог благодати и человеколюбия мог даровать роду человеческому. Мы хвалимся Им, ибо Он не только спас нас от греха, смерти и диавола, но подарил нам и жизнь вечную, и все Божественные блага. Мы хвалимся Им, ибо Он Божественно совершенно и человечески доступно решил все вопросы жизни и мира, которые искони мучают дух человеческий. Мы хвалимся Им, *а не в плоти надеемся* (Флп. 3, 3). Да и что надеяться на плоть, когда Бог здесь, среди нас, в нашем человеческом мире? Что надеяться на плоть, которая, как сухой песок, неудержимо осыпается в море смерти?! Мы не надеемся ни на дух человеческий, ни на солнце, ни на вселенную, ни на что-либо иное, созданное и сотворенное, так как с нами Он — Сам Бог и Творец, Спаситель и Искупитель, чудесный Господь наш Иисус Христос.

единственная
 всеценность рода
 человеческого

Даже самая совершенная вера старого мира не могла человеку дать спасения от греха, смерти и диавола. Она только вела ко Спасителю и спасению (ср. Гал. 3, 24), привела человека к крещению покаяния и передала его Спасителю, Который спасает крещением спасения в Духе Святом (ср. Мф. 3, 11). Вся праведность, которая могла быть приобретена этой верой, — в Савле: *по правде законней он был непорочен* (Флп. 3, 6). Это величайшее приобретение для ветхозаветного человека. Но когда Савл встретился с воскресшим Христом и познал Христа, его приобретение сразу превратилось в убыток. И самый ревностный гонитель Церкви Христовой превратился в самого ревностного ее апостола, как только душа его прозрела и увидела всю истину миров: Богочеловека Иисуса Христа, Спасителя и Искупителя. И тогда

он перестал *в плоти* надеяться (Флп. 3, 3), надеяться на человека и человеческое и весь предал себя Богу и Богочеловеческому. Богочеловек стал единственной похвалою Его: *хвалимся о Христе Иисусе* (Флп. 3, 3), ибо только Он дарует спасение. А человек, люди и все человеческое — не добыча ли это смерти, греха и диавола? Что разумного в том, чтобы надеяться на плоть, на то, что толкает и повергает тебя в смерть, в царство зла и муки? Ничто плотское не спасает, поэтому ничто человеческое не заслуживает, чтобы занять в жизни человеческой место Бога истинного. Тело без духа мертво есть. Это также очевидный закон человеческой жизни. Но точно так же и дух человеческий без Духа Божиего — мертв. Это также очевидный закон человеческого бытия. Ибо ни один человек не может духом своим спасти себя от смерти, греха и диавола. Если дух человеческий не соединится с Духом Божиим во Христе, он навеки остается беспомощным рабом смерти, греха и диавола. Следовательно, только Бог может спасти человека. Причем Бог, Который столь тесно и полно соединился с человеком, что весь стал человеком. А это — Богочеловек. Поэтому Он — единственный Спаситель человеческого существа во всех мирах. Самый искренний и убедительный свидетель — апостол Павел, человек *по правде законней непорочен*, однако при всем этом безнадежно беспомощный! Здесь не помогают ни дух человеческий, ни тело человеческое, ни весь род человеческий. Без Спасителя Христа и дух человеческий, и тело человеческое — не что иное, как два мертвых крыла на трупе человеческого существа. Это всем существом ощутил Савл, как только познал воскресшего Христа Господа и силу Его и весь оказался в Богочеловеческом теле Его — Церкви, и неустрашимо провозгласил всем существам и всем мирам: Христос есть все и вся, а все иное — ничтожная тщета и огромное ничто (ср. Флп. 3, 4–6).

Вот потрясающая исповедь воскресшего из всех смертей апостола Павла: *яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету* (Флп. 3, 7). Тщета даже то, что составляет исключительное преимущество в вере избранного народа: вся правда и праведность законная. А если высшая ценность дохристианского мира в сравнении со Христом — тщета, что суть все иные ценности: религиозные, культурные, философские? Все они, от первой

до последней, какие бы приобретения не представляли для людей, становятся вредом по сравнению с единственной всеценностью всех миров — Господом Христом. Богочеловек Христос настолько превышает все человеческие ценности, что действительно представляет Собою единственную Божественную и человеческую всеценность во всех мирах. Что представляют собой все так называемые боги, сколько их ни есть в пантеоне человеческой истории, в сравнении с чудесным Богочеловеком? Воистину лишь тщету. А герои мира и гении мира? Тоже — тщету. Так же и все философы, и все ученые, и все реформаторы, и все люди, великие и малые, взятые по отдельности и все вместе, все до единого без Христа — не что иное, как тщета, тщета, тщета и для себя, и для мира вокруг себя. Ибо они не могут дать человеку то, что для него важнее всего в мире — спасти его от смерти, греха, диавола, ада. В своем же хвастливом величии многие люди или сами хотят, или другие их заставляют занять место единого истинного Бога во всех мирах: Господа Христа — Богочеловека. Разве это не убийственнейший вред для людей, которые им следуют и из-за них и ради них или не хотят Христа, или не признают Его, или не ищут Его, или преследуют Его? В том, что это так, каждый может легко убедиться: пусть попробует без Христа по-настоящему решить проблему своего человеческого бытия, найти его истинный, непреходящий смысл; другими словами, пусть попробует без Христа освободиться от смерти, от греха, от диавола, причем освободиться по-настоящему и совершенно. Нет сомнений, ему это не удастся. Поэтому объяснимо и оправдано динамитно взрывное и беспримерно смелое утверждение святого апостола Павла, согласно которому Христос есть все и вся, а все иное в сравнении с Ним — ничтожная тщета.

Необходима всесторонняя проверка, чтобы подтвердить истинность евангельского учения о ценностях. Что есть для меня, для тебя, для всякого человеческого существа высшая ценность в мире, что — *приобретение*? евангельское учение о ценностях Надо найти и сопоставить это с тем, что представляет Собою Богочеловек Христос, что Он приносит и предлагает всякому человеческому существу. Если человек сделает это критически беспощадно или просто беспристрастно,

он обязательно придет к заключению и убеждению апостола Павла: его высшая ценность, его *приобретение* в сравнении с Христом Господом, в самом деле, ничего ценного собой не представляет и, в самом деле, является тщетой. К такому заключению и убеждению пришли все истинные мученики человеческой мысли, все истинные искатели непреходящего смысла человеческого бытия, жизни и мира — святители Божии. Они — единственные истинные люди, ибо они преодолели в себе все грехи, все смерти, всех бесов, исполнив себя Богом и Господом Христом, Его Божественными святынями и святыми силами. Они — самое красноречивое подтверждение и самое убедительное свидетельство истинности Павловой веры, Павловой философии ценностей, Павловой аксиологии.

Но вот гром веры Павла и гром Истины: *но убо вмению вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа моего, Егоже ради всех отщетишся, и вмению вся уметы (σκιῶσα — помои, испражнения, нечистоты) быти, да Христа приобрящу и обрящуся в Нем* (Флп. 3, 8–9). *Все* — не только *яже ми бяху приобретения* [Флп. 3, 7]; *все* — не только на земле, но и на небе: все существа, от первого до последнего, и все миры от первого до последнего. Нет ничего ни в одном из существующих миров, что можно было бы взять и сказать: вот, это можно было бы сопоставить с Христом, это могло бы заменить Христа, занять место Христово в мире, в человеке, среди людей. По сравнению с Ним все тщета, подлинно тщета. Ваше достояние, то, что вы считаете благом, сопоставьте с Христовым благом, и, если оно не подобно Христову, оно, несомненно, вредно и для вас, и для мира вокруг вас. Или ваша истина, ради которой вы живете и умираете, сравните ее с Христовой истиной, если она не происходит от Его истины, не подобна ей, то она вредна и для вас, и для мира вокруг вас. Или ваша любовь, если она не того же Божественного происхождения, что и любовь Христова, то она убьет и вас, и тех, кого вы любите. Или ваша жизнь и Его жизнь: не есть ли ваша жизнь, по сути, постепенное умирание, предающее вас смерти, которую вы не в состоянии победить? И разве тогда ваша жизнь не будет тщетной для вас, не будет бесконечной бессмыслицей, и мукой, и адом?

Познать Христа, истинно осознать, что Он и кто Он, что Он приносит человеку и роду человеческому, — это знание, которое человек с радостью претворяет во всезнание. И в нем видит все. Особенно когда сопоставит его с любым другим человеческим знанием о ком-либо и о чем-либо. Опыт святых людей свидетельствует: истинное христопознание, по сути, является всезнанием. Ибо, когда человек познаёт Христа, как должно, он узнаёт все, что ему необходимо и для этого мира, и для жизни в этом мире, а также и для мира иного, и для вечной жизни в мире ином. А такое познание кто еще может дать людям, кто из богов, кто из людей, кто из героев, кто из гениев? Никто, никто, никто. Только познание Христа дает человеку единое истинное знание о Боге, о мире, о человеке, о жизни, о смерти, о зле, о диаволе, о грехе, об истине, о правде, о любви, о великом и малом, о главном и второстепенном, о вечном и временном. Поэтому святой первоверховный апостол с такой восхищенной любовью и пламенной ревностью называет Христа «Господом своим». И действительно, никто не достоин быть человеку Господом, кроме Богочеловека. Это чувствует каждый, кто истинно мучился проблемой человека. Не Бога, но человека. Ибо проблема человека должна привести его к Богу, единому истинному Богу и Господу — Богочеловеку Христу Иисусу.

Как единый истинный Бог и Господь, Богочеловек Христос представляет Собою единственный истинный смысл человеческого существа и существования. Поэтому святой апостол оставляет все: и свою прежнюю душу, и свою прежнюю совесть, и свое прежнее сердце, и свою прежнюю истину, и свою прежнюю правду. Оставляет и семью, и отечество, и народ, и веру, и философию, и науку. Оставляет и землю, и небо, и небо над небесами, и все, что в них и на них. Ибо все это бесконечно мало, чтобы могло быть смыслом и целью человеческого существа и жизни. Все это апостол с радостью оставляет ради Господа Христа, ибо в Нем нашел нечто несравненно большее и драгоценнейшее всего того. Что же? Все совершенства и блага истинного Бога. Они могут стать и становятся человеческими, потому что Сам истинный Бог стал человеком и Себя, Богочеловека,

единственный
 смысл челове-
 ческого существа

претворил в сладчайшее чудо Божие — Церковь. Чтобы люди, становясь сотелесниками Богочеловеческого тела Христова — Церкви, могли в ней с помощью святых Богочеловеческих таинств и святых Богочеловеческих добродетелей возвращать себя *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* [Еф. 4, 13] и так познавать Божественную цель своего человеческого существа: спасение — обожение — охристовление — обогочеловечение — оцерковление — отроичение (ср. Еф. 3, 6; Кол. 1, 10–11; 2, 19).

Но чтобы до конца выразить ни с чем не сравнимое Христово величие и всецелность, беспримерную Христову единственность и незаменимость, христоролюбивый апостол неумоимо провозглашает, что ради Христа он все считает за *уметы* (σκύβαλα — помои, испражнения, нечистоты). Что это? Нигилизм, неслыханный и невиданный в истории мира? Да, несомненно нигилизм, какого свет не видывал. Но нигилизм святой. Ибо все, что не Христово, все, что не от Христа, святой апостол считает за *уметы*, за навоз, за помои, за испражнения. Нет больше недоумения, нет сомнения, теперь мы знаем всю истину о мире и о всем, что входит в границы человеческого сознания, существа, ощущения. Открыл нам это самый смелый, самый искренний и самый измученный житель планеты. Ибо никто более искренно, страстно и неустрашимо, чем он, не боролся против Христа и всего Христова. Но свет воскресшего и вечноживого Христа перевернул и преобразил его сверху донизу. От страшной силы его он сначала ослеп, но на третий день прозрел. И всю истину всех миров узрел во Христе. В свете этой всеистины, что суть все человеческие религии, науки, философии, культуры, цивилизации? Что, если не *уметы*, нечистоты, помои? На навозной куче и от навозной кучи, живые черви, глисты, мухи навозные — люди такого духа. А орлы человеческой мысли, человеческой совести, вот они — все со Христом, подле Христа, за Христом. Гении? Герои? Полководцы? Ученые? Философы? Изобретатели? Разве смертью не превращается каждый из них в навоз? Некоторые сравнивают их с чудесным Богом и Господом Христом, а некоторые отождествляют их с Ним, некоторые даже хотят заменить Его ими. Не утонула ли их совесть в помоях? И не живут ли они душою в навозной яме? Не в комке ли червей их сердце? Человека и все, что от человека, смерть

превращает в навоз, в клубок червей. Но человек, всякий человек, лишь только заживет Христом, претворяется в существо бессмертное и вечное, в существо Божественно возвышенное и величественное, которое живет в бессмертных мирах несказанных совершенств Божиих, в раю. Да, расстояние определено: помойная яма и рай, человек и Богочеловек. Без Богочеловека человек — это нечистоты и помойная яма; с Богочеловеком, он — рай, и святилище, и бог по благодати, богочеловек по благодати.

Ввиду всего этого для человека самое важное — обрести Христа (Флп. 3, 8). Это то, что никогда не может быть отнято у человека, потому только это и есть для него *едино... на потребу* (Лк. 10, 42). Все потерять, только Христа приобрести. Этой ценой и любой ценой. Ибо Господь Христос — тот самый *многоценен бисер* в навозной куче земного мира, найдя который человек с радостью продает все, что имеет, и покупает его (Мф. 13, 45–46). Если человек приобретет Христа, то он приобретет все, что необходимо человеческому существу для совершенной Божественной жизни и во времени, и в вечности, и на земле, и на небе.

Чудесно всежелание апостола, а через него и мое, и твое, и каждого: *и обрящуся в Нем* (Флп. 3, 9). Обрестись во Христе! Какая радость, и блаженство, и восхищение — все соткано из Божественного удивления. Человек оказывается среди чудесных Божественных совершенств, которым нет конца. С одной стороны, блистает Божественная Истина, вся совершенная и бесконечная; с другой — Божественная Любовь, вся совершенная и бесконечная; с третьей — Божественная Доброта, также вся совершенная и бесконечная; и так отовсюду, со всех сторон блистают и пламенеют бесчисленные Божественные совершенства, полные несказанной красоты и очарования, и все это непрестанно разливается и переливается сладкими волнами по душе человеческой, по сердцу, по уму, по совести, по всецелому существу. И тогда человек всем существом восхищенно ощущает и радостно видит, что весь находится в самом таинственном и самом чудотворном существе, которое зовется Церковью, и что вне Христа все — действительно *уметы*, действительно, нечистота.

Если человек обретет себя во Христе Богочеловеке, он обретет и истинного Бога, и истинного человека, истинного себя. До сих

пор он был словно вне себя, блуждал по беспутью, пробирался через пропасти, голодал в пустынях, питался теньями, водил дружбу с призраками. И везде его дурачили и постоянно обманывали ложные боги, ложные учителя, ложные мудрецы, самозванные вожди. От этого разлагалась его совесть, гибла душа, чернел и почернел ум. И вот его совесть вся оказалась во Христе. Какова же она должна быть? Вся светлая, вся святая, вся чистая, вся боголюбивая. А душа? Она только во Христе обретает все любезные ей бессмертия, исполненные Божественными совершенствами и блаженствами. И знает путь, и знает смысл и себе, и всему своему. Тогда постепенно все мысли ее и все ее чувства освящаются, охристовляются, обоживаются обогочеловечиваются, становятся бессмертными, становятся вечными. Всякая мысль превращается в христомысль, всякое ощущение — в христоощущение. Тогда Христова мысль становится ее мыслью, Христово ощущение — ее ощущением, Христова совесть — ее совестью. Все, что Христово, становится ее: и Истина, и Правда, и Любовь, и Жизнь, и Вечность. И она, христолюбивая, становится христоликой. Все ее во Христе постепенно преображается и Христу Господу сообразуется и уподобляется, пока Христос не *вообразится* в ней (μὲχρις οὗ μορφωθῆι Χριστὸς ἐν ὑμῖν) (Гал. 4, 19). Тогда, только тогда быть человеком станет радостью, и блаженством, и благословением, и благовестием, и притом радостью непреходящей, блаженством непреходящим, благословением непреходящим, благовестием непреходящим.

Если человек обретет себя во Христе, то он окажется в единстве со всем новым миром, в Богочеловеческом мире — Церкви, в котором живут совершенно новою жизнью, жизнью святых таинств и святых добродетелей, то есть святых Богочеловеческих сил. Из них первая — вера. А с нею и за нею все остальные таинства и святые добродетели: Крещение, Миропомазание, Причастие, любовь, надежда, молитва, пост, кротость, смирение, сострадание, жалость, доброта, справедливость, покаяние, исповедь и другие. Человек живет одновременно во всех них, во всех упражняется, всем их путям следует, причем вера всегда идет впереди и ведет его своим Богочеловеческим светом. Это жительство в святых таинствах и святых добродетелях составляет новую правду,

новую праведность, Богочеловеческую и евангельскую, которая миру вне Христа не известна и не может быть известна, ибо он не располагает святыми силами, созидающими эту правду и эту праведность. Евангельская правда — правда, *яже верую Иисусе Христовою, сущую от Бога правду в вере* (Флп. 3, 9). Вера здесь означает все святые таинства и святые добродетели, ибо она вводит во все евангельские святости и силы. Если разединить праведность Христовых праведников на основные составляющие, которые ее образуют, всегда обнаружится, что это молитва, любовь, упование, кротость, смиренномудрие, смирение, пост, терпение, сострадание, покаяние и остальные святые евангельские силы. Если не хватает одной из них — нет евангельской праведности. Всякой добродетели корень во Христе Боге, потому и настоящая праведность вся *от Бога*. А человек, что он дает от себя? Веру. Веру, которая потому и вера, что живет со всеми остальными Богочеловеческими святыми таинствами и святыми добродетелями.

Познать Христа — значит прежде всего познать силу Его воскресения и смерти Его. Как? Воспринимая их, как свои. Ибо человек становится христианином, переживая Христа. Другого пути нет. Все Христово переживанием претворять в свое — так формируется христианин, так и Христос познается. Только переживанием Христа можно по настоящему познать Христа. Христопознание всегда происходит от Христопереживания. Ты познаешь любовь Христову, если переживешь ее; познаешь истину Христову, если переживешь ее; также и правду Христову, и Христово смирение, и Христово страдание, и Христову смерть, и Христово воскресение ты познаешь, если переживешь его. Это относится ко всему, что Христово, от самого малого до величайшего. *Силу воскресения* Христова (Флп. 3, 10) человек познает, если воскресит себя из гроба грехолюбия и будет ходить в новой жизни, как тот, кто еще в этом мире воскрес с Господом Христом и Им, Воскресшим, живет (ср. Кол. 3, 1). Он, Воскресший, Вечноживой и Всемогущий, дает людям силы, чтобы они жили на земле в новой жизни, жизни святой и богицей, ибо люди только во Христе Иисусе Господе нашем мертвы греху, а живы Богу (Рим. 6, 11).

христопознание
 через христовос-
 приятие

Спасительную силу страданий Христовых мы познаём, если переживаем их, если принимаем в них участие, если имеем с ними связь (τήν κοινωνίαν). А это необходимо, ибо данная связь бесконечно важна в Богочеловеческом домостроительстве спасения. Страдания Христовы, что их составляет? Вся жизнь Его, от рождения до воскресения. Для Него, безгрешного и кроткого Агнца Божиего, страданием было не только быть оплеванным, избиваемым, осмеянным, распятым, поруганным, но и жить тридцать три года среди одичавших и оскверненных грехом людей. Поэтому если человек хочет познать *сообщение страстей Его* (Флп. 3, 10) и их спасительную силу, тогда он должен пережить всю Его жизнь, особенно Его крестную смерть, всежертвенную и все-спасительную. В нее нужно настолько вжиться всем существом, настолько сообразоваться с ней, настолько отразить ее в себе, чтобы стать сообразным смерти Его (Флп. 3, 10) и ощутить ее как нечто необходимое для себя, для своей человеческой природы, для своего спасения. Человек достигнет этого, если вместе со святым апостолом сможет сказать: *Христови сраспяхся* (Гал. 2, 19), я распял себя миру и мир себе, я мертв для мира и его греховных наслаждений, и мир мертв для меня со всеми своими страстями и соблазнами; я живу только тем, что принадлежит распятому Богочеловеку, и ничем, что свойственно греховному миру; ради Христа *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14). Тогда силой всепобеждающей смерти Христовой человек побеждает всякую смерть в себе и в мире вокруг себя, а тем самым и всякий грех, ибо грехи — единственная сила, которая производит и осуществляет смерть (ср. Иак. 1, 15; Рим. 6, 23). Эту страшную силу человек побеждает единственно спасительной силой смерти Христовой, Богочеловеческой и потому чудотворно всесильной. А мы становимся участниками всеспасительной смерти Христовой и всепобедной благодатной силы ее через первое, почетное и святое таинство — таинство Крещения, ибо все, кто крестились во Христа Иисуса, в смерть Его крестились [ср. Рим. 6, 4], а если мы *сообразни быхом подобно смерти Его, то и воскресения будем* (Рим. 6, 5).

Для чего все это делать, всем сердцем исповедал святой христоролюбивый апостол, говоря: *еще како достигну в воскресение мертвых* (Флп. 3, 11). Вот цель, к которой идут через все евангельские

подвиги и христоролюбивые переживания. Ею завершается Богочеловеческий путь спасения. Через все евангельские переживания, через все страдания за Христа, через всякое умирание за Христа христианин, ведомый верою, идет с молитвенным терпением, ибо знает, что только так можно достигнуть воскресения из мертвых. Постится ли христианин, он с молитвенным терпением проходит подвиг поста, чтобы достичь воскресения мертвых этим добровольным самоистязанием и умиранием ради Христа. Творит ли милостыню, молится ли, смиряет ли себя, страдает ли за евангельскую истину, служит ли ближним, любит ли врагов, благословляет ли гонящих его, творит ли добро ненавидящим его — все эти евангельские подвиги христианин проходит с молитвенным терпением, чтобы этими блаженными самоистязаниями и радостным умиранием за Христа достичь воскресения мертвых. Подвиги — это путь, воскресение — завершение пути. Но нельзя дойти до конца пути, если не пройти весь путь. Воскресение — это вершина пирамиды спасения, подвиги — это пирамида, на которой покоится вершина. Поэтому подвиги необходимы, чтобы достичь цели спасения. Как все, что под вершиной пирамиды необходимо вершине, чтобы она была вершиной, так и воскресению необходимы все евангельские подвиги, которые ему предшествуют. Если извлечь то, на чем стоит вершина пирамиды, тогда и сама вершина перестанет быть вершиной.

Божия правда становится нашей благодаря вере, праведность наша пред Богом достигается верою, причастность наша спасительным страданиям Христовым совершается верою, познание и ощущение воскресения Христова и силы Его воскресения мы приобретаем верою. Равноапостольный Златоуст, воистину пятый евангелист, благовествует: «И хорошо он сказал: *не имый моя правда*, то есть не той, которую стяжал я потом и трудами, говорит он, но той, которую приобрел по благодати... Вероятно, (Филиппийцы) говорили, что правда, приобретаемая трудами, важнее; поэтому (апостол) показывает, что эта правда пред тою — отброс... (Правда. — И. П.) бывает от веры Божией, то есть, которая дана от Бога: вот правда Божия, — она всецело дар Божий. Дар же Божий гораздо превосходнее маловажных добрых дел, совершаемых нашим старанием. А что такое вера? *В вере*, говорит,

еже разумети Его (Флп. 3, 10). И так, верою приобретается познание (о Боге), и без веры невозможно познать Его. Каким образом? Верою должно познавать силу воскресения Его. Какое в самом деле умствование убедит нас в воскресении? Никакое, а только одна вера. Если же воскресение Христово по плоти познается верою, то какими умствованиями может быть постигнуто рождение Бога Слова? Ведь воскресение менее рождения. Почему? Потому что примеров воскресения было много, а примера такого рождения ни одного; прежде Христа многие умершие воскресали, хотя, воскресши, и умирали, но от девы не родился никто никогда. И так, если и то, что менее важно рождения по плоти, должно быть постигаемо верою, то как может быть постигнуто умствованием то, что гораздо важнее, бесконечно, несравненно важнее? Вот что составляет правду. Надобно верить, что это могло быть, а как могло быть, этого невозможно представить. От веры зависит и общение в страданиях. Каким образом? Если бы мы не веровали, то и не страдали бы; если бы не веровали, что, спострадавши (Христу), мы будем и соцарствовать (Ему), то не терпели бы страданий. И так, и рождение, и воскресение постигается верою. Видишь ли, что нужна вера не просто, но вера, соединенная с делами? Тот преимущественно верует, что Христос воскрес, кто смело идет на опасности, кто имеет общение в Его страданиях, так как имеет общение с воскресшим, с живущим... Вот почему (апостол) сказал, *сообразуясь*; и в другом месте: *исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей* (Кол. 1, 24), то есть гонения и страдания мои составляют этот образ Его смерти, потому что (апостол) не своей пользы искал, но (пользы) многих. Потому и гонения, и скорби, и тесные обстоятельства не только не должны смущать вас, но еще (должны) радовать, так как чрез них мы сообразуемся смерти Иисуса Христа, так сказать — изображаем (Его в себе), как и говорит (апостол) в другом месте: *мертвость Господа Иисуса в теле носяще* (2 Кор. 4, 10).

Но и это происходит от великой веры, так как мы веруем не только тому, что Христос воскрес, но и тому, что по воскресении Он имеет великую силу, — почему и идем тем же путем, которым Он шел, то есть делаемся и поэтому братьями Ему, так сказать —

делаемся и поэтому христами (Христої γινόμεθα). О, как велико достоинство страданий!»¹.

Богочеловек Христос, став человеком, стал Церковью и этим открыл всякому человеческому существу путь бесконечного Божественного совершенствования: Церковью и в Церкви стать совершенным как Богочеловек Христос (ср. Еф. 4, 11–15). Чтобы достичь этого, беспримерно человеколюбивый Господь Христос дает нам в Церкви все средства. Подвиг этот весьма разносторонен и со всех сторон бесконечен и безграничен, Богочеловечески бесконечен и Богочеловечески безграничен. Сознывая это, христианин как бы и сколько бы ни преуспевал на этом пути к Богочеловеческому совершенству, всем сердцем должен присоединиться к апостолу Павлу и смиренно вместе с ним исповедовать: *не зане уже достигох, или уже совершихся* (Флп. 3, 12). Кто же это говорит? Апостол Павел, человек, который всех опередил в евангельских подвигах, все-таки считает, что еще не достиг цели, что еще не совершен. Потому что это недостижимо ни для кого из живущих на земле. Ибо каждый новый день — это новый поединок, новая борьба со смертью, с искушениями, с напастями, с духами злобы поднебесной [ср. Еф. 6, 12], которые всеми силами препятствуют спасению людей. Каждый новый день и каждая новая ночь — это продолжение жизненного пути и на нем продолжение всех евангельских подвигов, ведь христианин постоянно живет в подвигах, во всех добродетелях. Если он оставит хоть один подвиг, хоть одну добродетель, перед ним встанет опасность падения, а может быть, и гибели. Поэтому христианин никогда не стоит на месте, никогда не останавливается на пути добродетелей и всегда считает себя несовершенным, недовершенным. Святой апостол Павел — яркий пример этому, а с ним и все без исключения святые. Хотя они были самыми совершенными христианами, никто из них никогда не считал себя совершенным. Святой Златоуст, святой Василий Великий, святой Иоанн Дамаскин, святой Симеон Новый Богослов, несомненно, — великие святые, несомненно, совершенные христиане, а бичуют себя

¹Ио. [Злат.] In Philip. Homil. XI, 2 [Бес. XI, 2 на Флп.; с. 318–319] // PG 62, 265–266.

как самых грешных и осуждают себя как худших среди людей. Чтобы увидеть это, надо прочесть не труды их, а их молитвы, составляющие наше последование ко святому Причащению. Евангельское, православное правило: чем святее человек, тем более грешным он себя считает, чем совершеннее человек, тем более несовершенным он видит себя.

Такой человек всем существом своим стоит за апостолом Павлом, который провозглашает: *гоню же, аще и постигну, о нем же и постижен бых от Христа Иисуса* (Флп. 3, 12). Он настиг меня на пути в Дамаск и открыл предо мною путь, на далеком-далеком конце которого стоит воскресение из мертвых, совершенная победа над смертью. И с тех пор я постоянно на этом пути. И не только не медлю, не топчусь на месте и не останавливаюсь, но и *гоню его, о нем же и постижен бых*. А нужно достичь Его — Богочеловека, чудесного и единственного Бога и Господа Иисуса Христа. Он же, Он достиг каждого из нас, став человеком. А мы можем достичь Его, только если в Его Богочеловеческом теле, Церкви, станем, *якоже Он* (1 Ин. 3, 7), если ходим, *якоже Он ходил есть* (1 Ин. 2, 6), если станем богами по благодати, боголюдьми по благодати. А кто может и смеет утверждать о себе это еще в этой жизни, еще в этом мире? Никогда ни один истинный христианин. Христоносный апостол исповедал это от имени всех и вместо всех настоящих христиан: *Братие, аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14).

Христианин должен постоянно спешить к небесной цели через евангельские подвиги, чтобы постоянно тянуться, стремиться к тому, что впереди, что *горé*, что превыше всех небес о Христе Иисусе. И действительно, христианин страстно тянется ко Господу Христу через молитву, через любовь, через пост, через упование, через милостыню, через терпение, — словом, через все евангельские добродетели. И за это время голод его души, алчущей чудесного Господа, становится все больше и больше. И в нем образуются такие сильные и вдохновенные христолюбивые чувства, что он действительно забывает все евангельское, что он совершил,

и предается все большим и большим евангельским подвигам. Когда же он совершит все, что было заповедано, он искренне считает, что ничего не сделал. По ясному и решительному слову Спасителя, *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмь, яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Это единственный способ, чтобы христианин не разленился, не возгордился, не сказал бы себе: вот, я достаточно потрудился, достаточно сделал, достаточно совершил, пора передохнуть. Да, а если во время отдыха испустишь дух? Не предстанешь ли тогда посрамленным пред сладчайшим Господом? Поэтому требуется постоянно держать и в уме, и на сердце евангельскую истину: христианин никогда не может быть достаточно совершенным. И если он молится, никогда не может достаточно намолиться, и если творит милостыню, никогда не может сотворить ее достаточно, и если любит, не может достаточно налюбоваться, и если верует, не может достаточно повериться. Всегда того, что надо сделать, остается больше, чем того, что сделано. Гибель, духовная смерть для христианина — сказать себе: я совершенен. Ибо цель христианского совершенствования — Божественное совершенство: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). Ведь путь христианина — это самый долгий путь из всех путей, лежащих перед каким бы то ни было существом и в каком бы то ни было мире. Это путь от земли до вершины небес и превыше небес — *к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 14), Который сидит одесную Бога Отца, превыше всякого ангельского Начальства, и Власти, и Силы, и Господства (ср. Еф. 1, 21). Если там наша конечная точка, наша цель, то сколь святыми во всем своем жителстве на земле нам тогда должно быть (ср. 2 Пет. 3, 11)? Чтобы достичь туда, надо связать все евангельские лестницы, которые только и доходят с земли дотуда. А эти лестницы — святыя таинства и святыя евангельские добродетели. Нужно жить в них постоянно, чтобы мы смогли достичь цели, *к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе*. Только Господь мог и смел поставить перед человеческим существом такую цель, потому что Он, единственный, дает силы для ее достижения. «Все делается с помощью Христа, без которой

и подвиг бывает неуспешен (без Его содействия никто не может пройти этот путь. — И. П.)»¹.

Всею душою молитвенно погруженный в это благовестие христонного апостола, святой Златоуст благовествует: «Ничто так не делает тщетными наших добродетелей и не надмевает нас, как памятование о соделанном нами добре. Оно производит двойное зло: делает нас беспечнейшими и гордыми. Потому-то Павел, знавший, что природа наша очень склонна к беспечности, и много похваливший филиппийцев, смотри, как удерживает их от гордости... *Братие, аз себе не у помышляю достигша*. А если и Павел еще не достиг и не имеет полной уверенности в своем воскресении и в будущем, то едва ли (возможно это) для тех, которые не совершили и малейшей части его добродетелей. (Апостол) выражает своими словами следующее: я еще не считаю себя достигшим полного совершенства... Я еще не все, говорит, совершил. Правда, в другом месте он говорит: *подвигом добрым подвизахся* (2 Тим. 4, 7), а здесь: *не у помышляю достигша*; но кто прочитает оба эти места, тот поймет причину тех и других слов... эти слова им сказаны гораздо прежде, а те пред кончиною. *Не у помышляю*, говорит, *достигша*, но об одном только думаю, чтобы простираться вперед; это и значат его слова: *едино, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, гоню к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14). Смотри, как он ясно показал этими словами, что побуждало его простираться вперед. Так, кто думает о себе, что он уже совершенен и что нет у него никакого недостатка для полноты добродетели, тот и перестает стремиться, как достигший всего; напротив, кто думает, что он еще далек от цели, тот никогда не перестанет стремиться к ней. Это и мы всегда должны помышлять, хотя бы мы совершили и весьма много доброго. Если Павел после бесчисленных смертей, после стольких бед помышлял об этом, то тем более мы. Я не упал (духом), говорит (апостол), и не пришел в отчаяние от того, что, совершивши такое поприще, не достиг, но еще стремлюсь, еще подвизаюсь. Я имею в виду только то, как бы успеть действительно. Так надобно

¹ *Феофил. [Болг.] Interpr. Ep. ad Philip., cap. 3, vers. 14 [Толк. на Флп. 3, 14; с. 526] // PG [124], 1188 A.*

поступать и нам — забывать добрые дела и оставлять их позади себя. Скороход думает не о том, сколько он пробежал поприща, но о том, сколько ему остается еще. И мы будем помышлять не о том, сколько совершили добрых дел, но о том, сколько еще остается нам (совершить)... И (апостол) не сказал: не помышляю, не помню, но: *забывая*, чтобы сделать нас внимательнее, так как мы тогда делаемся ревностнейшими, когда все усердие прилагаем к тому, что еще не сделано, когда сделанное предаем забвению. *Простираяся*, говорит, мы стараемся взять что-либо прежде, нежели достигли. Кто простирается, тот старается предупредить свои ноги, еще бегущие, остальными частями тела, протягиваясь вперед и вытягивая свои руки, чтобы как-нибудь выгадать в беге. Но это происходит от великого усердия, от сильного желания. Так-то надлежит стремиться тому, кто стремится, с таким-то тщанием, с таким-то усердием, а не на боку лежа; но сколько различается лежащий на боку от стремящегося сказанным образом, столько различаемся и мы от Павла. Он каждодневно умирал, каждодневно приобретал славу; не было случая, не было времени, когда бы его стремление не увеличивалось; он хотел восхитить, а не получить награду, потому что таким образом можно и получить ее. На небе пребывает Тот, Кто дает награду; на небе уготована награда.

Смотри, какое пространство: его-то нужно пробежать; смотри, какая высота: туда-то нужно взлететь на крыльях духа; а иначе нельзя пролететь на эту высоту. Туда должно перейти с телом; и это возможно: *наше бо житие на небесех есть* (Флп. 3, 20). Там наша награда... Приучи ноги твои ступать твердо: много ведь мест скользких, и если ты упадешь, то много потеряешь. Впрочем, если и упадешь, вставай, потому что и в таком случае можно победить. Никогда не ступай на предметы скользкие, и ты не упадешь; беги по местам твердым, головой к небу... Вверх гляди, — туда, где находится награда: самый вид награды усиливает решимость, боязнь поражения не дает чувствовать усталости и делает то, что долгий путь представляется коротким. Какая же это награда? Не финиковая ветвь, но что? Царство Небесное, вечный покой, слава со Христом, наследие, братство, бесчисленные блага, каких невозможно выразить. Нельзя изъяснить красоты этой

награды: постигает ее только тот, кто получил ее, и тот, кто имеет получить ее. Она не из золота, не из драгоценных камней, но гораздо драгоценнее их: золото пред этой наградой — грязь, драгоценные камни пред красотой награды — кирпичи. Если ты, удостоившись ее, отойдешь на небо, то великою честью будешь пользоваться там; с такую наградой будут почитать тебя и ангелы, с великим дерзновением ты будешь общаться со всеми»¹.

Вот всеобщее благовестие и заповедь: *елицы убо совершенни, сие да мудрствуим* (Флп. 3, 15). Это значит, что мы, христиане, совершенны по своему призванию, по своему *вышнему званию*. Ибо наше призвание, определенное нам Богом, Творцом и Спасителем нашим, — стать совершенными, как Бог (ср. Мф. 5, 48; Еф. 4, 13–15). С самого начала, со святого Крещения мы находимся на этом пути совершенства, на пути, который завершается христолитким совершенством: *подобни Ему будем* (1 Ин. 3, 2), то есть как и Сам Богочеловек Господь Иисус Христос. *Сие да мудрствуим*, то есть надо мыслить так, как объяснил святой апостол: Христос и жизнь в Нем — все и вся, все же остальное — уметы, нечистоты, тщета. Если мы не мыслим так, то нам не ведомо, ни что есть Богочеловек, ни что Церковь, ни что христианство, ни что оно нам дает, ни что требует от нас. Всякое умаление, сокращение, упрощение, антропоморфирование христианской цели уничтожает христианство, обессоливает его, оземляет его, превращает в обычную человеческую, гуманистическую религию, гуманистическую этику, гуманистическую науку, гуманистическое объединение, гуманистическое произведение. Однако только мысля подобно святому апостолу Павлу, мы правильно мыслим о Христе и христианстве. *И еже аще ино что мыслите, и сие Бог вам открывает* (Флп. 3, 15). То есть, если в чем-то вы и расходитесь в понимании, но искренно и нелицемерно, Бог вас наставит и откроет вам истину. Всегда необходимо проверять свои мысли Божиими мыслями. А они — в Господе Христе, а Господь Христос — в Его Богочеловеческом теле, Церкви, в которой обитает Дух Святой, *Дух Истины*, который всякого ревнителя веры наставляет через

¹[Ио.] *Злат.* Там же. Homil. XII, 1–2 [Бес. XII, 1–2 на Флп.; с. 324–326] // [PG 62], 269–272.

святых апостолов и святых отцов во всякую истину, касающуюся Господа Христа и нашего спасения (ср. Ин. 14, 16; 16, 13–16).

Толкуя пятнадцатый стих [Флп. 3, 15], святой Златоуст говорит: «Свойство совершенного — не считать себя совершенным... если кто думает (и иначе), что он совершил все добродетели... *Бог вам открывает...* (Апостол сказал: *Бог вам открывает*. — *И. П.*), чтобы показать, что дело происходит преимущественно от неведения. Это сказано не о догматах, но о совершенстве жизни, и о том, чтобы не считали себя совершенными, так как кто думает о себе, что он уже достиг всего, тот не имеет ничего»¹.

Все, до сих пор сказанное апостолом, составляет правило (*κανών*), обязательное правило для всех христиан всех времен. Оно всегда одно и то же и одно и то же для всех. Духоносный апостол предписывает его всем христианам как правило жизни и как правило мышления: *тоже да мудрствуем и темже правилом жителствуем* (Флп. 3, 16). Только *мудрствуя* по этому правилу и живя по нему, можно достичь *в воскресение мертвых*, к цели, к *почести вышнего звания Божиего о Христе Иисусе* [Флп. 3, 14]. Главное — постоянно течь к цели. Как? Через святые таинства и святые добродетели. Это правило нашей жизни на земле. *В неже достигохом* к сегодняшнему дню, достигли, *мудрствуя* и живя согласно этому правилу. *Дабы достигь и остального*, нам необходимо и далее *тоже да мудрствуем и темже правилом жителствуем*. Правильно мыслить, правильно жить возможно, если все существо наше устремлено к цели, к *почести вышнего звания Божиего о Христе Иисусе*. Мы живем на земле, постоянно имея в виду цель превыше всех небес, и спешим к ней через все свои мысли, и чувства, и желания, и дела. Так мы живем небом на земле.

Но чтобы никто не подумал, что невозможно жить на земле небесною жизнью, святой апостол сразу приводит примеры такой жизни: *подобни ми бывайте, братие, и смотряйте тако ходящия, якоже имате образ нас* (Флп. 3, 17). А мы? И мы такие же люди, из того же материала, мы предлагаем вам то, что, как вы видите, мы делаем сами. Мы — ваши современники, живущие с вами на той же земле, под тем же небом, в тех же условиях.

¹[Ио. Злат.] Там же. Homil. XII, 2 [Бес. XII, 2 на Флп.; с. 326] // [PG 62], 272–273.

Мы по всему — родные, братья. Вы можете сказать: Господь Христос Божественно возвышен, неподражаемо возвышен, как можно нам, слабым и немощным, жить Им и в Нем? Да, но я не требую от вас, чтобы вы подражали Ему, Он — Бог и Господь; но берите пример со своих братьев и с меня, мы такие же люди, как и вы. Мы желаем одного, об одном молимся: *да себе образ дамы вам, во еже уподобиться нам* (2 Сол. 3, 9). Подражать Христу не тяжело, от нас требуется только ревностная вера, а Он Сам щедро подает все благодатные силы, необходимые для небесной жизни в Нем. А для такой веры необходима только наша решимость. Скажите, разве много от нас требуется? Это та малость, которую всякое человеческое существо может дать от себя. И за это столь малое усилие какую мощь, какое богатство он обретает! Вот я: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (Флп. 4, 13), *подобни мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. 4, 16). Нужно только рвение, как можно больше рвения! А ревностным всемогущий человеколюбивый Господь непрестанно подает благодатные силы по мере их ревности, чтобы они могли с радостью упражняться в евангельских подвигах на своем пути к небесной цели, *к почести вышнего звания о Христе Иисусе*. Если вы обнаружите безмерную ревность, то обретете и Духа Святого без меры, *не в меру бо Бог дает Духа* (Ин. 3, 34). И тогда вы всем существом ощутите и увидите, что христианство есть уподобление Христу, уподобление воплощенному Богу, Богу во плоти. И поэтому *бывайте подражатели Богу* (Еф. 5, 1), живите так, как жил во плоти Бог, Бог, который стал человеком. Для того Он и стал человеком, чтобы научить нас такой жизни и дать нам силы к ней. Если бы не это было целью Его вочеловечения, Он бы спасал нас от греха, смерти и диавола каким-нибудь иным способом, не становясь человеком и не оставаясь навеки с нами как Богочеловек в Богочеловеческом теле Церкви.

Это подражание Христу не внешнее, воображаемое, но внутреннее, всестороннее жительство во Христе, всестороннее восприятие Христа, всестороннее сообразование Христу. Одним словом, всестороннее вохристовление и охристовление, а через это — всестороннее охристоличие. Человек всем существом вживается во Христа, совоплощается Христу, входит в тело Его Богочеловеческое и весь

живет Им, в Нем, от Него. Это не внешнее подражание, а внутреннее переживание. Это не внешняя маскировка под Христа, а внутреннее созидание себя Христом. А все это происходит и совершается с нами в Богочеловеческом теле Христовом — Церкви. В ней мы благодатно-добродетельно уподобляемся Господу Христу, переживая Его, как нашу жизнь — вечную жизнь, как нашу любовь — вечную любовь, как нашу истину — вечную истину, как наше благовестие — вечное благовестие, как нашу радость — вечную радость, как наше все и вся во всех мирах.

Жизни во Христе противостоит жизнь без Христа и вне Христа. Ею живут противники Христовы, *враги креста Христова* (Флп. 3, 18). Разве есть такие? Разве могут такие быть? Крест Христов — спасение мира от смерти, от греха, от диавола, от ада. Крест — сила Божия и крест — столп всего евангельского слава Божия, а поэтому человеческая сила и человеческая слава. Крест Христов — столп новой жизни, вечной жизни на земле: столп апостольства, столп мученичества, столп исповедничества, столп подвижничества, столп святительства — словом, столп всего евангельского: и веры, и надежды, и любви, и молитвы, и поста, и кротости, и терпения, и смирения, и бесстрашия, и обожения, и обогочеловечения. Да, *сила Божия* [Рим. 1, 16], благодаря которой люди одолевают все смерти, все грехи, всякое зло. Быть против креста? Это действительно достойно плача. Поэтому святой апостол, плача, говорит о врагах креста Христова (Флп. 3, 18). Ведь враги креста Христова — враги прежде всего самим себе и другим, ибо убивают себя не одной смертью, но сотнями, сбрасывают себя не в один ад, но в тысячи. Очевидно, что они враги своего бессмертия, своего рая, своего спасения, своего Божественного назначения. А тем самым они враги и спасению своих ближних, и бессмертию своих ближних, ибо они могут их соблазнить, и столкнуть с пути спасения, и свергнуть в бездну смерти духовной.

Сознают они то или нет, враги креста Христова — ученики диавола. Ибо он главный враг креста Христова, он и приводит людей к этой вражде. И через это порабощает их себе. И так он держит их в рабстве смерти, и греха, и зла. Он *човекоубийца бе искони* (Ин. 8, 44), через врагов креста Христова вершит свое

исконное дело, грехами убивая человека за человеком. Лишь христиан, которые защищаются от Него крестом Христовым, побеждают его во всех бранях и так спасают себя от всякого греха, от всякого зла, от всякого искушения, он одолеть не может.

Антиохийский Златоустый евангелист благовествует: «Всего неприличнее и несвойственное христианину — искать праздности и покоя; ничто так не противно призванию нашему и воинствованию, как сильная привязанность к настоящей жизни. Твой Владыка был распят, а ты ищешь покоя? Твой Владыка был пригвожден, а ты предаешься удовольствиям? Это ли дело благородного воина? Потому и Павел говорит: *мнози ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же, и плача, глаголю, враги креста Христова.* Так как были люди, которые лицемерно держались христианства, а жили в праздности и неге — что противно кресту, — поэтому (апостол) и говорит таким образом. Крест составляет принадлежность души, выступившей на борьбу, готовой на смерть и во все не ищущей покоя; а они живут совсем напротив. Итак, хотя они называют себя Христовыми, но они враги креста: иначе, если бы они любили крест, то старались бы проводить и жизнь, свойственную Распятому. Не распят ли был твой Владыка? Если ты не можешь так же [распяться], можешь другим образом подражать Ему: распинай самого себя, хотя бы и никто не распинал тебя; распинай, говорю, себя, не для того, чтобы умертвить себя, — отнюдь нет, это и незаконно, — а по слову Павлову: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14).

Если ты любишь твоего Владыку, умри Его смертью: познай, как велика сила креста, какие благотворные производил он и производит действия, какое он прибежище в жизни. Им совершается все: Крещение — крестом... рукоположение — крестом и вообще, бываем ли на пути, или дома, или в другом каком месте, — крест великое благо, спасительное оружие, непреодолимый щит, неприязненный диаволу. Итак, когда ты ратуешь против него, то уже несешь крест, не просто напечатлевая (на себе знамение креста), но претерпевая страдания креста. Христос крестом обыкновенно называет страдания, когда говорит: *ижже не примет креста своего и в след Мене грядет* (Мф. 10, 24), то есть, если кто не готов на смерть. А люди чувственные, любящие жизнь и плоть, являются

врагами креста; да и всякий, преданный удовольствиям и земному спокойствию, есть враг креста»¹.

Что ожидает врагов креста? *Имже кончина погибель* (Флп. 3, 19). Ибо, отвергая крест Христов, они отвергают единственное оружие, которым могут победить грех, смерть и диавола и тем спасти душу свою от гибели во грехе и вечной смерти. Грехом диавол убивает людей. Ибо грех — смерть души. Все смерти, сколько их ни есть, приходят к людям через грех. Враги креста Христова на самом деле — друзья своей погибели, ибо всеми силами работают на свою погибель. Безумие? Да, ибо это безумнейшее самоубийство. Всякое самоубийство безумно, это же — самое безумное. Враждебность ко кресту — это уже самоубийство, которому в безумии нет равных.

Человек таков, каков его Бог. И враги креста Христова имеют своего бога. *Имже бог чрево* (Флп. 3, 19). Нет более ни отвратительного божества, ни более безумного идолопоклонства. *Бог — чрево.* Это значит наслаждения, и страсти, и мерзость, провозглашенные божеством. чрево — бог

Не есть ли это последнее и окончательное извращение человеческого существа? Последнее дно, на которое человек может пасть? Жесточайшее безумие, которое только может охватить человеческую природу? Ибо ничего противнее этого люди не могли выбрать себе в божества. Менее безумно боготворить камень, дерево, птицу, кошку или любое другое животное, нежели свое чрево. Все сводить к чреву: и душу, и совесть, и мысль, и чувство; чревом мыслить, чревом размышлять, чревом быть человеком, ради чрева жить, в чреве видеть все, чрево провозгласить богом — есть ли что безумнее этого? Чрево — бог! Действительно это достойно плача и рыдания...

Врагам креста Христова *слава в студе их* (Флп. 3, 19). Видеть во чреве бога — разве это не величайший стыд для боголикой человеческой природы? Слава человека — спастись Христом от греха, от его смрада, от его грязи и стяжать бессмертие и жизнь вечную. Враги же креста Христова — враги истинной славы человеческой,

¹[Ио.] Злат. Там же. Nomil. XIII, 1 [Бес. XIII, 1 на Флп.; с. 331–332] // [PG 62], 275–277.

а друзья стыда человеческого, греха и всех зол. Ибо они наслаждаются ими, славят их. Их слава в их злосмрадном стыде. Грех — позор для человеческой природы; и смерть — позор, и диавол — позор. Отвергая крест, люди отвергают единственное средство, которое смывает позор с человеческой природы и освещает человека Божественной славою, в которой тот начинает жить. Они позор считают славою — о, сколь искажена и извращена логика, и душа, и ум, и сердце у врагов креста Христова. Все, что неестественно и ненормально, для них стало естественным и нормальным. Но все их извращения и ненормальности происходят из их основной аномалии: из того, что чрево они считают богом. Живущее в сластолюбии и грехолюбии, их существо со временем вскипело позором, и мы видим перед собою людей, *воспняюща своя стыдения* (Иуд. 11, 3). И хвалятся ими: в стыде видят свою славу, в грехе — блеск, в аду — рай.

Враги креста Христова *земная мудрствуют* (Флп. 3, 19), ибо они оземлили свой боголикий ум, претворили его в брение, в раба брения. Их душа оземлена и вся отдает землей. Мысли их волочатся по земле, как черви, бескрылые и бессильные оторваться от земли. Потому и земной мир они считают всем и вся. Проанализируйте любую их мысль или чувство, они отдают землею. Мысль же по происхождению небесна и дана человеку, чтобы связывать его с небом, с иным миром, с Богом, с вечным. Но они умалили ее, укоротили, принизили, так что она начала ползать по земле и питаться земным. Поэтому ничто небесное, ничто Божественное, ничто бессмертное их не интересует. Они даже не признают этого. Во всем они противоположны христианам. Ибо у христианина основное правило — мыслить о том, что *горé*, на небе, там, где Христос сидит одесную Бога, и жить небесною жизнью во Христе (ср. Кол. 3, 1–4). Какова мысль, такова и жизнь. Если человек мыслит земное, то и живет земным и ради земного; если мыслит небесное, то и живет небесным и ради небесного. Кто мыслит земная, ненавидит крест Христов, ибо он влечет человека в горние миры, Божественные, вечные и светлые.

«Ничто не может более возбудить стыд, — говорит святой Златоуст, — и быть укорительнее этого изречения: *имже бог чрево*,

и слава в стыд их. Кто это такие? Те, которые *земная мудрствуют*, которые говорят: мы построим дома. Где? На земле. Говорят: купим поля, — опять на земле; получим власть, — опять на земле; достигнем славы, — тоже на земле; разбогатеем, — все на земле. Вот те, *имже бог чрево!* Те, которые не думают о духовном, которых все заботы и помышления ограничиваются землею, поистине имеют богом чрево, говоря: *да ямы и пием, утре бо умрем* (1 Кор. 15, 32). И после того ты еще сетуешь, что тело твое из земли, хотя это нисколько не вредит тебе по отношению к добродетели; между тем, скажи мне, ты смеешься и забавляешься, низводя удовольствиями душу до праха, и вовсе не думая об этом? Какое же прощение получишь ты, повергнув себя в такую бесчувственность, тогда как и самое тело должно сделать духовным? И это возможно, если бы ты пожелал. Тебе дано чрево для того, чтобы питать, а не расширять его; чтобы управлять им, а не подчиняться ему, чтобы оно тебе служило для питания прочих частей, а не ты ему служил, — не для того, чтобы ты выходил из границ. Не столько зол причиняет выступившее из берегов море, сколько желудок вредит телу нашему и вместе душе. Море потопляет всю землю, а желудок (обременяет) все тело. Положи ему предел довольство, как Бог оградил море песком. И если он волнуется, если свирепствует, — запрети ему властью, тебе данною. Смотри, как Бог почтил тебя разумом, чтобы ты подражал Ему; а ты не хочешь, но, видя желудок переполненным и расстраивающим всю твою природу, и обращающимся в болото, не смеешь сдерживать и сделать умеренным»¹.

Самой природой своего существа человек призван одновременно жить в двух мирах: на земле, ибо его тело из земли, и на небе, ибо его душа с неба. Тем более это касается человека с тех пор, как Богочеловек стал Церковью; ведь Церковь — это Богочеловеческий организм, который охватывает собою и земной мир, так что каждый член Церкви одновременно живет в обоих мирах: и на земле, и на небе. Потому богомудрый апостол и возглашает благовестие: *наше бо житие на небесех есть, отонудоже и Спасителя*

тайна христиан-
ской жизни

¹[Ио. Злат.] Там же. Homil. XIII, 1 [Бес. XIII, 1 на Флп.; с. 333] // [PG 62], 278.

ждем, Господа нашего Иисуса Христа (Флп. 3, 20). Вот тайна христианской жизни: на земле христиане живут небом; ступая по земле, они ведут небесную жизнь. Как? Живя Господом Христом. А Он, Богочеловек, весь с неба, и весь от неба, и весь на небе. Воплотившись, Он принес людям правила и силы небесной жизни и все это сохранил в теле Своем — Церкви. Поэтому, хотя жителство христианина и проходит на земле, живет он на небе по небесной Истине, небесной Правде, небесной Любви — по Богу и Господу нашему Иисусу Христу. Так, живя Церковью и в Церкви, христиане землю превращают в небо: они на земле небесно мыслят и живут небесно. Они — земные ангелы и небесные человеки. Как и называют совершеннейших христиан — святых. По своему призванию все христиане — земные ангелы и небесные человеки. Ибо одно Евангелие, одна Истина, одна Любовь, одна Жизнь, один Бог, одна Церковь и для ангелов на небе, и для людей на земле. Если человек держится евангельской заповеди, он уже живет небесною жизнью на земле, уже отчасти земной ангел и небесный человек. А когда он полностью начнет жить по Христову Евангелию, то весь станет земным ангелом и небесным человеком. Наша небесная жизнь начинается здесь, на земле, чтобы без конца и края продолжаться на небесах, *отнюдоже и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа*. И мы знаем, где Он: телом на небе, превыше всех небес, а Божеством в Церкви. В ней всей, ибо она вся Его, вся Божия, вся святая, вся Святого Духа.

И *тело смирения нашего* (Флп. 3, 21) должно пройти путь, который прошло тело Христово: от земли до вершин неба, превыше всех небес, *идеже есть Христос, одесную Бога сидя* (Кол. 3, 1). Близнец души, наше тело вместе с душою устремляется через евангельские подвиги к небесной цели, *к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 14). Ибо Господь сошел в наш земной мир спасти и прославить всего человека: не только душу, но и тело. Для того Он и стал *плотью* (Ин. 1, 14). Победив мир воскресением тела и вознеся тело превыше всех небес, чтобы вечно восседать одесную Бога, Господь Христос и тело прославил вечной Божественной славою. С той целью, чтобы так прославить всякое тело человеческое, которое захочет уверовать в Евангелие и жить по Евангелию.

И когда Он во второй раз придет в наш мир, Он придет в теле славы Своей прославить Своих последователей. Тогда в бесконечном Своем человеколюбии Он *преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его* (Флп. 3, 21). А тело наше было унижено грехом и смертью, самым глубоким унижением, которое могло нас постигнуть. Но победив грех и смерть силою Христовою, тело удостоивается славы тела Христова: вечной и блаженной жизни в вечном царстве Трисолнечного Божества. И все это наше тело, тело человеческое, обретает как сотелесник Богочеловеческого тела Христова — Церкви.

Господь Христос — весь в Церкви, а христианин — весь в Господе Христе Церковью, ибо только в Церкви он воспринимает всего Господа Христа, особенно же воскресение Спасова, этот алмазный венец Спасова Богочеловеческого домостроительства спасения мира. Поэтому христоносный апостол благовествует и предписывает христианам: *аще убо воскреснусте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос, одесную Бога сидя* (Кол. 3, 1). Он восседает как Богочеловек в человеческом теле. А где Он, тут должен быть и всякий христианин. Ибо христианство — это не что иное, как непрерывное переживание Христа, переживание Его жизни от начала до конца. Христианин является христианином, если каждое мгновение переживает что-то Христово, что-то евангельское. Его призвание — всегда жить как тот, кто воскрес со Христом из мертвых; всегда поступать, как бессмертный (ср. Кол. 3, 3). Бессмертный бессмертен тем, что в этом мире смерти он живет вечным и бессмертным. Он непрерывно ищет бессмертного и вечного, питаюсь им, ибо бессмертный питается бессмертием. Весь в ощущении и сознании того, что он воскрес со Христом, он ищет того, что *горé*. А это не что-то неопределенное и неясное, а Божественно определенное и ясное, как и сам Господь Христос Богочеловек. Ибо *горé* — это там, *идеже есть Христос, одесную Бога сидя*. А это само Трисолнечное Божество со всеми Своими Божественными совершенствами. Христианин жаждет не какой-то туманной, абстрактной, трансцендентной, пустой бесконечности, а бесконечности, исполненной Господом Христом и Его несказанными Богочеловеческими

христианство —
 непрерывное
 восприятие Христа

совершенствами и благовестиями. Бесконечность без Христа? Разве это не бесконечная мука для человеческого духа? Ад — это не что иное, как бесконечность без Христа, бессмертие без Христа. Жить бессмертно без Господа — вот, что составляет вечные адские муки. Здесь человек постоянно и вечно переживает себя только как себя, свое бессмертие и вечность наполняет только собою — какое томление, какой ад! А христианин? Все его миры, все его бессмертие и вечность полны чудесным Господом Христом, и в них он постоянно переживает Его бессмертное благовестие и вечные радости — какое очарование, какой рай! В этом мире он серьезно и радостно живет как человек, который со Христом воскрес из мертвых, восстал из гроба эгоизма и самозамкнутости, победил все смерти и вошел в новую, широкую, Богочеловеческую жизнь, в которой живут бессмертными Божественными силами Воскресшего и Вечноживого (ср. Рим. 6, 13).

Если человек христианин, он будет искать того, что вознесшийся Господь имеет и подает Своим последователям. А Он желает, чтобы они были там, где Он (ср. Ин. 17, 24). Это значит, что Он желает, чтобы ты сделал своим то, что Он как Богочеловек даровал нам, став Церковью: чтобы Его любовь стала твоею, чтобы Его правда стала твоею, чтобы Его истина стала твоею, чтобы Его преобразование стало твоим, чтобы Его смерть, и воскресение, и вознесение стали твоими — словом, чтобы всецелое Его Евангелие и вся Его Богочеловеческая жизнь стали твоими. Ведь христианство состоит в охристовлении себя с помощью непрерывного переживания Христа и всего, что Христово. *Живу же не тому аз, но живу во мне Христос* (Гал. 2, 20). Да, христианство — это жителство Христом. Каждый христианин переживает это, но по мере своей ревности. А тот, кто не переживает, разве это христианин? Не говори: не могу, я слаб. А как могло столько христиан в течение стольких веков до тебя, да и сегодня вокруг тебя? И они люди, из того же материала, что и мы. Нам недостает решимости и веры. Если мы их проявим, то обретем силы для восприятия Христа. Вот же они в изобилии в Церкви Его для каждого из нас. Всегда в изобилии, как во дни святых апостолов, так и во дни святого Саввы, так и в наши дни. Более того, у нас меньше оправдательных причин для нехристианской жизни, чем у наших

близких и далеких предков по вере. Ибо перед нами больше свидетелей Господа Иисуса, чем было перед нашими предками в эпоху святого Саввы, и несравненно больше, чем в эпоху святых апостолов. Сколько новых святых, новых праведников явилось в Церкви с той поры до наших дней! Разве это не причина и не стимул решительнее и смелее идти за Господом Христом, чем это делали наши предки? Праведность тех праведников в том, что они непрестанно переживали Евангелие Христово, жили Его Богочеловеческой жизнью в Его Богочеловеческом теле — Церкви, постоянно ища того, что *горé, идеже есть Христос, одесную Бога сядя*. И так они стали бессмертниками Христовыми, теми, кто и ныне живет в Церкви Христовой, только сильнее, полнее, крепче и влиятельнее, чем во дни своих земных подвигов, помогая обильно всем, кто их призывает на помощь, чтобы жить евангельской жизнью.

С этой целью богомудрый апостол предписывает: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 2). Вот философия «по Христу» — мыслите *горняя*, о том, что во Христе, вознесенном и прославленном. Философия «по Христу» приобретает только жизнью во Христе; жить Христом, мыслить Христом — это и означает быть христианином. Когда святой апостол повелевает: *горняя мудрствуйте*, он еще в предыдущем стихе говорит, что это значит: мыслите о том, что Христово. Ибо «Христово» — цель мысли, ее конец, ее совершенство, ее вершина; далее идти некуда и невозможно. Ибо что может быть совершеннее и бескрайнее Него, Бога Слова и человека — Богочеловека? В Нем все высочайшие вершины для человеческой мысли, никакая смерть сюда не достигает; здесь мысль пребывает в бессмертии, пребывает в Боге, блаженствует. Это высочайшая вершина, до которой человеческое существо поднялось, несомое и возносимое Единым, воистину Единым Истинным Человеколюбцем — Богочеловеком Христом. Со дна земной бездны до вершины небес и превыше всех небес — вот цель, вот размах, вот диапазон человеческой мысли. Поэтому мысль христианина постоянно воскресает из земного, из пыльного, из смертного и проникает в небесное, в бессмертное, в вечное. Сожительство Христу, сострадание, совоскресение, совознесение, словом, совоплощение Христу — это путь и жизни христианина,

философия
«по Христу»

и мысли христианина. Земля и все, что на ней, — это песчинка для нашей мысли, ее отправная точка. Она вся увлечена воскресшим Богочеловеком в Его бесчисленные небесные миры. А там горé, *идеже есть Христос, одесную Бога сидя* (Кол. 3, 1), наша мысль вся рассыпается светом во все Божественные бесконечности и бессмертия. Для нее нет пропасти между этим и тем миром, между землей и небом: Господь Христос перебросил через нее мост, ибо Своим Богочеловеческим телом связал все земные и небесные миры. Слово лестницей Иакова, по которой сходят и восходят не только ангелы, но и люди. Да, Христовы люди. Не зря человеколюбивый Спаситель сказал: *аминь, аминь глаголю вам, отселе узрите небо отверсто и ангелы Божия, восходящая и нисходящая над Сына Человеческого* (Ин. 1, 51). А в Церкви ангелы смешаны с людьми; и люди стали земными ангелами и непрестанно восходят к Господу Иисусу, Который сидит одесную Бога, ища *горняя*. Всякая христоролюбивая мысль — словно ангел, который возносится от земли в открытые Христом небеса, превыше которых Он царит и господствует над всеми мирами и неодолимо привлекает к Себе все, что пробуждено к своему Божественному назначению. Для мысли христианина нет смерти, он побеждает всякую смерть силою Воскресшего. Поэтому такая мысль, по сути, — единственная свободная мысль, ибо она бессмертна Божественным бессмертием. Мысль человека логосна по природе, она не от земли, поэтому она неболюбива и христоролюбива. И когда святой апостол требует, чтобы мы мудрствовали *горняя*, он требует того, что соответствует природе человеческой мысли: чтобы мысль завершилась Христом Богом, чтобы она преобразилась в христомысль, в богомыслие; чтобы она вечно пребывала в Господе Христе (ср. Флп. 4, 7). В этом ее природное совершенство, в этом и ее вечное блаженство. Только как христомысль человеческая мысль обретает себя, свою настоящую жизнь, свое Божественное бессмертие и представляет собою истинное благовестие. А до той поры она — не что иное, как горьковестие. Погруженная в смертное, в греховное, в земное, в демоническое, разве она не в аду, где нет конца горечи? Но она Богом Словом создана логосной, чтобы быть человеку первым благовестием, первым евангелием. А прежде всего благовестием для себя самой.

Господь Христос, как Богочеловек, первый и единственный открыл нам Божественную тайну человеческой мысли: мысль человеческая в сущности есть праблаговестие, праевангелие.

Со Христом, Который, как Богочеловек, стал Церковью, человеческая природа вступает в благодатно-добродетельный подвиг обогочеловечения, охристовления, оцерковления. Все Христово постепенно становится нашим. Поэтому святой апостол и благовестует христианам: *умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (Кол. 3, 3).

человеческое
 обогочеловечение —
 охристовление —
 оцерковление

Умросте смертью Христовой в Крещении и Его спасительной смертью победили смерть и вновь, в Крещении, воскресли Его Божественною силою в жизнь вечную. Отсюда и тайна вашей жизни в Нем, и сила, и бессмертие, и вечность. Ибо христианин тем и христианин, что он весь во Христе, всей тайной своего существа. Смерть не имеет более власти над ним, но он имеет власть над нею, ибо он весь в Едином Бессмертном и Безгрешном. *Умросте* миру, умерли смерти, умерли греху, умерли всему переходящему, тленному, земному и воскресли со Христом, ожили с Ним для всего, что Божественно, бессмертно, вечно. Пока человек не умрет и не воскреснет со Христом, вся жизнь его окружена и пленена смертью. Если он крестится крещением Христовым, то всем существом своим он становится Христовым, вся жизнь его *сокровенна есть со Христом в Бозе*, сокрыта от всякой смерти, от всякого зла, от всякого диавола. И уже на земле он живет жизнью вечною.

Жизнь со Христом в Бозе. На самом деле такой должна быть жизнь человеческая. Ради этого люди и сотворены, ради этого Богочеловек и пришел в наш мир, и принял на Себя нашу жизнь, чтобы привести человека к его Божественному назначению и цели. А его Божественное назначение — богожителство. Такой была наша жизнь в раю — богожителством. Грех отделил нас от Бога и соединил с...? Диаволом. С этого момента наша жизнь стала своеобразным диаволо-жителством. Богочеловек для того и пришел в наш мир, чтобы жизнь нашу освободить от греха, смерти, диавола, и обратить ее от диаволожителства к богожителству. Это мог сделать только Богочеловек, ибо Он в Себе соединил

нашу жизнь с Богом, так что наша жизнь снова стала богожителем: жизнью, сокровенной *со Христом в Бозе*. Став человеком, Бог Слово стал жизнью нашею и Своей жизнью показал, что есть богожителем. Богочеловек — это богожителем: вся жизнь в Боге, от Бога, ради Бога, Богом. Богочеловеческая жизнь Христова — единственная настоящая, нормальная человеческая жизнь. Поэтому и Церковь — Богочеловеческое тело с Богочеловеческою жизнью. В ней наша жизнь — богожителем, сокровенное *со Христом в Бозе*. В ней мы, люди, проживаем свою человеческую жизнь как Богочеловеческую жизнь. Наше житие в ней, действительно, — *житие на небесах есть* (Флп. 3, 20).

Бог Слово явился на земле как Богочеловек, как Церковь и открыл в ней Себя — Единственную Святыню из Святынь, а с нею и в ней — все несказанные Божественные блага. И в Богочеловеческом теле Церкви христиане благодатью Божией переживают жизнь Господа Христа от начала до бесконечного конца. Поэтому богославный апостол и благовестует: *егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитесь в славе* (Кол. 3, 4). От начала и до конца жизнь христианина есть жизнь во Христе. И не только во Христе, но *Христос — живот наш*. Вот самое совершенное определение жизни, вот что такое есть жизнь: Христос — жизнь. Если человек это пережил, то он христианин. Если он так верит и чувствует, он христианин. В этом — непреходящая грандиозность и Божественное величие человеческой жизни. Вы распялись со Христом, умерли со Христом, воскресли со Христом, вознеслись со Христом, поэтому *и вы с Ним явитесь в славе*, когда Он второй раз придет в наш мир. Ваша жизнь — непрерывное переживание Его жизни, от начала до конца. На самом деле, в нашей христианской жизни нет ничего нашего, а все Христово. Все, что в нас есть евангельского, Божественного, бессмертного, вечного, разве это не от Него? Нет сомнений, все наше — наше Им и от Него: и мысль — христомысль, и ощущение — христоощущение, и жизнь — христожителем. Вечную истину возглашает святой апостол, когда благовестует: *несите свои*. (1 Кор. 6, 19). Все ваше — Христово, но поэтому и все Христово — ваше: *вся ваша суть, вы же Христовы, Христос же Божий* (1 Кор. 3, 22–23).

По-херувимски ревностно углубляясь в апостольское благовестие, святой Златоуст благовестует: апостол «спешит перенести их (Колоссян. — *И. П.*) (от земли), старается показать, что они находятся на небе, что уже умерли, давая из того и другого понять, что не должно искать здешнего (земного). Если вы умерли, то вам не должно искать (здешнего), если вы на небе, то не должно искать (земного). Не является Христос, значит и жизнь ваша еще не наступила, — она в Боге, на небе. Итак, что же? Когда мы будем жить? Когда явится Христос — жизнь ваша, тогда ищите и славы, и жизни, и радости... Смотри, как он перенес их в самое небо. Он, как я сказал, всегда старается показать, что они (верующие) имеют то же, что Христос. Во всех посланиях своих он говорил об этом, чтобы показать, что они имеют во всем общение с Ним. Для этого он говорит и о главе, и о теле, и делает все, служащее к объяснению этого... Если настоящая жизнь — не жизнь, если жизнь сокровенна, то мы должны проводить настоящую жизнь, как мертвые... Итак, оскорбляют ли нас, другое ли что терпим, не будем скорбеть, так как настоящая жизнь — не наша жизнь: мы странники и пришельцы. *Умросте бо*, говорит. Кто настолько безрассуден, чтобы для мертвого и погребенного тела покупать рабов, или строить дома, или готовить драгоценные одежды? Никто. Потому и мы не должны поступать так. Мы обыкновенно желаем только одного: не быть обнаженными; и здесь также будем искать только одного. Наш первый человек погребен; не в земле погребен он, но в воде; не смерть победила его, но Победителем смерти он погребен; не по закону природы, но по повелению власти, более сильной, чем природа... О нем радуются все: и ангелы, и люди, и Владыка ангелов. Для этого погребения не нужно ни одежд, ни гроба и ничего подобного»¹. «Жизнь истинных христиан есть будущая жизнь»². «Они (христиане. — *И. П.*) пребывают горю (на небе. — *И. П.*) и живут иной жизнью, которая в Боге и невидима для очей телесных»³.

¹ [*Ио. Злат.*] Там же. Homil. VII, 2 [Бес. VII, 2 на Кол.; с. 412–413] // [PG 62], 346–347.

² [*Икум.*] Там же. Cap. 3, vers. 3 [Col., cap. VIII] // [PG 119], 41 B.

³ *Феофил.* [Болг.] [Толк. на Кол. 3, 3; с. 568] // [PG 124], 1253 C.

Как воплощенный Господь становится всем и вся в человеке? Чтобы достичь этого, что должны христиане делать? Вот что, заповедь весьма проста и ясна: *умертвите убоudy ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение* (Кол. 3, 5). Умертвите их, ведь они живут, действуют, работают. Они образуют нечто наподобие тела, в котором вы живете и органы которого действуют согласно вашей воле, по приказу вашего грехолюбивого сердца, по мыслям вашего огреховленного ума. С их помощью вы срослись с землей, с ее крошечным миром, который *весь во зле лежит* (1 Ин. 5, 19). Живые части вашей души, они как бы составляют ваши чувства: ваше зрение, которым вы ищите зло; ваш слух, которым вы слушаете зло. Пока вы их не умертвите, вы не сможете ни *горняя мудрствовати* [Кол. 3, 2], ни жить *со Христом в Бозе*. Умерщвление этих страстей и составляет начало нашего жителства во Христе. Ибо прежде надо вырвать сорняки, терние и пырей с нивы души нашей и после засеять ее семенем евангельских небесных добродетелей. Тогда мы станем всем существом расти к небу и искать *вышних... идеже есть Христос, одесную Бога сидя* (Кол. 3, 1).

Прежде умертви блуд, похоть, ибо это страсть, страшно приковывающая к земному, к смертному, к преходящему. Как этого достичь? Деланием евангельских добродетелей, прежде всего молитвой и постом. Всякая евангельская добродетель вытесняет блудные желания и разбивает блудные настроения и похотливые распаления, а молитва в соединении с постом полностью их умерщвляет и убивает. И если потом они и появляются в виде искушений, то появляются как избитые и бессильные призраки, которые сила Честного креста разрывает как паутину.

После блуда святой апостол вспоминает о нечистоте. Нечистота происходит от всякого греха и от всякой страсти. Своим жалом всякий грех разливает в душе нечистоту, ибо нечистота — кровь всякого греха. В конечном итоге вся нечистота происходит от нечистых духов. Они и называются «нечистыми», потому что всякое зло, и самое большое, и самое малое, по своей природе — нечистота и разливает нечистоту по существу человеческому, как только в нем появится. Происходя от нечистых духов, нечистота является

живой силой, которую необходимо умертвить. Но она умерщвляется, когда мы умерщвляем ее творцов: грехи, а за ними — нечистых духов. Мы сможем это осуществить, только если вооружимся всеоружием Божиим, то есть всеми Божественными добродетелями (ср. Еф. 6, 11–18). Вооруженным таким образом святой апостол пишет: *яко крепци есте... и победите лукаваго* (1 Ин. 2, 14).

Потом умертви страсть (πάθος). Страсть — это влюбленность в какой-либо грех. Это грех, превращенный в сладостную привычку. Страсть — это сладострастие в самом широком смысле: страстная любовь ко грешным наслаждениям и удовольствиям. Такое сладострастие, такое грехолюбие обычно опустошает души тех, кто не имеет Бога ни в мыслях, ни в совести и не живет по Его законам (ср. Рим. 1, 21–32). Чтобы умертвить это чудовище, нам необходима вся вера во единого Бога и Господа — Иисуса Христа — и жизнь по Его святым заповедям. Охристовление — вот лекарство от всех страстей. Поэтому святой апостол благовествует: *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24)¹.

Христиане обязаны умертвить *похоть злую*. Злая похоть есть выражение огреховленной воли. Воле, через грехолюбие сросшейся со злом, естественно желать зла. В ней зло стало живой, творческой силой, которая через нее желает греховного и злого. Какое есть от этого лекарство? Заменить грехолюбие христовлюбием. Болезни воли лечатся, когда мы свою человеческую волю связываем с волей Божией и полностью подчиняемся воле Божией, так что для нас верховным и руководящим принципом во всем становится следующее: *не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22, 42). Воля Божия вся выражена в Господе Христе и Его святом Евангелии (ср. Еф. 1, 9). Совершая евангельские заповеди, мы творим волю Божию и так излечиваем свою волю от ее болезней — от злых желаний — и уничтожаем в ней грехолюбие, злолюбие. А волю

¹ Богомудрый Икумений говорит: «Господь нас оживил от первой мертвенности (то есть от умерщвленности первородным грехом и нашими собственными грехами. — И. П.), отпустив нам при Крещении (наши. — И. П.) грехи, но нам нужно и второе умерщвление: не себя умертвить, но умертвить страсти, не давая им действовать (работать. — И. П.) в нас». ([Икум.] Там же, сар. 3, vers. 5 [Col., сар. IX] // [PG 119], 41 D).

Божию творит только любовь к Богу. Поэтому боголюбие — единственное лекарство от грехолюбия и злолюбия и тем самым единственный обесмертвитель и овечниватель человеческого существа. *Яко все, еже в мире похоть плотская и похоть очима и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки* (1 Ин. 2, 16–17).

Любостяжание — это убийственная болезнь души. Поэтому умертвить *лихоимание, еже есть идолослужение*, есть наш евангельский долг. Любостяжание — это влюбленность в вещи этого мира, доходящая до обожания. Любостяжание может быть двояким: материальным и духовным. Материальное относится к видимым предметам этого мира и к творениям рук человеческих; духовное — к идеям, мыслям, страстям, грехам. Апостол любостяжание называет идолопоклонством. Почему? Потому что человек в своем любостяжании вместо единого истинного Бога и Господа провозгласил смыслом, целью, божеством, идолом своей жизни золото, или природу, или науку, или культуру, или технику, или жену, или детей, или общество, или народ, или человечество, или наслаждения, или страсти, или идеи, или героев, или гения, или вождя, или кого-либо, или что-либо, все равно. Такой человек — настоящий идолопоклонник, и его жизнь — идолопоклонство, служение ложному богу, одному или многим, все равно. Много ложных богов навывдумывали люди, поэтому и существуют различные виды идолопоклонства от самых примитивных до самых изысканных, от самых варварских до самых культурных. От них от всех одно лекарство, только одно — вера в единого истинного Бога и Господа — Иисуса Христа и жизнь согласно этой вере. А все это заключено в Богочеловеческом теле Церкви.

Живя в страстях, в наслаждениях, в различных идолопоклонствах, люди живут в том, что противно Богу. Такая жизнь — не что иное, как непрерывное сопротивление Богу. Но в этом своем богопротивлении люди — лишь послушные чада, какого отца? Дьявола. Ибо он первый и главный противник Божий. Всем существом своим он против Бога. Дьявол — чем дьявол? Грехом и злом. Люди же, которые живут во грехе и зле, неминуемо усыновляются этим дьяволу, становятся сыновьями противления,

богопротивления. Блуд усыновляет человека дьяволу, и нечистота, и страсти, и злое похотение, и лихоимание — вообще всякий грех, всякая страсть усыновляют человека дьяволу. Ведь если кто-то — раб какого-либо греха или какой-либо страсти, то он сын противления, богопротивления. Бог же, хотя и вселюбящий, хотя и Единый Человеколюбец, не может любить грех и зло, ибо они полностью противоположны Его существу, Его бытию, Его природе. Для них Он имеет только гнев: *гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков* (Рим. 1, 18). А когда люди сознательно и упорно настолько сроднятся с неправдой, что станут сыновьями противления, тогда *грядет гнев Божий на сыны противления* [Кол. 3, 6], ибо они отождествили себя с грехом и злом и с их вечной судьбою.

Сыны противления — это прежде всего язычники и безбожники. Они постоянно противятся Богу истинному, служа ложным богам и живя в их лжи, наслаждениях и страстях. Не имея истинного Бога в своем сознании, они грехолюбием настолько приучаются ко греху и злу, что им кажется, что это нечто естественное. Огреховленное сознание видит нечто логичное и нормальное во зле и грехе (ср. Кол. 3, 7). Только вера во Христа пробуждает людей, так что они осознают, какой ужас представляют собою грех и зло для человеческого существа. А вера во Христа — новая жизнь, жизнь в единственном истинном Боге. И в этой новой жизни — новое сознание, очищенное от языческой и безбожной логики и аксиологии.

Поэтому святой апостол и предписывает бывшим языщикам: *ныне же отложите и вы та вся: гнев, ярость, злобу, хуление, срамное слово от уст ваших* (Кол. 3, 8). Отложить каким образом? Так, что гнев заменить кротостью, ярость — благостью, злобу — добром, хуление — прославлением Бога, сквернословие — евангельским благовестием. Если вы не отвергнете от себя все это, то и дальше останетесь сыновьями богопротивления, на которых *грядет гнев Божий*. Грядет в этом мире в виде различных бедствий и страданий, а в ином — в виде ада и вечных мук. Гневом, яростью, злобою, хулением, сквернословием люди показывают, что они послушные чада верховного богопротивника — дьявола. Ибо этим творят волю его. А чью волю творят, того и дети, того и сыновья.

Это касается и лжи: *не лжите друг на друга* (Кол. 3, 9)¹. Если вы лжете, то вы духовно рождаетесь от того, кто есть сама *ложь и отец лжи*, и становитесь его духовными чадами (Ин. 8, 44; ср. Ин. 14, 6). Дьявол занимается только одним: постоянно измышляет, произносит и распространяет ложь о Боге. Это для него естественно, ибо *несть истины в нем* (Ин. 8, 44), поскольку в нем нет Бога, Который есть Истина (Ин. 14, 6). Когда дьявол говорит ложь, он говорит свое, *от своих глаголет* (Ин. 8, 44), говорит то, что составляет суть его существа, то, что на самом деле делает его дьяволом, то, чем он дьяволизует всех разумных и свободных существ, которые ему служат. Поэтому боголикие создания — люди, — когда возводят напраслину друг на друга, на самом деле сознательно или неосознанно творят в мире дьявольское дело.

Все эти грехи, эти страсти, наслаждения, вся эта ложь настолько вжились в нехристового человека, настолько обросли плотью, настолько осуществились, настолько оформились, что образовали особого человека, *ветхаго человека* (Кол. 3, 9). А Христов человек — новый человек, весь созданный *по Богу в правде и преподобии истины* (Еф. 4, 24). Поэтому святой апостол и предписывает: *сogleкшеся ветхаго человека с деяньми его и облечеся в новаго, обновляемаго в разум по образу Создавашаго его* (Кол. 3, 9–10). Ветхий человек своими злыми мыслями, ощущениями, желаниями, расположением, делами помрачил и обезобразил все, что в нем боголико: и совесть, и душу, и волю, и ум. Все это изнемогло, изболелось, состарилось в страстях и грехах. Чтобы им обновиться и помолодеть, необходимо совлечься ветхого человека, который навязал себя боголикой душе, боголикой совести, боголикой воле,

¹ «Как же это? — замечает блаженный Феофилакт. — Только что (святой апостол. — И. П.) сказал: *некогда обращались*, показав тем, что уже не живут так, и вдруг опять говорит: *отложите все*? Как им отложить то, чего уже не имеют? На это можно ответить, что сказанное — *некогда обращались* — служит к уразумению того, что теперь говорится. Ибо этим внушается, что некогда, то есть прежде Крещения, властвовал в вас грех, обладал всею вашею жизнью и тиранствовал над вами, и свобода от страстей для вас была невозможна. Ныне же, когда через Крещение грех в вас умерщвлен, для вас стало удобным отлагать страсти, как одежду. И нельзя вам выставлять в предлог, что живете под властью греха и страстей, ибо вы умерли для них». ([Феофил. Болг.] Там же, сар. 3, vers. 8 [Толк. на Кол. 3, 8; с. 570] // [PG 124], 1256 В).

боголикому уму и окружил их собою, как телом. Как совлекается ветхий человек? Он совлекается, когда отвергаются злые дела, его образующие: гнев, ярость, злоба и остальные грехи и страсти. Если отвергнуть их от себя, то ветхий человек совершенно отомрет, исчезнет. А новый? Новый проступает из боголикой души, совести, воли и ума и постепенно обновляется Христом Богом, Который его и создал боголиким, христоликим. Это обновление совершенно естественно, ибо проходит на основе исконной, боголикой природы человека. А Господь Христос, *Иже есть образ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15), — оригинал и вечный Образ, согласно Которому мы обновляемся. Согласно Ему и Им мы восстанавливаем боголикость нашей души. И не только восстанавливаем, но и далее развиваем ее до бескрайнего Божественного совершенства, *дондеже достигнем...*

христоликий
человек

в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13). Итак, это обновление есть не что иное, как наше вохристовление и охристовление. Ибо мы ради того и созданы, и спасены, чтобы быть подобием Творца и Спасителя нашего — Господа Христа. И действительно мы похожи на Него, если живем Им. Наш идеал совершенно естествен: это христоликость. Ибо мы с христоликой душой и созданы. Она и несет в зародыше, в потенции всю Богочеловеческую христоликость. Господь Христос стал человеком и явил на Себе совершенную христоликость человека. Как Богочеловек Он обладает всеми Божественными силами и подает их Своим христолюбивым последователям, чтобы они постепенно развивали свою христоликость до ее полного совершенства. Он дает эти охристовляющие и охристоличивающие силы всем и каждому в Своем Богочеловеческом теле, Церкви, и требует от всех Своих последователей Божественного совершенства: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). Это наше охристовление, наше охристоличивание есть в то же время и стяжание истинного богопознания. В нашем человеческом мире только христопознание дает людям настоящее и истинное богопознание. Кто в Богочеловеке Христе не обретет истинного Бога и Господа, тот никогда и нигде Его не найдет ни в одном из существующих миров и навеки останется бедным рабом ложных богов и ложного познания и сознания.

«Новый человек (христоликий человек. — *И. П.*) есть произволение по Богу, не стареет, но все больше и больше расцветает и разрастается познанием Бога и вещей Божественных, всегда и всегда являясь юнеющим и, однако, тем более крепнущим, чем полнейшее стяжает ведение и чем большего сподобляется»¹. Не ожидайте, что новый человек обветшает. «Напротив, чем более он живет, тем более приближается не к старости, а к юности, которая лучше прежней. Чем больше он приобретает знания, тем большего удостаивается и более цветет, и более имеет силы, не от юности только, но и от Образа, к которому приближается. Потому-то наилучшая жизнь называется тварию — по образу Христа (*κατ' εἰκόνα Χριστοῦ*); это и значит *по образу Создавшего его* [Кол. 3, 10], так как и Христос умер не в старости, а Он имел тогда такую красоту, что и выразить нельзя»². Такова особенность жизни в евангельских добродетелях: тот, кто живет так, с течением времени становится все моложе и моложе (*ἀεὶ νεώτεροι*); «хотя видимо мы стареем, духовно мы расцветаем»³.

Облечься в нового человека, Богочеловека — значит стать настоящим человеком, таким, какой вышел из рук Божиих при творении. И еще дополненным Богочеловеческими силами Христовыми, исполненным *всяким исполнением Божества* (Кол. 2, 9). Для Него всякий человек — боголикое существо, *идеже несть Еллин, ни Иудей, обрезание и необрезание, варвар и Скиф, раб и свобода, но всяческая и во всех Христос* (Кол. 3, 11). Как Богочеловек, став Церковью, Господь Христос охватил все Божии миры и все создания в них, исполнил Собою все и вся и для всякого творения стал *всяческая и во всех*. Если эти создания своим добровольным грехолюбием не изгонят Его из себя и не отгонят от себя. С тех пор как в мире существует Церковь Христова, все, что делит людей, исчезает. И новый человек, Христов человек, имеет, действительно, новый взгляд на человека, на людей, на мир, имеет философию

¹ *Феофил.* [Болг.] Там же, сар. 3, vers. 10 [Толк. на Кол. 3, 10; с. 571] // [PG 124], 1257 В.

² [Ио.] *Злат.* Там же. *Homil. VIII, 2* [Бес. VIII, 2 на Кол.; с. 421] // [PG 62], 353.

³ *Икум.* [Col., сар. IX] // PG 119, 44 С.

по Христе (Кол. 2, 8). Он чувствует, что логосная сила Христова связывает всех людей, все существа, все миры. И в творении как целом, и во всякой вещи в отдельности он чувствует Христа как творческую, промыслительную и соединяющую силу. Куда бы он ни шел, он встречает Христа, на что бы он ни смотрел, он видит Христа. Он всем существом чувствует: Христос есть жизнь жизни, существование существования, свет света (ср. Ин. 1, 3–4). Он *есть прежде всех* (Кол. 1, 17), во всех и во всем, *Исполняющий всяческая во всех* (Еф. 1, 23), *всяческая в Нем состоятся* (Кол. 1, 17). Действительно, *во всех* — Христос (Еф. 1, 23), Христос — *всяческая* (*τὰ πάντα*), противоположное ему — совершенное ничто; Всебытие — небытие. Если в человеке нет Христа, он — ничто, нуль, труп, небытие. Если Его нет во вселенной, она — труп, ничто, небытие. Христос — Всебытие и всеединство. Он все исполняет и все спаивает; без Него все пусто и несвязано. Если Он уходит из человека, из солнца, из вселенной, из пчелы — все впадает в хаос, в небытие, в ничто, в смерть. Только Он Своим Богочеловеческим телом, Церковью, спаивает все и вся, исполняет все и вся во всех мирах (ср. Еф. 1, 20–23; Кол. 1, 16–20; 3, 15). Из Него постоянно исходит всеисполняющая и всеединяющая Божественная, благодатная сила, которая все и вся исполняет и соединяет логосностью. Если человек станет членом Богочеловеческого тела Христова, он исполнится ощущением всебытия и всеединства; для него не будет больше смерти, но везде — благовестная всеполнота, бессмертие и вечность. В это бо́гство нас вводит святое таинство Крещения, ибо с ним мы становимся членами вечноживого тела Церкви. Здесь исчезают все различия, ибо Христос — *всяческая во всем: елицы бо во Христа креститесь, во Христа облекостесь. Несть Иудей, ни Еллин, несть раб, ни свобода, несть мужеский пол, ни женский, вси бо вы едино есте о Христе Иисусе* (Гал. 3, 27–28). «Христос да будет для вас все — и достоинство, и род, и во всех вас — Он сам... (Ибо. — *И. П.*) все вы сделались одним Христом, будучи телом Его (*πάντες Χριστός εἶς ἐγένεσθε, ὁμοῦ αὐτοῦ ὄντες*)»¹. «Христос — *всяческая во всем,*

«вы сделались одним Христом»

¹ [Ио.] *Злат.* Там же. *Homil. VIII, 3* [Бес. VIII, 3 на Кол.; с. 423] // [PG 62], 353.

поскольку все мы, имея Христа главою, — единое тело, поэтому Христос, по праву, для нас все и вся: и Спаситель, и Господь, и Бог, и глава, и Архиерей, и Жертва»¹.

Что значит для нашей повседневной жизни это облечение во Христа, это благодатно-добродетельное охристоличивание? Христоносный апостол говорит нам: *Облецытесь убо якоже избранныи Божии, святии и возлюбленни, во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость и долготерпение* (Кол. 3, 12) — словом, во все евангельские добродетели. Облекаясь в них, вы облакаетесь во Христа, в нового человека. *Утробы щедрот* — это сердце перерожденное, удобренное, смягченное, преображенное, омоливенное, олюботворенное, охристовленное евангельскими добродетелями. Оно всякую печаль и всякую муку ощущает как свою и сочувствует ей как своей; молитвенной любовью живет во всех и в каждом, ибо всем существом своим пребывает в соборном сердце Церкви. Оно непрестанно сочувствует всей твари, поработанной смертью и гибельностью, *совоздыхает и сболезняет* (Рим. 8, 22) непрестанно. Оно жалеет всякую птичку, всякую травку, которые сгибаются и корчатся в муках смертности. И сверх всего жалеет величайшего преступника, человека, каждого человека, являющегося рабом смерти и греха, подчинившего смерти и гибельности все творение. Это сострадание в наивысшей степени свойственно святым. Нет никого чувствительнее и сочувственнее их, и никто не живет жизнью большего числа существ, чем они, и не чувствует за них и вместо них. Своим омоливенным сочувствием их душа разлита по всей твари. К этому призваны все христиане, ибо они *избранныи Божии, святии и возлюбленные* [Кол. 3, 12]. Каждый в меру своих сил и подвигов. Сердце милостивое обретается евангельской жизнью, жизнью в евангельских добродетелях, а прежде всего молитвой, любовью и постом. Воистину, человек просто не знает, какая из этих евангельских добродетелей первая, какая вторая, а какая третья. Настолько каждая из них важна и необходима. На самом деле, все они первые и каждая из них первая, потому что каждая бесконечно необходима каждому христианину. Своими святыми преображающими

¹[Икум. Col., cap. IX //] PG 119, 44 D.

силами они постепенно завоевывают сердце, умилоствляют, ожалостивляют, делают его новым сердцем, сердцем нового человека, христоносного и христоликого. А без них сердце — раб окаменевшей бесчувственности, пропадающий в эгоизме, себялюбии, обособленности. Для того необходима молитва святого Златоуста: *Господи, избави мя... окамененного нечувствия*¹. Таков диапазон: без Христа — окамененное нечувствие, со Христом — евангельская всечувствительность. Человек окамененного нечувствия прежде всего не чувствителен и не сочувственен к самому себе, к тому, что для него наиболее важно: к боголикой душе своей, к ее бессмертию и вечности. А потом он нечувствителен и не сочувственен и к другим, к их вечной судьбе. Нечувствие всегда проявляется как эгоистическая несочувственность, а евангельская чувствительность — как человеколюбивая сочувственность. Господь Христос из Божественного сочувствия, сострадания стал человеком и принял столько мук для спасения рода человеческого. Поэтому в церковных молитвах Его называют *Боже милостивый*. От Него мы и учимся евангельскому состраданию, от Него мы получаем и благодатные силы для этого. Бог Отец есть *Отец щедрот* (ὁ πατήρ τῶν οἰκτιρῶν) (2 Кор. 1, 3). Он таков, чтобы и мы были такими (ср. Мф. 18, 27.33.35). Притча о милостивом самарянине на самом деле — притча о сострадательном самарянине (ἐσπλαγχνίσθη) (Лк. 10, 33). Милосердие его — плод его сострадательного сердца. Всегда евангельски ново благовестие и заповедь *будите милостиви* (1 Пет. 3, 8).

Благость — другая добродетель, которая облакает человека в нового человека. Она вся от Христа и вся ведет ко Христу. Она всегда исполняет человека христоликим расположением к другим людям и существам. В отношении к грешным людям Господь Христос являет *богатство благодати* (Рим. 2, 4). Христиане призваны пребывать *в благодати* (Рим. 11, 22). Превеликое богатство благодати Божией обнаруживается в подвиге спасения рода человеческого Спасителем (ср. Еф. 2, 7). *Благодать и человеколюбие... Спаси нашего Бога... спасе нас* (Тит. 3, 4–5).

¹Молитвы на сон грядущим. Молитва седьмая, святого Иоанна Златоуста.

Смиренномудрие — ангельская добродетель среди святых добродетелей. Поэтому оно необходимо человеку в обоих мирах. Смиренномудрие — это постоянное смирение ума человеческого перед безгрешным и совершенным умом Божиим, что во Христе Иисусе Господе нашем. Им вести и руководствовать свой ум, о всем и всяческом думать смиренно и всегда добровольно и радостно покоряться уму Богочеловека. Человеку при творении дан от Бога боголикий ум, чтобы он всегда был боголюбив и богоносен и в уме Божиим, всесовершенном, нашел свою цель, свою жизнь, свое совершенство, свое бессмертие, свой всеживотворящий оригинал и идеал. Заповедь Вечного Евангелия гласит: *будьте смиренномудри* (1 Пет. 3, 8). Смиренномудрие облакает нас в нового человека, в новый ум, и человек думает обо всем по Христу, *по образу Создавшего его* (Кол. 3, 10). Смиренномудрие — главная особенность христианской святости, главная сила философии *по Христе* [Кол. 2, 8]. Смиренномудрый всегда Христом мудствует, Христом мыслит обо всем. А ветхий человек — весь в гордоумии: свой ум он ставит превыше всего, превыше Самого Бога. Но в этом — весь диавол и те, кто с ним. Поэтому всегда хорошо и всегда необходимо и днем и ночью, вопия, молиться великопостной свято-ефремовской молитвой: *Господи... дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему*. Если человек будет созидать философию своей жизни на алмазном основании смиренномудрия, он будет мудр подобно святому Златоусту, богоглаголивые уста которого изрекли следующую Божественную мудрость: «Смиренномудрие есть основание нашего (христианского. — И. П.) любомудрия» (Θεμελίος ἐστὶ τῆς καὶ ἡμᾶς φιλοσοφίας ἡ ταπεινοφροσύνη)¹.

На одичавшей от греха земле кротость — это добродетель, чье совершенное Богочеловеческое олицетворение среди людей — Сам Господь Христос, ибо Он *кроток... сердцем* (Мф. 11, 29). Облечься в христоликую кротость — значит облечься в нового человека. Нет сомнений, кротость — это самое очевидное отличие истинных христиан, святых и праведников. Не она ли есть главное и всепобеждающее оружие святых мучеников и святых исповедников,

¹[Ио.] Злат. [Беседа против злоупотребляющих; с. 320] // PG 51, 312.

святых подвижников и всех святых, от первого до последнего? Ею новозаветный человек всегда нов. Это так, потому что чудесная жизнь Господа Христа на земле — беспримерная кротость, от начала до конца. Кротость — при Божественном всеилии. А святые апостолы? Хотя они и располагали Божественно всемогущей чудотворной силой, они всегда с кротостью отвечали на грубости и наказания своих гонителей и мучителей. Поэтому они и повелевают христианам являть ко всем людям всяческую кротость (Тит. 3, 2).

Что есть основание всех евангельских добродетелей? Очевидно, долготерпение. Нет евангельской добродетели, которую бы человек мог стяжать, не вооружившись долготерпением. Ибо каждая из них представляет собой длительный и мучительный подвиг. Имеющему долготерпение обеспечен успех в новой, христоликой жизни, он постепенно облечется в нового человека. Долготерпение — отличительное свойство Бога Человеколюбца, Господа Христа, и Его последователей (ср. Иак. 5, 11; Рим. 2, 4; 2 Кор. 6, 6; Еф. 4, 1–2). Без долготерпения нет спасения: *и Господа нашего долготерпение спасение нещуйте* (2 Пет. 3, 15).

Через миллионы своих членов Церковь свидетельствует: христоликий человек весь соткан из святых добродетелей. Это и доказывают, и являют христиане, *приемлюще друг друга и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение, якоже и Христос простил им, так и они* (Кол. 3, 13). Несомненно, обязанность из обязанностей христианина быть во всем подобным Христу. Они не смеют руководствоваться никем и ничем, меньшим Богочеловека и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа. Особенно в деле прощения. Как и сколько прощать — это еще апостольский вопрос (ср. Мф. 18, 21). А вот и святой апостольский ответ: *прощайте друг другу, якоже и Христос простил есть вам* (Кол. 3, 13). Подумайте только, сколько Господь Христос заранее простил каждому из нас, решившись прийти как Богочеловек на землю и спасти род человеческий таким беспримерно жертвенным и человеколюбивым образом. Спасши нас от греха, Он простил нам все грехи. И как мы сегодня спасаемся от всякого греха, если не Его человеколюбивым

прошением (ср. Еф. 1, 7)? Ведь только Он имеет власть прощать грехи, поскольку только Он обладает силой отпускать и разрешать грехи (Мф. 9, 6). И Он всемилостиво совершает это через святые таинства и святые добродетели (ср. Ин. 20, 22–23; Мф. 18, 18). Грехолюбивые и слабые, мы всегда находимся под тяжестью грехов, поэтому и требуется нам непрестанно Его прощение. По этой причине и мы должны непрестанно прощать друг друга, даже если кто и имеет на кого жалобу. Рассерженный, ты подаешь в суд на брата своего по той или иной причине. Но подумай, какой иск каждый день и каждый час мог бы выставить против тебя всезнающий Господь, если бы всемилостиво и всеосстрадательно не прощал нам грехи! *Отпущайте и отпустят вам* (Лк. 6, 37), *бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам* (Еф. 4, 32). Этим вы докажете, что совлекли ветхого и облеклись в нового человека.

Но какая же главная охристоличивающая и охристовляющая добродетель? Любовь. Поэтому святой апостол повелевает христианам: *Над всеми же сими стяжите любовь, яже есть союз совершенства* (Кол. 3, 14). Любовь есть главное одеяние нового, христовликого человека. Облечься в нее — значит облечься во вседобродетель. Ибо она связывает, спаивает, соединяет все добродетели в единое тело. Так, силы всех остальных добродетелей становятся ее силою, она же сама становится составной частью каждой добродетели. Она, *союз совершенства*, отыскивает и связывает все, что совершенно во всех существах. Сама по себе она не просто Божественная сила, но и сама суть Божества: *Бог любви есть* (1 Ин. 4, 16). Вся от Бога, любовь соединяет человека сначала с Богом — источником всех совершенств, а потом и со всем тем, что совершенно в людях и в остальных существах и тварях. Облеченный в нее, человек облечен в самую мощную Божественную силу, которая отстраняет, побеждает, преодолевает все, что не есть от Бога. Всякая добродетель ведет к совершенству, а любовь подает его во всей полноте, ибо как *союз совершенства* все совершенное в остальных добродетелях она связывает в единое совершенство, которое вечно длится,

главная охристо-
личивающая добро-
детель

стианам: *Над всеми же сими стяжите любовь, яже есть союз совершенства* (Кол. 3, 14).
Любовь есть главное одеяние нового, христовликого человека. Облечься в нее — значит

поскольку *любви николиже отпадает* (1 Кор. 13, 8). «Все, что бы ты ни назвал благом, без любви не имеет никакой цены, — скоро исчезает»¹.

Союз совершенства, любовь по самой своей природе ищет, находит и связывает то, что совершенно во всех существах и тварях. Что же это? То, что в них Божественно, логосно. Поэтому христианин святой, Богочеловеческой любовью воспринимает мир как логосное всеединство; род же человеческий — еще и как боголикое всеединство. Любовь — та святая Божественная сила, которая как Богочеловеческая действительность в Богочеловеческом теле Церкви Христовой дает человеку силы, так что он всем существом начинает ощущать, что Христос есть *всяческая и во всех* и что в Нем, Богочеловеке, Церкви, *несть Еллин, ни Иудей, обрезание и необрезание, Варвар и скиф, раб и свободь* (Кол. 3, 10.11). Нет сомнений, любовь — это то, что соединяет все в единое тело — Церковь. Соединяет и ангелов, и людей, и все, что совершенно во всех тварях, от первой до последней, от самой большой до самой малой. Вседейственная и всеосоединительная логосная, Богочеловеческая сила, любовь соединяет нас в Церкви со всеми ее совершенствами, а прежде всего — *со всеми святыми* [Еф. 3, 18]. И все, что логосно, богочеловечно, свято, мы переживаем как бессмертное и вечное всеединство *во едином теле* (Кол. 3, 15) — теле Церкви. Евангельской любовью мы и ощущаем Церковь как единое тело, тело Богочеловеческое, которому Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, Богочеловек Господь Иисус — глава и все и вся. Любовь есть то, чьим действием *мир Божий... соблюдет сердца* наши (Флп. 4, 7). Ибо она ощущает и знает, что ее победа над всяким грехом, смертью и злом обеспечена Богом, Который есть любовь. Бог любви господствует в сердцах наших боголюбием и человеколюбием. Только этой Богочеловеческой любовью в сердце человеческое вселяется *мир Божий, превосходяй всяк ум*, и соблюдает и сердца человеческие, и мысли человеческие *о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7). «Христос, призывая нас к миру, соделал нас одним телом, Сам став главой. Ибо для чего другого мы — одно тело, как не для

¹[Ио.] Злат. Там же. Homil. VIII, 2 [Бес. VIII, 2 на Кол.; с. 423] // [PG 62], 353.

того, чтобы, будучи друг другу членами одного тела, хранили мир между собой и не разделялись?»¹

Святые добродетели в новом христоликом человеке — как небоземные пчелы, что в сотах души человеческой собирают мед бессмертной, вечной мудрости (ср. Кол. 3, 16). «Премудростью (святой апостол. — *И. П.*) называет добродетель, — говорит богомудрый Златоуст. — И справедливо, потому что действительно и смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость (*ἄνοια*), так как от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется безумием. *Рече, говорит, безумен в сердце своем: несть Бог* (Пс. 13, 1); и опять: *восмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. 37, 6)»². Эта мудрость разливает по всему существу человеческому несказанную сладость, которая омывает молитвой всю душу, так что она радостно устремляется из молитвы в молитву. Молитвенное же расположение к сладчайшему Господу проявляется как евангельское отношение к людям. Слово Христово — семя небесной, Божественной истины — богато размножается в сердце человеческом, если сердце омыто молитвенно, если оно постоянно устремлено к Богу боголюбивым расположением. Ибо молитвенность — лучший климат для этого небесного семени. Оно богато расцветает Божественной мудростью, Божественной любовью и Божественным милосердием. Непрестанную молитвою сердце человеческое превращается в храм, в котором постоянно пребывают святые Божественные силы и совершенства, а в них — и Сам Господь. Такое сердце и такая жизнь в сердце — наше лучшее воспитательное средство для всех окружающих нас братьев. Самый мудрый учитель всего Божественного. И самый мудрый светильник для всего евангельского, бессмертного и вечного. Молитвою сердце человеческое богато облагодатствуется. А благодать, как Божественная сила, всегда устремлена к Богу: она влечет к Богу и все мысли, и все чувства. И вся душа устремляется к Богу во псалмах, славословиях и песнях духовных,

¹ *Феофил. [Болг.]* Там же, сар. 3, vers. 15 [Толк. на Кол. 3, 15; с. 574] // [PG 124], 1261 В.

² [*Ио.] Злат.* Там же. Homil. IX, 1 [Бес. IX, 1 на Кол.; с. 431] // [PG 62], 361.

ибо все это укрепляет в жизни в Боге и в постоянном совершенствовании и тяге ко Господу и всему Божественному, святому, непреходящему.

Непрерывная молитва достигается соборной молитвой в Церкви. Жизнь в Церкви — это прежде всего участие всем существом в соборной молитве вместе *со всеми святыми* [Еф. 3, 18]. Тогда все межличностные отношения легко, по-евангельски устраиваются этим молитвенным настроением. Человек постоянного молитвенного настроения всегда евангельски относится к братьям, людям, тварям. Люди молитвенного настроения радостно советуются друг с другом и учатся всему Божественному, бессмертному, евангельскому. Каждый каждому — любезный учитель и советник, ибо каждый смиряется перед всяким, считая себя ниже другого и поучаясь его евангельскими добродетелями.

В Церкви — всё в Господе и ради Господа. Поэтому святой апостол предписывает: *все, еже аще что творите словом или делом, вся во имя Господа Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца Тем* (Кол. 3, 17). Вот евангельское правило ежедневной жизни. Все да будет охвачено Господом Христом. Все да будет ради Него, от Него, через Него. Что угодно в человеческой жизни, если оно не *во имя Господа Иисуса*, то неминуемо во имя смерти, греха, зла и дьявола. Ибо вне Него только одно: грех, смерть и дьявол. Несомненно, только одно, только одно и тогда, когда человек работает во имя какого-то гения, или героя, или вождя, или во имя науки, цивилизации, культуры, или во имя чего-нибудь человеческого, преходящего, тварного. Ибо все это, в конце концов, ведет ко греху, от которого без Христа нет избавления; к смерти, из которой без Христа нет воскресения; к дьяволу, от которого без Христа нет спасения. *Все, еже аще что творите словом или делом*, ведь всякое слово и всякое дело имеет решающее значение для всецелой жизни нашей и в этом, и в ином мире. На самом деле, ничто человеческое не беззначительно и не малозначно, все имеет свое бессмертие. Мы, люди, не смертны ни в чем. Добро наше бессмертно, но и зло тоже; добродетель наша бессмертна, но и грех. И сама смерть наша бессмертна. Ибо бессмертен носитель нашего зла и греха — душа.

Если человек все делает *во имя Господа Иисуса*, душа его постепенно исполняется от этого Божественной радостью, ибо он

ясно чувствует, что все это в нем, по сути, творит благодать Божия, которая за упорность и труд подается ему все больше и больше. Тогда и самые тяжкие евангельские подвиги становятся легкими, и христоробивый евангельский делатель, евангельский подвижник с радостью творит все *во имя Господа Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца Тем* (Кол. 3, 17). Ведь все это через Господа Иисуса соединяет его с Трисолнечным Богом, с Его бессмертием и вечностью.

Приводя эти евангельские слова, святой Златоуст благовестует: «Если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь — все делай во имя Божие, то есть призывая Бога на помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнестъ? Поставь это наперед... Ешь? Благодарю Бога, с решимостью то же делать и после. Спишь? Благодарю Бога, с решимостью то же делать и после. Идешь на площадь? То же делай. (Пусть не будет) ничего мирского, ничего житейского; все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что запечатлеешь именем Божиим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение дел... Послушай, как Авраам во имя Божие посылал раба. Давид во имя Божие умертвил Голиафа. Дивно и велико имя Его!.. Этим именем обращена вселенная, разрушено тиранство, погран диавол, отверзлись небеса. Но что я говорю — небеса? Этим именем возрождены мы, и если не оставляем его, то просияваем. Оно рождает и мучеников, и исповедников»¹.

Бог Слово стал плотью (Ин. 1, 14), стал человеком, стал Богочеловеком, стал Церковью. И этим показал и объявил всем существам во всех мирах всеспасительное благовестие: Бог Слово есть все

тело Бога Слова — и вся и для тела, и для человека, и для Богочеловека, и для Церкви. Он — вся Истина и весь смысл и тела, и человека, и Богочеловека, и Церкви. И еще: Он все Добро — Вечное Добро, вся Правда — Вечная Правда, вся Жизнь — вечная Жизнь, весь Путь — Вечный

¹ [Ио. Злат.] Там же. Homil. IX, 2 [Бес. IX, 2 на Кол.; с. 435, 436] // [PG 62], 364.

Путь, весь Свет — Вечный Свет, вся Истина — Вечная Истина — и тела, и человека, и Богочеловека, и Церкви. И через все это и во всем этом Он — Альфа и Омега, начаток и конец, Первый и Последний (Откр. 1, 8.10.17; 21, 6); и тела, и человека, и Богочеловека, и Церкви. Он — Вечный Бог Слово, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы — становится и телом, и человеком, и Богочеловеком, и Церковью, чтобы Собою и в Себе ологосить, обожить, спасти, охристовить, обогочеловечить, отроичить и тело, и человека, и Богочеловека, и Церковь. Без Него, Богочеловека, и тело, и человек, и Церковь суть тень и сон, призрак и привидение, смерть и ад, и всякий ужас, который только может представить человеческая мысль. В наш земной мир и в нашу человеческую жизнь только Богочеловеком вошли и Вечная Божественная Истина, и Вечная Божественная Правда, и Вечная Божественная Любовь, и Вечное Божественное Добро, и Вечная Божественная Жизнь — словом, весь Бог, вся полнота Божества со всеми Божественными совершенствами (ср. Ин. 1, 14, 16–17; Еф. 1, 23; 3, 19; Кол. 1, 19; 2, 9). И все это воплощено и всесовершенно олицетворено в чудесной Личности Богочеловека Господа Христа и дано нам, людям, как самая непосредственная земная реальность в Богочеловеческом теле Христовом — Церкви. В Церкви, которая по своей сути есть тело Его, а Он — вечная глава ее. Поэтому всеистинно благовестие Христом возлюбленного евангелиста: *благодать же и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17). До Него их словно и не было в нашем земном мире. Однако с появлением на земле Богочеловека все это стало присутствовать в своей Богочеловеческой всеполноте среди нас, людей, в Богочеловеческом теле Церкви, и мы как сотелесники этого тела живем этой всеполнотой в большей или меньшей степени, соразмерно нашей ревности в вере и в остальных святых добродетелях евангельских.

Тело Богочеловека Господа Христа, которое Он принял от Пресвятой Богородицы и Духа Святого, и тело Его в святой Евхаристии, как и Его тело, Церковь, — все это, в конечном счете, единое тело, единственное и всеспасительное. Ибо Господь Христос *вчера, и днесь Тойже, и во веки* (Евр. 13, 8). Бог Слово, как Второе Лицо Пресвятой Троицы, вечно, неизменно и неумаляемо Тот же. Он воплотился, стал Богочеловеком, чтобы стать Церковью,

и в ней совершил и непрерывно совершал подвиг спасения мира и людей в мире от греха, смерти и диавола. Как? Собою, с помощью святых Богочеловеческих таинств и святых Богочеловеческих добродетелей, охристовляя, обогочеловечивая, отрочицкая спасаемых. И в самом деле, в Богочеловеческом теле Церкви Христовой непрерывно действуют все Богочеловеческие силы воплощенного Бога Слова, спасая всех членов Церкви по мере их веры и прочих их святых добродетелей.

Тело воплощенного Бога Слова — фундамент Церкви, и в нем все Божественные ценности и реальности. Бог становится человеком, чтобы человек с помощью Богочеловека стал Богом. Это все

<p>все благовестие Богочеловека и Его Церкви</p>	<p>благовестие Богочеловека и Его Церкви. Только с воплощением Бога Слова Бог и Божие становятся всесторонне доступны нам, людям; становятся нашей судьбою, главной</p>
--	---

категорией нашей человеческой жизни, мышления, деятельности. Потому что тело Бога Слова, Церковь, — есть Церковь благодатью и Истиной и всем Богочеловеческим. В ней благодать и Истина единосущны, они — близнецы, бессмертные, вечные, всесовершенные. Из безмерного Богочеловеческого богатства в Церкви мы получаем все, что нам нужно для спасения, для освящения, для обесмерчивания, для обожения, для обогочеловечения. Бог и все Божие в Церкви органично и реально, как тело. Вся полнота Божества живет в Церкви телесным образом (σωματικῶς) (Кол. 2, 9). И поэтому из нее истекают все животворные Божественные силы и проходят через капилляры наших евангельских добродетелей, очищая нас от всякого греха, от всякой смерти, от всякого диавола, обогочеловечивая нас всякой добродетелью Спасителя. Как сотелесники Богочеловеческого тела Церкви Христовой мы принимаем от Божественной полноты Спасовой все, что нам необходимо для вечной жизни в обоих мирах: принимаем благодать на благодать, со всеми ее непреходящими богатствами (Ин. 1, 16).

Нам, людям, тело дано как самая непосредственная вещественная реальность. Для того Бог Слово и стал телом, чтобы мы, люди, могли проверять Его и все, что Его, из самой непосредственной реальности и близости. Богочеловек Сам по Себе и по Своим

Богочеловеческим свойствам — существо в земном мире, проверенное людьми всесторонне и беспощадно с позиций самой близкой человеку реальности. По свидетельству святых апостолов, Он есть То, *Еже бе исперва, Еже слышахом, Еже видехом очима нашими, Еже узрехом, и руки наша осязаша* (1 Ин. 1, 1). В чарующей Личности Богочеловека Христа нам дана жизнь вечная, и мы Им и через Него участвуем, приобщаемся этой вечной жизни: а она вся — в Церкви, теле Его, и Он как глава этого тела предводительствует и руководит всеми святыми силами Своего Богочеловеческого тела (ср. 1 Ин. 1, 2–3; 2, 25; 3, 15; 5, 11–12.20).

вечная жизнь
в Церкви

Для человеческого существа, для рода человеческого воплощенный, очеловеченный Бог Слово, Богочеловек Господь Христос — все и вся во всех мирах. Ибо Он Личностью Своею не только Вечная Истина, но и Вечная Жизнь, Он — *истинный Бог и живот вечный* (1 Ин. 5, 20). Как истинный Бог Он и имеет, и подает людям вечную жизнь Церковью и в Церкви, которая есть Богочеловеческое тело Его, и Он весь в Ней навечно. Поэтому Спаситель и провозглашает благовестие: *Аз емь воскресение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет оживет* (Ин. 11, 25; ср. Ин. 5, 24; 6, 47). Бог Слово для того и стал Богочеловеком, Церковью, да *даст им живот вечный* (Ин. 17, 2).

В своей сущности и во всех своих Божественных бесконечностях жизнь — от Бога Слова и в Боге Слове (ср. Ин. 1, 3.4). Логосность и логика жизни — всею сутью от Бога Слова. До воплощения Бога Слова жизнь на земле грехом и из-за греха стала алогосной и алогичной, бессмысленной и бесцельной, смертной и страшной. Ведь грех — сила, которая все делогосирует, лишает Божественной логики и логичности, Божественного смысла и осмысленности. На самом деле, грех — единственный обесмыслитель и осмертитель жизни. Однако то, что для человеческой мысли — греческой, римской, индийской или любой другой — было и осталось идеалом или идеей, абстракцией и потусторонностью, мечтой и фантазией, с воплощением Бога Слова стало жизнью, нашей земной жизнью, абсолютно реальной, отвечающей всем законам наших земных реальностей. Поэтому за Логосом и Логикой жизни

Логос и Логика
жизни

не надо отправляться на тот свет, ибо Логика и Логос жизни — здесь, на земле, среди нас, в Богочеловеческом теле Христовом — Церкви. В ней мы имеем Логос жизни, поэтому знаем логику жизни, цель жизни, смысл жизни.

До воплощения Бога Слова на земле словно и не было жизни. А если и была, то это был лишь суррогат жизни, изнанка жизни, фальсификат жизни; попросту, псевдо-жизнь. Ибо что это за жизнь, в которой есть смерть и которая заканчивается смертью? По сути, это постепенное умирание, непрерывная агония. Только та жизнь достойна называться жизнью, которая не умирает, которая не завершается смертью, но преодолевает смерть и воскресением перекидывает мост в бессмертие и жизнь вечную. На самом деле, только вечная жизнь — настоящая жизнь. А она впервые явилась в нашем человеческом мире с воплощением Бога Слова, Богочеловека Христа и вся осталась с Ним в Богочеловеческом теле Его — Церкви. Поэтому святой Богослов благовестует: *и живот явися, и видехом, и свидетельствуем, и возвещаем вам живот вечный, иже бе у Отца и явися нам* (1 Ин. 1, 2).

Откуда у святого Богослова столь смелое свидетельство? Из личного и всеапостольского опыта, ведь он сам вкусил жизни вечной, вступил в общение с ней, живя ею через Господа Иисуса. Жить сотелесником в Богочеловеческом теле Господа Иисуса, иметь общение с Ним — это и значит пребывать в вечной жизни и иметь жизнь вечную. Эта жизнь есть, по сути, общение с Троичным Божеством. Вотроичиться и отроичиться через Богочеловека есть не что иное, как жить вечною жизнью: от Отца через Сына в Духе Святом. При этом человек в самом себе чувствует и видит жизнь вечную и постоянно находится в общении с вечными человеческими существами. Ибо христиане тем и отличаются от остальных людей, что имеют жизнь вечную и живут ею еще здесь, на земле: всякий христианин — бессмертный среди бессмертных. Поэтому они и возвещают жизнь вечную. С этой точки зрения у них все основано на личном опыте, на личном общении с Вечным, с Богочеловеческим. Поэтому святой и христоносный очевидец и благовестует: *Еже видехом и слышахом, поведаем вам, да и вы общение имате с нами: общение же наше со Отцем и Сыном Его Иисусом Христом* (1 Ин. 1, 3).

Жизнь христианина — это жизнь в Божественной Троице: причастность, общение с Ним, с Его животворными, творческими, вечными силами и святынями. Общение с Вечным и дает людям жизнь вечную. Это не какое-то внешнее наблюдение, но внутреннее переживание Святой Троицы. Это воистину связь, *κοινωνία*, общение человека с Богом, совоплощение Богу (ср. 2 Пет. 1, 4; Еф. 3, 6). Здесь все лично, опытно, жизненно, ново, богочеловечно и потому человекно. Ради этого весь Бог Слово и воплотился, стал телом, вочеловечился, стал человеком, Богочеловеком и как Богочеловек весь остался в Церкви, которая есть тело Его, а Он — глава ее. Церковью Он весь с нами, среди нас и в нас; а с ним и вся Жизнь Вечная, и вся Вечная Истина, и вся Вечная Любовь, и весь Вечный Свет, и все Его вечные совершенства, чтобы мы через Него имели причастность ко всем Божественным совершенствам. Святой Богослов ясно говорит: жизнь христианина в Богочеловеческой Церкви — вся во Святой Троице: от Отца через Сына в Духе Святом, это общение со Святой Троицей.

Господь Христос — весь в Церкви, всем Своим Логосным и Богочеловеческим Существом, всю Свою Истиною, всю Свою Жизнью, всю Свою Правдою, всю Свою Любовью — словом, всю полнотою Своего Божества и всю полноту Своего человечества. Только от Него, Богочеловека, мы, люди, на земле и ангелы на небе знаем, что Он — Истина. Вот всеистинное Благовестие: *Истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17). Значит, Истина — это Богочеловек Господь Иисус Христос; Истина — Вторая Ипостась Пресвятой Троицы; Истина — Личность Богочеловека Христа. В нашем земном мире Истина — не что иное, как всецелая Личность Богочеловека Христа. Это не понятие, не мнение, не логическая сила, не человек, не ангел, не человечество, не нечто человеческое, не нечто тварное, не все видимые и невидимые миры, но нечто несравненно и неизмеримо большее всего этого: Истина, Вечная и Всесовершенная Истина в нашем земном мире, а через него и во всех видимых и невидимых мирах — это Второе Лицо Пресвятой Троицы, сама всецелая Личность Богочеловека, Господа Иисуса Христа. Потому Господь Иисус и объявляет о Себе роду человеческому это свято-троичное благовестие: *Аз есмь... Истина* (Ин. 14, 6; ср. Еф. 4, 21).

Истина — Бого-человек

А раз Он есть Истина, тогда и тело Его, Церковь, — Истина, которой Он — глава. Да, глава Истины. Отсюда происходит и чудесное и радостное благовестие святого апостола: *Церковь Бога жива — столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). Поэтому Церковь и ее Истину не могут разорить, уничтожить, обессилить, убить никакая ложь даже самого первотворца и отца лжи — дьявола, ни все злые силы всей лжи земного и адского мира. Богочеловеком Христом она всесовершенна, всеильна, всепобедна, всебессмертна, всебожественна. Как таковая она освобождает всякое человеческое существо от греха, смерти и дьявола, этой триединой лжи, и обеспечивает, и подает бессмертие и жизнь вечную всякому христианину в отдельности и всем христианам вместе взятым. И она это делает, освящая, охристовляя, обогочеловечивая человеческие существа с помощью святых таинств и святых добродетелей. Поэтому из Божественных уст Спасовых и исходит всеспасительное благовестие: *и уразумеете истину, и истина свободит вы* (Ин. 8, 32) и от греха, и от смерти, и от дьявола, и сделает вас своими причастниками, и дарует вам все блаженства неба.

По всем этим причинам воплощение Бога, Бог во плоти, Богочеловек Господь Христос — это Истина всех новозаветных истин, с Ним стоит или падает вся Церковь, все Богочеловеческое домостроительство спасения. Это душа всякого мерил
 мерило всех мерил строительство спасения. Это душа всех новозаветных и церковных деяний, подвигов, добродетелей, событий, благовестие из благовестий, точнее, Всеблаговестие. Более того: этот факт, это Всеблаговестие есть мерило всех мерил. Им как самой надежной мерой измеряется все и вся в Церкви, в христианстве. Другими словами, кто не признает воплощение Бога, Богочеловека Иисуса Христа, тот не член Церкви, не христианин. Более того, это — антихрист.

Это непогрешимое мерило — благовестие Христом возлюбленного святого боговидца и тайновидца Иоанна Богослова: *Возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша в мир. О сем познавайте Духа Божия и духа лстча: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть; и всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть: и сей*

есть антихристов, егоже слышасте, яко грядет, и ныне в мире есть уже (1 Ин. 4, 1–3; ср. 1 Ин. 2, 22; 1 Кор. 12, 3).

По сути, все духи, проникающие в наш земной мир или заглядывающие в него, делятся на два вида: на тех, что от Бога, и тех, что от дьявола. От Бога суть те, которые признают и исповедуют, что Иисус — воплощенный Бог Слово, Господь Спаситель, а от дьявола — те, которые не признают этого. Философия дьявола вся в том, чтобы не признавать Его присутствие в мире, не признавать Его воплощение, вочеловечение в мире, утверждать и проповедовать, что нет Бога ни в мире, ни в человеке; нет Бога ни в Богочеловеке; что бессмысленно верить в то, что Бог воплотился в человека и что Он может жить в человеке; что человек весь без Бога, что человек — это существо, в котором нет Бога, нет ничего Божиего, ничего Божественного, бессмертного, вечного; что человек весь бретен, весь смертен, что человек во всем принадлежит лишь к животному миру и почти ни в чем не отличается от животных, потому ему естественно и жить подобно животным, являющимся его единственными законными предками и прародителями, равно как и естественными братьями. Такова, по сути, философия антихриста, который любой ценой желает заменить Христа, занять Его место в мире и в человеке. Бесчисленны антихристовы предтечи, исповедники и адепты в человеческом мире на протяжении веков. *Всяк дух* — а духом может быть личность, или учение, или идея, или мысль, или человек. И всякое учение, всякая личность, всякая идея, всякая мысль, всякий человек, не признающий, что Иисус — Бог и Спаситель, воплощенный Бог и Богочеловек, происходит от антихриста и есть антихристов. А такие личности, учения и идеи существовали с самого момента появления Господа Христа в мире, почему святой тайновидец и говорит об антихристе: *и ныне в мире есть уже*. Всякий человек, всякая идея в мире, отвергающая Богочеловека Христа и Его Церковь, — от антихриста. Творец (непосредственный или опосредованный) любой антихристианской идеологии — антихрист. На самом деле, все идеологии можно свести к двум видам: к выступающим за Христа и выступающим

философия
антихриста

за антихриста. В конце концов, человек в этом мире должен решить одну проблему: за Христа или против Христа. И всякий человек, хочет он того или нет, только тем и занят, что решает эту проблему, эту всепроблему. И каждый из нас или христоролюбец, или христорорец — третьего не дано. Да, или хриstopоклонник, или диаволопоклонник — третьего не дано.

Характерное отличие всякого христианина — чувство соборности, чувство личной всеответственности. Он знает: когда он падает, то с собою увлекает и других; когда подымается, то с собою подымает и других. Его жизнь — не только его, она вплетена в жизнь остальных братьев по вере, ибо все мы составляем единое тело — Церковь. А в Церкви у нас все общее: и Бог, и святые, и душа, и совесть, и сердце. Молитвенно-благодатным образом каждый во всех и все в каждом. Как же тогда эгоистично и себялюбиво смотреть только на *своих* (Флп. 2, 4)? По-евангельски должно заботиться и о других, как о себе; смотреть на свое, как на их, и на их, как на свое. Кто знает, скольким ты обязан Божиим святителям и их молитвам: и самую душою своею, и самую верою своею, и самим своим спасением! Не говоря об имуществе. Оно все Божие — тебе же дано от Бога как бы взаймы, в долг, дабы и ты не от своего, но от взятого взаймы давал в долг другим. По сути, все мы живем исключительно именем Божиим. *Что же имаши, егоче неси приял* (1 Кор. 4, 7)? Бог дал тебе и душу, и сердце, и тело, и мысль, и чувство. Все это Божие имение. Оно дано тебе, чтобы ты им пользовался. Так и поступай с ним. Так смотри и на братьев своих, тебя окружающих. И им Бог доверил Свое имение: кому-то больше, кому-то меньше. Заботься о Божием имении, будь оно доверено тебе или ближним твоим. Заботься об их душе, как о своей, и об их спасении, как о своем: *Не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотряйте* (Флп. 2, 4). Видишь, богоносный апостол повелевает *кийждо* — то есть все без исключения. Если ты так не поступаешь, то будешь отвечать Богу за расточительность, или за пренебрежение, или за уничтожение имения Божиего. «Если всякий, оставляя свое, печется о благе другого, и у них бывает так, что я — о твоём, а ты — о моем, тогда это уже не человеческая

соборность и все-
ответственность

падает, то с собою увлекает и других; когда подымается, то с собою подымает и других.

Его жизнь — не только его, она вплетена в

богомысль и бого-
ощущение

жизнь, но ангельская»¹. «Когда я забочусь о том, что для тебя полезно, а ты о том, что для меня, тогда не будет места ни тщеславию, ни распрям, ни чему-либо вообще дурному, но будет жизнь ангельская и Божественная»².

Что есть мысль в человеке? Это главный незнакомец в нашем человеческом существе. Евангелие же главной целью нашей мысли, ее всецелью, определяет мыслить *еже и во Христе Иисусе* (Флп. 2, 5). Значит, конечная цель и наивысший предел человеческой мысли — мысль Христова, а для человеческого ощущения — ощущение Христово. Только со Христом мы, люди, узнали, что есть совершенная мысль человеческая, и что — совершенное человеческое ощущение. Это Христова мысль и Христово ощущение. Только во Христе Богочеловеке человеческая мысль дошла до своего Божественного бессмертия и вечности и стала богомыслью, равно как и человеческое ощущение стало богоощущением. Богочеловек, и в Нем богомысль, и в Нем богоощущение. Богочеловеческая мысль — это Божественно бессмертная и Божественно вечная мысль человеческая; Богочеловеческое ощущение — это Божественно бессмертное и Божественно вечное ощущение человеческое. Любая человеческая мысль, не преобразившись в Христову мысль, в богомысль, ссохнет, сгниет, а от гнилых мыслей разлагается в человеке душа. Так же и от гнилых ощущений. Все же наши ощущения тленны и червивы, если мы не преобразили их в Христовы ощущения, в богоощущения.

Мыслить *еже и во Христе Иисусе*. Что это такое? Все, что Он имеет и содержит в Себе как Бог Слово: все Божественные свойства и совершенства, и все то, что Он имеет и содержит в Себе как человек, все Его человеческие особенности, мысли, чувства, подвиги, переживания, дела, всю Его жизнь от Рождества до Вознесения, и от Вознесения до Страшного суда, и от Страшного суда — через всю Божественную вечность: бесконечную, безграничную,

¹[Икум.] Com. in Epist. ad Philip., cap. 2, vers. 4 [Phlp., cap. III] // PG 118, 1277 D — 1280A.

²Феофил. [Болг.] Expos. in Epist. ad Philip., cap. 2, vers. 4 [Толк. на Флп. 2, 4; с. 509] // PG 124, 1160 CD.

неизмеримую. Мыслить об этом, обо всем этом — это наша первая христианская обязанность, денный и ночный долг. Поступаем ли мы так, тогда мы бесконечны и бессмертны в каждой мысли, в каждом ощущении: Христово, Богочеловечески бесконечны и бессмертны. Тогда нет уже смерти ни для нашей мысли, ни для наших ощущений. Ибо каждая наша мысль и каждое наше чувство силою Воскресшего Господа совлекает с себя все смерти и все смертное. На самом деле, наше христианская жизнь есть не что иное, как непрерывное подражание Господу Христу, через переживание в Богочеловеческом теле Его, Церкви, всего, что Его, а прежде всего — Его всепобеждающей силы Воскресения, чьею благодатью мы побеждаем все смерти и все смертное в себе и в мире вокруг нас.

Если человек не мыслит о людях *еже и во Христе Иисусе*, разве он христианин, разве брат, разве человек? Если он не желает им того же, что Господь Христос, не сочувствует им так же, как Он, значит, он еще не христианин, еще недочеловек. Что есть во Христе для каждого человека, то должно быть и в нас. Тогда мы — христиане, и братья, и люди. Вы размышляете о мире? Если человек не мыслит о мире Христовой мыслью, значит, он заблудился в безвыходном лабиринте и никогда не найдет настоящего смысла мира. Размышляет ли о человеке, о пчеле, о птице, о цветке — то же самое. Ведь и самый маленький цветочек столь таинствен, что в лабиринте его таинственности может безвозвратно потеряться всякая человеческая мысль, если ее не ведет Бог Слово. Размышляет ли человек о жизни, о смерти, о добре, о зле, об истине, о заблуждениях, о правде, о неправде, если мысль его обо всем этом не разовьется в христомыслие, она неизбежно превратится в бессмысленное и трагическое мученичество. Если он не размышляет Христом об обществе, о семье, о нации, о человечестве, то никогда не найдет их истинный смысл и не решит правильно ни одну их проблему.

Мыслить обо всем Христом — это главная заповедь каждого христианина, это наш христианский категорический императив, это наша христианская гносеология. Но Христом можно мыслить, только имея *ум Христов*. Святой апостол говорит о христианах: *Мы же ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16). Как мы его стяжали?

Живя в Его Богочеловеческом теле — Церкви, которому Он глава. Жизнь в Церкви с помощью святых таинств и святых добродетелей соединяет все наше существо с существом Церкви, соединяет и наш ум с Богочеловеческим, соборным умом Церкви и делает нас способными мудрствовать по Христу, то есть мыслить *еже и во Христе Иисусе*. Размышляя же Христовым умом, соборным умом Церкви, христиане могут и *тоже мудрствовать*, и ощущать одно и то же, и *ту же любовь* иметь, и иметь единую душу и единое сердце, и быть *единодушны, единомудрени* (Флп. 2, 2; ср. Флп. 3, 16; 4, 2; Рим. 15, 5; 1 Кор. 1, 10).

Бог и Господь Христос снизошел до человека и даже Сам стал человеком, чтобы люди могли мыслить *еже и во Христе Иисусе* и жить *достойне Богу* (Кол. 1, 10). Бог стал человеком, чтобы сделать человека Богом, богочеловечивание и человекообожение как это любят говорить святые отцы. Или так:

Бог вочеловечился, дабы человек обожился. Став человеком, Господь Христос и далее остался Богом, ибо об этом говорят слова духоносного апостола: *Иже во образе Божии сый* (Флп. 2, 6). Быть *во образе Божии* — значит быть Богом. Таково богомудрое толкование святых отцов. Хотя и являясь Богом, став человеком, Господь Христос *не восхищением нещевя быти равен Богу* (Флп. 2, 6), но жил как никто смиренно. «Бог же Слово — по естеству Бог: Он всегда был *во образе Божии, и не восхищением нещевя быти равен Богу*; потому что имел по естеству сие равенство»¹. Живя на земле в невыразимом смирении, вочеловечившийся Бог Слово показал, что смирение — путь новой жизни, жизни, которой живет воплощенный Бог и все Его истинные последователи. Смирение есть то, *еже во Христе Иисусе* наиболее очевидно.

Став человеком, Бог Слово, несомненно, бесконечно *себе умалил* [Флп. 2, 7] (*ἑαυτὸν ἐκένωσεν* — опустошил Себя), так что совершенно невероятно, как Он и дальше мог постоянно и неизменно оставаться Богом, живя в крошечном и ничтожном человеческом существе. Ведь по самой своей природе человек несравнимо меньшее и ничтожнейшее существо, чем Бог. Кроме того, человек

¹ Феод. [Кур.] Interp. Ep. ad Philip., cap. 2, vers. 6 [Толк. на Флп. 2, 11; с. 436] // PG 82, 572 С.

настолько разрушил природу свою грехом и смертью, настолько осквернил ее, что только бесконечное человеколюбие могло побудить Бога стать человеком. Это смирение и унижение, которому нет подобного, а тем более равного. «Богу сделаться человеком — это великое, неизреченное и неизъяснимое смирение»¹. Большого унижения Бог не мог для Себя избрать. Но без этого Он не явил бы и Своего беспримерного человеколюбия. Поэтому святой апостол, чтобы выразить это чудо беспримерного смирения и человеколюбия, употребляет исключительное и необычайно сильное выражение: *ἐαυτὸν ἐκένωσεν* — опустошил Себя. Как будто Бог Слово, став человеком, опустошил Себя от всего Божественного. И действительно, если бы Бог мог пасть, то есть перестать быть Богом, тогда бы величайшим падением для него было стать человеком. Но Бог Слово становится человеком, не переставая быть Богом, и живет как человек, всегда оставаясь неизменным Богом. Он, *Иже есть образ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15), принимает на Себя облик видимого человека, чтобы Собою поднять человека к Богу. А значит, чтобы спасти его от греха, смерти и диавола. Он, вечный Бог, приходит как тварный человек в наш мир греха, смерти и диавола, живет в нем как истинный человек и нагляднейшим образом показывает, как в этом мире греха можно жить без греха и в мире смерти — победить смерть и попать диавола. Так Он становится и Спасителем, и спасением, Он — истинный Бог и истинный человек, Он — Богочеловек. И в Нем Церковь со всеми своими Богочеловеческими тайнами и святынями. Очевидна и ощутима истина: спасение — в Спасителе; человек спасается от греха, смерти и диавола, живя Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом в Богочеловеческом теле Церкви Его. А в этом всечудесном и всеспасительном теле он живет с помощью святых таинств и святых добродетелей. Спасение никому не навязывается насильно. Спаситель его предлагает и подает. Он стал *якоже человек* (Флп. 2, 7) и во всем был настоящим человеком, только бы доступным людям, человеческим образом дать Церковью все средства и силы ко спасению, дать, как брат братьям по телу и крови (ср. Евр. 2, 14–18). И действительно, Он был настолько реальным человеком, обычным человеком, настолько,

¹[Ио.] *Злат.* In Philip. Homil. VII, 2 [Бес. VII, 2 на Флп.; с. 279] // PG 62, 231.

якоже человек, что Его современники, видя Его Божественные дела и силы, в удивлении вопрошали: *Откуда сему премудрость сия и силы? Не сей ли есть тектонов сын? Не мати ли его нарицается Мариам, и братия его Иаков, и Иосий, и Симон, и Иуда?* (Мф. 13, 54–55). *Образом обретется якоже человек* (Флп. 2, 7), Бог Слово совершал Божественные дела и проявлял Божественную всемудрость, потому что не переставал быть Богом. *Образом обретется якоже человек* во всем кроме греха, Он все дела человеческие совершал без участия греха, все мысли человеческие думал без участия греха, все чувства человеческие чувствовал без участия греха — словом, всю жизнь человеческую прожил без участия греха.

Себя, столь возвышенного, столь совершенного, столь безгрешного, Он умалил, *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестной* (Флп. 2, 8). Для того, чтобы как реальный человек во имя всех людей, ради всех людей и вместо всех людей победить смерть и спасти их от смерти. Своим мертвым телом Бессмертный сошел в смерть, в бездонную пропасть смерти, чтобы, как всемогущий и безгрешный человек, Богочеловек избавил род человеческий из рабства смерти (ср. Евр. 2, 14–15). В самом деле, неизмеримое унижение для безгрешного Богочеловека — сойти в смердящую бездну смерти, туда, где разлагается и тлеет столько человеческих существ, где стоит нестерпимый смрад от грехов, где невыносимо ощущается жестокая власть и смрад злосмрадных нечистых духов. *Послушлив быв даже до смерти* — послушлив кому, чему? Божественной любви и замыслу о спасении мира крестной смертью Сына Божиего. *Послушлив* Своей безграничной любви к человеку. Своему милосердию, Своей всемилостивости. Смерть — это унижение для боголикого человека, а тем более для безгрешного Богочеловека. Человек из грехолюбия низвел себя до смерти и поработился смерти. Грехолюбивый до предела, человек не мог избавиться от смерти; ибо своими собственными грехами, как нерушимыми оковами, он сам себя держал в рабстве смерти. А грехи — это сила смерти. Безгрешный Богочеловек действительно умер как человек, но смерть не могла удержать Его в своем рабстве, потому что в Нем не было греха, этой единственной силы, с помощью которой смерть держит человеческие существа в своем плену. Так безгрешный Богочеловек Своею смертью уничтожил смерть.

Войдя в нее добровольно, Он Своей Богочеловеческой безгрешностью и всеправедностью разорил ее изнутри и так спас от нее род человеческий. Всеправедный и всесвятой безгрешный Богочеловек освятил и постыднейшее орудие смерти, крест, и перенес на него чудотворную спасительную силу Своей Богочеловеческой Личности. Поэтому крест не только знак спасения, но и сама сила спасения, сама *сила Божия есть* (1 Кор. 1, 18).

Себя, всесправедливого и всесвятого, Себя, безгрешного Богочеловека, добровольно унизить до смерти, причем до постыдной смерти на кресте — это, поистине, смирение, которому нет равных ни в одном из существующих миров. Поэтому в Церкви, в этой Богочеловеческой мастерской спасения и охристовления, смирение и стало необходимой евангельской добродетелью и святой силою спасения, которую только Бог дает людям за их безграничное смирение себя перед безгрешным и всемирным Господом Иисусом. Спасительному смиренномудрию и всеильному смиреннию христиане учатся от Самого Господа Иисуса (ср. Мф. 11, 29; Лк. 22, 27; Ин. 13, 5.13–15).

Ввиду такого исключительного и безгранично спасительного подвига Бог сильно возвысил Христа, возвысил Его как человека, ибо Христос как Бог Слово во всем равен Богу Отцу, в том числе и в Божественном достоинстве. Возвышая Его как человека, Бог показал, для какой Божественной высоты и славы создана человеческая природа. Так был открыт весь путь человеческого естества: от бездны смерти до вершин небес, от диавола до Бога (ср. Флп. 2, 9). Ибо до тех пор, пока человеческая природа пребывает во грехах и рабстве смерти, она сидит одесную диавола, а со Христом и во Христе она возвысилась превыше Херувимов и Серафимов и сидит одесную Бога. Первым этот путь от бездны смерти до вершин небес прошел Сам Господь Христос — Богочеловек — и Церковью и в Церкви проложил его для всех людей. И оставил нам в Церкви и пример, и силы, чтобы мы шли за Ним. Да, и пример, и силы. Ибо только Он дает благодатные силы для столь страшного и величественного подвига. Опираясь на бесконечное человеколюбие Спасителя, святой апостол и нам предписывает мыслить *еже и во Христе Иисусе* и искать *вышних... идеже есть Христос, одесную Бога сядя* (Кол. 3, 1).

охристовление
 человек — и Церковью и в Церкви проложил его для всех людей.

И оставил нам в Церкви и пример, и силы, чтобы мы шли за Ним. Да, и пример, и силы. Ибо только Он дает благодатные силы для столь страшного и величественного подвига. Опираясь на бесконечное человеколюбие Спасителя, святой апостол и нам предписывает мыслить *еже и во Христе Иисусе* и искать *вышних... идеже есть Христос, одесную Бога сядя* (Кол. 3, 1).

Богочеловек Господь Христос как Церковь представляет Собою самую чудесную и самую величественную величину, превыше всех мыслимых величин. Поэтому Бог Отец *и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени* (Флп. 2, 9), настолько больше, что *несть иного имени под небесем, даннаго в человецех, о нем же подобает спастися нам* (Деян. 4, 12). Богочеловек Христос — настолько исключительное и уникальное существо во всех мирах, что *несть ни о едином же ином спасения* (Деян. 4, 11). На самом деле, Богочеловек — есть единственная настоящая величина среди всех существ во всех мирах, единственное существо, которое заслуживает, чтобы Ему поклонилось *всяко колено... небесных, и земных, и преисподних* (Флп. 2, 10). Людям же дано следовать Ему в Его славе, если они следуют за Ним в Его подвиге, то есть, если как сотелесники Богочеловеческого тела Его Церкви спасают Им себя от греха, смерти и диавола. Чтобы облегчить им подвиг спасения, Он дает им в Церкви все Божественные силы, которые необходимы им, чтобы стать причастниками Божественного естества, а тем самым причастниками несказанной славы Божией (ср. 2 Пет. 1, 3–9). *Всяко колено небесных* — это ангелы и души праведников; *земных* — это человеческие существа в земном мире; *преисподних* — это души грешников в дольном мире. Всем им дается возможность поклониться Господу Иисусу как Спасителю рода человеческого.

После всего, что Он совершил для рода человеческого, всякий нормальный человек должен признать, что Иисус Христос — действительно Бог и Господь, действительно Спаситель и Церковь. Ибо что Он как Господь и Спаситель не совершил из того, что должен был совершить? Какое благо Он мог нам дать и не дал? Какую истину мог явить и не явил? Он был всем, чем должен был быть ради нашего спасения; Он пережил все, что должен был пережить; Он даровал нам все, что должен был нам даровать; и так во всем очевиднейшим и убедительнейшим образом показал и доказал, что Он — действительно единый Бог и Господь мира и единственный Спаситель и спасение мира. А важнее всего самого важного, что Он Себя, всецелого, оставил нам в Своем Богочеловеческом теле — Церкви, Он — вечная глава ее.

СВОЙСТВА ЦЕРКВИ

Свойства Церкви бесчисленны, ведь ее свойства, по сути, — свойства Богочеловека Господа Христа, а через Него и свойства Троичного Божества. Но святые и богومудрые отцы II Вселенского Собора, ведомые и руководимые Духом Святым, в девятом положении Символа веры свели их к четырем: *Верую во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь*. Эти свойства Церкви: единство, святость, соборность и апостоличность — происходят из самой природы Церкви и ее цели. Они ясно и точно определяют характер Православной Церкви Христовой, которым она как Богочеловеческое учреждение и сообщество отличается от всякого человеческого учреждения и сообщества.

1. Единство и единственность Церкви

Подобно тому, как едина и единственна Личность Богочеловека Христа, так и Церковь, Им, в Нем и на Нем основанная, едина и единственна. Единство Церкви неминуемо следует из единства Личности Богочеловека Христа. Органически единый и единственный во всех мирах Богочеловеческий организм, Церковь, согласно всем небоземным законам, не может разделяться. Всякое деление означало бы ее смерть. Вся в Богочеловеке, она прежде всего и во всем — Богочеловеческий организм и лишь потом Богочеловеческая организация. В ней все богочеловечно: и жизнь, и вера, и любовь, и Крещение, и Евхаристия, и всякое ее святое таинство, и всякая ее святая добродетель, и все ее учение, и вся ее жизнь, и все ее бессмертие, и вся ее вечность, и все ее устройство. Да, да, да, в ней все Богочеловечески едино и неделимо: и охристовление, и освящение, и обожение, и преображение, и отрочение, и спасение. В ней все органично и благодатно связано в единое Богочеловеческое тело, под единой главою — Богочеловеком Господом Христом. Все ее члены — всегда целостные, свободные и неприкосновенные личности, соединенные единою благодатью Святого Духа через святые таинства и святые добродетели

СВОЙСТВА ЦЕРКВИ

в органичное единство, — составляют единое тело и исповедают единую веру, которая соединяет их между собою и с Господом Иисусом.

Христоносные апостолы боговдохновенно благовествуют единство и единственность Церкви, основывая такое благовестие на единстве и единственности основателя Церкви — Богочеловека Господа Христа и Его Богочеловеческой Личности. *Основания бо инаго никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, 11).

Святые таинства и святые добродетели своей устремленной ко Христу, христолобивой силой соединяют с Господом Христом всех членов Церкви всех времен и народов, они суть *едино... о Христе Иисусе* (Гал. 3, 28; ср. Кол. 3, 11.15). Это единство верных начинается с начального таинства — святого Крещения, продолжается и усиливается через остальные святые таинства, вершину же свою обретает во святой Евхаристии, осуществляющей совершеннейшее единство верных с Господом Христом, равно как и единство верных между собою (ср. 1 Кор. 10, 16–17; 12, 12). Единая всем своим Богочеловеческим существом, Церковь в то же время множественна в личностях. Подобие и образ Пресвятой Троицы: единство в Троице, Троица во единстве. Все это благодаря тому, что Второе Лицо Святой Троицы, Бог Слово стал человеком и так Собою уподобил Церковь Святой Троице. На самом деле, Церковь Господа Христа — это благодатно-добродетельное подобие и образ Пресвятой Троицы на земле, вся исполненная благодатных Божественных сил отрочения и обогочеловечения. В Церкви реализуется Первосвященническая молитва Спасителя: *да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и ти в Нас едино будут, да и мир веру имет, яко Ты Мя послал еси; и Аз славу, юже дал еси Мне, дах им: да будут едино, якоже Мы едино есма. Аз в них, и Ты во Мне: да будут совершени во едино* (Ин. 17, 21–23). Таково Богочеловеческое единство веры, таково и Богочеловеческое единство Церкви, онтология веры, онтология Церкви. Во всем зависимые друг от друга, и первая, и вторая — вся от Богочеловека, в Богочеловеке, по Богочеловеку.

Единство и единственность Богочеловеческой веры — это основа и фундамент всей Церкви Христовой. А в этой вере все

и вся — Богочеловек Иисус Христос, Который Собою, как Церковью, навеки соединил небо с землею, ангелов с людьми и, что важнее всего самого важного, Бога с людьми. Исторически очевидно и несомненно: в Богочеловеческой вере содержатся все святые Богочеловеческие таинства и святые добродетели, которые совершают наше охристовление, наше обогочеловечение, наше обожение, наше отроичение и через все это — наше спасение. Из веры, как из перводобродетели, выходят все святые добродетели и все святые таинства. Они благодаря чудесному Богочеловеку, воплощенному Богу Слову, соединяют нас с Трисвятым Божеством. Для нас, людей, это самое совершенное и самое полное единство и всеединство.

Святой Максим Исповедник благовествует Богочеловеческую истину: в Церкви «это соединение промыслительно производит Бог, дабы стала единой и воля, и естество всех (ἕσπερ μιὰ φύσις), когда все соединится, посредством (Святого. — И. П.) Духа, с Богом и друг с другом»¹. Эта истина вся реальна, вся жива, вся очевидна, вся животворна и бессмертна в богослужении Православной Церкви, в ее благодатно-добродетельной жизни Богочеловеческой. Нам, людям, Богочеловеческая вера Христова дает все и вся, что необходимо нашему человеческому существу для вечной жизни во всех Божиих мирах.

Без нее человеческое существо — ужас из ужасов, проклятие из проклятий. Этой верой мы стоим и вечно будем существовать в Церкви Спасовой. Она вся от Церкви и вся в Церкви. Единая и единственная от вершины до дна, эта вера предана *святым единою* (Иуд. 1, 3). Богочеловеком Господом Христом, через Его Богочеловеческое домостроительство спасения — Православную Церковь.

Божественную истину благовествует святой Иоанн Кассиан, говоря: «Несомненно, вне Церкви тот, кто не хранит веры Церкви»².

Подобно святым апостолам, святые отцы и учителя Церкви херувимски богомудро и серафимски ревностно исповедуют единство

¹[Макс. Исп.] Quaest. ad Thalas. [Фал., схолия ко II ответу; с. 186] // PG 90, 272 CD. [В тексте Максима Исповедника данное высказывание не относится к Церкви.]

²[Ио. Кас.] De incarn. Domini contra Nestor., lib. III, cap. 14 [De in. Dom. // PL 50, 70 A].

и единственность Церкви Православной. Поэтому понятна пламенная ревность святых отцов Церкви при всяком отделении и отпадении от Церкви и их строгое отношение к ересям и расколам. С этим связана исключительная Богочеловеческая важность святых Вселенских и святых Поместных Соборов. Благодаря их христомудрому духу и позиции Церковь не только одна, но и едина. Так же как у Господа Христа не может быть несколько тел, так у Него не может быть и несколько Церквей. Согласно своему Богочеловеческому существу Церковь одна и едина, так же как и Богочеловек Христос — один и един. Следовательно, разделение, деление Церкви на части — вещь онтологически, сущностно невозможная. Разделения Церкви никогда не было и не может быть, а были и будут отпадения от Церкви, наподобие того, как бесплодные ветви, засохнув, добровольно отпадают от вечноживой Богочеловеческой Лозы — Господа Иисуса Христа (ср. Ин. 15, 1–6). От единственной и неделимой Церкви Христовой в разное время отделялись и отпадали еретики и раскольники и тем самым переставали быть членами Церкви и сотелесниками ее Богочеловеческого тела. Так, сначала отпали гностики, потом ариане, потом духоборцы, потом монофизиты, потом иконоборцы, потом римокатолики, потом протестанты, потом униаты, потом... друг за другом все остальные приверженцы еретическо-раскольнического легиона.

2. Святость Церкви

По своей Богочеловеческой сути Церковь — несомненно, единственная организация в земном мире. В этой ее природе и вся ее святость. На самом деле, Церковь — Богочеловеческая мастерская освящения людей, а через них — и остальной твари. Она свята, как Богочеловеческое тело Христово, которому Сам Господь Христос — бессмертная глава, а Дух Святой — как бессмертная душа. Потому в ней все свято: и ее учение, и ее благодать, и ее таинства, и ее добродетели, и все силы ее, и все ее средства, собранные в ней для освящения людей и твари. Из беспримерного человеколюбия став Церковью, Бог и Господь Иисус Христос освятил Церковь Своим страданием, воскресением, вознесением, учением, чудотворением, молитвою, постом, таинствами и добродетелями — словом, всецелой

Своей Богочеловеческой жизнью. Потому и произнесено боговдохновенное благовестие: *Христос возлюбил Церковь и Себе предаде за ню, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе: да представит ю себе славу Церковь, не имущую скверны, или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна* (Еф. 5, 25–27).

Но евангельская реальность, наблюдаемая в ходе истории: Церковь полна и переполнена грешниками. Умалает ли, нарушает ли, уничтожает ли ее святость Их присутствие в Церкви? Ни за что и никаким образом. Ведь неумалимо и неизменно святы Господь Иисус — глава ее, и Дух Святой — ее сердце, и ее Божественное учение, и ее таинства, и ее добродетели. Церковь терпит грешников, хранит их в своем лоне, поучает, дабы пробудить их к покаянию и к духовному оздоровлению и преобразению, и они не препятствуют Церкви быть святой. Лишь нераскаянные грешники, упорные во зле и богоборческом зловолии, отсекаются от Церкви или видимым действием церковной Богочеловеческой власти, или невидимым действием суда Божиего, и таким образом сохраняется святость Церкви. *Измите злого от вас самех* (1 Кор. 5, 13).

Святые отцы и в своих писаниях и на Соборах апостольски ревностно и богомудро исповедали святость Церкви как ее сущностное и неизменное свойство. Отцы II Вселенского Собора догматически определили это в девятом положении Символа веры, а следующие Вселенские Соборы подтвердили это печатью согласия.

3. Соборность (кафоличность, *καθολικότης*) Церкви

Богочеловеческое существо Церкви само по себе всеохватно, вселенско, кафолично, целостно, соборно: Богочеловечески все-ленско, Богочеловечески кафолично, Богочеловечески целостно, Богочеловечески соборно. Богочеловек Иисус Христос Собою и в Себе самым совершенным и самым полным образом собрал, оцелостил, окафоличил, соединил Бога и человека, а через человека — все миры и всю тварь. Судьба твари сущностно связана с человеком (ср. Рим. 8, 19–24). Своим Богочеловеческим организмом Церковь охватывает *всяческая, яже на небеси и яже на земли, видима и невидима, аще престолы, аще господствия, аще начала,*

аще власти (Кол. 1, 16). Все — в Богочеловеке, и Он — глава телу Церкви (ср. Кол. 1, 17–18). В Богочеловеческом организме Церкви всякий верный живет полнотою своей личности как живая, богочеловеческая, троичеликая клеточка. Закон Богочеловеческой соборности охватывает все и действует через все. При этом всегда сохраняется Богочеловеческое равновесие между Божиим и человеческим. Мы, люди, в Церкви как сотелесники ее тела переживаем всю полноту своего бытия во всех Богочеловеческих масштабах, пространствах. И еще: в Богочеловеческой Церкви человек воспринимает свое бытие как ее всебытие, воспринимает себя не только как всечеловека, но и как всетварь, всетворение. Словом, воспринимает себя как благодатного богочеловека.

Богочеловеческая соборность Церкви — это, по сути, непрерывное благодатно-добродетельное охристовление человека: все собирается во Христе Богочеловеке и все переживается Им как Свое, как единый неделимый Богочеловеческий организм. Ибо жизнь в Церкви есть Богочеловеческое особорование, благодатно-добродетельный подвиг обогочеловечения, охристовления, обожения, отроичения, освящения, преобразования, спасения, обессмерчивания, овечнивания, оцерковления. Богочеловеческое особорование, Богочеловеческая соборность в Церкви поддерживается и осуществляется вечноживою Личностью Богочеловека Христа, Который совершеннейшим образом соединяет Бога и человека и всю тварь, которую вседрагоценная кровь Богочеловека Спаса омывает от греха, зла и смерти (ср. Кол. 1, 19–22). Богочеловеческая Личность Господа Христа и является душою соборности Церкви. Богочеловек и поддерживает Богочеловеческое равновесие между Божиим и человеческим в соборной жизни Церкви. Церковь вся полна и преисполнена Господом Христом, ибо она есть *исполнение Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23). Потому она — вселенская в каждой личности, пребывающей в ней и во всякой своей клеточке. Эта вселенскость, эта соборность, эта целостность, эта *καθολικότης* громогласно гремит особенно через святых апостолов, через святых отцов, через святые Вселенские и Поместные Соборы.

Организм Церкви со всех сторон — самый сложный организм, который знает человеческий дух. Почему? Потому что это

единый Богочеловеческий организм, в котором все Божественные тайны, все Божественные и Богочеловеческие силы составляют одно тело. Только всемудрый и всемогущий Богочеловек Господь Христос мог все это составить и сложить в единое тело, Свое тело, которому Он — глава, вечная глава. Он, чудесный и чудотворный Бог и человек, предводительствует и руководит всею жизнью в этом чудесном и чудотворном теле. Всякая частичка этого тела живет целым телом, но и все тело живет в каждой своей частичке. Все живут через каждого и в каждом, но и каждый живет через всех и во всех. Всякая часть растет общим ростом тела, но и все тело растет ростом каждой части. Все эти многообразные части тела, все эти органы, все эти уды, все эти чувства, все эти клеточки соединяет во единое вечноживое Богочеловеческое тело Сам Господь Христос, сочетая деятельность всякой части со всецелой соборной жизнью тела. А всякая часть трудится в меру своих сил. Силу же всякого члена Церкви составляют евангельские добродетели. Евангельская деятельность всякого члена Церкви, хотя особая и личная, всегда всесторонне соборна, совместна, обща, ибо погружена во всеобщую деятельность целого тела. И пока своей евангельскою деятельностью человек преображает себя, возрастая во Христе, до тех пор Господь Христос эту его деятельность претворяет в общую, соборную, Богочеловеческую энергию и так *возвращение тела творит в создание самого себе любовь* (Еф. 4, 16). На самом деле, деятельность всякого члена всегда лично-соборна, лично-коллективна. Даже если кажется, что член Церкви работает для себя (сравни пример подвижничества пустынных), он всегда работает для целого. Таково устройство Богочеловеческого организма Церкви, всегда ведомого и руководимого Самим Господом Христом — главою Церкви.

В соборной жизни Церкви смешаны жизни ангелов и людей, кающихся и грешников, праведников и неправедных, усопших и живущих на земле, причем более праведные и святые помогают менее праведным и менее святым расти возрастом Божиим во все большую праведность и святость. По всем членам струятся святые Богочеловеческие силы Христовы, и по малейшим и незначительнейшим по мере их благодатного вживления в организм Церкви с помощью подвига веры, любви, молитвы, поста,

покаяния и остальных святых добродетелей. Так все мы вместе растем *в Церковь святую о Господе* (Еф. 2, 21), благодатно-органично связанные между собою единою верою, едиными святыми таинствами и святыми добродетелями, единым Господом, единой истиной, единым Евангелием. И все участвуем во единой Богочеловеческой жизни Церкви, каждый на своем месте в этом теле, которое ему назначил Господь — глава Церкви, ибо тело Церкви растет из Него и Им *составляемо и счиниваемо прилично* (Еф. 4, 16). При этом Господь всякому назначает место, которое отвечает его духовным особенностям и христианским свойствам и особенно его святой евангельской любви, которую каждый добровольно возвращает в себе и которою трудится (ср. Еф. 4, 15–16). В этой соборной жизни Церкви каждый созидает, строит себя с помощью всех в любви и все — с помощью каждого, ввиду чего даже и апостолу необходимы молитвы незначительных членов Церкви.

Члены Церкви, полностью соединенные с Богочеловеком благодатно-добродетельным соединением, живут тем, что Его, и имеют то, что Его, и знают Его знанием, ибо соборным умом Церкви мудрствуют, соборным сердцем Церкви ощущают, соборной волей Церкви желают, соборную жизнь Церкви живут; все, что их, на самом деле, прежде всего — Его и всегда Его, они же всегда являются собой только через Него и Им.

Все верные в Церкви, мы составляем одно тело, для чего? Чтобы мы жили единой, святой и соборной жизнью Церкви, святой и соборной верою Церкви, святой и соборной душою Церкви, святой и соборной совестью Церкви, святым и соборным умом Церкви, святой и соборной волей Церкви. И так для нас все бывает соборным и общим: и вера, и любовь, и правда, и молитва, и пост, и истина, и печаль, и радость, и боль, и спасение, и обожение, и обогочеловечение, и бессмертие, и вечность, и блаженство. А через все это нас ведет и нами руководит, управляет и объединяет благодать Святого Духа. Мы не принадлежим себе, мы совершенно принадлежим всем в Церкви, а прежде всего душе Церкви — Духу Святому¹. Это чувство есть главное и непрерывное

¹ При этом никогда нельзя забывать, что Богочеловек Господь Христос всегда имеет Свою личную, человеческую душу.

евангельское чувство каждого настоящего члена Церкви. Никому в Церкви не принадлежит все, но каждому столько, сколько Дух Святой определил согласно месту человека в Богочеловеческом теле Церкви и по мере его Богочеловеческой веры.

Каждый новый член Церкви означает природу в теле Церкви и разрастание тела Церкви. Ибо каждый согласно своей деятельности становится сотелесником в теле Церкви. Сам Господь выделяет ему надлежащее место в теле Церкви, делая его составной ее частью. В самом деле, только в Богочеловеческом организме Церкви все работают за каждого и каждый — за всех. В самом деле, только в святой Богочеловеческой соборности Церкви Христовой совершенным образом решена проблема личности и проблема общества; только в Церкви осуществлена и совершенная личность, и совершенное общество. По сути, вне Церкви нет ни настоящей личности, ни настоящего общества. Святой Дамаскин благовествует: Христос, глава наша, дает нам Себя (*μεταδίδωσιν ἑμὶν ἑαυτόν*) и этим соединяет нас с Собою и друг с другом; поэтому мы имеем между собою согласие, и каждый получает помощь от Духа в той мере, в какой способен ее вместить¹.

Как тело Богочеловека, Церковь не ограничена в пространстве и времени. В ней всегда присутствуют все Богочеловеческие бесконечности и безграничности Спасителя. Поэтому она соборная, вселенская, всецелостная, кафоличная (*καθολική*), как в эпоху святых апостолов, так и во всякое послепостольское время: и сегодня, и завтра, и вовеки, и через всю Богочеловеческую вечность. Богочеловеческая по своей сути, Церковь предназначена всем народам, всем людям всех времен (ср. Мф. 28, 18–20). Более того, она предназначена и *всей твари* (*πάσῃ τῇ κτίσει*) (Мк. 16, 15), ибо в ней и только в ней Божественный смысл всякого создания, всякой твари. Сверх всего этого, в Церкви Христовой боголикие человеческие существа, воцерковленные и оцерковленные чувствуют себя и являют себя Богочеловечески всеценными, бессмертными, вечными, так как в ней *неть Еллин, ни Иудей, обрезание и необрезание, Варвар и скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос* (Кол. 3, 11). Бесчисленные исторические

¹[Ио. Дамаск.] In Ephes., cap. 4, vers. 11–16 [Ephes.] // PG 95, 844 A.

факты свидетельствуют о следующей истине: только в Богочеловеке Господе Иисусе Христе как Церкви все люди суть одно (ср. Гал. 3, 28). И только как таковые они Богочеловеческими силами побеждают и грех, и смерть, и диавола. По сути, через них человеколюбивый Господь Христос Сам созидает и строит Свою Церковь, поэтому ее и не могут одолеть никакие силы ада (ср. Мф. 16, 18). Ведь здесь, в конце концов, идет борьба между Богом и диаволом, а люди — это воины или в войске Христа Спасителя, или в войске всезлого диавола. История свидетельствует: никакие злые люди, даже самые кровавые диаволоносцы не смогли одолеть Церковь; она всегда через своих христоносцев одерживала победу над всеми церковборцами.

Проблема соборности — центральная проблема в христианстве. В христианстве все в центре, тут нет периферии. Чего ни коснись, прикоснешься к сердцу Христову. В Господе Христе нет ничего второстепенного, но все главное и все центральное. Ни в святом Евангелии, ни в святой Литургии нет ни одного слова, которое для истинно православного христианина могло бы быть лишним или скучным, хотя бы и повторялось ежесекундно. Так же и со словом «соборность». Оно находится в Символе веры, который непрестанно повторяется, но который, несмотря на это, остается таинствен и непонятен, ибо каждое его слово содержит абсолютную и потому непонятную, сверхумную Истину.

Чтобы можно было понять реальность соборности, идею соборности, требуется исходить из центра всего — из Святой Троицы. Святая Троица и есть идеал и совершенство соборности. Троица во Единице, Единица в Троице. В Ней совершенно осуществлен идеал соборности, равно как и соборно осуществлен идеал совершенства. В первых восьми положениях Символа веры говорится о Святой Троице, а в девятом — о святой Церкви, ибо Церковь есть образ и подобие Святой Троицы на земле. Церковь есть земной аспект Святой Троицы. В ней сливается все, что относится ко Святой Троице. Поэтому в ней все троично, все свято, все соборно. Но нельзя забывать, что ее соборность окружена чудесной благодатной троицей: единством, святостью и апостоличностью, ибо сказано: *Во едину, святую соборную и апостольскую Церковь*. Настоящей, православной, истинной, святотроической,

Богочеловеческой соборности нет без Богочеловеческого единства, без Богочеловеческой святости, без Богочеловеческого апостольства. Соборность, если она не святая, не апостоличная — не православная, не евангельская.

Очень часто понятие соборности римокатолизируется, географизируется. Но в православном понимании соборность — это не топографическое, не географическое понятие, но внутреннее, субстанциональное, психологическое. Истинная соборность идеально осуществлена во Святой Троице. Кто истинно, по-евангельски исповедует Святую Троицу, тот истинно соборен, апостольски соборен, святительски соборен.

Такое понимание соборности оправдывает само слово «соборная» которое по-гречески звучит как *καθολική*. Оно составлено из слов *καθ'* и *ῥου*, а не из слов *καθ'* и *ῥα*, ибо второе слово [*ῥα*] значит «повсеместная» и имеет географический характер, а первое [*ῥου*] — «всецелостная», основанная на цельности исповедания веры, на неделимости исповедания веры, на святом и апостольском единстве веры. Да, да, да; это слово значит: всеохватная, всесоборная, всесобирающая, кафолическая.

Богочеловеческая сила церкви Христовой, всегда действенная и деятельная и всегда всепобеждающая и непогрешимая, убедительно засвидетельствована всей историей Церкви Православной.

прагматика
и методика бого-
человеческой
соборности

Вот эта сила: *Изволися бо Святому Духу и нам* (Деян. 15, 28). В этом вся Богочеловеческая прагматика и Богочеловеческая методика первого святого Апостольского собора и всех последующих за ним святых Вселенских

Соборов и святых Поместных Соборов — прагматика и методика Богочеловеческой соборности святой Православной Церкви, бессмертно апостольской, единой и единственной. Нет сомнений, в этом и вся соборная, кафолическая, вселенская гносеология Православной Церкви. В ней все богочеловечно: Бог Дух Святый и люди — за Ним, с Ним, в Нем; Бог всегда на первом месте — человек всегда на втором месте; все — в категории Богочеловеческой Личности и деятельности Спасителя. Бог Дух Святый и есть соборная, кафолическая, вселенская, Богочеловеческая сила Церкви, ибо Он — душа в теле Церкви.

В сущности, соборность есть не что иное, как богочеловечность, ведь очеловеченный Бог Слово — Богочеловек Господь Иисус Христос и есть Тот, Кто в Себе соединяет, собирает, особоруется, овселенствует все вещи с Собою, Творцом, и все вещи между собою. В это особорование вступают и им живут свободной волей, через святые таинства и святые добродетели. Этой Богочеловеческой соборности не может быть причастен тот, кто не желает в ней участвовать по своей свободной воле. Таков сатана и таковы все бесы вместе с ним¹, а среди людей — все очерствшие, сознательно упорные и злостные, нераскаявшиеся грешники, богоборцы, безбожники, неверующие, негодяи, еретики.

Каждый христианин самим тем, что он — *стелесник* в теле Церкви, — обладатель Богочеловеческой, Святотроичной соборности. Да, он есть подобие и образ этой соборности. В этом и состоит все Божественное Троичная соборность величие человеческого существа, вся глубина, и высота, и ширина человеческой боголикости и человеческой богочеловечности. Все в нем, в конце концов, бывает и есть от Отца через Сына в Духе Святом. А это не что иное, как непрерывный подвиг отрочения и подвиг обогочеловечения. С одной целью: стать *храмом* Святой Троицы [1 Кор. 3, 16]. Таковыми стали и становятся святые подвижники, которых Церковь радостно величает и прославляет в своих молитвах. Разумеется, каждый христианин становится *храмом* Святой Троицы по мере своей ревности и труда во святых таинствах и святых добродетелях.

О Троичной соборности Церкви боговдохновенно говорит и Никеекесарийский Символ веры, благовествуя в первых восьми своих положениях таинство Святой Троицы и Богочеловеческую веру в Нее. Девятое же положение благовествует о таинстве Богочеловеческой Церкви и вере в нее. Таким образом вся Святая Троица поселяется в Церкви и живет в ней, так что в ней все происходит от Отца через Сына в Духе Святом. Об этом богокрасноречиво свидетельствуют многочисленные Троичные возгласы,

¹Св. Максим [Исповедник] богомудрствует: «По природе своей они (бесы. — И. П.) не суть злы (φύσας κακοῦ), а стали таковыми через злоупотребление естественными силами» [Макс. Исп.] De carit., cent. III, 5 [О любви III, 5; с. 121–122] // PG 90, 1020 A.

которыми обычно завершаются все молитвы Церкви и вся ее богослужбная жизнь, а прежде всего святая Литургия — ее Богочеловеческое сердце. В Церкви Пресвятая Троица непрестанно вся действует и вся священнодействует. Согласно всеистинному слову Спасителя: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. 5, 17), делает через Сына в Духе Святом. Такова природа и неизменная категория Богочеловеческой веры. Церковь полна и преисполнена Господом Христом, Богочеловеком. А благодаря Ему и через Его Богочеловеческое домостроительство спасения полна и Святой Троицей. Да, полна Святой Троицей, ибо полна Богом Сыном, через Бога Сына полна Духом Святым, и благодаря этому полна Богом Отцом. Боговдохновенно слово учителя Церкви Оригена: «Церковь полна Святой Троицы»¹.

В богочеловечности Церкви — ее Троичная соборность, и в этом ее особая вечность, вечность ее Вечной Истины, ее Вечной Правды, ее Вечной Любви, ее Вечной Жизни. Исключительная вечная новизна Нового Завета в том, что Церковь — Богочеловек Господь Христос, вечное тело Его, и Он — вечная глава ее. В Церкви непрерывно действует Всесамостоятельная Вторая Личность Пресвятой Троицы, и действует «троически», соборно с остальными Двумя всесовершенными и всесамостоятельными Лицами Пресвятой Троицы. В соборном Богочеловеческом теле Церкви, в котором существуют миллионы и миллионы личностей как сотелесников Спасовых, всякая личность обладает своей боголикой всесвободой и через святые таинства и святые добродетели живет Богочеловеческой любовью в свободной Богочеловеческой гармонии и согласии с бесчисленными членами Церкви, напоенная животворными силами Троичной соборности, которая вся присутствует в Церкви через Богочеловека Господа Христа. В этом и вся новизна, и исключительность, и совершенство Богочеловеческого общества Христова. В этом и святая тайна всех Богочеловеческих личностей в Церкви как вместе взятых, так и каждой в отдельности. Здесь вся жизнь проживается и совершается через святые таинства и святые добродетели: от Отца, через Сына в Духе Святом. Да, переживается и осуществляется отроичивание всех верных через обогочеловечение, через охристовление.

¹[Ориг. In Psalm. 23, 1 //] PG 12, 1265 В.

Ибо все человеческое отроичивается только через Богочеловека и благодаря Ему. Такова вечная категория Церкви, ее сути, ее жизни, ее Богочеловеческого бессмертия и ее Богочеловеческой вечности.

В Богочеловеческом теле Церкви все мы всем сердцем — в едином сердце, соборном сердце Церкви, умом — в едином уме, соборном уме Церкви, все мы душою — в единой душе, соборной душе Церкви, все мы жизнью — в единой жизни, соборной жизни. Отчего? Оттого, что все мы — в едином теле Церкви, в едином Христе, в едином Богочеловеке, Который и есть вечная глава этого всечудесного тела. Все члены Церкви, во всех мирах связаны суть этой святой, всеохватной и животворной Богочеловеческой соборностью. Через святые таинства и святые добродетели каждый из нас живет во всех и все в каждом. Иначе не было бы единого тела под одной главою. Наша мысль, если она соборна, если пребывает *со всеми святыми*, тогда она Христова (ср. Еф. 3, 17–19); также и чувства, и желания, и вся наша жизнь в Церкви. Все мы в Церкви благодатно-органически связаны через святые таинства и святые добродетели, причем в этом всегда творчески участвует наша свободная христоролюбивая воля. Отсюда — та сильная, neodолжимая тяга в нас, православных, к этой святой Богочеловеческой соборности и жизни в ней. Отсюда — столь частая у нас на ежедневных богослужениях молитва, молитвенный вопль: *Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянуше, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим*¹. Это значит предать Христу Богу все существо свое, все, что в нас боголико, богозданно, боголюбиво, и всю жизнь свою. Потому что в Нем — Воскрешем и Вознесенном Богочеловеке — и есть единственная Вечная Радость боголикого существа человеческого, единственная Вечная Истина и Правда, и Блаженство, и Рай, и всякое совершенство. Об этом нам свидетельствует вся История Иисуса Назарянина, равно как и вся история рода человеческого. Нет сомнений, Богочеловек Иисус Христос есть и самый совершенный Бог, и самый совершенный человек. Об этом в особенности свидетельствуют

молитвенная
 соборность

¹Великая ектения. — Ред.

бесчисленные последователи Его святой Богочеловеческой веры, прежде всего святые и христологические последователи. Ведь только в святости — настоящая, истинная, бессмертная свобода, Богочеловеческая свобода человеческой личности, и в ней — Божественная всеценность человеческого существа. Святой путь Богочеловеческой веры — мыслить соборно *со всеми святыми*, соборно ощущать, соборно жить, соборно веровать, соборно молиться, соборно подвизаться в добродетели, соборно бессмертствовать и так возрастать *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), *исполнения*, которому нет конца ни во времени, ни в вечности. Чем церковнее человек, тем он святее и соборнее чувствует, что происходит в Богочеловеческом теле Церкви и в ее Божественной главе. Ибо всякое святое таинство и всякая святая добродетель, и в первую очередь молитва, соединяет, соборует человека прежде всего с «Богом добродетелей» — Господом Христом Богочеловеком. А через Него — с Пресвятой Богородицей, *со всеми святыми* и с каждой клеточкой Богочеловеческого тела Церкви. Это молитвенное соборование, эта молитвенная соборность непрестанно продолжается через всю Богочеловеческую жизнь Церкви. На самом деле сущность Православия наиболее верно и красноречиво выражает себя через это молитвенное соборование. Молитвенная жизнь Церкви постоянно вращается вокруг Собора святых архангел и ангел, вокруг Собора святого Предтечи, вокруг Собора святых апостол, вокруг Собора святых отцов, вокруг Собора всех святых, вокруг Собора всех православных.

По сравнению с телом воплощенного Бога Слова, по сравнению с телом Богочеловека Христа — Церкви все человеческие и земные реалии — тень. Богочеловек как Бог в теле, как тело Божие, как человек — это и есть единая бессмертная и вечная реальность, ибо это единая Богочеловеческая реальность. Точнее, всереальность. Он стал ею победою над смертью, грехом и диаволом, всецелым Своим Богочеловеческим домостроительством спасения. Только Богочеловеком Христом и Его жизнью, смертью, воскресением, вознесением — Церковью — единый истинный Бог стал в человеческих мирах очевидною реальностью — всереальностью; и Святая Троица стала очевидною реальностью — всереальностью; и вечная жизнь

Церковь — единственная всереальность всех миров

стала очевидною реальностью — всереальностью; и Вечная Любовь стала очевидною реальностью — всереальностью; и Вечная Истина стала очевидною реальностью — всереальностью. Словом, все Божие, *всяко исполнение Божества* [Кол. 2, 9] Богочеловеком Христом стало реальностью — реальностью во всех человеческих мирах — телесным (σωματικῶς), вещественным, осязаемым, очевидным образом. До Богочеловека Христа, до исторического Иисуса, до Его Церкви все так называемые реальности были тенью (σκιᾶ). С Ним же — все меняется: тело Христово, Церковь, становится всеохватной исторической реальностью. Об этом нам громогласно возглашает апостольское благовестие: *яже сущь стень грядущих, тело же Христово* (Кол. 2, 17). Тело же Христово — Церковь. Значит, Богочеловек, или Церковь, — самое очевидное и осязаемое осуществление всего Божиего: *яко в Том живет всяко исполнение Божества телесне, σωματικῶς* (Кол. 2, 9), живет как тело, то есть как человек. Человеческое существо, род человеческий не может придумать ничего более реального, более истинного, более бессмертного, чем это тело, чем реальность этого тела. Так в теле Церкви Христовой осуществлен идеал всего самого возвышенного в роде человеческом. Очевиден исторический факт: в человеческих мирах нельзя даже представить, а тем более осуществить ничего более совершенного, лучшего, любезного, прекрасного и человеколюбивого, чем Богочеловек Господь Христос.

В Богочеловеке Христе и Богочеловеком Христом человеческие реальности расширились в Богочеловеческую бесконечность и вечность. Во Христе весь Бог Слово, оставаясь Богом, становится Боготелом, становится человеком, Богочеловеком. А тем самым, через это и в этом — и всей Истиной, и всей Правдой, и всей Красотой, и всей Любовью, и всяким совершенством — словом, *всяким исполнением Божества*. Нет сомнений, в этом — и бессмертие, и вечность Церкви и всех ее членов, в этом — и вся ее всепобедительность и непобедимость: ни врата ада, ни сам ад со всеми злыми духами не могут ей навредить, а тем более уничтожить ее. Богочеловеком Христом, Его Богочеловечностью вся Божественная Вечность стала доступной нам, людям, стала нашей (ср. 1 Ин. 1, 2; 5, 11). Без Него мы были слепы, мы были несчастными рабами всех смертей. Им мы прозрели

и увидели все вечности: и вечность жизни, и вечность истины, и вечность правды, и вечность человека. И не только увидели, но, благодаря Ему, воистину Единому Человеколюбцу, обрели их: все, все, все.

Человек создан как Церковь в малом, поэтому он — соборное существо, очень сложное, загадочное и таинственное. Словом, человек — Церковь в малом человек — это уникальное психофизическое существо, одновременно и единое, и множественное. Как личность он боголико един, боголико свободен, боголико целостен, боголико самостоятелен. Тело же его составлено из бесчисленных вещественных элементов; только в мозгу его имеется около двенадцати миллиардов клеточек, но самосознание у него все-таки одно, «я» у него все-таки одно. А душа его? Боголика, христолика, духолика — троицелика. И тем самым она одновременно и личная, и соборная, обладающая бесчисленными творческими силами, мыслями, чувствами и желаниями. Однако, хотя и столь сложный, человек чувствует себя единым как существо, как личность.

Богочеловек — Церковь в большом, во всех бесконечных масштабах, пространствах, величинах. Бог становится человеком и этим увеличивает, расширяет до Божественных размеров человеческое существо, человека. Только Богочеловеческая соборность Церкви объяснила соборность человеческого существа. Только в Церкви, в Богочеловеке человек впервые всесторонне осознан, объяснен, явлен во всей своей Божественной троицеликой соборности и единстве. Через сотелесничество в Богочеловеческом теле Церкви человеческая троичная соборность приходит к своему совершенству, а его единая и единственная личность достигает *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (той πληρωματος του Χριστου) (Еф. 4, 13). Поэтому человек Богочеловеческой веры, сотелесник Христов в теле Церкви, чувствует себя бессмертным и вечным во всех психофизических клеточках своего существа. Да, бессмертным и вечным, так как он богочеловечен. В Церкви нет мертвых, ведь Богочеловеческое тело Церкви Христовой — под главою Воскресшего Господа Христа: *вси бо Тому живи суть* (Лк. 20, 38). *На сие бо Христос и умре, и воскресе, и оживе, да и мертвыми, и живыми обладает* (Рим. 14, 9).

В Богочеловеке Господе Христе — Церкви — все реинтегрируется, все приобретает целостность, восстанавливается, возвращается к своему логосному единству, совоплощается всему Божию, ибо всякое человеческое существо своей Богочеловеческой верою становится сотелесником Христовым (ср. Еф. 3, 6), причастником всех воскрешающих сил Воскресшего Господа. Всечеловеколюбивый Господь Своим Богочеловеческим воскресением подарил роду человеческому Богочеловеческое бессмертие и жизнь вечную. По сути, смерти больше нет, всякий бессмертен Богочеловеческим бессмертием и имеет жизнь вечную.

В Церкви Христовой и время соборно: апостольская эпоха целостна, жива и деятельна и в наше время. И все времена, от апостольского до сегодняшнего, живут и работают как священное предание Церкви. Своим бессмертием они живут и работают через нас вплоть до Страшного суда. Прошлое Церкви — все в нашем настоящем. В Церкви всякая пора, всякое время вочленяется, вживляется в вечность через богочеловечность, которая представляет сущность всецелой Церкви и всего церковного. Мы действительно потомки всех эпох и всех членов, существовавших до нас. В нас есть что-то от всех них. Это клеточки бессмертия, которые на своем пути в вечность постоянно воплощаются во все настоящее, неся в себе все прошлое. Что есть Церковь Христова с точки зрения времени? Все прошлое, всегда присутствующее, через настоящее идет в будущее, завершающееся вечностью. А в вечности все времена Церкви соборны, кафоличны — и пространственно, и временно — целостны. И еще: Церковь — это Богочеловеческая мастерская, в которой время перерождается в бессмертие и сливается в вечность. По сути, в Церкви существует только настоящее — вечное настоящее.

Богочеловеческая соборность Церкви вся исходит из Богочеловеческой Личности Господа Христа. Ипостасное соединение в Господе Христе двух природ, Божественной и человеческой, на самом деле, есть «собор» (σύνοδος) двух природ. Это, согласно святым отцам, есть основание Богочеловеческой соборности; это ее вечная категория, и вся сущность, и вся

соборность времени
в Церкви

святоотеческая
Богочеловеческая
соборность

природа, и вся деятельность, и вся гносеология, и все совершенство. Объявить это благовестие был удостоен Богом святой Максим Исповедник: «Ипостасное соединение, по (святым. — *И. П.*) отцам, есть собор двух природ во единой ипостаси (ἡ τῶν ἐτέρων οὐσίῳν φύσεων)¹ εἰς μίαν ὑπόστασιν σύνοδος»².

Это значит, что сама соборность и мерило соборности есть Сам Богочеловек Господь Иисус Христос — Вторая Ипостась Святой Троицы. Это нам благовествуют и об этом нам свидетельствуют и святые апостолы, и святые отцы, и святые Вселенские Соборы. Благовествуют и свидетельствуют: Богочеловек есть Церковь; Богочеловек есть все и вся в Церкви; Им она существует и стоит; Им живет и бессмертствует; Им спасает и обоживает; им обогочеловечивает и охристовляет; Им освящает и отроичевает. Им Церковь — Истина, Вечная Истина; Им — и Правда, Вечная Правда; Им — и Жизнь, Вечная Жизнь; Им — и Любовь, Вечная Любовь. Вследствие этого Церковь Им, как своею главою, и непогрешима. А самый выразительный орган ее непогрешимости — святые Вселенские Соборы, которые совершаются по богоданному апостольскому правилу Богочеловеческой соборности: *Изволися бо Святому Духу и нам* (Деян. 15, 28).

Самосознание Церкви Христовой в основе своей всегда соборно, ибо всегда богочеловечно. Богочеловек Господь Христос есть сущность и залог единства и единственности церковного самосознания, ибо Он — единственная глава Церкви. В Церкви все соборно: и ум, и сердце, и совесть, и воля, и жизнь, и молитва, и всякое святое таинство, и всякая святая добродетель. Это благовестие боговдохновенно выражает святой апостол Павел, говоря: *мы же ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16). Эта всесторонняя соборность имеет свой Божественный язык в лице святых Вселенских Соборов. Это совершеннейшие блюстители соборного сознания и самосознания Церкви и прежде всего ее соборной Богочеловеческой совести и совестливости. Бог *во святых почивает*, и в них — обоженное, обогочеловеченное самосознание и совесть Церкви. Церковь как воплощенный Бог Слово и, следовательно,

¹ В греческом тексте: ἐτεροουσίῳν. — *Ред.*

² [Макс. Исп.] Epist. [XII] // PG 91, 484 A.

воплощенная Истина является верховным мерилom Истины и высшим судом Истины (ср. Мф. 18, 17) и, тем самым, языком Истины. Вселенские же Соборы по всему и во всем Богочеловечны и являются этим богоглаголивым языком и устами Истины. Всецелым своим бытием происходя от Богочеловека и Его Духа Истины (ср. Ин. 15, 26; 16, 13), они знают, они имеют, они высказывают всю Богочеловеческую Святотроичную Истину Церкви. Святотроичная Истина высказывает себя через Собор святых отцев, этих святых христоносцев и святых христовещателей.

Все, что до сих пор было сказано о Церкви как Богочеловеке, и составляет Богочеловеческую евангельскую веру, веру, которую Церковь и бессмертна, и всепобеждающа. Эта евангельская, эта Богочеловеческая вера и есть вера святых апостолов, святых отцев, святых Вселенских и святых Поместных Соборов. Ею Церковь и есть Церковь, и есть Богочеловек, воплощенная Вторая Ипостась Святой Троицы. Этой Богочеловеческой верой, которая Богочеловеком Господом Христом предана *святим единою* (Иуд. 1, 3), Церковь и является соборной, кафоличной, вселенской. Об этом исповеднически всеубедительно благовествует святой Максим Исповедник: «кафолическая Церковь (καθολικὴν ἐκκλησίαν) есть правое и спасительное исповедание веры»¹. Об этой апостольской истине неустрашимо и всемудро свидетельствует апостольский ученик, святой Игнатий Богоносец, благовествуя богооткровенную апостольскую истину о Церкви: «Где Христос Иисус, там и кафолическая Церковь (ἡ καθολικὴ ἐκκλησία)»². Святой Климент Римский апостольски громогласно заявляет: «Церковь же, будучи духовной, явилась во плоти Христовой»³. «Тринадцатый апостол», святой Афанасий Великий благовествует: Церковь есть образ и подобие Христа (τύπος καὶ εἰκὼν)⁴.

Эта Богочеловеческая вера, по сути, — первая и единственная истинная вера: Бог стал Богочеловеком, стал Церковью и,

¹ [Макс. Исп. Жит. 54; с. 87] // PG 90, 93 D.

² [Игн. Ант.] Послание Смирнянам VIII [Смирн. VIII, 2; с. 343].

³ [Кл. Рим.] Послание второе к Коринфянам XIV [2 Кор. XIV, 3; с. 506].

⁴ [Афан. Вел.] Contra arianos II, 80 [Ариан. II, 80; с. 366] // PG 26, 316 B. [В рус. пер.: «Господь никогда (не утомился повторять одно и то же) и Савлу, гнавшему тогда Церковь, на которой был Его отпечаток и образ, как будто гоним был Сам.»]

следовательно, — спасением, освящением, обогочеловечением, преобразованием, охристовлением, отрочением рода человеческого. Именно об этой Богочеловеческой вере как о всесовершенной и всеспасительной и единственно истинной вере говорит всецелое Евангелие христоносного и христомудрого апостола Павла, особенно Послание к Галатам (3, 22–29) и Послание к Евреям. Эту веру святой Игнатий Богоносец называет «непоколебимой верой» (ἀκίνητος πίστις)¹. К этой вере ничего нельзя ни прибавить, ни отнять от нее; она совершенна со всех точек зрения. Боговдохновенными свидетелями, исповедниками и хранителями этой Богочеловеческой веры и являются святые Вселенские Соборы.

Святые отцы III Вселенского Собора возглашают: «Сей святой Собор явил своим председателем и своею главою Самого Христа. Общим согласием всех святых отец Собор осудил Несториево учение и засвидетельствовал чистоту и преимущество евангельского и апостольского предания»². Те же отцы благовествуют: «Что вмещает воплощенного Бога Слова? Церковь. А чем является Он Сам? Главою тела Церкви»³. «Церковь — это зодчий, ибо руководит понятиями нашей веры»⁴. Святые отцы IV Вселенского Собора благовествуют: Церковь... — «тело верных»⁵. «Все, кто Христовы суть, связываются в единое Христово тело»⁶. «Христос есть глава, а мы, следовательно, члены и должны составлять едино тело в силу нашего единомыслия и единоверия»⁷.

Святые отцы VI Вселенского Собора заявляют: «Мы — члены между собою и составляем одно тело Христово посредством

¹[Игн. Ант.] Послание Смирнянам, I [Смирн. I, 1; с. 364. В рус. пер.: «непоколебимо тверды в вере».]

²Деяния Вселенских Соборов Т. 7. Казань, 1909. С. 281. [В указанном месте цитата не найдена.]

³Там же. С. 208. [В указанном месте цитата не найдена.]

⁴Там же. С. 521. [В указанном месте цитата не найдена.]

⁵[Собор IV. Отделение третье, XXXII. Послание (епископов) Месопотамии к императору Льву //] Там же. Т. 4. Казань, 1865. С. 531 [= Деяния Вселенских Соборов. Т. 3. СПб., 1996; с. 221].

⁶Там же. С. 514. [В указанном месте цитата не найдена.]

⁷[Собор VII. Деяние седьмое. Соборное послание к благочестивейшим государям Константину и матери его Ирине //] Там же. Т. 7. С. 295 [= Т. 4. СПб., 1996; с. 601].

единомыслия по отношению к Нему и друг к другу и веры»¹. Те же отцы говорят о святом Символе веры: в Никее посредством великого и знаменитого Собора «Троица сама продиктовала Символ веры и осудила ариеево злоухищрение»².

Исповедовать и хранить неизвращенной апостольско-святоотеческую веру — это и есть забота из всех забот всех святых Вселенских Соборов. Так, главное попечение святых отцов VI Вселенского Собора состояло в следующем: «содержать и проповедывать сие неповрежденное апостольское правило веры»³. Святые отцы V Вселенского Собора предписывают: следовать «во всем тому, что в защиту веры определено тремя... (предыдущими. — И. П.) святыми Соборами»⁴. «Одна и та же вера, которую провозгласили четыре святые Собора»⁵. Святые отцы V Вселенского Собора заявляют: «Следует же во всем же святым отцам и учителям святой Божией Церкви, то есть Афанасию, Иларию, Василию, Григорию Богослову и Григорию Нисскому, Амвросию... Проклу, Льву и приемлем все, что написано и изъяснено ими о правой вере и в осуждение еретиков... мы всегда хранили и храним веру, от начала преданную великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом святым апостолам и ими проповеданную во всем мире и изъясненную святыми отцами и особенно теми, которые собирались на четырех святых Соборах, которым мы во всем и всецело следуем»⁶. «Мы объявляем, что мы хранили и храним все, что решено и определено вышеупомянутыми четырьмя святыми Соборами; потому что четыре вышеупомянутые святые Собора, хотя и в разные времена были открываемы, однако же сохранили и провозгласили одно и то же исповедание веры... для большего водворения мира и согласия в церквах необходимо, по прекращении

¹[Собор VI. Деяние восемнадцатое. Приветственное слово от VI святого Вселенского Собора к благочестивейшему и христоролюбивому императору Константину //] Там же. Т. 6. Казань, 1908. С. 232 [= Т. 4. СПб., 1996; с. 232].

²Там же. С. 233 [= Там же; с. 233].

³[Собор VI. Деяние четвертое. Послание папы Агафона //] Там же. С. 54 [= Там же; с. 54].

⁴[Собор V. Заседание первое. Грамота императора Юстиниана отцам Собора //] Там же. Т. 5. Казань, 1914. С. 18 [= Т. 3. СПб., 1996; с. 300].

⁵Там же. С. 19 [= Там же; с. 300].

⁶[Там же.] С. 20–21 [= Там же; с. 302].

всякого раздора, соблюдение полного уважения к святым четырем Соборам и неприкосновенное хранение того, что ими определено»¹. «Отцы же святые предписали это под руководством Святого Духа, Иже и глагола в них»².

Догматы — это вечные Богочеловеческие святыни. Ум человеческий не может ни всеохватно понять их, ни придумать. Святая святым! Догматы могут быть лишь до некоторой степени поняты, причем умом Христовым, умом охристовленным. Святые отцы VII Вселенского Собора громогласно возглашают: «Догматы — дело не царей, но архиереев, так как мы имеем ум Христов»³. Председатель VII Вселенского Собора святейший патриарх Тарасий утверждает на Соборе, что в том, «что касается догматов, то погрешить ли в малом, или в великом это все равно, потому что в том и другом случае нарушается закон Божий»⁴. «Отцы ни в чем не разногласят, все, имея как бы одну душу, одно и то же проповедают, одному и тому же учат»⁵. «Все, что только установлено в церквах Божиих во славу и в честь Его, все это свято и должно быть почитаемо»⁶. Святые отцы — хранители Вселенской Церкви; они непрестанно бдят над ее мысленными стенами; они изгнали все неприятельские войска и мечом духа уничтожили древние ереси и заблуждения. Святой VII Вселенский Собор заявляет: «Да исправят нас учения богоглаголивых отцов. Почерпая из них, мы напоились истиною; следуя им, мы прогнали ложь; быв научены ими, мы с любовью приемлем честные иконы. Отцы проповедают, а мы остаемся их послушными чадами и хвалимся пред лицом матери преданием кафолической Церкви. Веруя во единого Бога, в Троице покланяемого, мы с любовью принимаем честные иконы, а не принимающие этого учения да будут под анафемою, думающие не так да будут далеко изгнаны из Церкви.

¹[Собор V. Заседание первое. Послание Евтихия, патриарха Константинопольского, к Вигилию, папе Римскому //] Там же. С. 23, 24 [= Там же; с. 305].

²Там же. С. 151. [В указанном месте цитата не найдена.]

³[Собор VII. Второе послание святого отца нашего Григория, папы Римского, о святых иконах //] Там же. Т. 7. С. 22 [= Т. 4. СПб., 1996; с. 328].

⁴[Собор VII. Продолжение первого деяния //] Там же. С. 52 [= Там же; с. 358].

⁵Там же. С. 55 [= Там же; с. 361].

⁶[Собор VII. Деяние второе. Перевод латинского послания Адриана, святейшего папы древнего Рима //] Там же. С. 68 [= Там же; с. 374].

Мы следуем древнему законоположению кафолической Церкви. Мы соблюдаем заповеди отцов. Мы анафематствуем как прибавляющих что-либо, так и отнимающих что-либо (в учении) кафолической Церкви»¹. «Мы же, во всем держась учения этих богоносных отцов наших, проповедем это учение едиными устами и единым сердцем, ничего не прибавляя и ничего не убавляя из того, что предано нам... Мы исповедуем и учим так, как определили и утвердили святые и Вселенские шесть Соборов»².

После того как VII Вселенский Собор принял необходимые решения и каждый участник поставил свою подпись, со словами: «постановил и подписал», то и святой Собор провозглашает: «Все мы так веруем; все так думаем; все мы в этом согласны и подписались. Это вера апостольская, это вера православная, эта вера утвердила вселенную!»³.

В Послании о своей деятельности на Соборе, которое святые отцы VII Вселенского Собора направили иереям и клирикам константинопольским, говорится: «Итак, мы последовали преданию кафолической Церкви и ничего не убавили, не прибавили, но по наставлению апостола сохраним предания, которые получили, и допускаем и с любовью принимаем все, что изначала приняла неписьменно или письменно святая кафолическая Церковь, в том числе и живописные иконные изображения. А что отвергали Божественные отцы наши, то отвергаем и мы, и считаем это враждебным Церкви... Истинный и самый правильный суд церковный состоит в том, чтобы не допускать в ней нововведений, а также и не отбрасывать ничего. Итак, следуя отеческим законам и получив благодать от единого Духа, мы все, что касается Церкви, сохранили неизменно и без убавления, как предали святые шесть Вселенских Соборов, и что только они оставили в Церкви достойного почитания, все это мы принимаем без всякого колебания»⁴. «Прибавляющих что-либо к учению кафолической Церкви или

¹[Собор VII. Деяние четвертое //] Там же. С. 169 [= Там же; с. 475].

²[Собор VII. Деяние четвертое. Соборное определение, провозглашенное Евфимием, епископом Сардийским //] Там же. С. 170 [= Там же; с. 476]. Ср. [окончание пятого деяния (анафемы и многолетия)]. С. 205 [= с. 511].

³[Собор VII. Продолжение седьмого деяния //] Там же. С. 293 [= Там же; с. 599].

⁴[Собор VII. Деяние седьмое. Соборное послание к клиру царствующего града //] Там же. С. 299, 300 [= Там же; с. 605, 606].

отнимающих что-либо от него мы анафематствуем»¹. «Поелику это так и поелику это засвидетельствовано нам, то мы с радостью... и с любовью принимаем Божественные правила... (изложенные. — И. П.) трубами Духа святыми, всеславными апостолами и шестью святыми Вселенскими Соборами, а равно Соборами, поместно собиравшимися для издания таких заповедей, и, наконец, святыми отцами нашими. Все они были просвещены одним и тем же Духом и узаконили полезное. И кого они предают анафеме, тех и мы анафематствуем, а кого извержению, тех и мы отлучаем, кого же подвергают епитимии, тех и мы также подвергаем»².

Вселенские Соборы — это, несомненно, совесть Церкви Христовой. Они наиболее совершенно и имеют, и знают, и видят, и исповедуют Истину Христову. И защищают ее. Поскольку Богочеловек Господь Христос есть воплощение Истины, Всеистины, то для них всякое отступление от нее или выступление против нее, по сути, — отступление от Христа и выступление против Христа.

Вселенские Соборы
о ересях

Таково все делание антихриста и его предтеч. Святые отцы, эти святейшие и прозорливейшие очи Церкви, насквозь видят и утверждают, что еретики — «предтечи антихриста»³. Как приход и деятельность антихриста будет вся *по действию сатанину* (2 Сол. 2, 9), так и действие всякой ереси всегда осуществляется по действию дьявола. Богоносные отцы I Вселенского Собора утверждают, что еретики, носимые дьяволом, совершают свою безумную и душегубительную работу⁴. Святоотеческое свидетельство: во всякой ереси и за всякой ересью таится и скрывается дьявол⁵. Поэтому святые отцы Соборов являются столь непримиримыми противниками

¹[Собор VII. Деяние восьмое //] Там же. С. 301 [= Там же; с. 607].

²[Собор VII. Деяние восьмое. Церковные правила, провозглашенные II Никейским Собором (1) //] Там же. С. 302, 303 [Там же; с. 608–609].

³[Собор I. Окружное послание Александра, епископа Александрийского //] Там же. Т. 1. Казань, 1859. С. 38 [= Т. 1. СПб., 1996; с.17].

⁴[Собор I. Послание Александра, епископа Александрийского, к Александру, епископу Константинопольскому //] Там же. С. 40 [= Там же; с. 20. Ср.: «Сослужители наши... в еретиках действующей силе дьявола дают возможность сильнее действовать против Христа»].

⁵[Собор I. Послание Александра, епископа Александрийского к Александру, епископу Константинопольскому //] Там же. С. 44 [= Там же; с. 20].

всякой ереси. Поэтому они столь единодушно и единогласно анафематствуют еретиков¹.

После того как все присутствовавшие отцы VI Вселенского Собора подписали Соборные решения, «святой Собор воскликнул: все так веруем; одна вера; все так думаем; все мы подписали по согласию и сочувствию... Сия вера апостолов; сия вера отцов, сия вера православных... Несторию, Евтихию, Диоскору анафема. Аполлиналию и Северу анафема. Единомысленникам их анафема. Феодору Фаранскому анафема. Сергию и Гонорию анафема. Пирру и Павлу анафема. Киру и Петру анафема. Макарию, Стефану и Полихронию анафема. Всем вообще еретикам анафема»².

Святой Вселенский Собор в Халкидоне вынес следующее решение: «Не позволять никому произносить или писать и слагать иную веру кроме определенной святыми отцами, со Святым Духом сошедшимися в Никее. А кто дерзнет или составить иную веру, или произносить, или предлагать... то таковые, если они епископ или клирики, да будут отлучены — епископы от епископства, клирики от клира, а миряне да подвергнутся анафеме»³. Суд Церкви всегда считал, что отнимающий что-либо от веры, или прибавляющий к ней заслуживает отлучения. «Ибо вера, полно и ясно преданная нам апостолами, не допускает ни приложения, ни уменьшения»⁴.

Ересь — это душегубительная сила, которая потопляет человека во всех смертях, так как отделяет его от Церкви Христовой, в которой только и заключено бессмертие и жизнь вечная для человеческого существа. Святые отцы VII Вселенского Собора благовествуют: «Ересь отделяет от Церкви всякого человека»⁵. Еретики обычно берут те или иные места из боговдохновенного

¹[Собор VI. Деяние восемнадцатое //] Там же. Т. 6. Казань, 1908. С. 219 [= Т. 4. СПб., 1996; с. 219].

²[Собор VI. Деяние первое. Подпись благочестивейшего и христоролюбивого императора Константина //] Там же. Т. 6. С. 230 [= Там же; с. 230].

³[Собор III. Деяние шестое. Определение святого Собора о вере //] Там же. Т. 1. С. 763 [= Т. 1. СПб. 1996; с. 334].

⁴[Собор III. Отделение первое, XIV. Послание Келестина к Несторию //] Там же. С. 384 [= Там же; с. 168].

⁵[Собор VII. Продолжение первого деяния //] Там же. Т. 7. С. 47 [= Т. 4. СПб. 1996; с. 353].

Священного Писания и своими безбожными рассуждениями уродуют то, что правильно было изречено Духом Святым. На это указывает апостол Петр, говоря: *яже ненаучени и неутверждени развращают* (2 Пет. 3, 16), «потому что еретикам свойственно искажать, по своему желанию, смысл истинных и Божественных догматов»¹.

Им своими софизмами хотелось бы запугать нас, христиан, как детей². «Они заболели непониманием значения церковных преданий и, подвергнувшись этой смертоносной болезни, повредили свой ум»³. «Отпадение от истины есть ослепление ума и рассудка»⁴. Слова Спасителя *врата адова* (Мф. 16, 18), по толкованию святых отец V Вселенского Собора, означают: «смертоносные уста еретиков»⁵.

Святые каноны – святые хранители святых догматов; святые хранители Богочеловеческих святынь Богочеловеческой веры православной. В Богочеловеческом существе и жизни Церкви они необходимы и обязательны. Об этом свидетельствуют все святые Вселенские Соборы, все святые Поместные Соборы и вообще святые отцы. Первое правило святого IV Вселенского Собора гласит: «От святых отец, на каждом Соборе донныне изложенные правила соблюдати признали мы справедливым»⁶. Так только и может сохраниться истинная неповрежденная вера Богочеловеческая, православная. Святые отцы святого IV Вселенского Собора в первом правиле определяют: «Хранити неприкосновенно нововведениям и изменениям веру... ниже прибавляти что-либо, ниже убавляти»⁷. Во втором правиле те же святые отцы предписывают: «Согласием нашим запечатлеваем и все прочие священные правила, изложенные от святых и блаженных отец

наших... Никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменяти, или отменяти, или, кроме предложенных правил, приимати другия, с подложными надписаниями составленныя некими людьми, дерзнувшими кормчествовати истиною»¹. В двадцать первом правиле Гангрского Собора святые отцы говорят: «Желаем, да бывают в Церкви вся принятая от Божественных Писаний и апостольских преданий»². В своем «Первом каноническом послании святому Амфилохию Иконийскому», в первом правиле, святой Василий Великий говорит: «Отступившие от Церкви уже не имели на себе благодати Святаго Духа. Ибо оскудело преподавание благодати, потому что пресеколось законное преемство»³.

Святые отцы в первом правиле II святого Вселенского Собора определяют: «Да предается анафеме всякая ересь»⁴. Правило тридцать третье Лаодикийского Собора предписывает: «Не подобает молитися с еретиком или отщепенцем»⁵. Правило сорок пятое святых апостол заповедует: «Епископ, или пресвитер, или диакон с еретиками молившийся токмо, да будет отлучен»⁶. Правило десятое святых апостол: «Аще кто с отлученным от общения церковного помолитися, хотя бы то было в доме: таковый да будет отлучен»⁷. Правило сорок шестое святых апостол гласит: «Епископа, или пресвитера, приявших крещение или жертву еретиков, извергати повелеваем»⁸. Святой Василий Великий в «Первом каноническом послании святому Амфилохию Иконийскому» в первом правиле говорит: «от начала бывшим отцам, угодно было крещение еретиков совсем отметати, крещение раскольников, яко еще не чуждых Церкви, приимати»⁹.

Соборность Церкви? Она вся зависит от Богочеловеческой апостолчности, от Богочеловеческого единства. А также от нашей Богочеловеческой веры, от нашей Богочеловеческой любви,

¹ [Собор VII. Деяние шестое. Том четвертый //] Там же. С. 240 [= Там же; с. 546].

² Там же. С. 241 [= Там же; с. 546].

³ [Собор VII. Деяние шестое. Том шестой //] Там же. С. 267 [= Там же; с. 573].

⁴ Там же. С. 272 [= Там же; с. 578].

⁵ Там же. Т. 5. Казань, 1914. С. 211. [В указанном месте цитата не найдена.]

⁶ Правила православне Цркве [са тумачењима] др. Никодима Милаша. [Задар, 1884.] С. 57 [= Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец. Троице-Сергиева лавра, 1992. С. 53].

⁷ Там же. С. 69 [= Там же; с. 67, 71].

¹ Там же. С. 70 [= Там же; с. 71, 72].

² Там же. С. 129 [= Там же; с. 151].

³ Там же. С. 269 [= Там же; с. 308].

⁴ Там же. С. 48 [= Там же; с. 40].

⁵ Там же. С. 142 [= Там же; с. 168].

⁶ Там же. С. 32 [= Там же; с. 19].

⁷ Там же. С. 26 [= Там же; с. 13].

⁸ Там же. С. 32 [= Там же; с. 20].

⁹ Там же. С. 268 [= Там же; с. 307].

от нашего Богочеловеческого жительствова, от нашей Богочеловеческой молитвенности, от нашей Богочеловеческой добродетельности, от нашего Богочеловеческого охристовления. Словом, соборность Церкви вся зависит от Богочеловека Господа Христа: *всяческая и во всех Христос* (Кол. 3, 11); *вси бо вы едино есте о Христе Иисусе* (Гал. 3, 28). *Яко Тем создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы, аще господствия, аще начала, аще власти: всяческая Тем и о Нем создашася. И той есть прежде всех, и всяческая в нем состоятся. И той есть глава телу Церкви, иже есть начаток... да будет во всех Той первенствующий* (Кол. 1, 16–18). *Церковь есть Тело Его, исполнение Исполняющего всяческая во всех* (Еф. 1, 23).

В Церкви Христовой, которая есть тело Христово, все имеет свое Богочеловеческое место; все слажено, все Богочеловечески устроено и составлено. Господь Христос — глава Церкви — хранит в Богочеловеческой соборности все видимые и невидимые миры. На самом деле, Богочеловек Господь Христос и есть вся глубина, вся высота, вся широта соборности. Он — все в нас, все — во всем нашем: все — в вере, все — в любви, все — во всякой нашей добродетели, все — во всяком нашем святом таинстве. Через Него и Им всякая наша добродетель становится Богочеловечески соборной, Богочеловечески апостольской и святоотеческой. Господом Христом мы — небоземные существа, и, пока мы на земле, *наше... житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

Все наше Господь Христос соборует Своей Богочеловеческой силой. В Церкви, теле Христовом, мы всегда живем соборно, *со всеми святыми* (Еф. 3, 18); всякий наш молитвенный вздох благодатью Христовою претворяется в соборное воздыхание; всякая наша добродетель преобразуется в соборную, Богочеловеческую добродетель; все наше в Богочеловеческом, соборном теле Церкви претворяется в апостольско-святоотеческое жительство; с помощью животворных сил Богочеловеческих все вохристовляется и охристовляется, обогочеловечивается и обоживается. В Церкви каждый христианин становится Богочеловечески соборным существом; становится своего рода благодатным всечеловеком, Богочеловеческим всечеловеком. Одним словом, становится

благодатным богочеловеком. В Богочеловеческом теле Христовом, Церкви, все вещи переживаются во всех их логосных, Богочеловеческих размерах. И в этом своем соборном подвиге обогочеловечения воспринимается благовестие — евангельское всеблаговестие: Богочеловек Господь Христос — *Алфа и Омега, начаток и конец... Сый, и Иже бе, и Грядый, Вседержитель* (Откр. 1, 8.10.17; 21, 6).

Таковым Богочеловеком — *Вседержителем* — в Церкви и через Церковь осуществляется Богочеловеческая соборность Церкви, причем осуществляется силами святого предания, апостольско-святоотеческими силами. А свыше всего, самой чудесной и самой совершенной Личностью этой планеты — Богочеловеком Христом Иисусом. Из этого и происходит спасительный совет святого Благовестника: *Тем же убо и мы толик имущи облажаещ нас облак свидетелей, гордость всяку отложше и удобь обстоятельный грех, терпением да течем на предлежащий нам подвиг: взирающе на начальника веры, и совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащая Ему радости претерпе крест, о срамоте не радив, одесную же престола Божия седе* (Евр. 12, 1–2). И так Он осуществляет Богочеловеческую соборность всех Богочеловеческих благовестий и всех Богочеловеческих реальностей в теле Своем — Церкви Своей.

Богочеловек и есть эта всемогущая и все совершенная особоружающая сила, которая совершенно особоружает всю тварь и Творца телом Своим — Церковью. Но так же точно Он особоружает и все миры, видимые и невидимые. На самом деле, самая совершенная соборность в нашем человеческом мире осуществлена в Богочеловеке Христе, в Его Богочеловеческом теле — Церкви. Душа же этой соборности — святое предание, апостольское и святоотеческое. Вся тварь представлена в Богочеловеке Христе. Поэтому вся тайна твари — в Богочеловеке Христе, а также и вся тайна Бога. Нет сомнений, человек есть человек Богочеловеком, но и Бог есть Бог Богочеловеком. Таким образом, в Богочеловеке заключена единственно истинная антроподицея, но так же и единственно истинная теодицея. В Нем, только в Нем есть и совершенный Бог, и совершенный человек. Вне Него, Богочеловека, нет ни истинного Бога, ни истинного человека.

4. Апостоличность Церкви

Святые апостолы — это первые боголюди по благодати. Всею своею жизнью каждый из них, подобно апостолу Павлу, говорит о себе: *живу же не тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Каждый из них — это повторенный Христос; и даже более — продолженный Христос. В них все богочеловечно, ибо все от святых добродетелей: веры, любви, надежды, молитвы, поста и остальных. А это значит, что все, что в них есть человеческого, живет Богочеловеком, мысля Богочеловеком, чувствуя Богочеловеком, творя Богочеловеком, желая Богочеловеком. Для них исторический Богочеловек, Господь Иисус Христос, — и высшая всеценность, и верховное всемерило. В них все от Богочеловека, ради Богочеловека и в Богочеловеке. И так всегда и так везде. Это для них бессмертие и в земном времени, и в земном пространстве. Этим они еще на земле связаны со всею Богочеловеческою вечностью Христовою.

Вся эта Богочеловеческая апостоличность полностью продолжена в земных наследниках христоносных апостолов: в святых отцах. Меж ними, в сущности, нет никакого различия, в них одинаково живет, и трудится, и бессмертствует, и вечнует один и тот же Богочеловек Иисус Христос, *Иже вчера, и днесь тойже, и вовеки* (Евр. 13, 8). В святых отцах находят продолжение святые апостолы со всеми своими Богочеловеческими богатствами, Богочеловеческими мирами, Богочеловеческими святынями, Богочеловеческими таинствами, Богочеловеческими добродетелями. Святые отцы, по сути, непрестанно апостольствуют, и как обогочеловеченные личности, и как епископы поместных Церквей, и как члены святых Вселенских Соборов и святых Поместных Соборов. Для всех них одна Истина, одна Всеистина — Богочеловек Господь Иисус Христос. Смотри, святые Вселенские Соборы от первого до последнего исповедуют, защищают, веруют, благовестят и всебдительно хранят только одну всеценность — Богочеловека Господа Иисуса Христа.

Главное Предание, Всепредание Православной Церкви и есть живой Богочеловек Христос, весь заключенный в Богочеловеческом теле Церкви, которому Он — бессмертная, вечная глава.

Это не только благовестие, но и всеблаговестие святых апостол и святых отец. Они ничего не знают, кроме Христа распятого [ср. 1 Кор. 2, 2], Христа воскресшего, Христа вознесенного. Все они всецелою жизнью и учением своим единодушно и единогласно свидетельствуют: Богочеловек Христос — весь в своей Церкви, как в теле Своем. Каждый из святых отцов может с правом сказать вместе со святым Максимом Исповедником: «Я ни в коем случае не говорю ничего своего, но говорю то, чему сам научился от отцов, ничего не изменяя в их учении» (ἐμὸν μὲν οὐδὲν ἔρω παντελῶς· ὁ δὲ παρὰ τῶν πατέρων ἐδιδάχθην, φημί, [παραμείβων τῆς αὐτῶν ἐπὶ τούτοις διδασκαλίας])¹. А из бессмертного благовестия святого Иоанна Дамаскина струится соборное исповедание всех святых богопрославленных отцов: «Все, переданное нам (πάντα τὰ παραδεδομένα ἡμῖν) как законом, так и пророками, апостолами и евангелистами, мы принимаем, и знаем, и почитаем, не разыскивая ничего сверх этого... Да удовольствуемся этим и да пребудем на том, *не прелагая предел вечных* (Притч. 22, 28) и не преступая Божественного предания»². И наконец трогательный святоотеческий призыв святого Дамаскина, адресованный всем христианам: «Поэтому, братие, станем на скале веры и на предании Церкви, не удаляя со своего места *предел, яже положиша святые отцы* наши, не давая места тем, которые желают вводить новое и разрушать здание святой соборной и апостольской Церкви Божией. Ибо, если будет дана свобода всякому желающему, то мало-помалу будет погублено все тело Церкви»³.

Священное предание все от Богочеловека, все от святых апостол, все от святых отец, все от Церкви, в Церкви, Церковью, все — Церковь. Святые отцы суть не что иное, как только «хранители апостольского предания». Все они, как и святые апостолы, являются только *свидетелями* одной и единственной Истины, Всеистины — Богочеловека Христа. Ее они неустанно исповедуют и проповедуют, они — *всезлатые уста Бога Слова*⁴.

¹[Макс. Исп.] Epist. XV [Epist. XV] // PG 91, 544 D.

²[Ио. Дамаск.] De fide I, 1 [Точное изложение I, 1; с. 157] // PG 94, 792 A.

³[Ио. Дамаск.] De imagin. Orat. III, 41 [Икон. III, 41; с. 15] // PG 94, 1356 CD.

⁴Неделя седьмая по Пасхе, святых отец I Вселенского Собора, на утрене, Слава на Хвалитех, святых отец.

Богочеловек Господь Христос один, един и неделим. Точно так же и Церковь одна, едина и неделима, ибо она — воплощение Богочеловека Христа, продолженное через все века и через всю вечность. Такова она по своей природе, такова — и в своей земной истории. Церковь не может делиться. От нее можно лишь отпасть. Это единство и единственность Церкви — Богочеловеческого характера от начала и через все века во всю вечность. Бессмертная мысль святого Григория Богослова, воспетая Богом, благовестует следующую Богочеловеческую истину: «Один Христос, одна глава Церкви»¹.

Апостольское преемство, апостольское наследие — от начала до конца Богочеловеческой природы. Что святые апостолы передали своим наследникам как наследство? Самого Богочеловека Господа Христа, со всеми непреходящими богатствами Его чудесной Богочеловеческой Личности, Христа — главу Церкви, единую ее главу. Если апостольская наследственность не передает этого, она перестает быть апостольской, и здесь, по сути, больше нет апостольского предания, нет апостольской иерархии, нет апостольской Церкви.

Священное предание — это Евангелие Господа Христа и Сам Господь Христос, Которого сила Духа Святого привносит во всякую верующую душу, во всецелую Церковь. Все, что Христово, силою Духа Святого становится нашим, человеческим, причем в теле Церкви. Дух Святой — строитель Церкви, всякого верного Он, как клеточку, встраивает в тело Церкви, делает его *стелесником* Богочеловека (ср. Еф. 3, 6). Действительно, Дух Святой благодатью святых таинств и святых добродетелей обогочеловечивает всякого верного. Ибо что такое жизнь в Церкви? Не что иное, как благодатное обогочеловечение всякого верного через его личные евангельские добродетели, через его вохристовление и охристовление, через воцерковление и оцерковление. Вся жизнь христианина есть непрерывный христоцентричный Духов день: Дух Святой через святые таинства и святые добродетели подает Христа Спасителя каждому верному, делает Его живым преданием, живой жизнью нашей. *Христос... — живот наш* (Кол. 3, 4).

¹[Григ. Богосл.] Orat. XXXVII, 8 [Слово XXXVII, 8; с. 514] // PG 36, 292 [В].

Тем самым все Христово становится нашим, на всю вечность нашим: и Его Истина, и Его Правда, и Его Любовь, и Его Жизнь, и вся Его Божественная Ипостась.

Священное предание? Это Сам Господь Иисус Христос Богочеловек со всеми богатствами Своей Божественной Ипостаси, а через Него и ради Него — и всецелая Святая Троица. Наиболее полно это дано и выражено в святой Евхаристии, в которой ради нас и ради спасения нашего совершается и обновляется всецелое Богочеловеческое домостроительство спасения. Здесь весь Богочеловек со всеми чудесами и чудотворными Своими дарами, здесь и вообще в молитвенной, богослужбной жизни Церкви. Сквозь все это непрестанно струится всечеловеколюбивое благовестие Спасителя: *се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20) — весь в апостольстве и через апостольство со всеми верными до скончания века. Это и есть всецелое святое предание апостольской Церкви Православной: жизнь во Христе, жизнь во Святой Троице — охристовление и отроичение (ср. Мф. 28, 19–20).

Исключительное значение имеет следующее: в православной Церкви Христовой священное предание всегда живо и живо-творно составляют Священное Писание, святая Литургия, все святые богослужения, все святые таинства, все святые добродетели, вся Вечная Истина, вся Вечная Правда, вся Вечная Любовь, вся Жизнь Вечная, весь Богочеловек Господь Христос, вся Святая Троица, вся Богочеловеческая жизнь Церкви в своей Богочеловеческой полноте, со Пресвятой Богородицей и всеми святыми.

Личность Богочеловека Господа Христа, преображенная в Церковь, погруженная в молитвенное, богослужбное безбрежное море благодати, вся в Евхаристии и вся в Церкви — это и есть святое предание. Эту истину благовестят и исповедуют святые апостолы, святые отцы и святые Вселенские Соборы. Молитвою и благочестием священное предание хранится от всякого демонизма и диавольского гуманизма; в нем весь Господь Христос, Который и есть вечное Священное Предание. *Велия есть благочестия тайна: Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16), явился как человек, как Богочеловек, как Церковь, и Своим всечеловеколюбивым подвигом спасения и обогочеловечения человека возвеличил и вознес человеческое существо превыше Пресвятых херувим и Всесвятых серафим.

Сама апостоличность Церкви — всем существом своим от Самого Господа Христа. Ибо Господь Христос — Апостол и Архиерей веры нашей (ср. Евр. 3, 1). Он Апостол (Посланник) Бога Отца, Апостол Святой Троицы: Он — Спаситель со всецелым Богочеловеческим домостроительством спасения. Апостол и Первосвященник, Который Собою священнодействует и совершает все богослужение спасения нашего, нашего обогочеловечивания, нашего охристовления, нашего отроичения. Он — Первоверховный Апостол, делающий апостолами всех последующих апостолов, и Вечный Архиерей, делающий архиереями всех последующих архиереев в Церкви Своей. Он Собою исполняет и вдохновляет всех апостолов; Он, Первоапостол, апостольствует в них, из них и через них и делает их апостолами звания *небеснаго* (Евр. 3, 1). Он в неизмеримом Своем человеколюбии через Богочеловеческий подвиг отождествляет Себя с ними. Для того Он им и говорит, и свидетельствует следующее благовестие и истину: *уже вас приемлет, Мене приемлет* (Мф. 10, 40). На самом деле, все апостольство от Всеапостола — Господа Христа Богочеловека. И здесь все исходит из Богочеловека Господа Христа и все сводится к Нему. Отсюда происходит в Церкви и Богочеловеческая святость, и Богочеловеческое единство, и Богочеловеческая соборность, и Богочеловеческая апостоличность.

Богочеловек — Спаситель, Богочеловек — спасение — это содержание всецелой апостоличности: и апостольской жизни, и апостольского учения, и апостольского бессмертия, и апостольской всесильности, и апостольского чудотворства, и апостольской вечности, и апостольской богочеловечности. На самом деле, апостоличность есть не что иное, как богочеловечность Спасова со всеми ее всепобеждающими силами. Поэтому святые апостолы — основание Церкви, *сущу краеугольну Самому Иисусу Христу*, на котором и растет вся Церковь Богочеловеческим своим ростом (Еф. 2, 20–21). И еще: святые апостолы, по благовестию возлюбленного Христом боговидца и тайновидца, суть двенадцать оснований Церкви Спасовой и на них имен дванадесять Апостол Агничих (Откр. 21, 14). Отсюда происходит и вечная истина: насколько Бог выше ангелов, настолько и Богочеловеческое апостольство выше ангелов (ср. Гал. 1, 8). В земном мире апостолы более важные

и убедительные свидетели Истины Христовой, Церкви Христовой, чем ангелы (ср. Гал. 1, 6–9).

Апостольство во всем есть Богочеловеческий дар от Бога, приятие от Бога всех Богочеловеческих сил и мощи всецелого Богочеловеческого домостроительства спасения, всецелой благодати спасения (ср. Деян. 1, 25). Апостолы — чьи посланники? Божии, Богочеловека. Они посланы со всецелым домостроительством Богочеловеческого домостроительства спасения, со всецелой Церковью: со всеми ее святыми таинствами и святыми добродетелями, в которых и с которыми весь Спаситель, весь Господь спасения — Богочеловек Иисус Христос. Только та Церковь апостольская, которая имеет апостольское преемство, прежде всего — апостольскую иерархию, которая верна всему апостольскому преданию (ср. 2 Сол. 2, 15; 1 Тим. 4, 12–14; 6, 20; 2 Тим. 1, 6.12–14). От апостолов Богочеловека *Дух Святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа Кровию Своею* (Деян. 20, 28). В Богочеловеческом, апостольском предании заключено Богочеловеческое учение и Богочеловеческое управление Церковью. По сути, в Церкви все и вся от Богочеловека Господа Христа, ибо она есть воплощенный Бог Слово и она Им — Истина, Им — *столн и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). В ней и устная и писанная Библия, и все святые Богочеловеческие тайны всех миров.

Вся непобедимость и вся всепобедность святых апостолов — от Господа Христа, вся чудотворность и всесильность — также от Него (ср. Мф. 10, 1–42). Он дает им *власть на вся бесы* (Лк. 9, 1) и исцелять *всяк недуг и всяку язю в людех* (Мф. 4, 23). Превеликий апостол благовествует: через Господа Христа *прияхом благодать и апостольство в послушание веры во всех языцех о имени Его* (Рим. 1, 5). Апостольство святых апостолов — всегда *апостольство... о Господе* (1 Кор. 9, 2). Один и тот же Господь Христос действует во святых апостолах и через всех апостолов (ср. Гал. 2, 8). Двенадцать Своих учеников Господь *Апостолами нарече*, ибо все в них — от Него (Лк. 6, 13). Поэтому и жизнь в Церкви есть не что иное, как пребывание *во учении Апостол и во общении* (Деян. 2, 42). Бессмертно благовестие и истина: *положи Бог в Церкви первее Апостолов, второе пророков, третье учителей* (1 Кор. 12, 28). Святые апостолы непрестанно подчеркивают, что они призваны

и посланы на апостольство (ср. Рим. 1, 1; 1 Кор. 1, 1), что они апостолы Христовы (2 Кор. 1, 1; 1 Пет. 1, 1; 2 Пет. 1, 1). Чудесна и чудотворна сила Господа Христа: Он человеческое ничтожество претворяет во всеильное Богочеловеческое апостольство (ср. 2 Кор. 12, 9–10; Флп. 4, 13; Кол. 1, 29; 1 Тим. 1, 12). Чудесным образом призванный на апостольство Самим Господом Христом, святой апостол Павел возглашает благовестие: *Павел, Апостол ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом* (Гал. 1, 1). Ко всем святым апостолам относится истина: тайна Христова *открыся святым Его Апостолом... Духом Святым* (Еф. 3, 5), а через них — и всем наследникам и последователям святых апостолов.

Наследники всецелой Богочеловеческой апостоличности — святые отцы. Все апостольские святые — душа их души, жизнь их жизни, бессмертие их бессмертия, вечность их вечности, благовестие их апостольского Богочеловеческого Евангелия. А через все это и во всем этом — весь Богочеловек Господь Иисус Христос, со всеми богатствами Своего существа; Он — Спаситель, Он — Воскреситель, Он — Рай, Он — Истина, Он — Правда, Он — Любовь, Он — Благо, Он — Воскресение, Он — Церковь, Он — Основатель и Завершитель Богочеловеческой веры, Он — все и вся для человеческого существа во всех мирах. Он — один и тот же во святых апостолах, один и тот же и во святых отцах, словом, всегда один и тот же в Богочеловеческом теле Своем — Церкви; Он — Богочеловек Господь Иисус Христос *вчера, и днесь Тойже, и во веки* (Евр. 13, 8).

Святой Максим Исповедник благовествует: кто принимает святых апостолов — Христа принимает, Бога принимает; кто их отвергает — отвергает Самого Христа. Святым апостолам противостоят лжеапостолы, еретики: кто их принимает — принимает диавола¹. Святой Ириней свидетельствует: «Кто не согласен с ними (со святыми апостолами. — *И. П.*), тот... презирает и Самого Христа Господа, презирает и Отца, и сам собою осужден, противясь своему собственному спасению, что и делают все еретики»². Предание

¹[Макс. Исп.] Acta 9–10. [Rel. mot.] // PG 90, 144 C — 145 A.

²[Ирин. Лион.] Contra haer. III, 1, [2] [Ерес. III, 1, 2; с. 220–221] // PG 7, 845 B — 846 A.

святых апостолов хранится в Церкви с помощью преемственности, наследования епископов. Епископы — наследники апостолов. «В таком порядке и в таком преемстве церковное предание от апостолов и проповедь истины дошли до нас»¹. И это исчерпывающее доказательство тому, что одна и та же животворящая вера сохранилась со времени апостолов до сих пор и передана нам в истинном облике². «Апостолы и их ученики учили так, как проповедует Церковь, и, уча так, были совершенны»³. «Истинное познание (γνώσις ἀληθείας) есть учение апостолов, и изначальное устройство Церкви во всем мире, и признак Тела Христова (character corporis Christi), состоящий в преемстве епископов, которым те (апостолы. — *И. П.*) передали сущую повсюду Церковь; и она во всей полноте дошла до нас с неподдельным соблюдением Писаний»⁴. Святой Ириней учит еще, что все, кто вне Церкви — вне Истины (*ἐκτὸς τῆς Ἀληθείας... ἐκτὸς τῆς Ἐκκλησίας*)⁵. Учение апостолов — древний организм Церкви, сущей во всем мире; особенный признак тела Христова (Церкви) — преемство епископов⁶. Небесная, апостольская, херувимская мысль святого Ирины: «Церковь устроилась по образу Сына Его»⁷.

Всепобеждающий воин православной веры, святой Афанасий Великий благовествует: «От Спасителя чрез апостолов имеем веру»⁸. «Посмотрим еще на самое первоначальное предание, на учение и веру вселенской Церкви — веру, какую предал Господь, проповедали апостолы, соблюдали отцы. Ибо на ней основана Церковь, и кто отпадает от нее, тот не может быть и даже именоваться христианином»⁹. «Церковь ничего не убавляет из сего

¹Ирин. Лион. Там же, III, 3; с. 223. — *Ред.*

²[Ирин. Лион.] Там же, III, 3 [Там же, III, 3; с. 223–224] // PG 7, 847 A, 851 B.

³[Ирин. Лион.] Там же, III, 13 [Там же, III, 13; с. 263] // PG 7, 906 [C].

⁴[Ирин. Лион.] Там же, IV, 8 [Там же, IV, 8; с. 409] // PG 7, 1077 B.

⁵[Ирин. Лион.] Contre les hérésies, IV, 33, 7 [Там же, IV, 33; с. 409] // Sources Chrétiennes. [Vol. 100.] Paris, 1969. [P. 817, реконструкция греческого текста на основании латинского].

⁶[Ирин. Лион.] Contre les hérésies, IV, 33, 8 [Там же].

⁷[Ирин. Лион.] Там же, IV, 37, 7 [Там же, IV, 37; с. 433].

⁸[Афан. Вел.] Epist. ad episc. Aegypti XX [Египт. XX; с. 37] // PG 25, 585 B.

⁹[Афан. Вел.] Epist. I ad Serap. 28 [Серап. 1, 28; с. 41] // PG 26, 593 C — 596 A.

мудрования... Такова вера Церкви, пусть дознают, что Господь... такое именно основание Церкви повелел положить»¹.

Святой философ Григорий Нисский говорит: «В доказательство нашего слова (учения о вере. — *И. П.*) достаточно иметь от отцев дошедшее к нам предание, как наследство какое, сообщаемое по порядку от апостолов через последующих святых»². Тот же святой Григорий советует: «Вспомните о святых отцах... которых мы удостоились по благодати Божией быть преемниками. Не преступайте пределов, которые положили отцы наши... не отдавайте предпочтения различным последующим учениям, но согласуйтесь с древним правилом веры (τῆ ἀρχαίῳ κανόνι τῆς πίστεως)»³.

Нет сомнений, святые апостолы — это самые совершенные христоносцы: они Христом живут, Христом мыслят, Христом чувствуют, Христом говорят, Христом делают, Христом добродетельствуют, Христом благовествуют, Христом бессмертствуют. Господь Христос им ближе самих себя: они существуют, вечно существуют Им. Равноапостольный христоносец, святой Златоуст неустанно повторяет: «Павел имел в себе Христа», «через Павла говорит Христос», «Павел имел в себе говорящего Христа» (ср. 2 Кор. 13, 3)⁴. В большей или в меньшей степени это относится и к остальным апостолам. И справедливо, ибо святой апостол Павел говорит о себе: *живу же не тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). С Господом Христом вся Христова Истина — в Нем и во всяком святом апостоле (ср. 2 Кор. 11, 10). Бог стал человеком для того, чтобы всякий человек жил Им (ср. 1 Ин. 4, 9). Святой Златоуст благовествует: «Говорит не Павел, но Христос, движущий его душою... это только голос Павла, а мысль и учение — Христа»⁵. Говоря о I Вселенском Соборе, святой Златоуст изрекает: «Если же Христос находится посреди двух или трех (Мф. 18, 20), тем более Он находился, все определял и постановлял там, где было более трехсот (отец)»⁶. Святой Златоуст благовествует: «Когда

назову Павла, разумею Христа, потому что Он движет душою Павла»¹. «Павел апостол, сосуд избранный, храм Божий, уста Христовы, лира Духа, учитель вселенной»².

О святом апостоле Павле Златоустый равноапостол говорит: «Божественный апостол всегда говорит Божественным и небесным языком и с великим искусством преподает евангельское слово, изрекая правила веры не от собственного разума, но по царской своей власти... По природе этот великий учитель был человек, а по воле — Божий служитель, почему он и говорит как бы небесным языком и будто возглашая из самых небес»³.

Истинно Богочеловеческая вера имеет на себе печать апостольства. Согласно богомудрому святому Златоусту, правой вере сопутствует и правильное понимание истины⁴. Он подчеркивает, что, говоря о святом апостоле Павле, он в то же время говорит и об апостоле Петре, и об апостоле Иакове, и об апостоле Иоанне, и о всецелом соборе святых апостолов. «Как в одной лире хотя различны струны, но гармония одна, так и в сонме апостолов, хотя различны лица, но учение — одно, так как один был художник Дух Святой»⁵. Церквями Божиими управляют не люди, но Сам Бог всюду управляет церквями⁶.

Через святых апостолов и святых отец благодать Святого Духа учит: «Предстоятель церкви должен заботиться не о той одной церкви, которая вручена ему Духом, но и о всей Церкви по вселенной»⁷. Святой Златоуст благовествует: святые апостолы — это власть величайшая, власть духовнейшая, власть высочайшая, «всех их (пророков, учителей, пастырей. — *И. П.*) больше — власть апостольская... И притом апостольство есть не только начало прочих властей, но и основание и корень. Как глава (в теле. — *И. П.*)... так и апостольство не только стоит выше, как начало и власть прочих дарований, но и, сосредоточивая, содержит в себе корни

¹ [Афан. Вел.] Там же [Там же; с. 42] // PG 26, 596 B.

² [Григ. Нис.] Contra Eunom., lib. IV [Евн. IV = III, 2, 98 Jaeger; с. 474] // PG 45, 653 B.

³ [Григ. Нис.] Epist. III [Письмо III; с. 471] // PG 46, 1024 C.

⁴ Ср. Беседы святого Иоанна Златоуста о Павле.

⁵ [Ио. Злат.] Contra Ioudaeos II, 1 [Против иуд. II, 1; с. 662] // PG 48, [857–]858.

⁶ [Ио. Злат.] Там же, III, 3 [Там же, III, 3; с. 672] // PG 48, 865.

¹ [Ио. Злат.] Там же, III, 4 [Там же, III, 4; с. 673] // PG 48, 866.

² [Ио. Злат.] In Lazar. VI, 9 [Лаз. VI, 9; с. 864] // PG 48, 1041.

³ [Ио. Злат.] De Paenit. VII, 1 [Покаян. VII, 1; с. 363] // PG 49, 323.

⁴ [Ио. Злат.] De Pentecoste II, 2 [Пятидесят. II, 2; с. 517] // PG 50, 466.

⁵ [Ио. Злат.] In S. Ignatium II [Игн. II; с. 634] // PG 50, 588.

⁶ [Ио. Злат.] Там же, IV [Там же, IV; с. 638] // [PG 50], 592.

⁷ [Ио. Злат.] In S. Eustatium III [Евст. III; с. 647] // PG 50, 602.

всех их... Апостолы суть начальники, рукоположенные от Бога... которым всем вместе вверена вселенная... Если бы оно (апостольство. — *И. П.*) прекратилось, то все расстроилось бы и разрушилось»¹. Имея в себе Господа Христа, этого единственного Победителя смерти и Воскресителя, святые апостолы «имели власть над смертью и над жизнью»². «Следуя за Павлом, мы будем неминуемо следовать за Христом, так как и он писал все не сам по себе, а следуя Христу»³. Доказательства истинного апостольства — это непрерывные подвиги, невыразимые страдания за Господа Христа, попечение о всех церквях⁴. Святые апостолы — это «столпы Церкви, поддерживающие и носящие кров веры, и столпы, и щиты, и очи тела Церкви, и источники благ, и сокровища, и пристанища; впрочем всякое название, какое бы кто ни дал им, никогда не выразит их достоинства»⁵. «Как главе необходимо быть в связи с телом, так и Церкви — со священником... Таков апостольский закон и заповедь Господа»⁶.

Говоря об апостольстве апостола Павла, святой Златоуст благовествует: тот, кто называет себя апостолом, говорит, что передает не свое учение, но порученное ему от Того, Кто его послал. Ценность апостола, посланника в том, чтобы не добавлять ничего от себя. Поэтому и Господь Христос говорил: *не нарицайтесь учителями: един бо есть ваш учитель, Христос* (Мф. 23, 8). «Начало всех наших догматов происходит свыше, от небесного Владыки, хотя люди служат к их преподаванию»⁷. Святой Златоуст говорит: «Я знаю учителя догматов Церкви — Павла. Когда я называю Павла, тогда указываю на Христа, потому что Он сам говорил в Павле»⁸.

¹[*Ио. Злат.*] De utilit. lection. III–IV [Беседа о чтении III–IV; с. 78–80] // PG 51, 91, 92, 93.

²[*Ио. Злат.*] Там же, V [Там же; с. 82] // [PG 51], 95.

³[*Ио. Злат.*] In mulier alligata est I [Беседа на слова о жене I; с. 215] // PG 51, 217.

⁴[*Ио. Злат.*] In Habentes eundem spiritus VI [Беседа III на слова о имущих дух веры, 6; с. 302] // PG 51, 295.

⁵[*Ио. Злат.*] In Faciem ei restiti II [Беседа, сказанная в церкви II; с. 385] // PG 51, 373.

⁶[*Ио. Злат.*] De recipiendo Severiano I [Север. I; с. 440] // PG 52, 423, 425.

⁷[*Ио. Злат.*] Толкование на пророка Исаию I, 1 [Толк. I, 1 на Ис.; с. 8]. СПб., 1900. [PG 56, 14.]

⁸[*Ио. Злат.*] In quia potestate VI [Беседа на слова *коею властью* VI; с. 726–727] // PG 56, 423.

Всех святых апостолов касается заявление апостола Павла: *Не себе бо проповедаем, но Христа Иисуса Господа* (2 Кор. 4, 5). Святой Златоуст говорит о святом Иоанне Богослове: «Сам Бог чрез него вещает роду человеческому»¹. «Евангелие было не собственным его произведением, но делом Божественной силы, которая действовала в душе его»². Он благовествует из самых глубин Духа³. Он имеет в себе Самого Господа глаголющего. Очевидно, в его учении нет ничего человеческого. Его догматы яснее солнечного луча и поэтому доступны людям. Догматы, которые дошли до нас через его Божественную душу, Божественны и небесны.

Святой Златоуст являет и следующую евангельскую истину: апостолам была ниспослана великая и обильная благодать Святого Духа, и они своими добродетелями усвоили этот дар⁴. То есть они облагодатствовали свои добродетели и одобродетельствовали свою благодать. Это две сопряженные вещи: они всегда зависят друг от друга и всегда крепчают при взаимной помощи. Согласно вечной истине, высказанной превеликим апостолом Павлом о бессмертной ценности и важности и благодати, и добродетели (ср. 1 Кор. 15, 10). Тщетна благодать без добродетели, но и добродетель без благодати (ср. 2 Кор. 6, 1). «Потому апостолы, — подчеркивает святой Златоуст, — прежде учили жизнь, а потом словами»⁵. «Итак, земля была уже небом, по (их) жизни, по дерзновению, по чудесам и по всему; и они, как ангелы, были предметом удивления, потому что несколько не взирали ни на насмешки, ни на угрозы, ни на опасности»⁶. «Мы посланы, говорит он (апостол Павел), не умозаключения составлять, но передать то, что нам вверено»⁷. Святой Златоуст благовествует: в гласе апостола Павла присутствовал Сам Христос и всюду сопутствовал ему. «Я желал бы, — страстно заявляет святой Златоуст, — увидеть прах

¹*Ио. Злат.* Бес. на Ин. II, 1; с. 11 // PG 59, 29. — *Ред.*

²*Ио. Злат.* Там же. — *Ред.*

³[*Ио. Злат.*] In Ioannem Homil. II, 1 [Там же; с. 12] // PG 59, 29, 30.

⁴[*Ио. Злат.*] Там же. Homil. XXIII, 3 [Бес. XXIII, 3; с. 154] // PG 59, 142.

⁵[*Ио. Злат.*] In Acta Apost. Homil. I, 3 [Бес. I, 3 на Деян.; с. 10] // PG 60, 18.

⁶[*Ио. Злат.*] Там же. Homil. XII, 3 [Бес. XII, 3 на Деян.; с. 121] // [PG 60], 103.

⁷[*Ио.*] *Злат.* Epist. ad Rom. Homil. I, 3 [Бес. I, 3 на Рим.; с. 492] // PG 60, 398.

этих уст, посредством которых Христос изглагодал великие и неизреченные тайны... увидеть прах... сердца Павлова, которое можно, не погрешая, назвать сердцем вселенной, источником тысячи бесчисленных благ»¹. Более того, это сердце «было превыше небес, пространнее вселенной, блистательнее луча солнечного, горячее огня, тверже алмаза»². Да, сердце Павлово «было Христовым сердцем, скрижалю Духа Святого, книгою благодати»³.

Святой Златоуст благовестует: святые апостолы «ничего не говорили от себя, но что приняли от Бога, то и преподали вселенной; так и мы теперь предлагаем не свое, но что приняли от них, то и возвещаем всем»⁴. «Отчего не одолели Церкви врата адавы? Отчего Христос всегда пребывает с нами? Ведь, если бы Он не был с нами, то Церковь не одержала бы победы»⁵. Раз весь Господь Христос в Церкви, то Им она всегда и побеждает, и никто не может ее одолеть. У нас в Церкви все от Господа Христа: и ум, и сердце, и жизнь. Святой Златоуст благовестует: «*Мы же ум Христов имамы* [1 Кор. 2, 16], то есть духовный, Божественный, не имеющий в себе ничего человеческого»⁶. Сердце Павла воистину было сердцем Христовым, обителью Духа Святого и книгою благодати. Апостольская вера — вся Богочеловеческая, равно как и *соединение веры* (ср. Еф. 4, 13). Святой Златоуст благовестует: «Единение веры то и означает, когда мы все будем одно, когда все будем одинаково понимать этот союз»⁷.

Апостольская, святоотеческая вера — это вера по преданию святой Вселенской Церкви. Без этого нельзя быть христианином. Святой Дамаскин возглашает Богочеловеческую небоземную истину, говоря: «Кто не верует согласно с преданием кафолической Церкви... тот неверен (ἄπιστός ἐστιν)»⁸.

Что исходит от святых апостол, то — от Господа. Кто решится, — спрашивает святой исповедник Феодор Студит, — отнять или

¹ *Ио. Злат. Бес. XXXII*, 3 на Рим.; с. 857 // PG 60, 679. — *Ред.*

² *Ио. Злат.* Там же. — *Ред.*

³ [*Ио. Злат.*] Там же. *Nomil. XXXII*, 3 [Там же; с. 858] // [PG 60], 680.

⁴ [*Ио. Злат.*] *Epist. ad Corinth. Nomil. VI*, 2 [Бес. VI, 2 на 1 Кор.; с. 54] // PG 61, 50.

⁵ [*Ио. Злат.*] Там же. *Nomil. VI*, 3 [Бес. VI, 3 на 1 Кор.; с. 55] // [PG 61], 52.

⁶ [*Ио. Злат.*] Там же. *Nomil. VII*, 6 [Бес. VII, 6 на 1 Кор.; с. 68] // [PG 61], 62.

⁷ [*Ио. Злат.*] *Epist. ad Ephes. Nomil. XI*, 3 [Бес. XI, 3 на Еф.; с. 99] // [PG 62], 83.

⁸ [*Ио. Дамаск.*] *De fide IV*, 10 [Точное изложение IV, 10; с. 296] // PG 94, 1128 A.

прибавить что апостольскому преданию? «И должно идти... царским путем, то есть путем евангельских, апостольских законов. Ибо, так следуя по стопам святых, и мы достигнем вечной жизни во Христе Иисусе Господе нашем»¹. «И это — апостольское учение, которое мы получили от святых отцов наших. И этот залог предлагаю вам... сохранить чрез Духа Святого, живущего в вас, целым и неповрежденным»². Жизнь наша — согласно преданию святых. Богом водимый исповедник благовестует: «...так и мы, утверждаясь на апостольском учении, а также на учении святых отцов наших, ибо и они, согласно с апостолом, говорят то же самое»³. Светские власти не могут быть «судьями в Божественных догматах... Святым же апостолам принадлежит движимая Духом Святым власть Божественных догматов, определений и разрешений недоумений... Так равным образом и говорится и их преемникам... И все святые — говоря вообще... — свидетельствуют то же самое»⁴.

Херувимски светло и глубоко переживая Богочеловеческие истины апостольской веры православной, святой Симеон Новый Богослов благовестует: всякий, кто усердно упражняется в добродетелях и добрых делах, «будет вселен в скинии апостолов»⁵. Нет сомнений, апостольская благодать в большей или меньшей степени животворно присутствует в каждом члене Православной Церкви, соразмерно его жительству в Богочеловеческих добродетелях и святых таинствах. Апостольская вера — сердце апостольской благодати. Ради нее мы и получаем все от Единого Человеколюбца, и прежде всего — Истину и учение Истины об Истине. Святой Исидор Пелусиот, говоря о I Вселенском Соборе, сказал: «Посему надлежит не следовать определениям болящих,

¹ [*Феод. Студ.*] *Sermon. catechetici. Sermo 47* [Оглаш. 47; с. 122] // PG [99, 574 AB].

² [*Феод. Студ.*] Там же. *Sermo 51* [Оглаш. 51; с. 131] // PG 99, 579 A].

³ [*Феод. Студ.*] Там же. *Sermo 97* [Оглаш. 97; с. 236] // PG 99, 636 A].

⁴ [*Феод. Студ.*] Там же. *Sermo 127* [Оглаш. 127; с. 314, 315] // PG 99, 676 D, 677 A, C].

⁵ [*Сим. Нов. Богосл.*] Λόγ. 88 // Λόγοι. Издание Дионисия Загоря, ἐν Σύρῳ, 1886 [SC 104, p. 300, lin. 447: ὁμοσκηνοῦς τῶν ἀποστόλων. Цит. по рус. пер. еп. Феофана Затворника (Сл. XXXVIII; с. 466). Ср. другой рус. пер.: «водворясь вместе с апостолами» // Слова духовно-нравственные преп. о. н. Марка Подвижника, Исаии отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. Слово 8; с. 547].

но принимать доводы имеющих здравое суждение и держаться святого Собора отцов, сошедшихся в Никее, ничего не прибавляя и не убавляя, потому что он, вдохновенный Богом, преподавал учение истинное»¹.

Апостоличность — это соборная Богочеловеческая святыня Церкви Христовой, вся везде и во всем, что составляет Богочеловеческое тело Церкви, и всеми своими Вселенский Собор Богочеловеческими силами присутствующая во всецелой жизни небоземного существа Церкви. Без нее нельзя и помыслить Церкви Христовой. В Богочеловеческом теле Церкви и единство Церкви апостолично, и святость апостолична, и соборность апостолична. Четыре свойства Церкви единосущны — каждое во всех и всякое в каждом. Об этом всем существом своим нам свидетельствует и сама природа Богочеловеческой веры Христовой, особенно через святые Вселенские Соборы.

Святые отцы III Вселенского Собора по прочтении Символа веры выносят такое решение: «Не позволять никому произносить или писать и слагать иную веру, кроме определенной святыми отцами, со Святым Духом сошедшихся в Никее. А кто дерзнет или составить иную веру, или произносить, или предлагать... то таковые, если они епископ или клирики, да будут отлучены — епископ от епископства, клирики от клира, а миряне да подвергнутся анафеме»². «Но истина не закрыта, — говорят святые отцы, — ни от кого из привыкших мудрствовать по-православному»³. «Все, имеющие непорочный ум, стараются следовать мнениям святых отцев, потому что и сами они, наполняя ум свой апостольским и евангельским преданием... были светилами в мире... (Флп. 2, 15.16)»⁴. «Святой Вселенский Собор низложил

¹[Ис. Пелус.] Письмо II [Письмо II; с. 386] // Творения. Часть 3. М., 1860. С. 3 [Epist. XCIX: PG 78, 1164 С — 1165 А].

²[Собор III. Деяние шестое. Определение святого Собора о вере //] Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. Казань, 1859. С. 763 [= Т. 1. СПб., 1996; с. 334].

³[Собор III. Отделение третье. Изъяснение двенадцати глав, изложенное в Ефесе Кириллом, архиепископом Александрийским //] Деяния Вселенских Соборов. Т. 2. Казань, 1861. С. 92 [= Там же; с. 406].

⁴[Собор III. Отделение третье. Кирилла, архиепископа Александрийского, защитившего двенадцати глав против восточных епископов //] Там же. С. 83 [= Т. 1. СПб., 1996; с. 429].

Нестория, следуя во всем церковному порядку»¹. Святые отцы III Вселенского Собора заявляют: «Во всем этом следуем мнениям святых отцев... дабы не сделать уклонения в чем-нибудь малейшем... Решительно терпеть не можем, чтобы кто-нибудь потрясал веру или Символ веры, изданный некогда святыми отцами никейскими. И решительно не позволим себе, ни кому-нибудь другому изменять хоть одно слово, там поставленное, ни пропасть хоть одному слогу, помня слова сказавшего: *не прелагай предел вечных, яже положиша отцы твои* (Притч. 22, 28). Ибо не сами они говорили, а сам Дух Бога и Отца (Мф. 10, 20)»². «Отступить от правоты святых догматов есть не что иное, как явно уснуть в смерть [Пс. 12, 4]; от такой правоты отступаем, когда не следуем писаниям богодухновенным, а увлекаемся или предрассудками, или усердием и привязанностью к тем, которые содержат веру неправо, когда начинаем преклонять силу нашего ума и вредить прежде всего своим душам. Должно поэтому согласоваться с теми... стопам которых следовать учились даже святейшие отцы наши, кои, собравшись некогда в Никее, составили достоуважаемый вселенский Символ, с коими восседал и Сам Христос, сказавший: *идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь аз посреди их* (Мф. 18, 20). Ибо как можно сомневаться в том, что Христос председательствовал на святом Вселенском этом Соборе? Потому что здесь некоторый базис и основание твердое, несокрушимое полагалось и даже распространялось на всю вселенную, то есть это святое и безукоризненное исповедание... Почему изложенную и определенную ими веру свято сохраняли и те, которые следовали после них, святые отцы и пастыри народа и светила Церкви и искуснейшие строители таинств»³.

Святое апостольское предание в своей всецелости всегда присутствует в каждом сегодняшнем дне Церкви Христовой

¹[Собор III. Отделение третье. Обнародование императорского декрета об изгнании Нестория //] Там же. С. 298 [= Там же; с. 512].

²[Собор III. Отделение третье. Послание Кирилла, архиепископа Александрийского, к Иоанну, епископу Антиохийскому, отправленное с Павлом, епископом Эмесским //] Там же. С. 379 [= Там же; с. 543].

³[Собор III. Отделение третье. Кирилла, архиепископа Александрийского, на святой Символ //] Там же. С. 450, 451 [= Там же; с. 570].

на протяжении всех веков. На самом деле, Церковь и мыслит, и живет, и бессмертствует преданием. Свидетели этому – святые отцы. Мысли святых отец всегда на Богочеловеческом пути святого апостольского предания, на котором так много источников живой воды, источников жизни вечной (ср. Ин. 4, 14). Святые отцы IV Вселенского Собора утверждают: «Мы рассуждаем по преданию отцов»¹. Обосновывая свои определения о догматах веры, те же отцы вещают: «Почерпнули мы это из Писаний Божественных и предания святых отцов, ничего ровно не прибавляя к вере, изложенной святыми отцами в Никее... У ваших церквей вера согласна с Божественными Писаниями и преданиями святых отцов»². «Мы... веруем по изложению святых отцов... Неверующих же учению отцов мы анафематствуем и считаем чуждыми святой Церкви... Итак, всякий не согласующийся с изложениями святых отцов, сам себя отчуждает от всякого священного общения и присутствия Христова»³. «Желаем, чтобы и учение о предметах веры было правильным, и всякое сомнение было устраняемо единомыслием, единославием и согласным изложением и учением всех святых отцев... мы соблюдаем православную веру, преданную нам тремястами осьмнадцатью и ста пятьюдесятью, равно и прочими святыми и славными отцами, и по ней веруем... Отцы научили, и изложенное ими сохраняется в письмени, больше этого мы не можем говорить»⁴. Об установлениях веры I Вселенского Собора и II Вселенского Собора отцы III Вселенского Собора воскликнули: «Это вера православных! Ею все веруем... эта вера истинная, эта вера вечная, в нее мы крестились, в нее крестим. Все так

¹[Собор IV. Отделение первое. Послание того же Льва, архиепископа древнего Рима, к Фавсту и Марцеллину и прочим архимандритам Константинопольским // Деяния В[селенских] С[оборов]. Т. 3. Казань; 1863. С. 46 [= Т. 2. СПб., 1996; с. 22].

²[Собор IV. Отделение второе. Деяние первое. Послание, написанное святейшим епископом Александрийским Кириллом к Боголюбознейшему епископу Антиохийскому Иоанну о мире // Там же. С. 221, 222 [= Там же; с. 100].

³[Собор IV. Отделение второе. Деяние первое // Там же. С. 246, 247 [= Там же; с. 111–112].

⁴[Собор IV. Отделение второе. Деяние второе // Там же. С. 509, 510 [= Там же; с. 228–229].

веруем»¹. Отцы же IV Вселенского Собора возглашают: сей Собор имеет «апостольскую власть»².

Святые отцы V Вселенского Собора благовествуют: «Мы исповедуем пред всеми, что содержим и проповедуем ту веру, которая сначала дарована великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом святым апостолам и ими была проповедана во всем мире, которую исповедали и изъяснили и передали святым церквам святые отцы и преимущественно те, которые собиравались на четырех святых Соборах, им мы следуем всецело и во всем и приемлем их... При этом мы делаем известным, что мы хранили и храним все... что определено четырьмя вышеупомянутыми святыми Соборами относительно правой веры и что, на основании канонов, положено ими относительно церковной практики»³. Четыре святых Вселенских Собора и святые отцы сохранили и «провозгласили одно и то же исповедание веры»⁴. «Итак, поелику в святой кафолической и апостольской Церкви Божией должно быть сохраняемо и проповедуемо это правое исповедание, то если кто-либо удаляет себя самого от него, мудрствуя противное ему, такой человек, как удаляющий себя самого от правой веры и вступающий в общение с еретиками, справедливо осуждается и анафематствуется святою Церковью Божиею»⁵. Всем своим христоролюбивым существом отстаивая Богочеловеческую Истину Церкви, святые отцы V Вселенского Собора свидетельствуют и печатью согласия запечатляют и следующее предание Церкви: «Должно анафематствовать еретиков и после смерти»⁶. Почему? Чтобы отравляла душ человеческих и не лишала их Царствия Небесного.

¹[Собор III. Деяние второе. Изложение веры Собора, бывшего в Никее // Там же. С. 513 [= Т. 1. СПб., 1996; с. 230].

²[Собор IV. Деяние третье. Второй вызов Диоскору // Там же. С. 564 [= Т. 2. СПб., 1996; с. 251].

³[Собор V. Собрание третье // Деяния В[селенских] С[оборов]. Т. 5. Казань, 1914. С. 33 [= Т. 3. СПб., 1996; с. 313].

⁴[Собор V. Заседание первое. Послание Евтихия, патриарха Константинопольского, к Вигилию, папе Римскому // Там же. С. 24 [= Там же; с. 305].

⁵[Собор V. Собрание третье // Там же. С. 33–34 [= Там же; с. 314].

⁶[Собор V. Собрание пятое. Представление от тех же епископов папе древнего Рима, Вигилию // Там же. С. 126 [= Там же; с. 395].

Чистота веры апостольской — вселекарство для всех людей. Отцы V Вселенского Собора благовестят: «Вера, полно и ясно преданная нам апостолами, не допускает ни приложения, ни уменьшения»¹.

Апостоличность — это сердце Богочеловеческой веры Христовой. Это благовестие нам громкогласно возвещают, согласно с предыдущими пятью Вселенскими Соборами, и святые отцы VI Вселенского Собора. Они утверждают: «Наш святой и Вселенский Собор, отвергнув заблуждения нечестия от прежних времен доселе и неуклонно следуя по прямому пути святых и славных отцов, во всем благочестиво присоединился к голосу пяти святых Вселенских Соборов, возобновил без всяких нововведений определения благочестия и отверг самоизмышленные догматы нечестия. И символ, изложенный... I и II Собором, который охотно приняли и подтвердили и прочие святые Соборы для уничтожения всякой душевредной ереси, и наш святой и Вселенский Собор богодухновенно запечатлел»². После того, как решения были прочитаны и подписаны отцами, присутствовавшими на VI Вселенском Соборе, святые отцы воскликнули: «Все так веруем, одна вера, все так думаем. Все веруем православно. Сия вера апостолов, сия вера отцов, сия вера православных»³.

Апостоличность — это совесть Церкви Христовой, Богочеловеческой веры ее. Богоносные отцы VII Вселенского Собора благовестят: «Догматы — дело не царей, но архиереев, так как мы имеем ум Христов (2 Кор. 2, 14–17)»⁴. «И да не будет раскола и разделения в единой святой, кафолической и апостольской Церкви, глава которой Сам Христос, истинный Бог наш»⁵. «Ересь отделяет от

¹ [Собор V. Собрание шестое. Послание Целестина, епископа Римского, к Несторию //] Там же. С. 155 [= Там же; с. 420].

² [Собор VI. Деяние восемнадцатое //] Деяния В[селенских] С[оборов]. Т. 6. Казань, 1908. С. 219 [= Т. 4. СПб., 1996; с. 219].

³ [Собор VI. Деяние восемнадцатое. Подпись благочестивейшего и христоролюбивого императора Константина //] Там же. С. 230 [= Там же; с. 230].

⁴ [Собор VII. Второе послание святого отца нашего Григория, папы Римского о святых иконах //] Деяния В[селенских] С[оборов]. Т. 7. Казань, 1909. С. 22 [= Т. 4. СПб., 1996; с. 328].

⁵ [Собор VII. Собрание седьмое. Высочайшая и благочестивейшая грамота, отправленная августейшими Константином и Ириною к святейшему и блаженнейшему Адриану, папе древнего Рима //] Там же. С. 29 [= Там же; с. 335].

Церкви всякого человека»¹. Председатель VII Вселенского Собора святейший Тарасий изрекает на Соборе: «Мы находим, что отцы ни в чем не разногласят, напротив, все, имея как бы одну душу, одно и то же проповедают, одному и тому же учат»².

Богочеловеческая соборность — сущностное свойство апостольской веры. Об этом свидетельствуют все святые Вселенские Соборы. Отцы VII Вселенского Собора утверждают: «Приемлем, подтверждаем и от души приветствуем шесть святых Вселенских Соборов, собиравшихся в разных местах и в разные времена под водительством Духа Святого, против каждой ереси. Их велегласно проповедают и православные церкви, находящиеся во всей вселенной, и на их правом и богодухновенном учении основываются, когда принимают тех, кого они принимают, и когда отвергают тех, кого они отвергают»³. «Стражи кафолической церкви, святые отцы наши, постоянно бодрствующие над мысленными стенами ее, провозгласили (свое мнение об этом предмете)... Да исправят нас учения богоглаголивых отцов. Почерпая из их учения, мы напоились истиною; следуя им, мы изгнали ложь; быв научены ими, мы с любовью приемлем честные иконы. Отцы проповедают, а мы остаемся их послушными чадами и хвалимся пред лицом матери преданием Церкви. Веруя во единого Бога, в Троице покланяемого, мы с любовью принимаем честные иконы, а не принимающие этого учения да будут под анафемою, думающие не так да будут далеко изгнаны из Церкви. Мы следуем древнему законоположению кафолической Церкви. Мы соблюдаем заповеди отцов. Мы анафематствуем как прибавляющих что-либо, так и отнимающих что-либо (в учении) кафолической Церкви... Мы же, во всем держась учения этих богоносных отцов наших, проповедаем это учение едиными устами и единым сердцем, ничего не прибавляя и ничего не убавляя из того, что передано нам... Мы исповедуем и учим так, как определили и утвердили святые и Вселенские шесть Соборов»⁴.

¹ [Собор VII. Продолжение первого деяния //] Там же. Т. 7. С. 47 [= Там же; с. 353].

² Там же. С. 55 [= Там же; с. 361].

³ [Собор VII. Деяние третье. Копия соборного послания Феодора, святейшего патриарха иерусалимского //] Там же. С. 102 [= Там же; с. 408].

⁴ [Собор VII. Деяние четвертое //] Там же. С. 169, 170 [= Там же; с. 475].

Святые отцы VII Вселенского Собора благовествуют: «Когда же появлялись ереси, преисполненные желчью и горечью против Церкви; тогда, по вдохновению Божию, в разные времена собирались для ниспровержения их шесть Вселенских Соборов, и отцы Соборов подтверждали и восстанавливали все, письменно и неписьменно с самых первых времен преданное кафолической Церкви»¹. «То, что сохраняется в кафолической Церкви по преданию, не допускает ни прибавления, ни уменьшения, а кто прибавляет или убавляет что-либо, тому грозит величайшее наказание, потому что сказано: *проклят прелагаяй пределы отцов своих* (Втор. 27, 17)»². В своих определениях отцы VII Вселенского Собора говорят: «Мы неприкосновенно сохраняем все церковные предания, утвержденные письменно или неписьменно... Мы, шествующие царским путем и следующие Божественному учению святых отцов наших и преданию кафолической Церкви, ибо знаем, что в ней обитает Дух Святой»³. В кафолической Церкви «Евангелие преемственно переходило от одного отца к другому»⁴.

После того как все присутствующие отцы подписали определения VII Вселенского Собора, святой Собор воскликнул: «Все мы так веруем; все так думаем; все мы в этом согласны и подписались. Это вера апостольская, это вера православная, эта вера утвердила вселенную!.. Поступающие иначе да будут анафема! Думающие иначе да будут изгнаны из кафолической Церкви! Мы сохраняем определения отцов. Прибавляющих что-либо к (учению) кафолической Церкви, или убавляющих от него, мы предаем анафеме... Всем еретикам анафема! Кто уничтожает какое-либо предание церковное, писанное ли то, или неписанное, тому анафема!.. Христос есть глава, а мы, следовательно, члены... Когда мы собрались сюда, руководясь пресветлым учением отцов, мы твердо остановились на одной мысли, пришли к одному убеждению, не забывая песни, которой научил Моисей и которая говорит: *вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе* (Втор. 32, 7). Итак, мы последовали преданию кафолической Церкви и ничего

¹[Собор VII. Деяние шестое. Том первый //] Там же. С. 213 [= Там же; с. 519].

²[Собор VII. Деяние шестое. Том пятый //] Там же. С. 262 [= Там же; с. 568].

³[Собор VII. Деяние седьмое //] Там же. С. 284 [= Там же; с. 590].

⁴Там же. С. 285 [= Там же; с. 591].

не убавили, не прибавили, но по наставлению апостола содержим предания, которые получили, и допускаем и с любовью принимаем все, что изначала приняла неписьменно или письменно святая кафолическая Церковь... А что отвергали Божественные отцы наши, то отвергаем и мы и считаем это враждебным Церкви... Истинный и самый правый суд церковный состоит в том, чтобы не допускать в ней нововведений, а также и не отбрасывать ничего. Итак, следуя отеческим законам и получив благодать от единого Духа, мы все, что касается Церкви, сохранили не изменяя и без убавления, как предали святые шесть Вселенских Соборов, и что только они оставили в Церкви достойного почитания, все это мы принимаем без всякого колебания»¹.

В Церкви все апостольски соборно, Богочеловечески соборно. Соборность — в Богочеловеческой апостоличности, и апостоличность — в Богочеловеческой соборности. «Правила святых апостол» определяют: «Дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковныя прекословия»². Первое правило IV Вселенского Собора гласит: «От святых отец на каждом соборе, донныне изложенныя правила соблюдати признали мы справедливым»³. Правило девятнадцатое того же Собора гласит: «определил святой Собор, согласно с правилами святых отец, чтобы в каждой области епископы дважды в году собирались во едино... и исправляли все, что откроется»⁴. Правило первое VII Вселенского Собора гласит: «Радуясь... Божественныя правила со услаждением приемлем, и всецелое и непоколеблемое содержим постановление сих правил, изложенных от всехвальных апостол, святых труб Духа, и от шести святых Вселенских Соборов... и от святых отец наших. Ибо все они, от единого и того же Духа быв просвещены, полезное узаконили.

¹[Собор VII. Продолжение седьмого деяния //] Там же. С. 293, 294, 298, 299, 300 [= Там же; с. 599, 600, 601, 605, 606].

²Правило тридцать седьмое // Правила православне Цркве [са тумачењима] др. Никодима Милаша. [Загар, 1884.] С. 30 [= Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец. Троице-Сергиева лавра, 1992. С. 18]. Ср. Правило восьмое VI Вселенского Собора. С. 73 [= Там же; с. 77].

³Там же. С. 57 [= Там же; с. 53].

⁴Там же. С. 62 [= Там же; с. 60].

МОЛИТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ О ЦЕРКВИ¹

И кого они предают анафеме, тех и мы анафематствуем: а кого извержению, тех и мы извергаем»¹. В Правиле двадцать первом святого Гангрского Собора святые отцы благовестят: «И, да речем вкратце, желаем, да бывают в Церкви вся принятая от Божественных Писаний и апостольских преданий»².

Апостольски бессмертна евангельская истина: только добрыми средствами можно сделать истинное добро. Правило девяностое святого Василия Великого гласит: «Аще кто делает зло, под прикрытием добра, таковой достоин сугубого наказания: и за то, яко творит недоброе, и за то, яко употребляет доброе... споспешником себе к совершению греха»³. В своем девяносто первом Правиле тот же богомудрый отец говорит: «Из сохраненных в Церкви догматов и проповеданий, некоторые мы имеем от письменного наставления: а некоторые прияли от апостольского предания, по преемству в тайне... И сему не воспрекословит никто, хотя мало сведущий в установлениях церковных»⁴.

Очевидно, что святые каноны — это святые догматы веры, применяемые в практической жизни христиан. При этом они свято пробуждают и подталкивают членов Церкви к осуществлению в повседневной жизни святых догматов, этих солнцесиятельных истин небесных, присутствующих в земном мире через Богочеловеческое тело Церкви Христовой.

Церковь наиболее выразительно и наиболее красноречиво являет себя через свою молитвенную жизнь. Молитва — это ее отношение и ее язык в обращении к Троичному Божеству, которое в величайшей возможной степени явило нам Себя через воплощенного Бога Слова. Для боголикого и, следовательно, боголюбивого существа, человека, нет ничего более естественного и необходимого, чем постоянно пребывать в покаянном молитвенном устремлении к Богу, чтобы добровольно претвориться в молитвенную стрелу бессмертного христолюбия. Поэтому и самый беглый взгляд на безбрежный океан церковной молитвенности исполняет человеческое существо бессмертным небесным благоуханием, этим животворным воздухом святых херувим и серафим, и открывает нам, насколько это необходимо человеческой природе, тайну Церкви. А тайна Церкви со всех сторон бездонна и безгранична, ибо, воплощение Второй Ипостаси Пресвятой Троицы, она никогда не может полностью вместиться в человеческие понятия, в человеческие слова, в человеческие выражения. На самом деле, это лишь лепет о Божественной Всетайне. Только вера внутри нас, вера со всеми святыми таинствами и святыми добродетелями живописует в душе нашей чудесную тайну и лик Богочеловеческого тела, Церкви.

Ввиду Богочеловечески бесконечной таинственности бытия Церкви святоапостольское и святоотеческое учение о Церкви всегда покаянно смиренномудренно и молитвенно. И в экклесиологии, и в христологии, и в сотериологии, и во всем, что касается Богочеловека Господа Христа и Его Богочеловеческого тела, Церкви, бессмертно важна для всего и для всех живая богомудрая истина и благовестие святого Златоуста: «Смиренномудрие есть основание нашего любомудрия»², философии Богочеловеческой,

¹ Там же. С. 104, 105 [= Там же; с. 120].

² Там же. С. 129 [= Там же; с. 151].

³ Там же. С. 300 [= Там же; с. 351].

⁴ Там же. С. 301 [= Там же; с. 353], ср. того же отца правило девяносто второе (Там же. С. 303) [= Там же; с. 357].

¹ Ср. рус. пер.: *Иустин (Попович), преп.* Молитвенное богословие о Церкви / Пер. с серб.: свящ. И. Востриков // Альфа и Омега. 1999. № 1 (10). С. 127–139. — *Ред.*

² [*Ио. Злат.*] Homil. In Illud: Sive per occasionem, II [Беседа против злоупотребляющих; с. 320] // PG 51, 312.

апостольской, святоотеческой, православной. Если добавить к этому еще боговдохновенное благовестие святого Максима Исповедника: «Слепа смиренномудрия вне истина»¹, — получится полная христианская гносеология. Кроме того, молитвенное богословие открывает нам следующую бессмертную всеистину: святая Евхаристия есть всеполнота Церкви, она вершина превыше всех вершин, полнота превыше всякой полноты. Она — это живой, всесовершенный Богочеловек Господь Христос, весь присутствующий Своей Богочеловеческой всеполнотою в Церкви на протяжении всех веков. Ею и в ней переживается всецелая жизнь Богочеловека Христа на земле и на небе. В ней Он есть все и вся, Он есть *приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый*². Он — и Спаситель, и Креститель, и Жертва, и Победитель смерти, и Воскреситель, и Возноситель, и Бог, и Человек — Богочеловек; Он есть и Церковь сквозь все века и через всю вечность. Он — «совершенный Бог» и «совершенный Человек», совершенный Богочеловек, Он — Всеистина, Он — Вселюбовь, Он — Все-правда, Он — Всеумудрость, Он — Вседобро, Он — Всерадость, Он — Божество, Он — Всежертва, Он — Всеархиерей, Он — все и вся для человеческого существа во всех мирах. Таков Он, всегда таков — во святой Евхаристии, всегда таков — для каждого причастника и в каждом причастнике. И через это Он — наше освящение, наше преображение, наше спасение, наше охристовление, наше обожение, наше обогочеловечение, наше отроичение, наше все, все, все. И это испытывается в Богочеловеческом теле Церкви через Причащение святому Евхаристическому телу и крови Спасителя. Испытывается и достигается. Как тело Христово, Евхаристия есть Церковь, и Церковь есть Евхаристия, ибо ею и в ней мы — в соборном всеединстве со всеми святыми, и прежде всего — со Пресвятой Богородицей, которая нам и родила тело Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и этим родила Церковь.

Все остальные богослужения в Церкви Спасителя — подготовка ко святой Евхаристии, пути, ведущие ко всецели человеческой жизни — евхаристическому соединению со Спасителем

¹[Макс. Исп.] *Alia capita XLVI* [Цветослов XLVI; с. 188] // PG 90, 1412 [A].

²Молитва [священника] во время Херувимской песни.

Господом Христом. И вообще, вся молитвенность Церкви служит этому. Это главное чувство всякого истинного члена Церкви. Без сомнения, в Церкви преимущественно живут молитвой, молитва есть ее сердце, и ее язык, и ее жизнь, и ее богожителство.

Молитвенная мысль Церкви бессмертным жемчугом осыпает Пресвятую Богородицу, родившую нам Бога, давшую Ему тело Его. Таким образом и Спаситель, и спасение даны нам Пресвятой Богородицей. Поэтому Богородица — Церковь ни Богочеловек Господь Христос, ни Церковь, ни спасение, заключенное в них, не могут быть приобретены без Пресвятой Богородицы. Действительно, все Богочеловеческое домостроительство спасения осуществляется с помощью Пресвятой Богородицы. Ибо Церковь Ею является Церковью и спасение Ею является спасением. На это указывают все молитвы к Ней и все стихиры о Ней.

Молитвенная мысль Церкви благовествует: *Церковь освященная Богови явилася еси, в Тя всельшемуся Дево, паче ума...*¹. *Церковь блюдома есть молитвами Твоими... Мати Божия*². *Церковь и священное жилище Слова сущи, Богородице: согрешений очистилище, Пречистая, буди ми, Приснодево*³. *Ковчег Завета, Святую воистинну Трапезу, Очистилице наше, Церковь Божию одушевленную, всезлатый Свециник, истинную Матерь Зиждителя воспеваем*⁴. *Едина радости роду нашему, Пречистая, испроси мир церквам Твоим*⁵.

Вот единый трогательный молитвенный призыв ко Пресвятой Богородице: *Церковь Тя Божию ведуще, Дево Мати, прилежно молимся Тебе чтущии: не затвори рабом Твоим, Богородице, Твоя милости дверей*⁶. Пресвятая Богородица есть *Церковь всесветлая Божия*⁷. *Церковь освященная Богови явилася еси, в Тя всельшемуся,*

¹В среду на повечерии. Канон Пресвятей Богородице, песнь 4. Глас 1 // Октоих.

²В понедельник на повечерии. Канон Пресвятей Богородице, песнь 4. Глас 2 // Октоих.

³В среду, утра. Канон Пресвятей Богородице, песнь 3. Глас 2 // Октоих.

⁴В понедельник, утра. Канон умиленный Господу нашему Иисусу Христу и святым Его мученикам, песнь 6. Глас 3 // Октоих.

⁵В субботу на повечерии. Канон Пресвятей Богородице, песнь 1. Глас 5 // Октоих.

⁶В субботу на повечерии. Канон Пресвятей Богородице, песнь 4. Глас 5 // Октоих.

⁷В среду, утра. Канон Пресвятей Богородице, песнь 8. Глас 7 // Октоих.

Дево, паче ума: Того моли, грехов наших скверну очистити: яко да храмы покажемся и жилища Духу¹. Богородица — это Церковь и священное жилище Слова². Церковь освященную Тя показа, вселься в Тя Бог, Дево Пренепорочная³. Богородительнице, Христа Единаго без семени родила еси, страшное совершающа смотрение (την φρικτήν οἰκονομίαν)⁴.

Пресвятая Богородица — вселенная вся великое сокровище, яко спасение в ней соделася миру (σωτηρία ἐν αὐτῇ διεπράχθη) и оставление древних согрешений⁵. Явилася еси разстоящимся совокупительная, Тобою бо ангелом единосельницы на небесах чловецы быша воистинну, и свидетельствуют чинове всех святых, ныне с ними поюще Твое Рождество, Дево Богородице, в вечных песнях⁶.

Животворящий крест Христов, всегда преисполненный всех Богочеловеческих сил, и есть несломляемый хребет Богочеловеческого тела Христова — Церкви. Если есть какое олицетворение всецелого Богочеловека Господа Христа, тогда это Честный крест Его. Поэтому диавол может принять на себя всякий облик, кроме крестного⁷. Молитвенное богословие Церкви исключительно богато и красноречиво в величании креста и его спасительной чудотворности.

Молитвенная мысль Церкви благовествует: *крестом Твоим, Христе, едино стадо быть ангел и человек и едина Церковь, небо и земля веселится⁸*. Крест есть церквотворящая сила Спасителя, сила соединительная, сила соборующая. *Твоим крестом Христе, едино стадо быть ангелов и человеков, и во едином соборе небо и земля веселится, вопия: Господи, слава Тебе!⁹ Руце распростер*

¹ В среду на повечерии. Канон Пресвятей Богородице, песнь 4. Глас 1 // Октоих.

² В среду, утра. Канон Пресвятей Богородице, песнь 3. Глас 2 // Октоих.

³ Во вторник на повечерии. Канон Пресвятей Богородице, песнь 4. Глас 5 // Октоих.

⁴ В понедельник, утра. Канон святым Мученикам, песнь 7. Глас 7 // Октоих.

⁵ В неделю, утра. Седален воскресный, Слава и ныне. Глас 8 // Октоих.

⁶ В Неделю Всех Святых, утра. Канон, песнь 9 // Триодь Цветная.

⁷ Слова преп. Варсануфия Великого. См.: Преп. отец Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни... М., 1998, с. 279 (вопрос 413) // SC 451, р. 488 (послание 416). — *Ред.*

⁸ В пяток второй седмицы по Пасце, утра, стихиры на хвалитех (крестны) // Триодь Цветная.

⁹ В среду, утра. Стихиры на стиховне (крестны). Глас 1 // Октоих.

на кресте, языки вся собрал еси, и едину явил еси, Владыко, Церковь воспевающую Тя, земную и небесную¹. Сияет, яко звезда на небеси, в Церкви божественный воистину крест Твой, Христе, опаляя убо бесы, верныя же просвещая². Руце распростер на кресте, языки вся собрал еси, и едину явил еси, Владыко, Церковь³. Крест — хранитель всея вселенная, крест — красота Церкви, крест... — демонов язва⁴. Крест... — утверждение Церкви Христовы⁵, так что ее не могут уничтожить ни люди, ни бесы.

Святая молитвенная мысль Церкви возглашает радостную истину: *кресте, Церкви — красный рай⁶*. А сама — *рай другой познася Церковь, якоже древо имущая живоносное, крест Твой, Господи, из негоже прикосновением безсмертию причастихомся⁷. Руце распростер на кресте, языки вся собрал еси и едину явил еси, Владыко, Церковь, воспевающую Тя, земную и небесную...⁸ Еже древле во Едеме в раи, древо снедное прозябло есть посреде садов: Церковь же Твоя, Христе, крест Твой процвете, источающ всему миру жизнь⁹. Крестом Твоим, Христе, едино стадо быть ангел и человек и едина Церковь, небо и земля веселится¹⁰. Водой Боготворною и Кровию Твоею, Слове, светло Церковь украшается, яко невеста [креста славу поюще]¹¹.*

Своим Богочеловеческим телом, Церковью, Господь Христос совершеннейшим образом соединил ангелов с людьми, свел ангелов на землю, людей вознес на небо, и они, воистину, ангелы — Церковь стали между собою бессмертными братьями. И, что самое важное, стали одним телом, Богочеловеческим телом

¹ В неделю, утра. Канон воскресный, песнь 8. Глас 4 // Октоих.

² Во вторник, вечера. Стихиры на Господи возвах (крестны). Глас 2 // Октоих.

³ В неделю, утра. Канон воскресный, песнь 8. Глас 4 // Октоих.

⁴ В среду и пяток. Экспостиларий // Октоих.

⁵ В пяток, утра. Седален. Глас 6 // Октоих.

⁶ В субботу недели третьей Великого Поста, вечера. Стихиры на Господи возвах // Триодь Постная.

⁷ Там же, утра. Канон Триоди, песнь 5. // Триодь Постная.

⁸ В неделю, утра. Канон воскресный, песнь 8. Глас 4 // Октоих.

⁹ В среду, утра. Стихиры на стиховне (крестны). Глас 8 // Октоих.

¹⁰ В пяток второй седмицы по Пасце, утра. Стихиры на хвалитех (крестны) // Триодь Цветная.

¹¹ Служба Воздвижению Честнаго креста, вечера. Стихиры на стиховне [// Минея, 14-е сентября].

Церкви. И святая мысль Церкви молитвенно благовествует эту истину: *Тя, неизреченно соединившаго небесным, Христе, земная, и едину Церковь совершивша ангелов и человеков, непрестанно величаем*¹. Созданная Господом Христом, Церковь вся христолюбива, христоцентрична: *Иже мир умный всесличным чином по чину украшей невидимо, сему уподоблятися благочинию, честную Церковь благоволи*². *Ныне сохрани ополчении архангельскими Церковь Твою, Тебе славящую православными гласы... и человеки от тли избавляй*³. *Украшая неизреченною светлостью ангелы, Христе, и теми утверждая Церковь Твою*⁴.

Церковь непобедима не только потому, что она есть воплощенный Бог Слово, но и потому, что и бессмертные и богоносные ангелы ее хранят и защищают. Молитвенная мысль Церкви, обращаясь к святым ангелам, благовествует: *Дарми многообразными ангельскаго чина, яко чиновачальницы являеми Архистратизи, украшаеми, Христовы Церкви твердо сохраняйте предстательствы ваши*⁵. *Велия ангел Твоих, Христе, сила: безтелесни бо суще мир протичут, сохраняюще Церкви силою, яже от Тебе, Владыко, и Тебе молятся о вселенней*⁶. Один и тот же Господь Бог и ангелов и людей, одно и то же Евангелие, одна и та же Истина, одна и та же Правда, те же добродетели. Через святые добродетели люди уподобляются святым ангелам, своей небесной братии и собратии. Поэтому мы молитвенно и покаянно обращаемся к чудесному Спасителю: *Лицом Безплотных ныне Твою Церковь добродетелию подражающе (δὲ ἄρετῆς μιμοῦμένην) покажи, ограждая ангелы, Христе, стадо Твое*⁷.

Святые христоносные апостолы — это и основание Церкви, и создатели Церкви, и благовестники Церкви, и совесть Церкви. Вся их деятельность, во всем и по всему Богочеловеческая, вся — от Господа Христа или, лучше, вся от Отца через Сына в Духе Святом. Эту Богочеловеческую

¹ Служба общая св. ангелам. Канон, песнь 9 // Минея общая.

² В понедельник, утра. Канон св. ангелам, песнь 6. Глас 3 // Октоих.

³ В понедельник, утра. Канон св. ангелам, песнь 5 (Богородичен). Глас 4 // Октоих.

⁴ В понедельник, утра. Канон св. ангелам, песнь 3. Глас 5 // Октоих.

⁵ В понедельник, утра. Канон св. ангелам, песнь 3. Глас 8 // Октоих.

⁶ В понедельник, вечера. Стихиры на Господи Возвзах, св. ангелам. Глас 3 // Октоих.

⁷ В понедельник, утра. Канон св. ангелам, песнь 9. Глас 8 // Октоих.

апостоличность Церкви святая молитвенная мысль Церкви являет и исповедует бесконечно разнообразно. Христолюбивая совесть Церкви благовествует: *Явистеся купно во основании церковнем, яко честное камение, зарею светлою вселенней блистающе богоразумие известно, апостоли Божественнии, Троицы предстоятели и молитвенницы о душах наших*¹. *Духа началохитростием создавшие всю Церковь апостоли Христовы*². *Умудривый паче ритор ловцы... Христе Боже, теми утверди Церковь Твою*³. *Во днех, Христе, четыредесятих, с мудрыми и честными апостолами яве водворяясь, вверил еси Божественное смотрение, имже спасл еси мир*⁴. *Первороденных же Вышняя Церковь духами сих (благославных апостол. — И. П.) светлеется безпрестанно*⁵. *Господи, Ты апостол молитвами оградил еси стадо Твое сие (Церковь Свою. — И. П.), от врагов искушения невредно сохраняя*⁶.

*Духа началохитростием создавшие всю Церковь апостоли Христовы, в ней благословите Христа во веки*⁷. Святые апостолы — столпы непоколебимии⁸ — хранят Церковь догматами веры. Апостолы — неразоримая основания суще и столпы непоколебимии⁹. *Яко самовидцы и свидетелие Слова воплощения, ученицы пребогатии, ублажаеются... яко приснотекущая реки райския, разделившиеся... церкви Божественными напояете водами*¹⁰. *Всечестный апостолов приспе праздник Церкви Христове, ходатайствующий спасение всем нам*¹¹.

Молитвенная мысль Церкви обнаруживает и следующую святую истину: Божественное Евангелие святого Иоанна Богослова — богонаписано, так как язык его *бысть писменника*

¹ В среду, вечера. Стихиры на Господи Возвзах. Глас 8 // Октоих.

² В четверток пятой седмицы Великого Поста, утра. Трипеснец, песнь 8 // Триодь Постная.

³ В четверток третьей седмицы по Пасхе, утра. Седален // Триодь Цветная.

⁴ В понедельник пятой седмицы по Пасхе. Трипеснец, песнь 8 (Слава) // Триодь Цветная.

⁵ В четверток, утра. Канон св. апостолам, песнь 9. Глас 7 // Октоих.

⁶ В среду, вечера. Стихиры на Господи Возвзах. Глас 8 // Октоих.

⁷ См. примеч. 2 на этой странице — Ред.

⁸ В четверток, утра. Канон св. апостолам, песнь 8. Глас 8 // Октоих.

⁹ В четверток, утра. Канон св. апостолам, песнь 8. Глас 8 // Октоих.

¹⁰ Служба общая апостолам, вечер. Стихиры на Господи Возвзах // Минея общая.

¹¹ Там же. Утра. Стихира по пятидесятом псалме // Минея общая.

трьсть Всесвятаго Духа¹. И еще добавляет к этой истине, что святой Иоанн Богослов есть Церкви светлейшее око².

Святые мученики — всепобедные свидетели Церкви воскресшего Господа Христа — всегда сильнее всякого человеческого и демонского ада, который люди или демоны могут в своем церковборческом бесновании натравить против Церкви Воскресшего.

Святая молитвенная мысль Церкви являет нам их христолюбивую душу: Мученик Божественный лик, Церкви основание, благовестию скончание, вы делом Спасова глаголения исполните: вами бо врата ада на Церковь отверзшаяся заключишася... заклятие ваше породе церковное исполнение³. Воинство священное, святым ангелом подобно избранное, рай, посреде имый животное древо, Христа, богокрасныя Церкви сословие честное⁴. Священством священным священницы и пастырие облекшеся... украсившеся удобреньми перваго добротворения, и явившеся яко непрелестная светила, онебесисте Церковь Христову (οὐρανῶσατε τῆν ἐκκλησίαν), святии, отинуду иного ту различно украсивше⁵. Божественные страдальцы... и ныне всю первородную Церковь Святую, воистину, на небесех просвещают⁶. Страстоносцы мученицы, церковнии столпи непоколебимии⁷. Светлеется присно честная Церковь подвиги светлыми Господних страдалец⁸.

Страдания святых мучеников — апостольски сильные и убедительные благовестия, небесною радостью пленяющие сердца человеческие и приводящие их к единому истинному Богу и Господу Иисусу Христу. Молитвенная мысль Церкви богومудрствует: Распаляющеся Христовою любовью, святии мученицы, злочестия

¹ Успение св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 26 сентября, утра. Канон апостолу, песнь 3 // Минея праздничная.

² Там же. Стихиры на хвалитех.

³ В Неделю Всех Святых, в субботу вечера. Стихиры на Господи воззвах (Слава) // Триодь Цветная.

⁴ В пяток, утра. Канон Честному и животворному кресту, песнь 9 (Мученичен). Глас 3 // Октоих.

⁵ В Неделю Всех Святых, утра. Канон Всем Святым, песнь 3 // Триодь Цветная.

⁶ В понедельник, утра. Канон умиленный Господу нашему Иисусу Христу и Его святым мученикам, песнь 9. Глас 2 // Октоих.

⁷ В среду, утра. Канон Честному кресту, песнь 9 (Мученичен). Глас 2 // Октоих.

⁸ В субботу, утра. Канон святым мученикам, песнь 1. Глас 4 // Октоих.

огнь орошением подвиг угасисте и светильницы многосветлии Церкви явистеся, отгоняюще благостию тьму недугов и скорбей от душ наших...¹. Иерусалима вышняяго свободаго сынове бысте мученицы, просвещающе первородных Церковь и превозносяще Христа во веки². Церковная утверждения, благочестия предняя столпы... Господни мученики³. Прехвальныи мученицы... и ныне Церковь первородных просвещаете⁴. Страстоносцы мученицы, церковные столпи непоколебимии⁵. Страстоносцы мученицы... вы... есте... и Церквам благолепие⁶. Святые мученики и ныне первородных Церковь просвещают, веселящеся⁷. Явльшеся мученицы, яко светильницы, небо просвещают церковное⁸. Святые мученики, — благовествует святая мысль Церкви, — истинныя веры пресветлая церковная удобренья⁹. Честную твердь церковную, яко звезды величайшия, просвещаете присно и верныя озаряете, мученицы, Божественнии Христовы воини¹⁰. Яко звезды многосветлыя мысленно воссиявше на церковной тверди, всю тварь просвещаете, тьму прогоняюще подвигом света и чудес сияньми¹¹. Явившеся святии, яко звезды многосветлыя, церковное небо уясняете различными дарованьми и различными добротами, в правде, целомудрии, мужестве, разуме¹².

Синаксарь Всех Святых являет нам следующую благую весть: В неделю же по Пятидесятнице, иже повсюду вселенныя... Святых всех праздник празднуем, егоже убо *все святые — Церковь* Всесвятаго Духа сошествии Божественнии отцы наши узакониша совершати... подобаше (бо) по части на кийждо день празднуемые святые, и во

¹ В субботу. Блаженны. Глас 4 // Октоих.

² В среду, утра. Канон Кресту, песнь 8 (Мученичен). Глас 5 // Октоих.

³ В пяток, утра. Канон Кресту, песнь 3. Глас 1 // Октоих.

⁴ В среду, утра. Канон Кресту, песнь 1. Глас 2 // Октоих.

⁵ В среду, утра. Канон Кресту, песнь 9. Глас 2 // Октоих.

⁶ В субботу, утра. Стихиры на хвалитех. Глас 2 // Октоих.

⁷ В понедельник, утра. Канон покаянный, песнь 9. Глас 4 // Октоих.

⁸ В субботу, утра. Канон усопшим, песнь 4. Глас 4 // Октоих.

⁹ В понедельник, утра. Канон покаянный, песнь 3. Глас 8 // Октоих.

¹⁰ Служба общая мученикам, утра. Седален // Минея общая.

¹¹ Служба общая святым мученикам, вечера. Стихиры на стиховне // Минея общая.

¹² В Неделю Всех Святых, утра. Канон, песнь 8 // Триодь Цветная.

един собрати день да явится, яко о едином Христе подвизашася и вси тожде добродетели текоша поприще. И тако вси яко единого Бога раби достойно венчани быша, Церковь сии составиша, горний мир вознаполняюще, поощряюще же и нас равный подвиг сим творити, различен сущ и многовиден, к по елику же каждо имать силы, всем усердием тшчатися... Ведомо же буди, яко вся ныне празднуем, елико благодатно освяти Дух Святыи: глаголю убо высочайшия и освящательныя умы, девяти яве чинов: праотцы и патриархи, пророки и священныя апостолы, мученики и священноначальники, священномученики и преподобномученики, преподобныя и праведныя, и вся святых жен ликования, и иныя вся безыменитыя святыя, с нимиже да будут и хотящия быти. Прежде же всех и во всех и со всеми, Святых Святую, Пресвятую и тех пребессравнительно лучшую ангельских чинов, Госпожу нашу и Владычицу, Богородицу Марию Приснодеву¹.

Святые — это живые, ходячие святые добродетели. С их помощью они стяжают Духа Святого, стяжают Бога Сына, стяжают Бога Отца. Словом, отроичиваются, обогочеловечиваются, возрастают в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4, 13). Святая молитвенная мысль Церкви благовествует: *Явившеся святии, яко звезды многосветлыя, церковное небо уясняете различными дарованными и различными добротами, в правде, целомудрии, мужестве, разуме². Святыя Господь, иже на земли, удиви: Того бо раны и страдания в плоти восприяша, в сих красящеся, и Божественными удобренми явленно удобряеми: яже воспоим яко неувядающия цветы, яко звезды непрелестныя Церкви, яко вольная заколения³. Божественные святителие, яко корабль, исправивше Церковь Христову, непотопляему ту соблюдоша, прелести избегше воистину злых волн⁴.*

Каждый святой полон благодатно-добродетельных, Богочеловеческих сил, с помощью которых он одобродетельствует, освящает, обогочеловечивает, оцерковляет всякого верного по мере его веры и ревности. Молитвенная мысль Церкви учит: *Ты* (св. Иоанн

¹ В Неделю Всех Святых. Синаксарь [// Триодь Цветная].

² В Неделю Всех Святых, утра. Канон всем святым, песнь 8 [// Триодь Цветная].

³ Там же. Стихиры всем святым на хвалитех.

⁴ В субботу, утра. Канон святителям, песнь 7. Глас 3 // Октоих.

*Предтеча. — И. П.) не был еси трость, противными ветры премудре колеблема, но наше Божественное утверждение и непоколеблемо Церкви укрепление: юже твоими молитвами соблюдай непреклонну, утоляя всякий соблазн¹. Только со всеми святыми [Еф. 3, 18] мы мужаем в святых добродетелях и обессмерчиваем себя Богочеловеческим Православием. Поэтому вся молитвенная ревность Церкви и призывает: *Радостью сердца вси вызграим, священныя Соборы отец совокупльше: тех бо ради свет видехом Православия. Светильницы бо явишася, вся наставляюще к правым учения обретенем². Все собравше душевное художество (τὴν τῆς ψυχῆς ἐπιστήμην) и Божественным Духом сразсмотривше, небесный и честный Символ веры, честнии отцы богописанне (θεογράφως) начерташа: в немже явственнейше рождшему Собезначального Слова научают и всеистинно Единосуцнаго, апостольским последующе проявленно учением, благославнии и пребогатии истинно, и богомудрии³. Все приемше умное сияние Святаго Духа, преестествонейшее благословие, краткими глаголы и многим разумом богодухновенно (θεοπνευότως) провещаша: яко Христовы проповедницы, евангельских предстателие учений блаженнии и благочестивых преданий, свыше приемше сих откровение яве и просвещешеся, изложиша веру богонаученную⁴. Все собравше пасторское искусство (ποιμαντικὴν ἐπιστήμην) и ярость подвижше ныне праведнейшую, отмстительне тяжкия отгнаша и пагубныя волки, працею Духа извергше от церковнаго исполнения, падшия яко к смерти, и яко неисцельно недуговавшия Божественнии пастырие, и яко раби истиннейшии Христовы, и Божественнаго проповедания таинницы священнейшии⁵. Святых отец лик, от конец вселенныя стекшийся, Отца и Сына и Духа Святаго, Едино Существо научиша и Естество и тайну богословия (τὸ μυστήριον τῆς θεολογίας) ясно предаша Церкви, ихже похваляюще верою ублажим, глаголюще: о Божественный полче, богоглаголивии оружницы ополчения Господня, звезды**

¹ Во вторник, утра. Канон св. Иоанну Предтече, песнь 9. Глас 5 // Октоих.

² Служба общая святым отцам на Соборах. Канон отцем, песнь 9 // Минея общая.

³ Неделя седьмая по Пасхе, [св. Богоносных отцев], утра. Стихиры отцам (на хвалитех) // Триодь Цветная.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

многосветлыя мысленныя тверди (τοῦ νοητοῦ στερεώματος), таинственного Сиона необоримии столпи, миродохновеннии цвети райстии, всезлатая уста Слова, никейская похвало, вселенныя украшение, прилежно молитесь о душах наших¹.

Святые отцы на Никейском Соборе ариеево хуление соборне низложили². Вера православная — всегда апостольско-свято-отеческая. Поэтому Православная Церковь с благодарением молится Господу Христу: Препрославлен еси, Христе Боже наш, светила на земли отцы наши основавый и теми ко истинней вере вся ны наставивый, Многоблагуотробне, слава Тебе³. Светильницы пресветлии истины Христовы миру явистесь на земли, воистину блаженнейшие отцы боговещаннии⁴. Высоким проповеданием, Божию Церковь услышим вопиюще: жаждай да грядет ко Мне и пьет чашу, юже держу, чаша есть премудрости, сие питие истины словом почерпox, воду... исповедания, юже пия нынешний Израиль, Бога зрит вещающая: видите, видите, яко... Аз Бог первый, Аз же и по сих, и разве мене несть инаго отнюд. Отсюда причащающисся насытятся и восхвалят благочестия великое таинство⁵. Апостольских преданий известнии хранителие бысте святии отцы⁶.

Молитвенная мысль Церкви благовествует: Седмию Соборы священными святых отец честную Церковь уяснил еси, Христе, якоже седмим светилник светом прелести тму прогнав далече⁷. Седьм убо духов, иже почиша на Христе, Исаия сие рече: на седмим же Соборех почи Христос, со Отцем и Божественным Духом⁸. Закону повинующеся Твоему блаженных Собори, многообразными добродетельми просветившеся, наследоваша обители небесныя, Владыко, радующеся⁹. Седьм столпов утверди премудрость Божия,

¹ Неделя седьмая по Пасхе, [св. Богоносных отцев], утра. Стихиры отцам (на хвалитех) // Триодь Цветная.

² Неделя седьмая по Пасхе, св. Богоносных отцев. На Литии стихиры праздника (Слава) [// Триодь Цветная].

³ Там же, утра. Тропарь отцам.

⁴ Там же. Седален отцам [по 3 песни канона].

⁵ Неделя седьмая по Пасхе, утра. Икос [по 6 песни канона] // Триодь Цветная.

⁶ Служба общая святым отцам на Соборах, вечер. Стихира на Литии // Минея общая.

⁷ Там же, утра. Канон, песнь 3 // Минея общая.

⁸ Там же. Песнь 4 // Минея общая.

⁹ В Неделю Всех Святых, утра. Канон всем святым, песнь 3 // Триодь Цветная.

Твою Церковь, Владыко, седмочисленными Соборы священных отец, неуклонну соблюдаему от всяких ересей¹.

Божественно, неприкосновенно, неизменно святое правило Церкви: Не подобает приложить или оставити что священнаго предания православныя нашея веры: в нейже бо верно крестихомся, а иже преложители сея веры, вправду предани будут прещению проклятия². Радостию сердца вси взыграим, священныя соборы отец совокупльше: тех бо ради свет видехом Православия. Светильницы бо явишася, вся наставляюще к правым учения обретенем³. Душам испросим очищение, и благочестно житие препроводити потщимся, яко да причащницы будем святым отцем, иже скрыша правых учений богатство нам, чадом их⁴. Царь Константин, просвещен бо быв лучами Духа Святаго всю уяснил еси Церковь Христову, соборы верных отовсюду собрав⁵.

Итак, Церковью — Богочеловеком — высказана вся тайна Бога и вся тайна человека, высказана через Богочеловека. И через это — вся тайна всех Божиих миров. Словом, высказана вся тайна Богочеловека — Всетайна. Ибо в Нем, в Его Богочеловеческом теле — Церкви — высказана Всетайна всех миров: от Пресвятой Троицы до самой малой букашки. И все пути — их, и все истины — их. И все это боговдохновенно и богомудро выражено на все времена и на всю вечность в девятом положении святого Символа веры: Верую... во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь. И в этом чудесном Богочеловеческом существе, которое называется Церковью, высказана вся истина и величайшей, и мельчайшей тайны: от Святой Троицы до крошечной, но логосной и святой фиалки и каждой мельчайшей твари и букашки.

¹ Служба общая святым отцам на Соборах, утра. Канон, песнь 6 // Минея общая.

² Там же. Песнь 9 // Минея общая.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Служба царям Константину и Елене, вечер. Стихира на Литии // Минея [21-е мая].

ТВОРЕНИЯ СВЯТЫХ ОTCОВ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

Авг. — блж. Августин Иппонский
Serm. — Sermones. CPL 284.

Афан. Вел. — свт. Афанасий Великий
Ариан. II — На ариан слово второе. CPG 2093. TLG 2035/42. Рус. пер.:
Святитель Афанасий Великий. Творения в четырех томах. М., 1994.
Т. 2. С. 260–369.

Ариан. III — На ариан слово третье. CPG 2093. TLG 2035/42. Рус. пер.:
Творения... Т. 2. С. 369–455.

Египт. — К епископам Египта и Ливии — окружное послание против
ариан. CPG 2092. TLG 2035/41. Рус. пер.: Творения... Т. 2. С. 11–40.

Серап. I — К Серапиону послание I. CPG 2094. TLG 2035/43. Рус. пер.:
Творения... Т. 3. С. 3–49.

Вас. Вел. — свт. Василий Великий
Толк. на Ис. — Толкование на пророка Исаию. CPG 2911. TLG 2040/9
[dub.]. Рус. пер.: Творения иже во святых отца нашего Василия Ве-
ликого, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. Изд. 3. Ч. 2. М., 1891.

Григ. Нис. — свт. Григорий Нисский
Евн. — Опровержение Евномия. CPG 3135. TLG 2017/30, 31. Рус. пер.:
Творения. Ч. 5. М., 1863 (ТСО 41). С. 8–500.

Письмо III — CPG 3167. TLG 2017/33. Рус. пер.: Творения. Ч. 8. М., 1871
(ТСО 45). С. 461–471.

Григ. Богосл. — свт. Григорий Богослов
Слово XXXVII — На Евангельские слова: *егда сконча Иисус словеса
сия*. CPG 3010. TLG 2022/45. Рус. пер.: Собрание творений в двух
томах. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 510–522.

Игн. Ант. — свт. Игнатий Антиохийский (Богоносец)
Смирн. — Послание к Смирнянам. CPG 1025. TLG 1443/1. Рус. пер.:
Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 364–369.

Иерон. Стрид. — блж. Иероним Стридонский
Толк. на Еф. — Три книги толкований на Послание к Ефесянам. CPL 591.
Рус. пер.: Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 17. Толко-
вания на Послания апостола Павла к Галатам и к Ефесянам. Киев,
1903. С. 214–390.

ТВОРЕНИЯ СВЯТЫХ ОTCОВ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

Икум. — Икумений
Col. — Commentaria in Novum Testamentum. CPG 4071. Commentarium
in Epistolam ad Colossenses (Толкования на Новый Завет. Толкование
на Послание к Колоссянам). TLG 2866/8 (in catenis). PG 119, 14–56.

Ephes. — Commentaria... Commentarium in Epistolam ad Ephesios (Толкова-
ния... Толкование на Послание к Ефесянам). TLG 2866/6 (in catenis).
PG 118, 1170–1256.

Phlp. — Commentaria... Commentarium in Epistolam ad Philippenses (Тол-
кования... Толкование на Послание к Филиппийцам). TLG 2866/7
(in catenis). PG 118, 1256–1325.

Ио. Дамаск. — прп. Иоанн Дамаскин (также Пс.)
Точное изложение — Точное изложение православной веры. CPG 8054.
TLG 2934/4. Рус. пер.: Творения преподобного Иоанна Дамаскина.
Источник знания / Пер. и коммент. Д. Е. Афиногенова и др. М., 2002.
С. 156–337.

Икон. — Три защитительных слова против порицающих святые иконы
или изображения. CPG 8045. TLG 2934/5. Рус. пер.: СПб., 1893
(репр.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993).

1 Cor. — Commentarii in Epistulas Pauli (Толкования на Послания апостола
Павла). CPG 8079. TLG 2934/53 [dub.]. In epistolam 1 ad Cor. (Толко-
вание на Первое послание к Коринфянам).

Col. — Commentarii... In epistolam ad Col. (Толкования... Толкование на
Послание к Колоссянам) [dub.].

De imm. corp. — De immaculato corpore (О пречистом теле). CPG 8117
[spur.]. TLG 2934/52 [spur.].

Ephes. — Commentarii... In epistolam ad Ephes. (Толкования... Толкова-
ние на Послание к Ефесянам) [dub.].

Ио. Злат. — свт. Иоанн Златоуст (также Пс.)
Бес. на 1 Кор. — Беседы на Первое послание к Коринфянам. CPG 4428.
TLG 2062/156. Рус. пер.: Творения святого отца нашего Иоанна
Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе.
Т. 10, кн. 1. СПб., 1905 (репр.: Полное собрание творений св. Иоанна
Златоуста в 12 томах. Т. 10, кн. 1. М., 2004).

Бес. на Деян. — Беседы на Деяния апостолов. CPG 4426. TLG 2062/154.
Рус. пер.: Творения... Т. 9, кн. 1. СПб., 1902 (репр.: М., 1994).

Бес. на Еф. — Беседы на Послание к Ефесянам. CPG 4431. TLG
2062/159. Рус. пер.: Творения... Т. 11, кн. 1. СПб., 1905 (репр.: М., 2004).
С. 5–218.

- Бес. на Ин. — Беседы на Евангелие от Иоанна. СРГ 4425. ТЛГ 2062/153.
 Рус. пер.: Творения... Т. 8, кн. 1. СПб., 1902 (репр.: М., 1993).
- Бес. на Кол. — Толкование (беседы) на Послание к Колоссянам. СРГ 4433.
 ТЛГ 2062/161. Рус. пер.: Творения... Т. 11, кн. 1. СПб., 1905 (репр.:
 М., 2004). С. 356–469.
- Бес. на Рим. — Беседы на Послание к Римлянам. СРГ 4427. ТЛГ 2062/155.
 Рус. пер.: Творения... Т. 9, кн. 2. СПб. 1903 (репр.: М., 2003). С. 483–859.
- Бес. на Флп. — Беседы на Послание к Филиппийцам. СРГ 4432. ТЛГ
 2062/160. Рус. пер.: Творения... Т. 11, кн. 1. СПб., 1905 (репр.: М., 2004).
 С. 219–355.
- Беседа на слова: *коею властью* — Беседа на слова: *Коею властью сея
 твориши* (Мф. 21, 23). СРГ 4193 (Севериан Габальский). В ТЛГ нет.
 Рус. пер.: Творения... Т. 6, кн. 2. СПб., 1900 (репр.: М., 1999). С. 714–732.
- Беседа на слова о жене — Беседа на слова: *жена привязана есть законом,
 в елико время живет муж ея: аще же умрет, свободна есть, за него
 же хочет посягнути, точию о Господе: блаженнейша же есть, аще
 тако пребудет* (1 Кор. 7, 39–40). СРГ 4378. ТЛГ 2062/71. Рус. пер.:
 Творения... Т. 3, кн. 1. СПб., 1897 (репр.: М., 1994). С. 214–223.
- Беседа III на слова о имущих дух веры — Беседа [III] еще на те же слова:
имуще той же дух веры, по писаному (2 Кор. 4, 13), и почему все вообще
 пользуются благами, и о милостыне. СРГ 4383. ТЛГ 2062/76. Рус. пер.:
 Творения... Т. 3, кн. 1. СПб., 1897 (репр.: М., 1994). С. 297–309.
- Беседа о чтении — Беседа о том, что чтение Св. Писаний полезно. СРГ
 4371. ТЛГ 2062/64. Рус. пер.: Творения... Т. 3, кн. 1. СПб., 1897 (репр.:
 М., 1994). С. 74–84.
- Беседа против злоупотребляющих — Беседа против тех, кто злоупотреб-
 ляют апостольским изречением: *аще виною, аще истиною, Христос
 проповедаем есть* (Флп. 1, 18), и о смирении. СРГ 4385. ТЛГ 2062/78.
 Рус. пер.: Творения... Т. 3, кн. 1. СПб., 1897 (репр.: М., 1994). С. 319–330.
- Беседа, сказанная в церкви — Беседа, сказанная в старой церкви на слова
 апостола: *егда же прииде Петр в Антиохию, в лице ему противустах*
 (Гал. 2, 11), и (в ней святитель) доказывает, что это событие было
 не распреею, а делом распорядительности. СРГ 4391. ТЛГ 2062/84.
 Рус. пер.: Творения... Т. 3, кн. 1. СПб., 1897 (репр.: М., 1994). С. 384–402.
- Евст. — Похвала святому отцу нашему Евстафию. СРГ 4352. ТЛГ 2062/45.
 Рус. пер.: Творения... Т. 2, кн. 2. СПб., 1896 (репр.: М., 1994). С. 642–650.
- Игн. — Похвала священномученику Игнатию Богоносцу. СРГ 4351.
 ТЛГ 2062/44. Рус. пер.: Творения... Т. 2, кн. 2. СПб., 1896 (репр.: М.,
 1994). С. 642–650.

- Лаз. — О Лазаре. СРГ 4329. ТЛГ 2062/23. Рус. пер.: Творения... Т. 1, кн. 2.
 СПб., 1898 (репр.: М., 1991). С. 778–877.
- Покаян. — О покаянии. СРГ 4186. ТЛГ 2062/27. Рус. пер.: Творения...
 Т. 2, кн. 1. СПб., 1899 (репр.: М., 1993). С. 308–391.
- Против иуд. — Против иудеев (слово 2). СРГ 4327. ТЛГ 2062/21. Рус. пер.:
 Творения... Т. 1, кн. 2. СПб., 1898 (репр.: М., 1991). С. 645–759.
- Пятидесят. — О Пятидесятнице. СРГ 4343. ТЛГ 2062/37. Рус. пер.: Творе-
 ния... Т. 2, кн. 1. СПб., 1899 (репр.: М., 1993). С. 503–520.
- Север. — О принятии Севериана. Текст сохранился только в лат. переводе.
 СРГ 4395. Рус. пер.: Творения... Т. 3, кн. 2. СПб., 1897 (репр.: М., 1994).
 С. 440–442.
- Толк. на Ис. — Толкование на пророка Исаию. СРГ 4416. ТЛГ 2062/497.
 Рус. пер.: Творения... Т. 6, кн. 1. СПб., 1900 (репр.: М., 1998).
- Ио. Кас.** — прп. Иоанн Кассиан
 De in. Dom. — De incarnatione Domini contra Nestorium (О воплощении
 Господа. Против Нестория). CPL 514.
- Ирин. Лион.** — свт. Ириней Лионский
 Ерес. — Против ересей (Пять книг обличения и опровержения лжеимен-
 ного знания). СРГ 1306. ТЛГ 1447/1–4, 1447/7–8 (fragmenta). Рус.
 пер.: Сочинения святого Иринея, епископа Лионского / Пер. прот.
 П. Преображенского. СПб., 1900 (репр.: Св. Ириней Лионский. Творе-
 ния. М., 1996).
- Ис. Пелус.** — прп. Исидор Пелусиот
 Письмо II — Письмо II. СРГ 5557. В ТЛГ нет. Рус. пер.: Преп. Исидор
 Пелусиот. Письма. Т. 2. М., 2001. С. 386.
- Кл. Рим.** — свт. Климент Римский (Пс.)
 2 Кор. — Второе послание св. Климента Римского к Коринфянам. СРГ
 1001. ТЛГ 1271/2. Рус. пер.: Писания мужей апостольских. М., 2003.
 С. 181–188, 505–509.
- Макар. Египет.** — прп. Макарий Египетский (Пс.)
 Беседа XXIV — Беседа XXIV. СРГ 2411. ТЛГ 2109/2. Рус. пер.: Творения
 преподобного Макария Египетского. М., 2002. С. 376–379.
- Макс. Исп.** — прп. Максим Исповедник. См.: Библиография исихазма.
 С. 242–256.
- Жит. — Житие преподобного Максима. ВHG 1234. PG 90, 67–109.
 Рус. пер.: Творения святого отца нашего Максима Исповедника.

- Ч. 1. Сергиев Посад, 1915 (ТСО 69). Житие преподобного Максима и служба ему / Пер., изд. и примеч. М. Д. Муретова. С. 4–176.
- О любви — Главы о любви. СРГ 7693. TLG 2892/8. Рус. пер.: Творения. Кн. 1. Аскетические и богословские трактаты / Пер. и коммент. А. И. Сидорова. М., 1993. С. 96–145.
- Фал. — Вопросы к Фалассию. СРГ 7688. TLG 2892/1. Рус. неполн. пер.: Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 2. М., 1993.
- Acta — Анастасий Апокрисиарий. Acta in primo exsilio seu dialogus Maximi cum Theodosio episcopo Caesareae in Bithynia (Деяния при первом изгнании, или Беседа Максима с Феодосием, епископом Кесарии в Вифинии). СРГ 7735. ВHG 1233. В TLG нет.
- Alia capita — «Другие главы», в рус. пер. также: «Цветослов». СРГ 6080, 7716. В TLG нет. Рус. полный пер. только под именем Илии Эдикта: Добротолюбие / Пер. и сост. И. М. Носов. М., 2002. С. 180–225.
- Ambig. — Ambiguorum liber (О различных трудных местах свв. Дионисия и Григория [«Амбигвы»]). СРГ 7705. В TLG нет.
- Epist. XII — Epistula ad Joannem Cubicularium, de rectis Ecclesiae Dei decretis (Письмо XII к Иоанну Кувикулярию, о правильных догматах Церкви Божией и против еретика Севира). СРГ 7699. В TLG нет.
- Epist. XV — Epistola XV de communi et proprio, hoc est, de essentia et hypostasi, seu persona, ad Cosmam diaconum (Письмо XV об общем и частном, то есть о сущности и ипостаси, к боголюбвейшему диакону александрийскому Косьме). СРГ 7699, 7707/23, 31. В TLG нет.
- Rel. mot. — Relatio motionis (Изложение прения Максима с дворцовыми вельможами). ВHG 1231. PG 90, 109–129.

Ориг. — Ориген

Psalm. — Exegetica in Psalmos. СРГ 1426.II.I.

Сим. Нов. Богосл. — прп. Симеон Новый Богослов

Сл. XXXVIII — Слово XXXVIII. О том, что желающий пасти словесное стадо Христово прежде должен рассмотреть и с точностью исследовать себя самого и свое состояние, и тогда уже братья учить других. Cat. 18. Библиография исихазма. С. 301–302, 308–311. Рус. пер.: Слова преподобного Симеона Нового Богослова в переводе на русский язык с новогреческого епископа Феофана. Вып. 2. М., 1890 (репр.: Преподобный Симеон Новый Богослов. Творения. Т. 2. Слова. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993). С. 53–92.

Терт. — Квинт Септимий Флорент Тертуллиан

Крещ. — О Крещении. CPL 8. Рус. пер.: Тертуллиан. Избранные сочинения / Сост. и общ. ред. А. А. Столярова. М., 1994. С. 93–105.

Феод. Кир. — блж. Феодорит Кирский

Толк. на Еф. — Толкование на Послание к Ефессянам. СРГ 6209. TLG 4089/30. Рус. пер.: Творения блаженного Феодорита, еп. Кирского. М., 2003. С. 394–426.

Толк. на Кол. — Толкование на Послание к Колоссянам. СРГ 6209. TLG 4089/30. Рус. пер.: Творения... С. 448–471.

Толк. на Флп. — Толкование на Послание к Филиппийцам. СРГ 6209. TLG 4089/30. Рус. пер.: Творения... С. 427–447.

Феод. Студ. — прп. Феодор Студит

Оглаш. — Малое оглашение. Beck. S. 493 («kleine Katechese»). Рус. пер.: Преподобный Феодор Студит. Малое оглашение. Слова. М., 2000. С. 3–335.

Феофил. Болг. — блж. Феофилакт Болгарский. См.: Beck. S. 651.

Толк. на 1 Кор. — Толкование на Первое послание к Коринфянам. Рус. пер.: Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник. Кн. 3. М., 2002. С. 141–282.

Толк. на Еф. — Толкование на Послание к Ефессянам. Рус. пер.: Благовестник... С. 431–495.

Толк. на Кол. — Толкование на Послание к Колоссянам. Рус. пер. Благовестник... С. 539–585.

Толк. на Флп. — Толкование на Послание к Филиппийцам. Рус. пер.: Благовестник... С. 496–538.

СОКРАЩЕНИЯ

- Библиография исихазма — Исихазм: аннотированная библиография / Под общ. ред. С. С. Хоружего. М., 2004.
- ТСО — Творения святых отцов в русском переводе. М., 1843–1917.
- Beck — *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959 (Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft. XII. 2, 1).
- BHG — *Halkin Fr.* Bibliotheca hagiographica graeca. Brux., ³1957 (Subsidia hagiographica 8a).
- CPG — Corpus Christianorum. Clavis patrum graecorum / Cura et studio *M. Geerard.* Turnhout: Brepols. Vol. I, 1983 (№ 1000–1924); II, 1874 (№ 2000–5197); III, 1979 (№ 5200–8228); Supplementum / Cura et studio *M. Geerard* et *J. Noret*, adiuvantibus *F. Glorie* et *J. Desmet.* Turnhout: Brepols, 1998.
- CPL — Clavis patrum latinorum... / Commode recludit *E. Dekkers*... praeparavit et iuvit *A. Gaar.* Editio tertia aucta et emendata. Steenbrugis (Brepols), 1995.
- PG — *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca (Paris).
- PL — *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series latina (Paris).
- SC — Sources chrétiennes (Paris).
- TLG — Thesaurus linguae Graecae. Electronica versio E (CD ROM).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
ЦЕРКОВЬ — ВСЕТАЙНА ХРИСТОВА	
Благовестие о Церкви и жизни в ней	7
Свойства Церкви	212
1. Единство и единственность Церкви	212
2. Святость Церкви	215
2. Святость Церкви	215
3. Соборность (кафоличность, καθολικότης) Церкви	216
4. Апостоличность Церкви	242
Молитвенное богословие о Церкви	265
Творения святых отцов и учителей Церкви	278
Сокращения	284